ПЕРВЫЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ
1886
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

В. В. Калашников

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Санкт-Петербург | 2021

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

В. В. КАЛАШНИКОВ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ. ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
2021

УДК 94(47):303.446.4
ББК Т3(2)52
К17

Калашников В. В.

К17 Русская революция: ключевые решения. История и историография. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021. 320 с.

ISBN 978-5-7629-2955-4

Анализируются ключевые решения, принятые главными «акторами» эпохи трех русских революций 1905–1907 гг. и 1917 г. Автор показывает большую роль субъективного фактора в определении хода и исхода событий, обусловленных объективными причинами. Внимание уделено проблемам историографии: анализу различных точек зрения, существующих в научной литературе.

УДК 94(47):303.446.4
ББК Т3(2)52

Рецензенты: кафедра русской истории РГПУ им. А. И. Герцена (проф. А. Б. Николаев); д-р истор. наук, проф. Н. Н. Смирнов (СПб ин-т истории РАН), д-р истор. наук, проф. А. С. Пученков (СПбГУ).

ISBN 978-5-7629-2955-4 © СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 8

Глава 1. Причины первой русской революции 8

Глава 2. Война за Корею (1904-1905) 18
2.1. Историография 18
2.2. Главный виновник 26

Глава 3. Девятое января 56
3.1. Историография 56
3.2. Решение о расстреле 91

Глава 4. Третьеиюньская монархия 94
4.1. Становление системы 94
4.2. Аграрная реформа 101
4.3. Историографические споры 107

Глава 5. Царь и мировая война 122
5.1 «Голубая мечта»: Константинополь и Проливы 123
5.2. Июльские решения 1914 года 129
5.3. Историографические споры 134

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 146

Глава 1. Февраль 1917: царь, Дума и народ 146
1.1. Накануне взрыва. Царь и Дума 146
1.2. Кровавое воскресение как сигнал к восстанию 159
1.3. Дума берет власть 165
1.4. Царь и генералы в дни Февраля 171
1.5. Историография 178

Глава 2. Ленин: апрельский курс 194
2.1. Историография 195
2.2. Три концепции: Парвус, Троцкий, Ленин 205
2.3. Апрельский курс 221

Глава 3. Путь к власти. Октябрьский переворот 238
3.1. Первый опыт: апрель–июнь 238
3.2. Июльские дни и новая тактика 247
3.3. Октябрьский переворот 259
3.4. Историография 272

Глава 4. Роспуск Учредительного собрания 286
4.1. Историография: две позиции 289
4.2. Советы или «буржуазный парламентаризм» 292

Глава 5. Брестский мир 303

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Исторический смысл Октября 316

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой монографии автор предпринял попытку провести анализ *ключевых решений*, принимавшихся главными политическими деятелями России в эпоху трех русских революций начала XX века[1]. Эти революции вполне можно объединить в одну революционную эпоху под названием Великая русская революция или Великая российская революция. Автор склоняется к тому, чтобы использовать понятие «русская» революция, а не «российская» по двум причинам. Отчасти потому, что оно утвердилось в мировой историографии. Отчасти потому, что оно подчеркивает ключевой характер тех решений, которые принимались в столицах, а также событий, проходивших в Центре, в русских губерниях. Такое название освобождает автора от необходимости анализировать особенности процессов, проходивших на окраинах империи. Речь не идет об отрицании важности национального вопроса, но позволяет смотреть на него с точки зрения центральных властей, учитывавших национальные проблемы при принятии своих решений.

Эпоху трех русских революций можно трактовать как единое целое уже потому, что причины первой русской революции 1905 г. практически совпадают с причинами второй и третьей революций 1917 г. Февральская революция 1917 г. стала результатом поражения революции 1905 г. и неспособности старой власти использовать межреволюционный период для проведения реформ сверху так, чтобы исключить революционный взрыв снизу. Октябрьская революция была обусловлена неспособностью новой власти, созданной Февралем, решить ключевые проблемы 1917 г. в интересах народа. В центре всех трех революций стоял аграрный вопрос, который напрямую касался практически всего населения страны. Главной революционной силой всех трех революций был промышленный пролетариат. Немалое значение имеет и то обстоятельство, что все три революции совершали люди одного поколения, и опыт 1905 г. во многом определил исход 1917 г. Все три революции произошли на фоне военных поражений, которые демонстрировали неспособность прежней власти решить извечную проблему: сократить опасное отставание России от враждебных соседей, посягавших на ее независимость и территориальную целостность.

Характер поставленной задачи определяет характер изложения материала. Читателю предлагается не последовательное событийное изложение ис-

[1] Все выделения в тексте сделаны автором за исключением особо оговоренных.

тории трех революций, а анализ отдельных ключевых событий, ход и исход которых не был запрограммирован и самым существенным образом зависел от решений, которые принимали главные политические «акторы». Такой подход диктует своего рода «очерковый» характер монографии, но предлагаемые главы – не серия отдельных очерков. Каждый из очерков представляет собой анализ проблемы и принятого решения, которые самым существенным образом влияли на последующий ход событий.

«Акторами» истории являются конкретные люди, поскольку именно они принимают решения. В книге в большинстве случаев речь пойдет о политиках первого плана, обладавших возможностью выбирать путь развития или определять ход конкретных событий: как тех, кто находился у власти в тот или иной момент, так и тех, кто был в оппозиции и стремился получить власть в свои руки. Однако важно помнить, что выбор, который делает политик, во многом определялся позицией особого «актора» истории, имя которому – народ. В конкретных случаях народ мог быть активно представлен своими большими и малыми составными частями: классами, социальными и региональными группами. Например, рабочими Петрограда или Москвы, солдатами столичного гарнизона, матросами Балтфлота и др. Как правило, в революциях, да и в истории в целом, в событиях активно участвует лишь меньшинство народа, но социальная сила этого меньшинства определяется тем, насколько оно выражает интересы и опирается на ту или иную поддержку большинства.

Причины и основные события трех русских революций изучены очень неплохо. Написаны тысячи книг и статей, в которых высказаны все возможные точки зрения, освоен огромный пласт фактического материала, отобраны и опубликованы сотни томов архивных документов. В такой ситуации задача автора состояла в том, чтобы отобрать из этого наследия наиболее важные факты и достоверные оценки, проверить их с опорой на доступные источники и использовать для реконструкции событий и их трактовки в рамках поставленной задачи исследования. Автор стремился дать читателю возможность самому проверить вес предложенных аргументов, а это предполагало цитирование ключевых свидетельств и документов, сделанное так, чтобы исключить опасность манипулирования источниками.

Подзаголовок «*История и историография*» не носит формального характера. В каждой главе содержится историографический очерк, который может быть как небольшим, так и объемным. Задача очерка состоит в том,

чтобы показать разные точки зрения на рассматриваемую проблему. Автор привлекает только те работы, которые по его субъективному мнению наилучшим образом отражают историографическую ситуацию применительно к конкретным исследовательским задачам, поставленным в книге. Позиции западных историков приводятся в исключительных случаях для уместного сопоставления. Зарубежная историография Русской революции создавалась под влиянием российской. В ней нет принципиально новых общих трактовок, но есть оригинальные подходы к решению целого ряда конкретных вопросов. Зарубежная историография заслуживает отдельного исследования. Оно входит в планы автора и поможет компенсировать пробелы этой книги.

По ряду вопросов автор критикует позиции советских историков, многие проблемы которых были обусловлены необходимостью учета официальной позиции. При этом автор высоко оценивает советскую историографию и считает себя продолжателем традиций «ленинградской школы» историков революции, таких как Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, В. С. Дякин, О. Н. Знаменский, Г. Л. Соболев, В. И. Старцев и др.

Отношение к постсоветской историографии носит в целом критический характер, поскольку новые идеологические доминанты не столько облегчают, сколько затрудняют объективное исследование революционных событий, ориентируя историков на негативное освещение истории борьбы народа за свое социальное освобождение, за создание справедливого общества. Постсоветская историография подтверждает ту истину, что историки никогда и нигде не были свободны от давления власти и общества.

Основной тезис, который доказывает автор, состоит в том, что во всех революциях виновата действовавшая власть, которая в каждом случае была представлена конкретными людьми. Говоря об истории Русской революции, не только нет смысла, но и вредно обходить вопрос о персональной ответственности, поскольку он все равно стоит (и очень остро) в общественном сознании. В современной России одним историческим деятелям ставят памятники, а чьи-то памятники сносят, причем в обществе нет единства по поводу каждого из этих действий. Снять остроту проблемы и достигнуть определенного консенсуса (полный вряд ли возможен) по вопросу о роли ключевых фигур в истории Русской революции можно только путем создания таких работ, которые делали бы невозможной поддержку историографических мифов, мешающих постижению действительной истории.

Книга состоит из двух частей. В первой части вначале кратко рассмотрены причины первой русской революции, а затем те ключевые решения, которые принимались правительством и лично Николаем II в период до февраля 1917 г., т. е. до начала второй революции. Особое внимание уделяется:

– истории вовлечения России в русско-японскую войну 1904–1905 гг., ставшую фоном и причиной первой русской революции;

– истории расстрела мирной рабочей демонстрации 9 января 1905 г. в Петербурге, послужившего толчком к началу этой революции;

– характеристике «третьеиюньской» политической системы, созданной после поражения первой русской революции и ставшей политической причиной второй;

– причинам, сути и результатам аграрных реформ П. А. Столыпина, осуществленных по воле царя и представлявших собой неудачную попытку нейтрализовать революционный потенциал крестьянства;

– истории вовлечения России в первую мировую войну 1914–1918 гг., тяготы которой обусловили формирование новой революционной ситуации.

Во второй части рассмотрены ключевые решения, принятые ведущими политиками в революционном 1917 г. Особое внимание уделено:

– истории Февральской революции, чье начало было спровоцировано вторым изданием «Кровавого воскресенья», а быстрая победа обеспечена действиями Государственной думы, возглавившей стихийное восстание рабочих и солдат Петрограда;

– разработке Лениным и принятию большевиками «Апрельского курса» на пролетарскую революцию;

– подготовке и проведению большевиками вооруженного восстания, обеспечившего победу Октябрьской революции;

– роспуску Учредительного собрания и значению этого акта;

– истории подписания Брестского мира и его значению.

В заключение рассмотрена проблема исторической необходимости Октября с точки зрения коренных интересов народов России. Эта проблема является самой важной и политически острой в историографии Русской революции, и именно ее решение определяет итоговую оценку действий всех главных «акторов» революционной эпохи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА 1. ПРИЧИНЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая глава является своего рода вводной. Ее цель – дать общую характеристику причин революции 1905–1907 гг., чтобы раскрыть тот фон, на котором принимались ключевые решения, рассмотренные в следующих главах. Отметим, что большинство отечественных и зарубежных историков всегда признавали, что в России в начале XX в. существовали серьезные социальные конфликты, которые можно определить как крестьянский (аграрный), рабочий и национальный вопросы, а также политическая проблема самодержавия как фактора, тормозившего решение упомянутых вопросов и превращавшего их в причины революционного взрыва.

В то же время в ***историографии*** существуют две принципиально разные оценки доминирующих *трендов* развития пореформенной России.

В советской историографии доминировала точка зрения, согласно которой в пореформенный период противоречия постепенно обострялись и в отсутствии необходимых реформ сверху вели к революции. В качестве основных аргументов служили указания на рост крестьянского обезземеливания и крестьянских волнений, рост стачечного движения рабочих, рост национального движения, которое, в частности, проявлялось в активной роли поляков, финнов, грузин и других представителей национальных окраин Российской империи в революционном движении.

В эмигрантской, западной и постсоветской отечественной историографии существует и иная точка зрения, согласно которой развитие пореформенной России шло успешно, и только какие-то дополнительные и необязательные факторы внешнего и внутреннего порядка вели к революционным взрывам. В качестве аргумента приводятся высокие темпы экономического развития на рубеже XX столетия.

Эти разные точки зрения породили спор между так называемыми «пессимистами» (сторонниками первой точки зрения) и «оптимистами» (сторонниками второй точки зрения). Эти термины поначалу использовались в западной историографии, а затем были внесены и в отечественную. Наиболее известный «оптимист», петербургский историк Б. Н. Миронов, так формулирует свою позицию: «социально-экономическое развитие страны в период империи и особенно после Великих реформ 1860–1870-х гг. происходило, по большому счету, успешно и *не давало объективных оснований для револю-*

ций»[2]. Именно работы Миронова спровоцировали современный этап спора, разгоревшегося в последние десятилетия, который быстро приобрел однобокий характер. Такой упрек вызван тем, что главный аргумент в пользу или против тезиса о закономерности как первой, так и второй революций в России, оппоненты видят в динамике уровня жизни. Ссылаясь на весьма ненадежную российскую статистику начала XX в. (а то, что она страдает существенными недостатками, никто не отрицает), оппоненты стремятся доказать либо некоторый прогресс, либо, напротив, регресс в условиях жизни населения в годы, предшествовавшие революциям 1905 и 1917 гг. (или довоенному 1914). На наш взгляд такой подход не может объяснить причины ни одной из революций.

Напомним тот известный факт, что буржуазные революции, ранее произошедшие в Европе, не были порождены ухудшением в положении «третьего» сословия, восставшего против «первого». Ухудшение могло иметь место как некое кратковременное событие и стать поводом, толчком для революционного взрыва. Но именно поводом, а не причиной. Например, неурожайный год, случившийся накануне Великой Французской революции, не может рассматриваться как основная причина этой революции. Лозунг «Свобода, Равенство, Братство» не родился в результате неурожая. Причины лежали в нежелании третьего сословия мириться с феодальными правилами общественной жизни. Это нежелание формировалось в течение длительного времени, выплескиваясь в локальных крестьянских или городских восстаниях, и в какой-то момент вылилось в полномасштабную революцию. Она, конечно же, не была неизбежной, поскольку вовремя проведенные реформы могли упредить революцию, но она не была случайной. Напротив, революция стала закономерным событием в том плане, что отразила основной тренд нарастания социальных конфликтов. В марксистской историографии причины всех революций трактуются как результат конфликта между достигнутым уровнем развития производительных сил и устаревшими производственными отношениями. В социальном аспекте речь идет о конфликте между новыми сформировавшимися потребностями и реальными условиями жизни большинства людей. И эту трактовку трудно оспорить. В западной историографии можно нередко встретить такую же трактовку событий, освобожденную от марк-

[2] Миронов. Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. С. 11–12.

систской терминологии по соображениям «политкорректности», принятым в буржуазном обществе.

Программа европейских революций состояла в ликвидации феодальных институтов в политической, социальной и экономической сферах общественной жизни. Показателем социально-экономического успеха буржуазной революции считалось проведение аграрной реформы, которая устраняла феодальные формы землевладения и делала большинство или существенную часть крестьян собственниками земли. Показателем *политического* успеха считалось ограничение абсолютной (самодержавной) власти монархов: переход к республиканской форме правления или (много чаще) к конституционной монархии. Важным политическим институтом становился парламент – орган законодательной и представительной власти, который в разных странах обладал разным объемом полномочий. К концу XIX в. в Европе парламента не существовало только в России и Черногории.

Буржуазная революция в России запоздала потому, что в середине XIX в. ее упредили «Великие реформы» Александра II, важнейшей из которых стала отмена в 1861 г. крепостного права. Аграрная реформа предотвратила крестьянский бунт, назревавший на фоне тягот и поражения в Крымской войне 1853–1856 гг. Важно отметить, что царь провел реформу вопреки сопротивлению большинства дворян-помещиков, которые теряли часть земли и прежних привилегий, в том числе возможность неограниченной эксплуатации крепостных крестьян. Реформы Александра II еще раз подтвердили ту традиционную и противоречивую роль, которую играла самодержавная власть в истории России. С одной стороны, она ускоряла развитие огромной страны с малой плотностью населения, находящейся на востоке Европы и отстающей от нее. С другой стороны, самодержавная власть тормозила это развитие, поскольку ликвидация отставания от Запада зачастую обеспечивалось жесткой эксплуатацией основной массы населения, углублявшей материальный и культурный разрыв между «верхами» и «низами».

Это противоречие ярко проявило себя в эпоху Петра Великого. Поражение под Нарвой и победа под Полтавой раскрывают суть петровской эпохи, причины и результаты его политики. В ряде важных аспектов, прежде всего в военном, Петр ликвидировал опасное отставание России от более развитых европейских соседей. Однако он сделал это ценой превращения патриархальной зависимости крестьян, существовавшей в Московском государстве, во «второе издание рабства». В военном отношении Россия сохраняла пари-

тет с развитыми странами Запада до начала XIX в., когда русская армия сражалась на равных с армией Франции и ее союзников в Отечественной войне 1812 г. Однако к середине XIX в. паритет был утрачен, что показало поражение России в Крымской войне. Оно и побудило Александра II начать серию реформ, включавших и отмену крепостного права. При этом царь ограничил свои реформы в угоду вполне определенным сословным интересам дворянства, что заложило основы для нового социального конфликта.

Аграрный вопрос. Аграрная реформа Александра II остановила нараставшую угрозу крестьянской революции. Ее реальность доказывает тот простой факт, что в 1861 г. в стране было зафиксировано 1889 крестьянских выступлений, в то время как с 1851 по 1860 гг. их среднегодовое число составляло лишь 136. Отменив крепостное право и урезав крупное помещичье землевладение, царь в то же время обеспечил помещиков дешевым трудом малоземельных крестьян, отягощенных выкупными платежами и арендной платой. Реформа породила три острые социально-психологические проблемы. Первой являлась проблема выкупных платежей: русский крестьянин никогда не соглашался с тем, что помещик являлся законным собственником земли, на которую он был когда-то «помещен» по воле московских князей. Поэтому выкуп земли рассматривался как заведомо несправедливый. Ситуация усугублялась и тем фактом, что стоимость выкупной земли во многих случаях была в 2 раза дороже текущих рыночных цен. Второй проблемой была аренда помещичьей земли, которая приняла очень широкий характер. К началу XX в. почти 75 % всех дворянских земель сдавалось в аренду крестьянам. Из года в год крестьянин работал на земле помещика, не признавая его законного права на эту землю. При этом в Черноземном центре крестьяне отдавали в виде арендной платы до 52 % урожая[3]. Третьей была проблема «отрезков», еще более несправедливая с точки зрения крестьян: зачастую крестьянин арендовал ту землю, которая была отрезана у него в пользу помещика в ходе реформы. Все эти особенности аграрной реформы создавали весомую причину для революционного взрыва в любой кризисный момент. Более того, они способствовали формированию у крестьян особого сознания: неприятия самого принципа частной собственности на землю, убежденности в том, что земля должна находиться лишь в пользовании у тех, кто ее обрабатывает

[3] Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 19.

собственным трудом. Эта особенность крестьянского сознания решающим образом сказалась на истории трех русских революций.

Условия освобождения крестьян, помимо своей явной несправедливости, держали большинство населения России в бедности, препятствуя развитию внутреннего рынка из-за низкого потребительского спроса, а бедность населения тормозила общее развитие экономики, а также образования, здравоохранения и всех других сфер жизни.

Ситуацию усугублял быстрый рост населения России, которая позже других стран Европы переживала свой демографический бум. Численность крестьянства за 1863–1897 гг. увеличилась на 26,3 млн и в 1900 г. составляла 91,5 млн душ обоего пола. Средний размер крестьянского надела с 1861 г. по 1900 г. сократился почти в два раза, с 4,8 до 2,6 десятин на душу мужского пола. К концу XIX в. избыточное население деревни достигло 23 млн чел. и продолжало расти. Крестьяне не видели для себя иного выхода, кроме раздела помещичьих земель. По итогам земельной переписи 1877/78 гг. они составляли внушительную цифру: из 219 млн десятин общей площади помещичьей и крестьянской земли помещикам принадлежали 79,3 млн десятин, или 36,2 %. Иными словами, более трети земли находилось в руках собственников, доля которых в составе населения страны едва превышала 1 %. Постепенно число собственников росло. К 1905 г. надельные земли крестьян составляли 138,7 млн, а частновладельческие – 101,7 млн. Из них 53,1 млн десятин принадлежали дворянам. Особенность помещичьего землевладения в России состояла в высокой концентрации земель в руках небольшой группы владельцев. Почти 4/5 всей площади помещичьих земель приходилось на владения размером свыше 500 десятин[4].

Согласимся с точкой зрения известного историка В. В. Шелохаева, который так оценивает последствия аграрной реформы Александра II: «отмена крепостного права “сверху” имела крайне негативные и пролонгированные во времени последствия, обусловленные как незавершенностью решения аграрно-крестьянской проблемы в целом, сохранением полукрепостнических пережитков, так и наложением новых противоречий, вызванных модерниза-

[4] Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М.: Наука, 1969. С. 24–25; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. С. 62–68; Статистика землевладения 1905 года: свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 11, 136, 142, 162.

ционным процессом в пореформенный период». По мнению Шелохаева, к началу XX в. «за сорок пореформенных лет аграрно-крестьянский вопрос стал еще более острым как в социальном, так и политическом смыслах, что нашло свое выражение в “обострившимся до предела антагонизме между крестьянами и помещиками”». В то же время в эти годы «под влиянием модернизационного процесса значительно возрос уровень культуры и сознательности российского крестьянства, которое через самые различные коммуникативные каналы знакомилось с ценностями городской цивилизации, стало глубже осознавать природу социальных антагонизмов, а также необходимость разрешения аграрного вопроса “снизу”, перехода земли в руки тех, кто на ней трудится»[5]. Именно в этом и состояла основная причина первой русской революции в контексте аграрной проблемы.

Эти выводы Шелохаев сделал в рецензии на сборник документов «Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.», подготовленный известным историком-аграрником А. М. Анфимовым еще в 1970-е гг., но опубликованный только в 1998 г. Материалы сборника подтверждают мнение Анфимова о том, что в начале XX в. «крестьянское движение совершенно отчетливо стало принимать качественно новое направление – от борьбы за спорные земли и за отрезки оно перешло к принципиально новому этапу – борьбе за отобрание всей помещичьей земли. Это был большой перелом в сознании крестьянства»[6]. Анфимов привел сравнительный анализ количества выступлений крестьян за два четырехлетних периода 1897–1900 и 1901–1904 гг., который показывает рост числа выступлений в 2,5 раза (с 232 до 584), а так же рост случаев их подавления войсками в 4,9 раза[7].

Своего рода рубежом стали крестьянские волнения в Харьковской и Полтавской губерниях весной 1902 г., обусловленные недородом 1901 г. В полтавско-харьковском районе в течение месяца крестьяне разгромили 105 помещичьих хозяйств[8]. Крестьянские выступления прошли и в других губерниях Европейской России, преимущественно в черноземных (Воронежская, Саратовская, Херсонская, Кубань). О масштабах движения свидетельствует царский указ от 5 мая 1903 г., согласно которому в 46 губерниях Европейской России была создана уездная полицейская стража. Осмысливая

---

[5] Вопросы истории. 2000. № 6. С. 159–160.

[6] Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. М.: Наука, 1998. С. 8.

[7] Там же. С. 11–12.

[8] Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902. Харьков, 1961.

события 1902 г., известный аграрный историк В. П. Данилов предложил считать эти события началом «крестьянской революции» и рассматривать ее как основу, на которой развертывались все другие социальные и политические революции, включая большевистскую революцию в октябре 1917 г.[9]

Рабочий вопрос. Нарастанию социальных конфликтов в российском обществе способствовала и экономическая политика правительства, которая была направлена на действительно необходимое ускорение промышленного развития страны. Задача решалась за счет налогообложения населения и привлечения иностранного капитала, которому предоставляли выгодные условия. Общая сумма внешних инвестиций с 1894 по 1901 г. выросла почти в четыре раза. Опираясь на эти ресурсы, министры Александра III (Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский, С. Ю. Витте) обеспечили бурный промышленный рост, который охватил все последнее десятилетие XIX в. Ежегодные темпы промышленного роста в 1892–1900 гг. составляли около 8–9 %. Промышленный рост привел к образованию рабочего класса, который концентрировался на небольшом количестве новых промышленных предприятий, сразу создававшихся как крупные. Рабочие подвергались жесткой эксплуатации из-за большого количества лишних рук, ежегодно выбрасываемых деревней. Как следствие, рабочие стали протестовать и постепенно втягиваться в разные формы экономической и политической борьбы. Уже в конце XIX в. нормой стали забастовки, появились первые рабочие кружки, в которых происходило соединение социалистически настроенной интеллигенции с рабочим движением. Столкнувшись с ростом забастовочного движения, правительство в 1897 г. ограничило продолжительность рабочего дня 11,5 часами, но эта мера далеко не всегда соблюдалась и не могла остановить рост недовольства.

Существенно усугубил ситуацию промышленный кризис начала XX в.: в 1901–1903 гг. закрылись свыше трех тыс. предприятий, на которых было занято 112 тыс. рабочих. Из 56 домен по производству металла 33 были остановлены, железнодорожное строительство сократилось в пять раз, на промышленных предприятиях на 20–30 % уменьшилась зарплата.

Одним из крупных проявлений рабочего протеста стала стачка рабочих столичного Обуховского завода и ряда других предприятий Невской заставы, которая 7 мая 1901 г. переросла в открытое столкновение с полицией и вызванными войсками. Войска стреляли, восемь рабочих были убиты. Админи-

[9] Данилов В. П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. Материалы конференции. Москва–Тамбов, 1996. С. 4–23.

страция удовлетворила большую часть требований рабочих. Одним из организаторов стачки был токарь А. В. Шотман (21 год, окончил трёхклассное народное училище. С 15 лет работал токарем на заводах Лесснера, Нобеля и Обуховском, член петербургского социал-демократического «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»). В 1902 г. войскам пришлось подавлять крупную рабочую стачку в Ростове-на-Дону, в ходе которой были убиты и тяжело ранены 26 человек. В марте 1903 г. войска расстреляли бастующих рабочих Златоуста (25 убитых и 250 чел. раненых). Летом 1903 г произошла всеобщая стачка рабочих Юга России, которая охватила 200 тыс. рабочих промышленных центров Украины и Закавказья (Керчи, Одессы, Николаева, Екатеринослава, Елисаветграда, Киева, Тифлиса, Батума). В декабре 1904 г. на всю страну прогремели события в Баку, когда к стачке рабочих нефтяных промыслов присоединились железнодорожники, портовики и судоремонтники. Всеобщая стачка рабочих Баку заставила капиталистов ввести 9-часовой рабочий день и повысить заработную плату на 20 %. В целом численность участников стачек за десять лет (с 1894 по 1904 г.) превысила 400 тысяч человек. Заметен рост и количества политических стачек: если в 1900–1902 гг. политические требования звучали примерно на каждой пятой стачке, то в 1903–1904 гг. – на каждой второй.

Рабочий протест стал важным составным элементом процесса, который в своей совокупности превратил начало XX века в России в эпоху революций. Сам по себе рабочий класс России был слишком малочисленным, чтобы представлять главную угрозу для правительства. Однако его сила заключалась в высоком уровне концентрации в обеих столицах и других важных городах империи, а также в тесной связи рабочих с крестьянством, в способности рабочих передавать свои настроения в крестьянские массы и транслировать настроения крестьян, выражать их в своих требованиях. Тесные контакты между рабочими и крестьянами были особенностью России, и эта особенность имела большое значение. Важно отметить и тот факт, что с самого начала рабочее движение развивалось под влиянием российской революционной интеллигенции, которая придавала ему политический характер.

Проблема самодержавия. Неудовлетворенность реформой проявилось уже в правление Александра II в росте оппозиционной деятельности «разночинной» интеллигенции, которая организовала «хождение в народ», а затем перешла к террору, убив царя-освободителя. Неудача «хождения в народ» с проповедью антимонархических идей и негативная реакция народа на убий-

ство Александра II показывали, что условия для антимонархической революции еще не созрели. Это позволило Александру III подавить оппозицию. Но причины ее появления оставались и продолжали нарастать.

Нельзя сказать, что Николай II, сменивший на троне Александра III, совсем не видел этих процессов. Он хорошо знал историю Европы, включая революционные события периода 1848–1849 гг. Тем не менее молодой монарх был убежден, что Россия – не Европа, что народ любит царя, и нет никаких причин для политических реформ. И действительно, идеология «наивного монархизма» – веры в доброго царя как защитника простых людей от произвола бояр – веками формировалась в народном сознании, и в начале XX века доминировала в психологии крестьян и рабочих. Однако это доминирование уже в эпоху первой революции было подорвано в рабочей среде, а в эпоху аграрных реформ Столыпина, разрушавших общину как традиционную форму жизни крестьян – и среди крестьян.

Николай II был уверен в том, что самодержавие является благом для России, и он обязан передать своему сыну власть в том виде, в котором он получил ее от своего отца, императора Александра III. Как известно, вскоре после занятия трона на приёме земских депутаций 17 января 1895 г. в ответ на робкие пожелания земцев получить некое законосовещательное учреждение молодой царь ответил: «Оставьте ваши бессмысленные мечтания». Царь оговорился, потому что в заготовленном тексте речи стояли слова «беспочвенные мечтания». Слова были произнесены в следующем контексте: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся *бессмысленными мечтаниями* об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель»[10]. В обществе ходили слухи, что царь всего лишь прочел строки, написанные К. П. Победоносцевым, который называл парламентское правление «великой ложью нашего времени». Однако по свидетельству хорошо осведомленного германского посла фон Вердера «император собственноручно написал эту речь и положил ее в свою фуражку»[11].

---

[10] Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград: Общество распространения русской нац. и патриот. литературы, 1939. С. 49.

[11] Там же. С. 51.

Такая позиция царя означала, что он брал на себя ответственность за все решения в области внешней и внутренней политики страны. А необходимость принятия важных решений была очевидной уже в первые годы XX в.

Об этом в начале 1902 г. царя предупредил тяжело больной граф Лев Толстой, который 16 января отправил Николаю II знаменитое письмо: «Мне не хотелось умереть, не сказав вам того, что я думаю о вашей теперешней деятельности … Треть России находится в положении усиленной охраны, то есть вне закона … Тюрьмы, места ссылки и каторги переполнены. … Везде в городах и фабричных центрах сосредоточены войска и высылаются с боевыми патронами против народа. Во многих местах уже были братоубийственные кровопролития». Далее великий русский писатель сформулировал свое отношение к самодержавию, отметив, что его престиж в обществе упал: «Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в центральной Африке, отделенной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением». В заключение Толстой перечислил те требования или желания, которые «выскажет теперь русский народ, если ему будет дана возможность это сделать». При этом он особо отметил аграрную реформу: «рабочий народ скажет, что желает избавиться от тех исключительных законов, которые ставят его в положение пария, не пользующегося правами всех остальных граждан; потом скажет, что он хочет свободы передвижения, свободы обучения и свободы исповедания веры, свойственной его духовным потребностям; и, главное, весь 100-миллионный народ в один голос скажет, что он желает свободы пользования землей, то есть уничтожения права земельной собственности. И вот это-то уничтожение права земельной собственности и есть, по моему мнению, та ближайшая цель, достижение которой должно сделать в наше время своей задачей русское правительство»[12]. В своем послании царю Толстой фактически раскрыл причины и программу первой русской революции.

[12] Толстой Л. Н. Письмо Николаю II 16 января 1902 г. // Полное собрание сочинений. М.; Л.: Гос. издат. худ. литературы, 1928–1964. Т. 73. С. 184–197.

ГЛАВА 2. ВОЙНА ЗА КОРЕЮ (1904–1905)

В ситуации нарастающего социально-экономического и политического кризиса Россия вступила в русско-японскую войну 1904–1905 гг. С первого дня она складывалась неудачно для России и стала не только фоном, но и одной из причин первой русской революции, подорвав авторитет самодержавия и обострив все противоречия в российском обществе.

История возникновения войны наглядно показывает ключевую роль субъективного (личностного) фактора, в данном случае – роль Николая II, по вине которого Россия оказалась втянутой в ненужный ей вооруженный конфликт. Это была война с Японией из-за Кореи, контроль над которой нельзя считать одной из приоритетных задач России на Дальнем Востоке.

Помимо прочего, ход и результаты русско-японской войны показали, что темпы модернизации российского общества во второй половине XIX в. оказались ниже, чем у азиатской Японии. В 1860-е гг. Александр II и японский принц Муцухито, ставший императором Мэйдзи, почти одновременно начали экономические и социально-политические реформы, призванные обеспечить переход своих стран от эпохи феодализма к более современному обществу («эпоха Великих реформ Александра II» и «эпоха Мэйдзи – просвещенного правления»). И в проведении этих реформ Япония существенно обогнала Россию. Такой итог соревнования двух стран в период модернизации раскрывает не только причины поражения России в войне с Японией, но и причины революции в России, целью которой стало свержение самодержавия. Известный русский историк В. О. Ключевский писал: «Неудачное самодержавие перестает быть законным»[13].

2.1. Историография

Многие отечественные историки фиксируют тот факт, что Япония напала на Россию и тем самым возлагают ответственность за войну на правительство Японии. В таком контексте вопрос о том, могло ли царское правительство России избежать войны, и кто виноват в том, что не избежала, уходит на второй план или не ставится вообще. Главным становится вопрос: кто виноват в поражениях русской армии и флота.

---

[13] Ключевский В. О. Афоризмы и мысли об истории // Сочинения. Т. IX. М.: Мысль, 1990. С. 443.

Этот подход доминировал и в ***советской историографии***, хотя в ней, в отличие от постсоветской, война четко оценивалась как империалистическая с обеих сторон, и ответственность не только за поражение, но и за начало войны возлагалась и на царя. Впрочем, не столько персонально на царя, сколько на самодержавие как систему государственного управления в целом. Советским историкам было важно показать сквозь призму проигранной войны объективный характер кризиса самодержавия, а не выводить его только из личных качеств последнего монарха. В последнем издании авторитетной «Большой советской энциклопедии» отмечалось, что война «носила *захватнический*, несправедливый, *империалистический* характер с обеих сторон», и царское правительство, «захватническая политика которого на Дальнем Востоке направлялась авантюристической “безобразовской кликой”, рассчитывало на лёгкую победу в войне с Японией, надеясь таким образом усилить свой авторитет и преодолеть обостряющийся революционный кризис». Тезис о «безобразовской клике» – группе авантюристов во главе с действительным статским советником А. М. Безобразовым, приближенной ко двору и пытавшейся проводить политику на Дальнем Востоке в обход МИДа – появился уже в период русско-японской войны. Он активно использовался современниками для критики монарха. Однако этот тезис, скорее, снимал полную ответственность с царя, который оказывался виноватым лишь в том, что доверился плохим советникам. О непосредственных причинах войны в энциклопедии говорилось с акцентом на вину Японии: «В декабре 1903 Япония ультимативно потребовала изменения позиции русского правительства и, *несмотря на уступки* России, 24 января (6 февраля) 1904 г. разорвала дипломатические отношения»[14]. Эта статья отражала основные позиции советской историографии в трактовке истории зарождения русско-японской войны, более подробно изложенные в целом ряде специальных и общих работ[15].

В ***постсоветской историографии*** причины зарождения войны с Японией трактовались с еще большим акцентом на агрессивную роль Японии и общую ситуацию в мире, которая характеризовалась активной борьбой всех

---

[14] Русско-японская война // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия. Т. 22. С. 1263, 1267.

[15] Романов Б. А. Россия в Манчжурии (1892–1906). Л.: Изд. Восточного института, 1928; Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М-Л.: Издат. АН СССР, 1947; История дипломатии. 2-е изд., переработанное и доп. М.: Госполитиздат, 1963; Ростунов И. И. История русско-японской войны 1904–1905 гг. М.: Наука, 1977; Игнатьев А. В. Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М.: Наука, 1986.

держав за его раздел и передел. Действия царского правительства и лично царя, как правило, не критиковались. Появилась и откровенно апологетическая литература, которая продолжала линию монархической историографии 1920–30-х гг. Ориентиром стала книга историка С. С. Ольденбурга «Царствование Николая II», написанная в 1930-е гг. в эмиграции. Автор оправдывал всю внешнюю политику царя, включая дальневосточную[16]. При этом он подчеркивал решающую роль Николая II в принятии ключевых решений. Эту линию С. С. Ольденбурга в постсоветской историографии наиболее явно продолжили историки А. Н. Боханов и П. В. Мультатули.

А. Н. Боханов. В коллективной монографии «Россия в начале XX века» А. Н. Боханов так трактовал внешнюю политику Николая II: «Политика мирного сосуществования была близка и понятна императору. Она отвечала его внутренним убеждениям». В отношении Японии, по мнению историка, «Россия была готова идти на уступки: не чинить Японии препятствий в экономической деятельности в Манчжурии, вывести оттуда свои войска и признать приоритет японских интересов в Корее»[17].

П. В. Мультатули еще более категорично отрицал империалистический характер внешней политики Николая II, а также его предшественников, подчеркивая «христианское миролюбие» российских императоров. Вот некоторые оценки из книги «Внешняя политика Императора Николая II»:

«Мессианская роль царской России, являющая миру образец христианского государства, определяла суть её внешней политики».

«В основу политики императора Николая II были заложены христианские принципы милосердия и миролюбия».

«Россия императора Николая II …была *главным противником* империалистических устремлений ведущих европейских держав».

«Царь был против раздела Китая … европейскими державами, против оккупации Кореи Японией и против войны с Японией. При этом Россия не преследовала никаких эгоистических интересов»[18].

А далее автор, как ни в чем не бывало, рассказывает читателю о том, как царь хотел поделить Китай и Корею с другими державами.

---

[16] Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Том I. С. 228.

[17] Боханов А. Н. Россия на мировой арене // Россия в начале XX века. М.: Новый Хронограф, 2002. С. 332.

[18] Мультатули П. В. Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917). М.: ФИВ, 2012. С. 16–19.

Вот фрагменты из этих рассказов.

Март 1895 г.: «А. Б. Лобанов-Ростовский (министр иностранных дел. – *В. К.*) предложил Государю договариваться с японцами о *разделе* Северо-Восточного Китая. По мысли Лобанова, Россия должна была получить незамерзающий порт Лазарева в Корее и Северную Маньчжурию. Император Николай II в *целом был согласен*, но окончательное решение вопроса было отложено до обсуждения на Особом совещании 28 марта»[19].

Ноябрь 1897 г.: «Государь решил *уступить* Германии Киао-Чао и *выбрать для стоянки* русского военно-морского флота другой незамерзающий порт. Им стал Порт-Артур» (речь идет о портах, которые правительство Китая не хотело никому отдавать. – *В. К.*)[20].

Годы 1900–1903: «Россия *настаивала* на сепаратном соглашении с Китаем, по которому тот фактически должен был *полностью передать Маньчжурию в аренду России*, что снимало необходимость вывода русских войск из Маньчжурии»[21].

Несмотря на очевидную слабость историографических позиций историков монархического толка, они оказывают влияние на постсоветскую историографию. Тезис об империалистическом характере внешней политики царской России сначала ушел в тень, а затем исчез в большинстве работ постсоветского периода. Однако не все историки были с этим согласны.

А. В. Игнатьев. Так, авторы пятого тома многотомной «Истории внешней политики России», вышедшего в 1997 г. под редакцией и при активном участии авторитетного историка А. В. Игнатьева, признавали империалистический характер внешней политики России, в том числе и на Дальнем Востоке. Авторы тома справедливо критиковали царское правительство за то, что оно «недооценивало опасность возможного конфликта» с Японией, и «не было готово ни расстаться со своими замыслами монопольного положения в Манчжурии, ни предоставить Японии свободу рук в Корее». Это – мягкая, но очень точная оценка причин русско-японской войны: захватив Манчжурию, Николай II не хотел отдать Японии Корею в виде компенсации. Содержится и тезис о «безответственных влияниях» со стороны «безобразовской клики»,

---

[19] Мультатули П. В. Внешняя политика Императора Николая II… С. 219.
[20] Там же. С. 125.
[21] Там же. С. 269.

которые «отягощали» работу правительства. Отмечается и «личная роль царя, более склонявшегося к “решительному методу”»[22].

В более поздних работах Игнатьева критика в адрес самодержавной системы и лично Николая выражена еще ярче. В статье «Последний царь и внешняя политика» (2001) историк выдвинул три основных тезиса:

1) перед Россией начала XX в. «вставал вопрос, сохранится ли она как великая держава, сделав экономический, политический и культурный рывок, или будет относительно слабеть и утрачивать свои позиции. А это в свою очередь зависело от того, удастся ли на длительный срок сохранить внешний покой, избежать международных столкновений»;

2) «Выбор правильного курса затрудняла отсталость государственного устройства страны, где не было ни коллегиального правительства, ни законодательных палат, и все решения в конечном счете принимал царь, не имевший какого-либо собственного аппарата. Многое, таким образом, зависело от способностей и личных качеств самодержца»;

3) «С самого начала царствования проявился и такой недостаток Николая, как воинственность и самонадеянность. Эта черта правителя была особенно некстати для страны, нуждавшейся в целях модернизации во внешнем спокойствии»[23].

Эти три тезиса четко показывают позицию автора: внешнеполитические авантюры были результатом политики царя, и они противоречили коренным интересам России в начале XX в., в сложный период модернизации страны.

Оценивая политику царя на Дальнем Востоке, историк был еще более откровенен: «Авантюристические задатки, проявлявшиеся уже в первые годы нового царствования, переросли в размашистый аннексионизм, доведший вскоре Россию до провала на Дальнем Востоке»[24].

В своей последней монографии «Внешняя политика России в конце XIX – начале XX в. (2011) А. В. Игнатьев, подаваясь влиянию новых историографических трендов, был более осторожным в критике царя и внешней политики царской России на Дальнем Востоке. Автор писал, что царское правительство не хотело войны с Японией, но политика на Дальнем Востоке была непоследовательной и порой попадала в руки авантюристов, что и по-

---

[22] История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М.: Международные отношения, 1997. С. 161–162.

[23] Игнатьев А. В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3–4.

[24] Там же. С. 8.

мешало избежать войны[25]. Именно этот подход утвердился в отечественной историографии последних двух десятилетий.

О. Р. Айрапетов. Московский историк О. Р. Айрапетов в книге «Внешняя политика Российской империи. 1801–1914» (2006) при описании причин русско-японской войны прямо признал: «интересы собственно России в Манчжурии и тем более в Корее были столь призрачными, что явно не стоили политики, которая в конечном счете привела к ухудшению отношений и с Китаем, и с Японией, и с Великобританией»[26]. Этот вывод совершенно справедлив, и именно под этим углом зрения следует оценивать дальневосточную политику царского правительства. Однако далее автор подчеркивает личное нежелание царя воевать и делает акцент на важную роль «безответственных» влияний в его окружении. По мнению историка, именно «безобразовцы» инициировали «безответственную авантюристическую политику в Манчжурии и Корее». Автор выдвинул и тезис о неизбежности войны с Японией уже из-за мирного проникновения России в Китай[27]. Сразу отметим, что не можем с ним согласиться. Курс мирного проникновения в Китай, который осуществлял С. Ю. Витте путем строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), как раз затруднял для Японии возможность начать войну с Россией и тем более вести ее на территории Китая. Как справедливо отмечал А. В. Игнатьев, война с Японией возникла не в результате мирного проникновения России в Китай, а захвата Манчжурии и отказа царя отдать Японии Корею как плату за признание этого захвата.

В очерке «На сопках Манчжурии», опубликованном в сборнике «Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие»[28], О. Р. Айрапетов фактически оправдывает действия царя в период назревания конфликта. Так, захват Порт-Артура, который стал отправной точкой на пути к войне с Японией, историк представляет как «естественную» акцию, совершенную с разрешения китайских властей: «Уделявший так много внимания проблемам флота император искал незамерзающий порт, обеспечивающий русским кораблям свободный выход в Тихий океан. Это было *естественным* желанием.

---

[25] Игнатьев А. В. Внешняя политика России в конце XIX – начале XX в. (Россия перед вызовами новой эпохи). М.: Геос, 2011. С. 25, 45, 122.

[26] Айрапетов О. Р. Внешняя политика Российской империи. 1801–1914. М.: Европа, 2006. С. 468.

[27] Там же. С. 623.

[28] Айрапетов О. Р. На сопках Манчжурии // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. М., 2004.

<…> Когда китайское правительство известило русского посланника, что оно *открывает для русского флота все порты Китая*, Николай II немедленно распорядился о переводе эскадры для *временной* стоянки в Порт-Артур»[29]. Ссылок на документы, подтверждающие открытие Китаем всех портов для русского флота, автор не приводит. Из известных документов следует, что в Порт-Артур русские корабли с десантом вошли, не предупредив китайские власти и не имея разрешения. И еще до ввода кораблей царь принял решение о превращении Порт-Артура в военно-морскую базу России. Речь не шла о «временной» стоянке.

В книге «На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история» (2015) О. Р. Айрапетов воспроизвел все основные оценки, сформулированные в более ранних работах[30]. Несмотря на отмеченные недостатки, книга привлекает внимание квалифицированным анализом событий самой войны, объемом привлеченного фактического материала, умением автора показать русско-японскую войну на широком фоне как часть общей внешней и внутренней политики России.

И. В. Лукоянов. Петербургский историк И. В. Лукоянов стал автором книги «Не отстать от держав…», самой основательной на сей день работы по истории внешней политики России начала XX в. на Дальнем Востоке. Причины войны с Японией автор трактует с сильным акцентом на геополитическую ситуацию и, как следствие, вольно или невольно оправдывает политику царя: «*интересы геополитики* постоянно толкали Петербург не только к приращению владений, но и к защите обретённого, и поиску уязвимых мест у конкурентов, главным из которых виделась Англия. Уклониться от политики постоянной экспансии в Азии, логическим завершением которой стало её продолжение и на Дальнем Востоке, *было просто невозможно»*[31].

Отметим, что автор не называет внешнюю политику России империалистической. Термин «империализм» он не использует, а при рассмотрении работ советских историков берет его в кавычки, как бы показывая неадекватность такого термина[32]. Лукоянов применяет термин «экспансия», который

---

[29] Айрапетов О. Р. На сопках Манчжурии… С. 366–367.

[30] Айрапетов О. Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М.: Алгоритм, 2014.

[31] Лукоянов И. В. «Не отстать от держав…». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 6.

[32] См. там же. С. 222, 574 и др.

носит более нейтральный характер, означая в буквальном смысле просто «расширение».

Автор уделяет большое внимание деятельности «безобразовской клики», которая оценивается как царская «неофициальная» политика на Дальнем Востоке. Историк дает следующую оценку этой политике: «Дальневосточная политика России перед войной, – пишет И. В. Лукоянов, – и появление безобразовцев стали одним из важных шагов на пути краха имперской власти в начале XX века. Безобразовцы, с одной стороны, отразили неспособность официального бюрократического аппарата действовать новыми методами, используя предпринимательскую деятельность, концессии и т. п. С другой, они показали, что бесконтрольная опора на личный фактор приводит к вовлечению в высокую политику совершенно непригодных к этому людей. То, что это имело место, – свидетельство институционального кризиса самодержавной власти в России. Применительно к дальневосточной политике России следует признать, что именно *безобразовцы внесли решающий вклад* в изменение её курса в 1903 г., в провал русско-японских переговоров и таким образом содействовали началу войны»[33].

Отметим свое несогласие с тезисом о *решающем* вкладе «безобразовцев» в провал русско-японских переговоров. Провал переговоров определила личная позиция царя. Материал, приводимый самим автором, свидетельствует о том, что роль «безобразовской клики» всегда была второстепенна по той простой причине, что возвышение А. М. Безобразова, равно как и его падение, определялись желанием царя выдвинуть тех людей, которые говорили то, что он хотел услышать. Царь использовал «безобразовцев» как противовес политике министра финансов С. Ю. Витте и министра иностранных дел В. Н. Ламсдорфа. Никаких иных причин для возвышения «безобразовцев» не было. В то же время Лукоянов прав в том, что история втягивания России в войну с Японией стала ярким свидетельством «*институционального кризиса* самодержавной власти в России». Самодержавная власть не позволяла ни Витте, ни Ламсдорфу отстаивать свой более реалистический курс. Страна оказалась в заложниках у царя, который не смог правильно оценить ситуацию и бросился в военную авантюру.

Отметим свое несогласие и с оценкой роли Витте в развязывании войны. Лукоянов пишет: «Немалую роль сыграл и С. Ю. Витте, *подталкивавший* по

---

[33] Лукоянов И. В. «Не отстать от держав…»... С. 50, 492–493.

мере своих возможностей вооружённый конфликт, хотя его поведение нельзя рассматривать как определяющий фактор. Он, не скрываясь, видел в войне кратчайший путь к возвращению себе прежнего влияния. Военному министру А. Н. Куропаткину С. Ю. Витте прямо “говорил, что его надо с объявлением войны призвать к власти”»[34]. Историк не привел других доказательств того, что Витте как-либо *подталкивал* конфликт. В действительности он был принципиальным противником войны с Японией из-за Кореи. Слова, сказанные Куропаткину, не могут служить доказательством обратного, поскольку они фиксировали другой и вполне очевидный факт: если начнется война, то нужны будут деньги, и без способностей Витте как финансиста и дипломата царь обойтись не сможет. Так оно и случилось.

Сделанные замечания не снижают высокой оценки труда И. В. Лукоянова. Отметим и справедливость его общего вывода, сделанного в отношении кануна войны: «Самодержавная власть отчётливо ощущала, что находится накануне войны, но, несмотря на это, оказалась не в состоянии предпринять необходимых мер, чтобы предотвратить её» – так заключает историк главу о предвоенных переговорах Петербурга и Токио[35].

Подводя итог краткому историографическому анализу, сделаем вывод: в новейшей историографии причин русско-японской войны важную роль стал играть тезис о том, что некая *логика* международных отношений *втянула* Россию в войну с Японией, что «уклониться от политики постоянной экспансии в Азии, *логическим* завершением которой стало её продолжение и на Дальнем Востоке, *было просто невозможно».* Такая трактовка вольно или невольно снимает с царя ответственность за развязывание русско-японской войны, поскольку получается, что тот не мог уклониться от курса, который был обусловлен всей логикой международных отношений.

2.2. Главный виновник

Современники. Прежде чем предложить читателю свой анализ причин войны и роли Николая II в ее зарождении, отметим одно важное обстоятельство: вышеуказанный взгляд современных историков прямо противоречит мнению самых авторитетных сановников Российской империи того времени: министра финансов С. Ю. Витте, министра иностранных дел В. Н. Ламсдорфа и военного министра А. Н. Куропаткина.

---

[34] Лукоянов И. В. «Не отстать от держав…». С. 572.

[35] Там же.

Самый крупный государственный деятель России той эпохи С. Ю. Витте хорошо знал ситуацию на Дальнем Востоке, поскольку в качестве министра финансов (1892–1903) активно участвовал в разработке дальневосточной политики в связи со строительством КВЖД как более короткого пути от Иркутска до Владивостока в рамках Транссибирской магистрали. Он видел интересы России в мирном экономическом сотрудничестве с огромным Китаем и в урегулировании конфликтных отношений с Японией посредством компромиссов в Корее. Витте предвидел неизбежность войны вследствие политики царя, не хотел, чтобы на него возложили ответственность, и уже с 1900 г. собирал документы, показывавшие, кто виноват[36]. В августе 1903 г. взгляды Витте стали причиной его отставки. Объясняя позицию Николая II, Витте в мемуарах отмечал, что тот не хотел войны, но «полагал, что может предписывать свои условия и желания и что, если Япония и Китай не подчиняются, то это потому, что мы с ними церемонились; с ними можно действовать, только внушая страх и не делая уступок, если же и сделать какую-либо уступку, то как милость белого русского царя»[37]. Впрочем, Витте давал и более откровенные объяснения внешней политики России, не называя царя по имени: «У нас в России в высших сферах существует страсть к завоеваниям, или, вернее, к захвату того, что, по мнению правительства, плохо лежит»[38].

Позицию Витте, направленную на поиск компромиссов с Японией за счет Кореи, разделял и министр иностранных дел В. Н. Ламсдорф, который однако считал, что задача министра состоит в том, чтобы исполнять волю монарха. «Граф Ламсдорф, – писал Витте в мемуарах, – имел по этому предмету совершенно откровенный разговор со мною; он сказал мне: одно из двух – или наш Государь Самодержавный, или не Самодержавный. Я его считаю Самодержавным, а потому полагаю, что моя обязанность заключается в том, чтобы сказать Государю, что я о каждом предмете думаю, а затем, когда Государь решит – я должен безусловно подчиниться и стараться, чтобы решение Государя было выполнено»[39].

---

[36] Опубликованы после смерти Витте: Пролог русско-японской войны. Материалы из архива графа С. Ю. Витте. Петроград: Брокгауз–Эфрон, 1916. С. 351–352.

[37] Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. 1. Берлин: Слово, 1922. С. 250.

[38] Там же. С. 116.

[39] Там же. С. 221.

Военный министр Куропаткин в 1906 г. написал книгу «Итоги войны», которая вышла в 1908 г. и тут же была изъята и затем издавалась в сокращенном виде. В первом издании автор писал: «Сознавая всю нашу неготовность на западной границе, и принимая в расчет неотложную необходимость расходования наших средств на внутреннее устроение России, я считал разрыв с Японией бедствием для России и работал в мере сил своих, чтобы предотвратить этот разрыв. Став за долгую службу в Азии сторонником соглашения в Азии с Англией, я был уверен в полной возможности вполне мирного разграничения сфер влияния на Дальнем Востоке между Россией и Японией»[40]. Соответствующие записки министр направлял царю осенью 1903 г. и получал отказы на свои предложения. В личном дневнике Куропаткин оставил запись своего разговора с Витте от 16 февраля 1903 г., в котором изложил авантюристические планы царя и объяснил ими причины появления «безобразовцев»: «Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает славы и пользы России. Поэтому *каждый Безобразов, который поет в унисон*, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры»[41].

Тезис о личной ответственности царя за развязывание войны, а не только за поражение, формулировали и видные деятели российской оппозиции тех лет, имевшие доступ к источникам информации. В этой связи упомянем В. Л. Бурцева, который в 1910 г. за рубежом издал сборник документов, раскрывавших причины войны и роль «безобразовцев». Бурцев преувеличил реальную роль «безобразовцев» в формировании политики России в отношении Японии, но справедливо писал о решающей роли «безответственной власти» царя, которая и породила этих авантюристов: «он один мог создать … положение, при котором полномочные министры должны были уступить преступной воле официально неуполномоченных на вершение государственных

[40] Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–1905: итоги войны. СПб.: Полигон, 2003. С. 174–175.

[41] Дневник А. Н. Куропаткина. Нижний Новгород: Нижполиграф. 1923. С. 36.

дел куртизанов»[42]. Бурцев имел основания так писать, поскольку он без дипломатических ухищрений излагал то, что говорил А. Н. Куропаткин в частном разговоре с Витте.

Позиция столь разных людей как Бурцев, Витте и Куропаткин и многих других видных современников, возлагающих ответственность за войну с Японией на Николая II, более верно отражает реальность, чем тезисы о неизбежности этой войны в силу некой «логики» геополитического соперничества. Отметим, что министры возлагали ответственность лично на Николая II. Они точно знали, кто виноват.

***

Опираясь на важнейшие документы и свидетельства участников событий, учитывая позицию авторитетных специалистов, представим на суд читателя краткий очерк истории зарождения русско-японской войны, который и призван ответить на вопрос, как и почему Россия оказалась втянутой в войну, какую персональную роль сыграл в этом последний российский самодержец. Внимание будет уделено трем сюжетам:

1) истории занятия Россией Порт-Артура и Ляодунского полуострова;

2) истории занятия и удержания Манчжурии после подавления восстания «ихетуаней» («кулаки во имя гармонии и справедливости», «боксерское» восстание);

3) переговорам с Японией во второй половине 1903 г., которые непосредственно привели к войне.

Китай как союзник: секретный договор. В начале своего правления в марте 1895 г. Николай II получил известия о том, что Япония выиграла войну с Китаем из-за Кореи и не только вытеснила китайские войска из Кореи, но и захватила у Китая Ляодунский полуостров с военным портом Люйшунь (Порт-Артур) и ряд островов, включая Формозу (Тайвань). Встал вопрос об отношении России к этой ситуации. Двадцать пятого марта (6 апреля) царь рассмотрел записку министра иностранных дел А. Б. Лобанова-Ростовского и выразил свое согласие по вопросу о целях внешней политики России в регионе: «Цель наша, – писал министр, – может быть двоякая: приобретение нами *незамерзающего порта* на Тихом океане и *присоединение к нам некоторой части Манчжурии*, необходимой для более удобного проведения Сибирской

[42] Бурцев В. Л. Царь и внешняя политика. Виновники русско-японской войны. По тайным документам: записке гр. Ламздорфа и Малиновой книге. Berlin: Eberhard Frowein, Verlag, 1910. С. 9.

железной дороги». На полях против слов: «Цель наша» Николай II написал: «Именно», а в конце записки сделал развернутую помету: «России безусловно необходим свободный в течение круглого года и открытый порт. Этот порт должен быть на материке (юго-восток Кореи) и обязательно *связан* с нашими прежними владениями *полосой земли*»[43]. Иными словами, царь хотел не просто получить порт на юго-востоке Кореи, но и соединить его с Россией территорией, отторгнутой от Кореи. Второго апреля царь уточнил свою позицию: «не противиться исполнению японо-китайского мирного договора, но во что бы то ни стало *получить* желаемые нами вознаграждения в виде *свободного порта*»[44].

Захваты Японии были закреплены японо-китайским Симоносекским договором от 5 (17) апреля. Первая статья договора признавала независимость Кореи от Китая, который ранее доминировал в Корее. Статья открывала Японии путь к захвату Кореи[45]. Следующие статьи закрепляли захваты Японии в Китае, которые на материке включали южную часть Манчжурии и Порт-Артур. Накануне подписания Симоносекского договора стало ясно, что Япония не собирается предоставлять России порт в Корее. Столкнувшись с такой позицией, царь 4 апреля провел совещание с участием ключевых министров. Итоги совещания он отразил в дневнике: «Решили: настоять энергично на очищении японцами южной части Маньчжурии и Порт-Артура; если же они не послушаются совета, то *принудить их к тому силой*. Дай Бог, только не втянуться в войну!»[46]. Принудить силой, но не втянуться в войну – коронный тезис Николая II, который, конечно же, «подтверждает» тезис А. Н. Боханова об исключительном «миролюбии» последнего российского монарха

Чтобы избежать войны с Японией, на которую у самой России на Дальнем Востоке в то время не было сил (сухопутные войска составляли всего около 30 тыс.), Петербург решил привлечь к акции другие великие державы. Англия отказалась участвовать. Франция согласилась, будучи связанной с Россией секретными соглашениями, направленными против Германии. Император Вильгельм II не знал о соглашениях, но видел франко-русское сбли-

---

[43] Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке // Красный архив, № 3 (52). 1932. С. 75–76.

[44] Там же. С. 77.

[45] Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905. СПб.: МИД, 1906. С. 2.

[46] Запись от 4(17) апреля 1895 г // Дневники Николая II. М.: Орбита, 1991. С. 72.

жение и был заинтересован в том, чтобы Россия направила свои взоры на Дальний Восток. Уже на следующий день (5 апреля) он прислал царю письмо, в котором говорилось: «Очень рад, что могу быть тебе полезным в таком интересном и серьезном вопросе иностранной политики»[47]. Вскоре посланники России, Германии и Франции предъявили правительству Японии требования вернуть Китаю Ляодунский полуостров и порт Артур[48]. Правительство Японии выполнило это требование, получив от Китая дополнительную контрибуцию в качестве компенсации.

Такой шаг позволил России улучшить отношения с китайским правительством и получить его согласие на строительство через территорию Китая железной дороги длиной в 2 тыс. верст (КВЖД), что сокращало общий путь Транссибирской магистрали до Владивостока на 980 верст[49]. В июне 1896 г. Россия и Китай заключили секретный *договор о военном союзе* на случай агрессии со стороны Японии против Китая, а также против Кореи. Договор включал и статьи о КВЖД[50]. Россия получила хорошую возможность мирным путем усилить свое экономическое и даже военное присутствие в Китае, опираясь на договор о военном союзе. С. Ю. Витте, оценивая ресурсы и задачи России на Дальнем Востоке, стремился к мирному взаимовыгодному сотрудничеству с Китаем. Однако в ноябре 1897 г. Николай II избрал другой курс: прямого захвата Манчжурии и Порт-Артура. Такое решение заведомо разрушало союз России с Китаем и вело к войне с Японией.

Порт-Артур и Киао-Чао. К захвату Порт-Артура царя подтолкнул кайзер Вильгельм II, который еще в апреле 1985 г. внушал Николаю II: «для России великой задачей будущего является дело цивилизации азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой жёлтой расы». «Надеюсь, – писал кайзер царю, – что как я охотно *помогу тебе* уладить вопрос о возможных территориальных *аннексиях* для России, так и ты благосклонно отнесёшься к тому, чтобы Германия *приобрела порт где-нибудь*, где это не „стеснит” тебя»[51].

При свидании двух императоров в Петергофе 26 июля (7 августа) 1897 г. эта тема обсуждалась подробно. Перед поездкой фон Бюлов, исполнявший

---

[47] Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914. М.–Пг.: Центрархив, 1923. С. 6.
[48] Сборник договоров и дипломатич. документов по делам Дальнего Востока. С. 63.
[49] Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке. С. 92. 93.
[50] Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М., 1952. С. 292–294.
[51] Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 8.

обязанности статс-секретаря по иностранным делам, так инструктировал кайзера: «лучше всего, если Россия приблизительно одновременно с Германией выберет себе порт на китайском побережье. … Мы будем настаивать на предоставлении нам Киао-Чао (речь шла о бухте Цзяо-Чжоу с островом Циндао в провинции Шаньдунь. – *В. К.*), которое с прилегающим к нему Шаньдунем морское ведомство … считает наиболее подходящим для нас опорным пунктом. Но мы не возражаем, если русские утвердятся в каком-нибудь пункте Ляодунского полуострова, к чему они, по-видимому, стремятся»[52].

Вильгельм так передал разговор с царем на эту тему: «Царь сказал мне, что он совершенно *не заинтересован в пунктах южнее линии Тяньзинь–Пекин*, так что у него нет никаких оснований ставить нам препятствия в Шаньдуне. Его интересы … сосредоточились в Ялу, Порт-Артуре и т. д. Он даже будет рад, если Германия на будущее время окажется желанным соседом России по ту сторону Печилийского залива (Порт Артур и Киао-Чао находились по разные стороны Печилийского пролива Желтого моря. – *В. К.*).

Через три месяца после переговоров в Петергофе, 26 октября (7 ноября) 1897 г., кайзер прислал царю телеграмму о том, что китайские националисты убили двух германских миссионеров и разграбили германскую католическую миссию в Шаньдуне, и что он «должен наказать этих китайцев». Далее кайзер писал: «Я верю, что вы одобрите поход моей эскадры в Киао-Чао, чтоб из этого пункта действовать против мародеров. Это единственно пригодная гавань»[53]. Отметим, что формально кайзер просил царя об одобрении только *временного захода* кораблей в бухту для наказания виновных в разгроме католической миссии. Ответ царя был неопределенным: «*Не могу ни одобрить, ни не одобрить* посылку вами германской эскадры в Киао-Чао, так как в последний момент узнал, что эта гавань была, хотя *только временно*, в нашем распоряжении в 1895–1896 г.»[54]. Ответ не содержал отказа, и кайзер послал корабли для захвата бухты. Фон Бюлов был более откровенен и прямо предложил Муравьеву, чтобы Россия одновременно «захватила наиболее подходящий … опорный пункт, в качестве которого русские газеты уже давно называют Порт-Артур»[55].

---

[52] Бюлов Б. Воспоминания. М.– Л.: Соцэгиз, 1935. С. 72.

[53] Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. 1938. № 2 (87). С. 37.

[54] Там же.

[55] Бюлов Б. Воспоминания… С. 103.

Утром 2(14) ноября 1897 г. три германские корабля и десант в 300 чел. вошли в бухту Цзяо-Чжоу. Правительство Китая, еще ранее заявившее, что разбойники схвачены, будут казнены и все имущественные потери будут компенсированы, потребовало вывода германских кораблей, рассчитывая на поддержку России и Англии. Пекин просил их ввести свои корабли в бухту вслед за германскими для создания противовеса. Британцы так и сделали. Петербург вначале также думал послать в Киао-Чао эскадру: «не для того, чтобы принять участие во враждебных действиях, а исключительно с целью подтвердить право первенства стоянки»[56]. Но вскоре царь отказался это сделать, склонившись к предложению фон Бюлова.

К такому шагу царя подтолкнул меморандум, который 8 ноября прислал ему Вильгельм. Кайзер напомнил, что он поддерживает политику царя в Европе и в Азии, и именно его помощь в 1895 г. помогла России изгнать Японию из Ляодуна. В заключение Вильгельм подчеркнул, что «отказ от начатой уже акции, подкрепило бы правительство и народ китайский в поведении, несовместимом с интересами и достоинством Германии»[57].

Эти аргументы убедили царя. К тому же 11 ноября царь получил записку Муравьева, который предлагал занять бухту Таляньвань (Далянь-вань, Далянь), расположенную вблизи Порт-Артура, отметив возможность соединить ее особой железнодорожной ветвью с КВЖД. Муравьев предлагал не тратить время на «увещевание» китайских министров, поскольку «восточные народы более всего уважают силу и могущество», и использовать тот способ, которым «так удачно воспользовалось германское правительство в деле приобретения удобного для своих судов порта на юге Шаньдунского полуострова». Царь на записке написал: «Вполне справедливо»[58].

Получив добро от царя, М. Н. Муравьев 14(26) ноября на особом совещании министров предложил занять Далянь-вань и соседний Порт-Артур в качестве военно-морской базы России. Резко «против» выступил С. Ю. Витте. Напомнив о российско-китайских соглашениях, он заявил, что «подобного рода захват явился бы мерою возмутительною и в высокой степени коварною». Эта мера превратит Китай «из страны крайне к нам расположенной и дружественной» в страну «нас ненавидящую, вследствие нашего коварства».

---

[56] Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. С. 40.

[57] Декларация Вильгельма II (8) 20 ноября 1897 г. // Красный архив. 1938. № 3 (87). С. 47–48.

[58] Всеподд. записка министра ин. дел (23) II ноября 1897г. // Красный архив. 1932. № 3 (52). С. 104, 106–108.

Управляющий морским министерством «выразил сомнение в удобствах и удовлетворительности для нужд морского ведомства Порт-Артура, и, при невозможности в то время приобрести порт в *юго-восточной* части Кореи, высказал как свое мнение, так равно и адмиралов, что лучше пока Порт-Артура не занимать, года два-три пользоваться Владивостоком как базой для эскадры, предпочитая возможность в будущем *приобрести порт в Корее»*[59].

Царь вначале согласился, но через несколько дней, как пишет Витте, «император, по-видимому, немного смущенный, сказал мне:

– А знаете ли, Сергей Юльевич, я решил *взять* Порт-Артур и Даляньвань и направил уже туда нашу флотилию с военной силой. … Я это сделал потому, что министр иностранных дел мне доложил после заседания, что … английские суда крейсируют … около Порт-Артура и Даляньваня и что, если мы не захватим эти порты, то их захватят англичане»[60].

Английские корабли действительно в эти дни пристально следили за передвижением германских и российских судов. Как только немцы вошли в Киао-Чао, туда же сразу вошла британская эскадра, а один корабль приплыл в Порт-Артур (27 ноября), но тут же ушел, убедившись, что русские суда не вошли в эту бухту[61]. После прихода русских кораблей в Порт-Артур британские корабли время от времени появлялись на внешнем рейде порта, но не предпринимали никаких враждебных действий. Поведение британцев говорило о том, что они рассматривали все события вокруг двух бухт как согласованную акцию кайзера и царя, но на эти бухты британцы не претендовали. У них были другие интересы, и Лондон ждал удобный повод, чтобы заявить о них, использовав акции Германии и России.

Второго (14) декабря 1897 г. русская эскадра заняла Порт-Артур. В тот же день Николай II известил об этом кайзера и выразил уверенность, что «Россия и Германия должны и смогут идти рука об руку на Дальнем Востоке»[62]. И действительно, далее два императора пошли «рука об руку», заставив Китай узаконить захваты. Шестого марта 1898 г. Пекин согласился сдать Германии в долговременную аренду бухту Кияо-чао и остров Циндао, где была создана германская военно-морская база. Германия получила также концессию на постройку железнодорожных линий в провинции Шаньдун.

---

[59] Пролог русско-японской войны. С. 45–46.
[60] Витте С. Ю. Воспоминания. С. 120–122.
[61] Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. С. 58.
[62] «Grosse Politik», Bd. XIV, I, № 37331.

В свою очередь Россия 15 (27) марта 1898 г. добилась от Пекина *бесплатной* аренды Квантунского полуострова (южной части Ляодуна) на 25 лет с правом продления срока и строительства южного ответвления от КВЖД до Порт-Артура и Далянь-ваня[63].

Получить такую аренду было непросто. Хотя захват Порт-Артура был представлен Пекину как временная акция, направленная на защиту интересов Китая, но, как пишет Витте, «вскоре китайское правительство от своего посла в Берлине узнало, что мы действуем по соглашению с Германией, и поэтому начало к нам относиться крайне недоверчиво»[64]. В течение нескольких месяцев «китайское правительство артачилось и не соглашалось» на русские требования передать порты и прилегающую территорию в долговременную аренду. На особом совещании 24 февраля 1898 г. в Петербурге были сформулированы жесткие требования к Пекину и принято решение: «Для поддержания, в случае надобности, приведенных выше требований *военной силой* перевезти теперь же из Владивостока в Порт-Артур отряд войск». Царь одобрил решение[65]. Чтобы спасти дело и избежать военного конфликта с Китаем Витте дал крупные взятки двум главным китайским чиновникам: «первому 500 000 руб., а второму – 250 000 руб.». И получил согласие. Реакция царя была вздохом облегчения: «Это так хорошо, что даже не верится»[66].

Акция России была воспринята Пекином как коварный шаг со стороны союзника и устранила атмосферу доверия, которая возникла в 1895–1896 гг. Оценивая эти события, Витте написал: «совершился тот роковой шаг, который повлек за собой все дальнейшие последствия, кончившиеся несчастной для нас японской войной и затем и смутами. Этот захват нарушил все наши традиционные отношения к Китаю и нарушил их навсегда»[67].

Захват порта не просто испортил отношения с Китаем. Пекин, ошеломленный акцией своего секретного союзника, стал искать противовесы России в соглашениях с Лондоном и Токио. Лондон использовал ситуацию и 16 (28) марта получил от Пекина в аренду морскую крепость Вей-хай-вей.

---

[63] Конвенция между Россией и Китаем о Ляодунском полуострове, Пекин, 15/27 марта 1898 г. // Сб. договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Госполитиздат, 1952. С. 309–312.

[64] Витте С. Ю. Воспоминания... С. 125–126.

[65] Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия флота. Документы. Кн. 2.. СПб.: Морское министерство, 1912. С. 179–181.

[66] Там же. С. 127–128.

[67] Витте С. Ю. Воспоминания... С. 129.

А для Токио эта акция стала исходной причиной русско-японской войны. Именно так это событие воспринималось тогда и во всей Европе. Военные аналитики Германии, которая в то время была фактически союзницей России на Дальнем Востоке, отмечали в своих обзорах: «Приобретение Россией Квантунской области воспринималось в Японии как национальное унижение, потому что именно Порт-Артур был призом Японии в войне с Китаем. И теперь жгучая ненависть к российскому сопернику захватила японский народ и сделала его готовым нести любые жертвы, и в то же время сделала для правительства очень трудным проведение осторожной внешней политики»[68]. Анализ партийно-политической истории Японии того времени, проведенный современными японскими историками, подтверждает этот вывод[69].

Повторим: Николай II лично принял решение захватить Порт-Артур, отклонив мнение Витте и его менее решительных сторонников, боявшихся открыто разойтись во мнениях с царем.

Захват Манчжурии. Шестнадцатого апреля 1899 г. Россия и Англия разделили Китай на зоны интересов, определив области железнодорожного строительства: Россия получила «Застенный Китай» (Манчжурию и Внешнюю Монголию), Англия – густонаселенный бассейн реки Янцзы.

Летом 1900 г. в Китае вспыхнуло восстание «ихетуаней» («боксерское восстание») против засилья иностранцев, которое сопровождалось разрушением части КВЖД, убийством бойцов железнодорожной охраны и мирных жителей. В ответ русские войска оккупировали всю Манчжурию и активно участвовали в походе иностранных держав на Пекин. Правительство Китая было вынуждено поддержать народное восстание или, по крайней мере, ему не противодействовать, поскольку значительная часть китайской армии поддержала восставших. В 1900 г. Россия вела войну против регулярных вооруженных сил и отрядов «ихетуаней» на территории от Амура до Порт-Артура и Пекина, о которой историки не писали именно как о войне[70]. Из Пекина русские ушли, но в Манчжурии остались. Петербург, обещавший Пекину вывести свою 100-тысячную группировку, тянул с выполнением обещания, перенося сроки и выдвигая все новые и новые условия, которые ущемляли су-

---

[68] The Russo-Japanese War. The Ya-Lu. London: Hugh Rees, 1908. С. 13–14.

[69] Окамото С. Японская олигархия в русско-японской войне. М.: Центрполиграф, 2003.

[70] Такие работы появились в постсоветской историографии. См.: Дацышен В. Г.: 1) Русско-китайская война. Маньчжурия 1900. СПб., 1996; 2) Русско-китайская война 1900 г. Поход на Пекин. СПб., 1999.

веренитет Китая. В октябре 1900 г. главный начальник Квантунской области адмирал Е. И. Алексеев вынуждал местные китайские власти в Манчжурии заключать соглашения, которые фактически устанавливали полный русский контроль над территорией.

Япония решила, что такие действия России в Манчжурии дают ей удобный повод взять под полный контроль Корею. Уже в июне 1900 г. Токио предложил разменять Корею на Маньчжурию[71]. Лозунг «Корея за Манчжурию» в Японии был популярным. Все попытки Витте побудить царя достигнуть договоренности с Японией на этой основе успеха не имели. В декабре 1900 г. влиятельный государственный деятель граф Ито, направляясь в Лондон, заехал в Петербург, где вновь предложил этот размен и получил отказ. В результате в январе 1902 г. Япония заключила союз с Англией и заказала ей строительство новейших эскадренных броненосцев и броненосных крейсеров 1-го класса, получив кредит от США. Это был курс на войну с Россией за Корею. Россия тоже строила военные корабли в Англии и в других странах, готовясь к войне с Японией.

Двадцать шестого марта (8 апреля) 1902 г. Россия под нажимом США и Великобритании подписала соглашение с Китаем, обещав в три этапа вывести свои войска из Манчжурии к 8 октября 1903 г. Первый этап вывода был осуществлен, но второй (срок – до 8 апреля 1903 г.) остался невыполненным, поскольку в январе этого года царь решил обусловить дальнейший вывод войск новыми требованиями. Они включали требования «о сохранении на линии железной дороги и по рекам Амуру и Сунгари известного количества войск» и об ограничении заселения китайцам местностей вдоль КВЖД[72]. Фактически у Китая отторгалась северная часть Манчжурии с неясной линией границы на юге. Неясность возросла в связи с тем, что русские войска вторично заняли ранее оставленный Мукден, священный для правящей в Китае манчжурской династии родовой центр, находившийся в южной Манчжурии. Это вызвало возмущение в Пекине.

В свою очередь правительство Японии решило использовать ситуацию и начать борьбу за утверждение контроля над Кореей. Генро – самый авторитетный орган в Японии, состоявший из ближайших советников императора,

---

[71] Вада Х. Русско-японские переговоры. Путь Японии к началу войны с Россией // Вопросы истории. 2012. № 3. С. 98.

[72] Журнал Особого совещания (7 февраля) 25 января 1903 г // Красный архив. 1932. № 3 (52). С. 110, 120.

получив известие об остановке вывода русских войск из Манчжурии, в апреле 1903 г. решил, что Япония должна:

– воспользоваться существованием маньчжурского вопроса для того, чтобы начать прямые переговоры с Россией по поводу корейского вопроса;

– заставить Россию признать преобладающие права Японии в Корее и не делать России уступок ни в чем, что касается Кореи;

– признать преобладающие права России в Маньчжурии с целью окончательного решения корейской проблемы[73].

Токио исходил из того, что силы России на Дальнем Востоке в тот момент не превосходили силы Японии, но с каждым годом силы России будут расти, и в недалеком будущем Япония потеряет возможность утвердиться в Корее[74]. Внешнеполитическая обстановка для Японии была благоприятной: США и Великобритания поддерживали ее.

Военный министр Куропаткин в своей книге писал: «приостановка очищения Мукденской провинции от наших войск составляет событие огромной важности. Пока мы твердо намеревались очистить всю Маньчжурию от наших войск, ограничившись охраной железной дороги пограничной стражей и небольшим резервом в Харбине, и в особенности при решимости нашей не забираться со своими предприятиям в Корею, опасность разрыва с Японией была маловероятна»[75].

Русско-японские переговоры. Двадцать третьего июня императорский совет Японии утвердил программу переговоров с Россией, и 30 июля (12 авг.) 1903 г. японский посланник в Петербурге С. Курино передал В. Н. Ламсдорфу, сменившему на посту министра иностранных дел графа М. Н. Муравьева, условия заключения соглашения. Это был перечень условий обмена Манчжурии на Корею с обязательством формального сохранения державами суверенитета Кореи и Китая. Предложение имело перекос в пользу Японии, которая требовала себе исключительных прав в Корее, но признавала только ограниченные права России в Манчжурии, связанные с железнодорожным строительством[76]. Этот перекос мог быть устранен в ходе переговоров, поскольку лозунг «Корея за Манчжурию» был известен в Петербурге. Принятие

---

[73] Окамото С. Японская олигархия в русско-японской войне… С. 50.

[74] Там же. С. 102.

[75] Куропаткин А. Н. Русско-японская война 1904–1905. С. 153.

[76] Гиппиус А. И. О причинах нашей войны с Японией; прил. (документы). СПб., 1905. С. 173–174.

этого предложения с минимальными поправками позволяло России надолго сохранить мир на Дальнем Востоке. Однако царь не хотел отдавать Корею. В августе 1903 г. после очередного совещания по проблемам этого региона он отправил в отставку С. Ю. Витте, который выступал против планов присоединения Манчжурии и настаивал на уступках Японии в Корее.

После долгой паузы Петербург 20 сентября (3 окт.), т. е. через 52 дня, направил в Токио ответ, который содержал иные условия соглашения. Основные разногласия содержали первый, пятый, шестой и седьмой пункты.

Первый пункт предусматривал «взаимное обязательство уважать независимость и территориальную неприкосновенность *Корейской* империи» без упоминания о Китае. Пятый пункт содержал «взаимное обязательство не пользоваться никакой частью корейской территории для *стратегических целей»*. Шестой пункт предлагал «считать часть территории Кореи, лежащую к северу от 39-ой параллели, *нейтральной полосой*, в которую ни одна из договаривающихся сторон не должна вводить войск (39 параллель – линия, на которой лежали города Пхеньян и Вонсан, разделявшая Корею на две части. – *В. К.).* Седьмой пункт требовал от Японии признание «Маньчжурии и её побережья во всех отношениях вне сферы её интересов»[77].

Таким образом, царское правительство полностью исключало Манчжурию из переговорной сферы, ограничивало права Японии в Корее в военном отношении, требовало от Японии признать «территориальную неприкосновенность» Кореи, но не подтверждало «территориальную неприкосновенность» Китая. Токио увидел в этом свидетельство того, что из Манчжурии Россия уходить не собирается, и проинформировал Пекин о позиции Петербурга. В ответ Пекин в сентябре 1903 г. заключил договоры с США и Японией, которые давали им право заниматься экономической деятельностью «во всех портах или местах Китая, которые ныне открыты или впредь могут быть открыты для проживания или торговли иностранцев».

Семнадцатого (30) октября Токио представил новый вариант соглашения, который содержал ожидаемые уступки. Япония предлагала:

– признать Маньчжурию вне сферы своего влияния, при условии, что Корея будет признана находящейся вне сферы влияния России;

---

[77] Гиппиус А. И. О причинах нашей войны с Японией… С. 189.

– признать особые интересы России в Маньчжурии (удалив оговорку «в сфере строительства железных дорог») и право применять все необходимые меры для защиты этих интересов;

– определить границы нейтральной зоны так, чтобы эта зона простиралась на 50 километров в обе стороны от корейско-китайской границы, прилегающей к Манчжурии;

– оставить за собой право использовать корейскую территорию для стратегических целей, но отказаться от проведения любых военных работ на побережье Кореи, которые могли бы ограничить свободу навигации по корейским проливам [78]. Условия содержали и строки об обязательстве со стороны России уважать «территориальную неприкосновенность *Китая в Маньчжурии* и не вступаться в торговую свободу Японии в Маньчжурии»[79].

Петербург тянул с ответом, поскольку царь уехал за границу и не принимал определенных решений. Все ключевые министры осенью 1903 г. уже понимали опасность войны при сохранении Россией заявленной позиции. Военный министр 15 октября 1903 г. подал царю записку «По маньчжурскому вопросу», предлагая ограничиться оккупацией только северной Манчжурии, чтобы прикрыть КВЖД, а 27 ноября Куропаткин послал царю вторую часть записки, в которой прямо предлагал вернуть Китаю «Квантун и южную ветвь железной дороги», идущей от КВЖД к Порт-Артуру. Военный министр писал: «Успех или неуспех нескольких предприятий в Манчжурии и в Корее – лесных, угольных и других – имеет слишком *ничтожное* для России значение, чтобы из-за них стоило *рисковать войною*» [80].

Упоминание о лесных предприятиях в Корее появилось не случайно. Дело в том, что в конце 1902 г. внимание царя привлек действительный статский советник А. М. Безобразов, который выдвинул проект «тихой» оккупации северной Кореи. В этих целях решили использовать акционерное общество, которое приобрело обширную лесную концессию на севере Кореи вдоль русской границы. А. М. Безобразов, получив деньги из личного фонда царя, планировал под предлогом лесной стражи ввести туда русские войска. Весной 1903 г. группы русских солдат, переодетых в гражданское стали появляться в зоне концессии, что стало известно японцам.

---

[78] Окамото С. Японская олигархия в русско-японской войне… С. 68.

[79] Гиппиус А. И. О причинах нашей войны с Японией… С. 191–192.

[80] Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–1905. С. 167. См. также: Дневник А. Н. Куропаткина. С. 87–90.

Предупреждения военного министра не повлияли на позицию царя. После долгой паузы Токио 28 ноября (11 декабря) получил отказ на свои предложения. В русском проекте соглашения остались и ст. 1, которая не подтверждала суверенитет Китая, но требовала от Японии уважать «независимость и территориальную неприкосновенность Корейской империи», и ст. 5 о взаимных обязательствах «не пользоваться никакой частью корейской территории для стратегических целей», и ст. 6, предлагавшая «считать территорию Кореи к северу от 39-й параллели за нейтральную полосу»[81].

В ответ Токио 8 (21) декабря 1903 г. вновь прислал пакет предложений, повторив прежние условия по Корее, особо потребовав исключить ст. 5 и 6[82].

Опасность разрыва переговоров стала реальной. Ламсдорф уговорил царя пойти на некоторые уступки, и 24 декабря (6 января) Токио получил проект соглашения, по которому Россия сохраняла ст. 5 и 6, но признавала торговые права Японии в Манчжурии[83]. Это была ожидаемая, но недостаточная уступка. Ожидаемая потому, что не только Япония, но Англия и США требовали признания своих *торговых* прав на всей территории Китая, включая Манчжурию. И Россия летом 1903 г. (декларация от 11 июля) обещала признавать торговые права других держав в Манчжурии. Недостаточная – потому, что статьи 5 и 6 оставались, свидетельствуя об отказе России полностью отдать Корею под контроль Японии. Япония уже 31 декабря (13 янв.) дала ответ, в котором вновь настаивала на снятии ст. 5 и ст. 6.

В Петербурге 15 (28) января на особом совещании Ламсдорф предложил снять 6-ю статью о нейтральной зоне в Корее. Против такого предложения возражал контр-адмирал А. М. Абаза, один из сторонников Безобразова, управляющий делами «Особого комитета Дальнего Востока», созданного царем для проведения своей политики в регионе. Николай использовал этот комитет, чтобы напрямую давать указания адмиралу Е. И. Алексееву, члену комитета и наместнику на Дальнем Востоке. О реальной позиции царя говорит телеграмма, которую он отправил 14 января Алексееву в Порт-Артур: «Имейте в виду для Вашего *личного* сведения, что в случае высадки японцев в южную Корею или по восточному берегу по южную сторону *параллели Сеула*, Россия будет смотреть сквозь пальцы, и это не будет причиной войны. Можно допустить японскую оккупацию Кореи до гор, составляющих водо-

---

[81] Гиппиус А. И. О причинах нашей войны с Японией... С. 209.
[82] Там же. С. 211.
[83] Там же. С. 214–215.

раздел *бассейнов Ялу и Тумень-ула»*[84]. Телеграмма говорила о том, что царь понимал опасность начала войны, но представлял ее только как высадку японцев в Корее и заранее определял пределы японской оккупации, на которые Россия была согласна. Очевидно, что Абаза знал об этой секретной телеграмме царя и именно поэтому на особом совещании выступил против предложения Ламсдорфа отказаться от нейтральной зоны. Через два дня (17 января) Абаза сделал шаг, который осведомленные современники и историки считали самым ярким свидетельством авантюризма «безобразовцев». В частной беседе он сообщил японскому посланнику С. Курино о том, что Россия будет настаивать на сохранении нейтральной зоны в Корее и вступил с ним в переговоры относительно границ этой зоны. Однако от внимания исследователей ускользнул тот факт, что Абаза действовал не по своей инициативе, а выполнял тайное поручение царя. Об этом свидетельствуют две записки, опубликованные Абазой еще в 1905 г. в сборнике документов Особого комитета Дальнего Востока. Сборник распространялся среди узкого круга высокопоставленных лиц с целью оправдания «безобразовцев», которых уже тогда стали обвинять в развязывании войны. Царь приказал изъять публикацию, но часть экземпляров вернуть не удалось. Под номером 30 в сборнике помещена копия записки царя от 16 января 1904 г. без указания адресата.

№ 30. Копия собственноручной записки Государя Императора.

«Закрывая глаза на высадку японцев в Корее до Чемульпо включительно, нужно, чтобы они *тоже знали*, до *какого предела* мы допустим их высадку. Иначе может выйти непоправимое недоразумение.»[85].

Эта часть записки была ответом на просьбу Е. И. Алексеева уточнить те пределы в Корее, которые царь был готов уступить японцам для прямого военного захвата[86]. Адмирал Алексеев спрашивал о Чемульпо, и царь уточнял право японцев захватить этот важнейший порт, расположенный чуть южнее Сеула. Записка была направлена и Абазе, которому давалось поручение сделать так, чтобы и японцы *знали*, до *какого предела* царь готов был допустить их высадку в Корее. Об этом говорит второй документ, который содержит

---

[84] Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. хранящиеся в канцелярии Особого комитета Дальнего Востока. СПб.: Синодальная типография, 1905. С. 40.
[85] Там же. С. 43.
[86] Там же. С. 40–41.

фрагмент отчета Абазы царю и просьбу принять для более подробного личного доклада до отправки русского ответа на японские предложения.

№ 31. Всеподданнейшее письмо свиты Е. В. контр-адмирала Абаза. Извлечение. С.-Петербург, 18 января 1904.

Ваше Императорское Величество, вчера утром я *разъяснил* японскому посланнику, до каких пределов береговой линии может быть допущена высадка в Корее. Сегодня в течение дня посланник два раза присылал мне своего секретаря с очень длинной просьбой, которую осмеливаюсь просить Ваше Величество *выслушать от меня в устном докладе* до отправки русского ответа на японские предложения»[87].

Из второй записки следует, что Абаза обсуждал с Курино вопрос о тех пределах, на которые царь был согласен, и получил от японского посланника ответные предложения. Двадцатого января в 10 часов утра царь принял Абазу, упомянув об этом в дневнике, но нет информации, о чем шел разговор, т. е. неясно, каковы были итоги переговоров с Курино[88].

Описанные события свидетельствуют, что Абаза был инструментом в руках царя, а не наоборот[89]. Этот момент важно подчеркнуть, чтобы устранить все попытки снять с царя ответственность за принятые решения и представить дело так, как будто внешняя политика в эти дни «ушла из его рук», и во всем виновата группа авантюристов, которым царь доверился. Телеграмма царя Алексееву и записки, опубликованные Абазой, позволяют говорить о том, что Николай негласно проводил такую линию: не делая уступок японцам на переговорах, дать им возможность беспрепятственно захватить южную часть Кореи, что делало Японию зачинщицей войны и развязывало России руки для действий в отношении северной части. Дальнейшие события подтверждают эту линию поведения царя, но говорят и о его колебаниях.

Ламсдорф, ничего не зная о таких шагах Абазы, уговаривал царя снять пункт о нейтральной зоне, направив ему 18 января особую записку. С согла-

---

[87] Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С. 44.

[88] Дневники Николая II. 1894–1918. С. 192.

[89] И. В. Лукоянов подробно изложил историю появления и основное содержание сборника документов, подготовленных Абазой. Однако историк не анализирует приведенные записки и поэтому не видит в переговорах Абазы с Курино выполнения поручения царя, которому Абаза тут же доложил результат. Лукоянов придерживается традиционного мнения, что Абаза действовал самостоятельно: «не имея никаких полномочий, вступил в тайные переговоры с японским посланником» (Лукоянов И. В. Указ. соч. С. 487.)

сия царя 20 января министр в разговоре с японским посланником пообещал снять статью о нейтральной зоне. В этот же день 20 января Ламсдорф послал в Порт-Артур адмиралу Е. И. Алексееву для согласования и последующей пересылки в Токио новый русский проект соглашения, который *не содержал* прежней ст. 6 о нейтральной зоне. Было дано согласие на соединение Восточно-Китайской и Корейской железных дорог (последнюю собирались строить японцы до границы с Китаем (Манчжурией) по реке Ялу). Подтверждались права и преимущества, приобретённые Японией наравне с прочими державами по договорам с Китаем, но «*Маньчжурию* с её побережьем» Япония должна была «признавать стоящей *вне сферы её интересов»* [90].

Представленный текст от 20 января, подготовленный Ламсдорфом, открывал возможность продолжения переговоров, поскольку Россия отказывалась от статьи о нейтральной зоне, хотя и сохраняла ст. 5.

Однако уже на следующий день ситуация изменилась. «Николай II, – пишет известный японский историк Харуки Вада, – временно утвердил проект Ламсдорфа, но 3 февраля (21 января по ст. стилю. – *В.К.*) стал настаивать на требовании включить в него пункт о нейтральной зоне. Это был безответственный шаг»[91]. И. В. Лукоянов нашел в архиве письмо царя Ламсдорфу от 21 января и так уточняет суть новой позиции царя: «Царь в который уже раз занял промежуточную позицию, предложив сделать статью о нейтральной зоне *тайной*»[92]. Ламсдорф, выполняя полученное указание, направил Алексееву текст проекта соглашения от 20 августа (без упоминания 6-й статьи) и инструкцию для передачи русскому послу в Японии барону Розену. Розен должен был сообщить правительству Японии «о нашем *отказе* от 6-й статьи», а затем «попытаться склонить тем или иным способом японцев к принятию, хотя бы в форме секретной статьи, условия установления нейтральной зоны в северной Корее»[93]. Двадцать второго января Ламсдорф на встрече с Курино передал ему вербальную ноту, содержавшую пункт о сохранении

---

[90] Телеграмма В. Н. Ламсдорфа Е. И. Алексееву 20 января 1904 г. // Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С. 46–47.

[91] Вада Х. Русско-японские переговоры. С. 106.

[92] Лукоянов И. В. «Не отстать от других держав»… С. 568.

[93] Х. Вада ссылается на документ: Ламсдорф – Алексееву. 21.I.1904. ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 216; РГВИА, ф. 165, оп. 1, д. 969, л. 26.. См.: Вада Х. Русско-японские переговоры. С. 106.

«*буферной зоны*». Сведения об этом разговоре и позиции Ламсдорфа Харуки Вада нашел в российском архиве[94].

Все эти детали имеют не только академический интерес, поскольку из текста последнего проекта соглашения от 20 января, опубликованного в русских источниках, получалось, что Россия пошла на существенную уступку, сняв статью о нейтральной зоне, а Япония тем не менее начала войну. Целый ряд советских и постсоветских историков разделяли версию о серьезных уступках, которые были сделаны в последних русских предложениях, ссылаясь на проект от 20 января. На деле последние указания царя дезавуировали сделанные уступки: Россия не отдавала под контроль Японии северную Корею. Более того, адмирал Алексеев имел секретное приказание не допустить высадку японцев в Корее севернее определенного предела.

В такой ситуации правительство Японии вечером 21 января получило известие о том, что корабли русской Тихоокеанской эскадры в полном составе вышли из Порт-Артура[95]. Действительно, 18 января эскадра по решению адмирала Алексеева вышла в открытое море на учения, но вскоре вернулась и встала на внешнем рейде. Японцы увидели в этом шаге готовность эскадры блокировать высадку японских войск в Корее. К этому времени правительство Японии, конечно же, обсудило те предложения о пределах продвижения, которые Абаза довел до Курино по поручению царя 18 января, и было ясно, что помешать высадке японцев севернее этих пределов мог только русский военный флот. И в этой ситуации 21 января пришла новость о выходе всей русской эскадры из Порт-Артура.

Двадцать второго января (4 февраля) в 14:00 императорское совещание в Токио приняло решение начать войну, но не объявило об этом[96]. А 23 января утром по местному времени в Токио от Курино должна была поступить телеграмма о том, что накануне вечером Ламсдорф в форме устной ноты заявил о необходимости восстановления пункта о «буферной зоне» в том или ином виде. Очевидно, что эта новость была последним толчком, и 24 января (6 февраля) в Японии была объявлена мобилизация, и началась переброска японских войск в Корею.

---

[94] Х. Вада сообщает об этом, ссылаясь на документ: Ламсдорф – Курино. 22.I.1904. ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 180, л. 218–220. См.: Вада Х. Русско-японские переговоры. С. 106.

[95] Там же.

[96] Там же. См. также: Золотарёв В. А., Соколов Ю. Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: русско-японская война 1904–1905 гг. М., 2004. Кн. 1. С. 278–279.

В тот же день 24 января в четыре часа дня по местному времени в Токио российскому послу барону Р. Р. Розену было объявлено, что правительство решило закончить «тщетные переговоры» и разорвать с Россией дипломатические отношения. Отметим, что к этому моменту Розен еще не получил последнего варианта текста соглашения для официальной передачи японской стороне. Из-за задержки на телеграфе текст был получен только 25 января. К этому времени отношения были уже разорваны, и Розен не вручал полученный текст японской стороне и не обсуждал проблему секретной статьи. Весьма показательно, что в своих обширных мемуарах Розен ни слова не сказал, что в последний момент Петербург сделал Токио какие-то уступки. Напротив, посол постоянно проводил мысль, что война началась из-за того, что Японии не отдали контроль над всей Кореей[97].

В свою очередь в этот же день, 24 января, посланник С. Курино заявил, что покидает Петербург в виду явной невозможности достижения компромисса, и передал сразу две ноты, в которых говорилось об отказе от дальнейших переговоров и разрыве дипломатических отношений. Прямого объявления войны сделано не было, но в одной из нот сообщалось, что «императорское правительство оставляет за собой *право принять независимое действие*, какое сочтет наилучшим для укрепления и защиты своего положения и охраны своих прав и законных интересов»[98].

Характерна реакция царя на решение Японии о разрыве дипломатических отношений с Россией. Утром 26 января (8 февраля) у него состоялось совещание, и царь записал в дневнике: «решено не начинать самим»[99]. И тут же отправил адмиралу Алексееву в Порт-Артур телеграмму: «Желательно, чтобы *японцы, а не мы* открыли военные действия. Поэтому, если они не начнут действий против нас, то вы не должны препятствовать их высадке в южную Корею или на восточный берег до Гензана включительно. Но если на западной стороне Кореи их флот с десантом или без оного перейдет к северу через 38-ю параллель, то вам предоставляется их *атаковать, не дожидаясь первого выстрела* с их стороны. Надеюсь на вас. Помоги вам Бог!»[100].

Эта телеграмма опять же была опубликована только Абазой в его изъятом сборнике документов «Особого комитета Дальнего Востока». И она

---

[97] Rosen R. R. Forty Years of Diplomacy. New York: Alfred Knopf, 1922. P. 231–232.
[98] Там же. См. еще: Вада Х. Русско-японские переговоры. С. 107.
[99] Дневники Николая II. 1894–1918. С. 192.
[100] Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг. С. 50.

вновь показывает смысл позиции царя: не давать Японии согласия на господство в Корее, но не противодействовать захвату ее южной части. Отметим, что в телеграмме названы практически те же пределы, о которых царь писал Алексееву еще 14 и 16 января: отдать порт Чемульпо, расположенный южнее 38 параллели по западному побережью Кореи, а по восточному (менее населенному и изрезанному) берегу Кореи японцам было разрешено продвижение до Вонсана (Гензано), т. е. даже к северу от 39 параллели, где-то по линии водораздела бассейнов рек Ялу и Тумень-ула. Очевидно, что именно эти пределы Абаза довел до сведения Курино на их частной встрече, и царь рассчитывал, что японцы их не нарушат.

В свете этих телеграмм становится понятным и столь странное решение Алексеева вывести 18 января весь флот из бухты Порт-Артура на учения. Алексеев не мог не понимать, что в той критической ситуации его решение носило откровенно провокационный характер, поскольку создавало для японцев опасность получить неожиданный удар в неизвестном месте в момент, когда они начнут переброску войск в Корею. Но у Алексеева были свои веские мотивы: эскадра должна была быть готовой успеть прийти к западному берегу Кореи с тем, чтобы не дать японцам пересечь 38 параллель, а выход из бухты Порт-Артура для больших кораблей был долгим. И адмирал решил проблему: вывел эскадру на учения и оставил корабли на внешнем рейде.

Телеграммы ярко показывают и самый главный просчет царя: убежденность в том, что военные действия *будут происходить в Корее и из-за части Кореи*, что делало конфликт локальным и контролируемым. Николай не видел готовности Японии пойти на крупную войну с выходом на территорию Китая (Манчжурию и Ляодунский полуостров). Он явно недооценил тот факт, что воинственная позиция Японии питалась благожелательной к ней позицией Англии и США. Президент Т. Рузвельт сразу после начала русско-японской войны предупредил правительства Германии и Франции, что «в случае, если создастся комбинация против Японии, которая попытается повторить опыт вмешательства трех держав 1895 г.», американское правительство тотчас станет на сторону Японии и примет «все необходимые меры для ее защиты»[101]. Однако Рузвельт зря волновался. Франция и Германия сразу заявили о нейтралитете. При этом Вильгельм II накануне нового 1904 г.

[101] Dennett T. Th. Roosevelt and the Russo-Japanese War. N. Y., 1925. C. 2.

написал царю, что в Германии все прекрасно понимают, что Россия должна иметь Порт-Артур и Манчжурию, и более того «для всякого непредубежденного человека ясно, что Корея должна быть и будет русской»[102].

В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. японские корабли атаковали русские корабли на рейде Порт-Артура, а днем – у корейского порта Чемульпо. Так началась русско-японская война. И началась она неожиданно для царя не только в Корее, но и в Китае.

На наш взгляд, приведенные материалы однозначно указывают на решающую роль царя в определении политики России на Дальнем Востоке. Вопреки мнению своих самых авторитетных министров, включая министра финансов С. Ю. Витте, министра иностранных дел В. Н. Ламсдорфа и военного министра А. Н. Куропаткина, царь был готов воевать с Японией из-за Кореи, отказавшись от мирной защиты ограниченных русских интересов в этой стране. Такая защита была реальной на базе признания равных прав на экономическую деятельность в Корее всех стран, которых требовали и Англия, и США.

***

Военные действия проходили неудачно для России. В 1904 г. она проиграла битвы за Лаоян и при Шахо, потеряла большую часть Тихоокеанской эскадры, которая находилась в крепости Порт-Артур, а затем и саму крепость. В феврале 1905 г. проиграла генеральное сражение под Мукденом. Однако после этого сражения силы Японии были истощены, а русская армия, напротив, продолжала получать все новые и новые подкрепления. По данным японских военных уже в марте 1905 г. российская армия в три раза превосходила японскую. Японские генералы стали давить на свое правительство, требуя быстрого заключения мира, пока военная удача не исчезла. Начальник Генерального штаба армии Ямагата 23 марта сделал доклад правительству, в котором утверждал, что «даже захватив Харбин и Владивосток, мы не сможем сказать, что нанесли противнику непоправимый урон. Даже в этом случае упрямый противник не запросит мира». Семнадцатого апреля прошло совещание гэнро, и было принято решение, что «Япония, используя Соединенные Штаты в качестве посредника, *инициирует мирные переговоры»* [103].

---

[102] Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 52.

[103] См.: Окамото С. Японская олигархия в русско-японской войне… С. 75–76, 79–81.

Цусима. Ситуацию существенно изменило поражение русского флота в Цусимском проливе, причем изменило не столько в чисто военном отношении, сколько в политическом. Это был очень серьезный удар по престижу России в мире и по престижу самодержавия внутри страны.

Цусимская трагедия остро ставит вопрос о ключевых решениях, принятых царем уже в ходе войны. Речь идет о решении послать Балтийскую эскадру на Дальний Восток и о решении продолжать этот поход после падения Порт-Артура и гибели основных сил 1-й Тихоокеанской эскадры. Оба решения были личными решениями царя. Первое означало, что Балтийская эскадра, собранная из разномастных кораблей, должна совершить 18000-мильный переход из Либавы в Порт-Артур вокруг Африки. Такой маршрут был выбран из опасения, что турки и англичане не пропустят русские корабли через черноморские проливы и Суэцкий канал[104]. Второе решение обрекало эту эскадру (названную 2-й Тихоокеанской эскадрой) на прорыв во Владивосток, что означало неизбежную встречу с более мощной японской эскадрой в каком-либо узком проливе. При этом эскадра противника могла действовать с близко расположенных баз и издалека следить за приближением русской эскадры, выбирая место и время для боя.

«Следственная комиссия по выяснению обстоятельств Цусимского боя», созданная после войны, в своем отчете написала: «*Безнадежная*, сначала основанная не на добросовестном расчете, а на *слепой надежде на удачу* операция прорыва 2-й эскадры Тихого океана во Владивосток *должна была окончиться катастрофой*». Комиссия запрятала этот вывод в п. 4 своего отчета, который начинался тезисом о «неудачном выборе начальника эскадры, принявшего на себя командование без веры в возможность боевого успеха»[105]. Иными словами основную вину за поражение свалили на адмирала Рожественского, начальника эскадры.

Тема «расчета на чудо» присутствовала и в подробном описании похода эскадры к берегам Японии, которое подготовила «Историческая комиссия по описанию действий флота в войну 1904–1905 гг. при Морском Генеральном штабе». Каждая страница шестой и седьмой книг, основанных на документах, показывает, насколько авантюрным был этот поход с самого начала.

---

[104] К тому же тяжелые броненосцы, перегруженные углем, не могли пройти Суэцкий канал без разгрузки. Часть кораблей позже прошла и через Проливы и Суэцкий канал.

[105] Заключение следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя // Морской сборник. 1917. № 9. С. 42.

Общий вывод гласил: «Дело считали окончательно проигранным, если не случится чуда, и чуда этого ждали от адмирала Рожественского»[106].

Решение послать балтийскую эскадру в Порт-Артур принималось 10 (23) августа 1904 г. на особом совещании в Петергофе под председательством Николая. Витте в своих мемуарах, основываясь на рассказах графа Ламсдорфа и Великого Князя Александра Михайловича, сообщает, что «присутствовавшие *все* сомневались в успехе этого предприятия, а некоторые члены совещания были убеждены в неуспехе его и, если Государь решил отправить эскадру, то с одной стороны вследствие *легкости суждения*, связанного с оптимизмом, а с другой – потому что присутствовавшие не имели мужества говорить твердо то, что они думали. … Когда же дело дошло до того, что Рожественский должен был высказать свое мнение, то Рожественский … сказал следующее: "… экспедиция эта очень трудная, но если Государь Император *прикажет* ее ему совершить, то он встанет во главе эскадры и поведет ее на бой в Японию"»[107].

Важно отметить, что тезис «Следственной комиссии» о том, что адмирал Рожественский изначально не верил в успех похода, родился не на пустом месте. Рожественский не скрывал своего мнения даже от членов царской семьи. Возможно, адмирал делал это в надежде, что его мнение дойдет до Николая, и тот передумает. В разговоре с Великим князем Александром Михайловичем адмирал сказал: «Я вполне отдаю себе отчет в том, что мы не имеем ни малейшего шанса победить в борьбе с японцами»[108].

Важно отметить, что на совещании все уже понимали, что эскадра не успеет дойти до Порт-Артура до его падения, так как на переход требовалось 150 дней. Если судить по официальным документам, то в результате совещания царь принял решение: отложить выход эскадры на полтора месяца[109].

Великий князь Александр Михайлович в своих мемуарах дал нескольку иную версию исхода совещания и последующих событий: «Я говорил последним и решил не церемониться. К моему величайшему удивлению было решено последовать моему совету, и наш Балтийский флот на верную гибель

---

[106] Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. 7. Тсусимская операция (так в источнике – *В. К.*). Пг.: Морское министерство, 1917. С. 2.

[107] Витте С. Ю. Воспоминания. С. 346–347.

[108] Вел. князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Paris: LEV, 1931. С. 216.

[109] Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. 6. Поход 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток. Пг.: Морское министерство, 1917. С. 13.

в Тихий океан не посылать. В течение двух недель все было благополучно, но к концу второй недели Никки снова изменил свое мнение. Наш флот должен был все-таки отправиться на Дальний Восток, и я должен был сопровождать Государя в Кронштадт для прощального посещения наших кораблей. По дороге в Кронштадт я снова пробовал высказать свою точку зрения и встретил поддержку в лице опытного флаг-капитана императорской яхты «Штандарт». Государь начал снова колебаться. В душе он соглашался со мною:

– Дай мне еще раз поговорить с дядей Алексеем и Авеланом (управляющий морским министерством. – *В. К.*), – сказал он, когда мы переходили на яхту адмирала.

– Дай мне поговорить с ними с глазу на глаз. Я не хочу, чтобы твои доводы на меня влияли.

Их заседание длилось несколько часов. Я же, в роли «enfant terrible», ожидал их на палубе.

– Ваша взяла, – сказал Авелан, появляясь на палубе, – мы приняли *неизменное решение* эскадры на Дальний Восток *не посылать.*

“Неизменность” решения Никки продолжалась десять дней. Но он все же переменил в третий … раз свое решение. Наши суда, матросы и офицеры должны были все-таки быть *принесены в жертву* на алтарь общественного мнения»[110].

Отметим эту ссылку на общественное мнение. Она была призвана представить дело так, что царь послал эскадру в угоду общественному мнению. На деле в обществе доминировало мнение, что поход вокруг Африки – авантюра. Никто из представителей либеральной оппозиции не призывал послать эскадру в такой поход. Царя критиковали за то, что он затеял ненужную войну в ситуации, когда армия и флот были не готовы. Решение царя диктовалось надеждой избежать поражения в войне с японцами и тем самым поднять свой престиж в общественном мнении.

Второе решение (о продолжении похода после уже состоявшегося падения Порт-Артура и гибели 1-й эскадры) царь принимал практически в той же атмосфере: сановники не решались прямо заявить о том, что поход обречен, зная настроение монарха.

В январе–феврале 1905 г. 2-я эскадра стояла на Мадагаскаре, ожидая пополнения и ремонтируясь после перехода вокруг Африки. С этой географи-

[110] Вел. князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 223–224.

ческой точки еще была возможность вернуть эскадру домой, причем часть кораблей можно было вернуть через Суэц. Рождественский, получив приказ прорываться во Владивосток, собрал совещание старших командиров и сказал о «непосильности выполнения» поставленной задачи в новых условиях. «Все собравшиеся вполне разделили взгляд Командующего эскадрой»[111], но телеграмма царю была составлена так, чтобы он сам принял решение о возврате эскадры, поскольку моряки выражали готовность выполнить приказ.

Царь распорядился продолжать поход, боясь потерять лицо перед Европой. Потеря престижа была неизбежной, но на другой чаше весов лежали корабли эскадры и жизнь 16 тыс. тысяч матросов и офицеров.

Перед Цусимским боем адмирал Рожественский издал приказ, в котором говорилось, что с приходом подкреплений «силы эскадры не только уравнялись с неприятельскими, но и приобрели некоторый перевес в линейных боевых судах», а конец звучал так: «Господь <…> благословит исполнить *завет* Государев и *кровью смыть* горький стыд Родины». Капитан I ранга граф Капнист, автор седьмой книги с описанием Цусимского боя, так прокомментировал этот приказ: его первая часть – «риторическая форма», а в заключительных словах – «вся его суть и его значение»[112].

Балтийская эскадра шла на встречу с противником, не имея материально-технического превосходства над ним. Достаточно сказать, что японская эскадра в целом делала 360 выстрелов в минуту против 134 выстрелов русской эскадры. Японские снаряды по фугасному действию превосходили русские в 10–15 раз. Бронирование русских кораблей было слабее – 40 % площади против 61 % у японских кораблей[113]. Артиллерийский огонь и решил дело. В ходе боя от артиллерийского огня и торпедного оружия погибло восемь русских броненосцев, три крейсера, пять миноносцев, вспомогательный крейсер и три транспорта. Сдались противнику четыре броненосца. Прорвались к родным берегам крейсеры «Алмаз» и «Изумруд», миноносцы «Бравый» и «Грозный». Интернированы в нейтральных портах крейсеры «Олег», «Аврора» и «Жемчуг», миноносец «Бодрый», транспорты «Корея» и «Анадырь», пароход «Свирь». Японцы потеряли три миноносца, погибло

---

111 Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. 6. С. 146–147.

112 Там же. Кн. 7. Тсусимская операция. С. 7. (так в источнике – *В. К.*)

113 Советская историческая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 15, С. 786.

116 чел.[114]. Историческая комиссия флота дала такие цифры русских потерь: сумма убитых, утонувших и умерших от ран – 5 045 офицеров, кондукторов и нижних чинов, что составило 31,2 % от численного состава второй эскадры (16.171 чел.); оставшихся в живых после повреждений (ранений, контузий, ожогов и др.) – 809 чел. Всех пострадавших – 5 855 или 36,2 % от численного состава эскадры[115].

О вине царя за эти потери прямо заявил великий князь Александр Михайлович: «14 мая – в девятую годовщину коронации – наш обед был прерван прибытием курьера от Авелана: наш флот был уничтожен японцами в Цусимском проливе, адмирал Рожественский взят в плен. … В Цусимском поражении он (царь – *В. К.*) *не мог винить никого, кроме самого себя*. … Государь ничего не сказал, по своему обыкновению. Только смертельно побледнел и закурил папиросу»[116].

Общие потери в войне. Безвозвратные потери России в войне с Японией с 27 января 1904 г. по 1 октября 1905 г. (день ратификации мирного договора) составили 52500 солдат, матросов и офицеров – погибло, умерло от ран и болезней, скоропостижно скончалось. Попало в плен 74,3 тыс. офицеров и нижних чинов[117]. Японская армия потеряла 86 тыс. (убитыми, умершими от ран, болезней и скоропостижно[118].

На фоне таких потерь царь принял решение не продолжать войну. Он боялся, что ее продолжение приведет к полномасштабной революции. Заключая мир с Японией, Николай II спасал прежде всего себя.

Для сравнения. Русская армия в войне с Турцией 1877–1878 гг. потеряла убитыми, умершими от ран и болезней – 103 754 чел. Аналогичные утраты в Крымской войне 1854–1856 гг. составили 129 349 чел.[119]

Причины поражения. Чисто военные причины поражения давно и хорошо описаны военными историками. Оставляя их в стороне, рассмотрим самую общую причину поражения. Она состояла в том, что Россия в ходе своей модернизации отстала от Японии в экономической, социальной и по-

---

[114] Россия и СССР в войнах XX века**:** потери вооруженных сил. Стат. Исследование. Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 40.

[115] Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. 7. Тсусимская операция. С. 228–229.

[116] Вел. князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 224.

[117] Россия и СССР в войнах XX века. С. 59.

[118] Война с Японией 1904–1905 гг. Санитарно-статистический очерк. Пг. 1914. С. 250.

[119] Там же.

литической сферах. Модернизация в Японии, проведенная в Эпоху Мэйдзи (1868–1912) была более радикальна и последовательна, чем «Великие реформы» Александра II. Об этом говорит уже знаменитая клятва императора Мэйдзи «Клятва пяти пунктов», в которой провозглашалась программа правительства реформ. В преамбуле говорилось: «Этой клятвой мы определяем как нашу цель создание национального благосостояния на широком базисе в *рамках конституции* и законов». Далее шли пять пунктов:

«Совещательные органы будут широко распространены, и все вопросы будут решаться в результате общественных обсуждений.

Все классы, высшие и низшие, должны объединиться в управлении делами государства.

Простые люди, не менее чем гражданские и военные чины, должны иметь право следовать своему призванию так, чтобы не было недовольства.

Отжившие обычаи прошлого должны быть устранены, и вся жизнь должна опираться на справедливые законы Природы.

Знания следует искать по всему миру с тем, чтобы укрепить основы могущества империи»[120].

В 1873 г. в Японии началась земельная реформа, которая ввела частную собственность на землю и обложила земли сельскохозяйственного назначения единым трехпроцентным денежным налогом на доход, исчисляемый с учетом качества земли, исходя из ее реального потенциала, а не урожая, полученного собственником. В 1889 г. император дал Конституцию, по которой в стране устанавливался двухпалатный парламент, и японские подданные в рамках закона получили право пользоваться свободой слова, печати, общественных собраний и организаций[121]. Первый парламент собрался в 1890 г. Его нижняя палата избиралась прямым голосованием тех, кто обладал собственностью, включая крестьян, ставших собственниками земли в результате аграрной реформы. Депутаты избирались по округам и по партийным спискам, что способствовало формированию многопартийной системы. Разница между царской Россией и императорской Японией в этих вопросах очевидна.

В международной статистике в качестве обобщающих показателей развития стран приняты душевой ВВП, средняя продолжительность предстоящей жизни, среднее число лет обучения взрослого населения. Для Японии и

---

[120] Sources of Japanese Tradition: 2nd edition, vol. 2. New York: Columbia University Press, 2005. P. 672. (перевод с английской версии наш – В. К.)

[121] Там же. P. 747.

России эти показатели выглядели так. В 1913 г. душевой ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности валют (международные доллары 2001 г.) составлял в России 1300, а в Японии – 1700 долл. Средняя продолжительность предстоящей жизни в России составляла 34, а в Японии 51 год. Среднее число лет обучения взрослого населения в 1913 г. составляло в России 1,5, в Японии 5,4 года. Можно добавить к этому еще ряд общих показателей: норма инвестиций в развитие экономики в России была примерно в полтора раза ниже, чем в Японии; совокупные (учтенные) расходы на образование, здравоохранение и науку к началу первой мировой войны составляли в России 1,8–2,0 %, а в Японии 2.8–3.2 % ВВП[122].

***

Мир с Японией позволил сохранить самодержавие, но не избавил царя от ответственности в глазах общества и перед историей за позорное поражение. Цена ошибок, допущенных Николаем II накануне и в ходе русско-японской войны, намного превышает цену потерь и издержек, связанных с внутриполитическими решениями царя в период первой русской революции. С. Ю. Витте имел все основания заявить: «Несчастнейшая из несчастнейших войн и затем как ближайшее последствие – революция, давно подготовленная полицейско-дворянским режимом или, вернее, полицейско-дворцово-камарильным режимом»[123].

[122] Мельянцев В. А. Россия за три века: экономический рост в мировом контексте // Общественные науки и современность. 2003, № 5. С. 86–88, 91–92.

[123] Витте С. Ю. Воспоминания... С. 262.

ГЛАВА 3. ДЕВЯТОЕ ЯНВАРЯ

На фоне неудач в войне с Японией в январе 1905 г. царь совершил внутриполитическую ошибку, которая вошла в историю России как «Кровавое воскресенье». В воскресный день 9 января в Петербурге была расстреляна мирная рабочая демонстрация, инициатором которой явилось легальное «Собрание русских фабрично-заводских рабочих», созданное священником Георгием Гапоном с разрешения властей. Организация Гапона была петербургским вариантом так называемой «зубатовщины» – политики создания рабочих организаций под контролем полиции, с целью направить рабочее движение в экономическое русло и затруднить проникновение в рабочую среду пропагандистов из числа социалистов[124].

К январю 1905 г. гапоновцы были весьма влиятельны на заводах столицы, и их деятельность не вызывала тревоги со стороны полиции. Однако на фоне роста оппозиционных настроений в стране небольшой конфликт гапоновцев с администрацией Путиловского завода привел к первой в истории России общегородской стачке рабочих столицы, в ходе которой родилась идея похода к Зимнему дворцу с целью подачи царю прошения. Причинами расстрела стали сам факт массовой демонстрации, а также радикальный характер прошения, которое наряду с экономическими просьбами-требованиями содержало и политические, включая созыв Учредительного собрания. «Кровавое воскресенье» традиционно считается событием, которое положило начало первой русской революции 1905–1907 гг. Оно во многом определило и судьбу последнего российского монарха.

3.1. Историография

Различные трактовки событий «Кровавого воскресенья» появились в публицистике и официальных документах сразу после 9 января. Они заложили основы последующей историографии. Главными были две трактовки. Первая – монархическая, которая оправдывала царя и обвиняла во всем оппозиционные силы (либералов и социалистов). Вторая – антимонархическая, которая возлагала ответственность за расстрел на царя и его дядю, великого князя Владимира, главнокомандующего гвардией и Санкт-Петербургским военным округом. Своего рода промежуточной была трактовка, которая пря-

[124] Идея принадлежала чиновнику Департамента полиции С. В. Зубатову, который пытался воплотить ее в Москве, Одессе и других городах империи с разной степенью успеха.

мо не оправдывала царя за расстрел, но делала акцент на *провокационном* характере гапоновского шествия. Рассмотрим историографию проблемы, выделив в ней три периода: дореволюционный, советский, постсоветский.

3.1.1. Дореволюционные трактовки

Версии событий, созданных в дореволюционный период, трудно назвать историографией в строгом смысле этого слова, поскольку они создавались правительственными чиновниками и деятелями оппозиции. Однако именно в этот период были высказаны все основные точки зрения и приведены основные аргументы, которые вошли и в советскую и постсоветскую научную литературу.

Сразу после 9 января появилось документы, которые содержали официальную точку зрения. Через два дня на улицах столицы было расклеено объявление, в котором «по высочайшему повелению» министр финансов В. Н. Коковцов и генерал-майор Д. Ф. Трепов, назначенный 10 января генерал-губернатором Санкт-Петербурга, объявляли, что «спокойное течение общественной жизни … было нарушено … прекращением работ на фабриках и заводах. … Возникшим движением воспользовались *неблагонамеренные лица*, которые … увлекли трудящихся людей *обманчивыми и несбыточными обещаниями* на ложный путь. Последствиями преступной агитации были *многочисленные нарушения порядка* в столице и *неизбежное* в таких случаях вмешательство *вооруженной силы*». Авторы сообщали, что министерство финансов готово приступить к разработке закона о дальнейшем сокращении рабочего времени и таких мер, которые дали бы рабочему люду способы заявлять о своих нуждах[125]. Таким образом, правительственное объявление содержало две главные идеи: 1) рабочих *обманули* оппозиционно настроенные интеллигенты; 2) правительство *всегда будет давить* такие выступления вооруженной силой. О роли царя в событиях не говорилось ни слова.

Николай II. Вначале царь собирался выпустить специальный манифест с оценкой январских событий. Он поручил подготовить текст министрам, которые 18 января обсуждали проект манифеста под руководством председателя Комитета министров С. Ю. Витте. В ходе обсуждения постоянно звучала мысль, что надо *отделить* царя от правительства, т. е. вину за расстрел возложить на чиновников, а не на царя. С. Ю. Витте изложил такие соображе-

[125] Цит. по изданию: Кровавое воскресенье в Петербурге 9 (22) января 1905 г.: сб. документов. Berlin: Heinrich Caspari. 1905. P. 25–28.

ния: «В публике убеждение, что войска действовали *по приказу в. кн. Владимира Александровича*. … Публика убеждена, что *государь ничего не знает*. … Пусть народ знает, что совершившееся *не по его велению»* [126]. Уже из этих рассуждений явствовало, что сами министры прекрасно знали истинное положение дел. Позиция Витте встретила возражения графа Д. М. Сольского, одного из ведущих членов (будущего председателя) Государственного Совета, который заявил: «Нельзя допустить, что его в[ойска] действуют не по его велению»[127]. В итоге в проект царского манифеста были внесены правки. В первоначальном варианте ключевой фрагмент манифеста гласил:

«С душевной болью узнали мы о подробностях, вызванных этой смутой недавних событий в Петербурге, по быстроте и неожиданности своего развития *не сделавшихся нам своевременно известными*»[128].

В одобренном проекте слова «по быстроте и неожиданности своего развития *не сделавшихся нам своевременно известными»* были сняты. Авторы побоялись представить царя правителем, который не был в курсе событий, происходивших в его столице. Но без этих слов получалось, что царь знал и допустил расстрел. Николай осознал проблему и передумал выпускать манифест. Уже 16 января он принял предложение Трепова подготовить группу специально отобранных рабочих и привести их в Царское село. Трепов ранее занимал пост обер-полицмейстера Москвы при генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче, дяде царя, и проявил себя как «знаток» рабочего вопроса и решительный полицейский чин при разгоне студенческих демонстраций. Он подготовил проект речи для царя, обращенной к рабочим, в которой вопрос «знал–не знал» выводился за скобки. В ней говорилось, что в «происшедшей смуте» виновны «*изменники и воры*, которые вас обманули и которым вы к своей пагубе поверили»[129].

19 января специальным поездом Трепов привез в Царское Село 34 рабочих от разных заводов из числа «благонадежных». Они выслушали прочитанную Николаем речь. В основе лежал проект, составленный Треповым, хо-

---

[126] Проект манифеста о событиях 9 января // Красный архив. Т. 4–5. М., 1925. С. 32–34.
[127] Там же. С. 35.
[128] Там же. С. 37.
[129] Проект речи царя, подготовленный Д. Ф. Треповым // Красный Архив. Т. 1(20). М. 1927. С. 240–242.

тя и сильно смягченный. Речь была опубликована в форме правительственного сообщения и стала официальным изложением позиции царя[130].

Правительственное сообщение

Его Величество Государь Император в среду, 19 сего января, *осчастливил* депутацию столичных и пригородных заводов и фабрик в Александровском Дворце, в Царском Селе, следующими *милостивыми* словами:

«Я вызвал вас для того, чтобы вы могли лично от Меня услышать слово Мое и непосредственно передать его вашим товарищам.

Прискорбные события с печальными, но неизбежными последствиями смуты произошли от того, что *вы дали себя вовлечь* в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины.

Приглашая вас идти подавать Мне прошение о нуждах ваших, они *поднимали вас на бунт против Меня* и Моего Правительства, насильственно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно-русские люди должны дружно и не покладая рук работать на одоление нашего упорного внешнего врага.

Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким *беспорядкам*, которые *всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе*, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы.

Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многое надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливым и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но *мятежною толпою* заявлять Мне о своих нуждах – *преступно*.

В попечениях Моих о рабочих людях озабочусь, чтобы все возможное к улучшению быта их было сделано и чтобы обеспечить им впредь законные пути для выяснения назревших их нужд.

Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их Мне, а потому *прощаю им вину их*.

Теперь возвращайтесь к мирному труду вашему, благословясь, принимайтесь за дело вместе с вашими товарищами, и да будет Бог вам в помощь».

Отметим ключевые моменты в этом тексте: царь «осчастливил» депутацию «милостивыми словами», обвинил рабочих в том, что они «дали себя вовлечь в заблуждение … врагами нашей родины», назвал мирное шествие рабочих «мятежной толпой», заявил, что такие акции «всегда заставляли и бу-

[130] Ведомости СПб градоначальства. Прибавление к № 16 от 20 января 1905 г.

дут заставлять власти прибегать к военной силе», «простил вину» рабочим столицы и ни слова не сказал о своей роли в событиях.

А. А. Лопухин. Официальную *полицейскую* трактовку событий изложил 1 февраля 1905 г. директор департамента полиции А. А. Лопухин в докладе министру внутренних дел[131]:

1) гапоновская организация весь 1904 г. работала в рамках утвержденных задач, предоставляя «своим членам возможность разумно и трезво проводить свободное от работ время» и распространяя среди рабочих «на началах русского национального самосознания просвещение», способствуя улучшению условий труда и жизни рабочих;

2) слухи об увольнении с Путиловского завода четверых рабочих, членов общества, привели к общей стачке на заводе, которая началась 3 января и была поддержана другими заводами города. 7 января с утра забастовали все крупные заводы и фабрики в С.-Петербурге и прекратили работы многие мелкие производства. Рабочие выдвинули согласованный список требований: повышения зарплат, улучшения условий работы и 8-часового рабочего дня. Требования были отвергнуты «совещанием хозяев забастовавших заводов и фабрик», которые «пришли к выводу, что удовлетворение некоторых из домогательств рабочих должно повлечь за собой полное падение отечественной промышленности, другие же из них *могли бы быть* рассмотрены и даже частью удовлетворены, но лишь при условии *отдельных соглашений в каждом случае*, а не в виде уступок настояниям всей массы стачечников. Рабочие *отказались от такого порядка* ... и настаивали на общем соглашении хозяев с уполномоченными от стачечной организации»;

3) «В начальной стадии своего развития рабочее движение … было чуждо политических вожделений и влияния агитации подпольных революционных организаций». «Не было никаких данных, указывающих на участие в агитации подпольных преступных организаций, которые … сами оказались застигнутыми врасплох стихийным характером забастовки»;

4) «С другой стороны, священник Гапон, еще в первых числах января рекомендовавший рабочим не возбуждать политических вопросов, не читать и жечь подпольные листки и гнать разбрасывателей их, войдя затем в сношения с упомянутыми главарями («подпольных преступных организаций». –

---

[131] Здесь и далее все фрагменты доклада цитируются по источнику: Доклад директора Департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись, 1922. № 1. С. 330–338.

В. К.), постепенно начал на собраниях отделов вводить в программу требований рабочих коррективы *политического* характера, и по внесении в нее последовательно *общеконституционных* положений, закончил, наконец, эту программу требованием отделения церкви от государства, что ни в каком случае не могло быть сознательно продиктовано рабочими»;

5) «Гапон, под влиянием подпольных политических агитаторов, решился закончить это движение чрезвычайным актом и, *инспирируемый агитаторами*, стал пропагандировать мысль о необходимости публичного представления Государю Императору петиции от забастовавших рабочих о их нуждах. Такая проповедь Гапона в среде рабочих … вызвала поголовное желание … итти 9-го января всей массой на площадь Зимнего дворца и вручить непосредственно Его Величеству, через Гапона и выборных, петицию об общих *нуждах рабочего сословия*».

В приведенной части доклада Лопухин в целом объективно отразил предысторию 9 января, если не считать ничем не доказанного тезиса о том, что идея похода к царю была «*инспирирована агитаторами»,* а не самим Гапоном. Далее Лопухин дает уже необъективную информацию, которая призвана оправдать действия власти. Он повторяет правительственный тезис об «обмане» и заявляет, что масса рабочих была «*обманно* уверена о представлении Его Величеству ходатайства *исключительно* об удовлетворении некоторых нужд рабочего класса». Лопухин утверждал, что Гапон только вечером 8 января распространил текст петиции, в которой были включены «*дерзкие требования политического* свойства», оставшиеся неизвестными большинству забастовщиков. Версия об обмане, совершенном в последний момент вечером 8 января, оправдывала бездействие полиции до 8 января, поскольку получалось, что полиция до этого срока имела все основания считать, что шествие не будет носить политического характера.

При описании событий 9 января Лопухин сообщает, что Гапон «предварительно начала шествия, отслужил в часовне Путиловского завода молебен о здравии Их Величеств и снабдил вожаков толпы иконами, хоругвями и портретами Их Величеств, для придания демонстрации в глазах народа характера крестного хода». Лопухин признал, что *до стрельбы* по демонстрантам рабочие вели себя мирно и, в частности, осудили попытки небольшой группы горожан уже утром построить баррикаду на 4-ой линии Васильевского острова: «Это уже не наши, нам это ни к чему, это студенты балуются». Чиновник честно написал, что только «после того, как пущено было в ход

войсками огнестрельное оружие, толпы рабочих стали проявлять крайне враждебное отношение к полиции и военному сословию»[132].

В то же время Лопухин лукавил, заявив, что «жители столицы были *заблаговременно предупреждены* о соблюдении порядка на улицах и о том, что всякие демонстративные сборища и шествия будут рассеяны воинской силой». На самом деле предупреждений было расклеено мало, так как их некому было печатать: типографии бастовали[133]. К тому же он не сказал о том, что в предупреждениях речь шла о беспорядках, а рабочие-гапоновцы готовили мирное шествие, убежденные в том, что оно разрешено полицией, которая не препятствовала процессу его подготовки.

Комиссия присяжных. Точка зрения легальной либеральной оппозиции нашла свое отражение в докладе «Комиссии присяжных», которая была избрана в Петербурге общим собранием присяжных поверенных 16 января 1905 г. для сбора свидетельских показаний. Свои выводы Комиссия опубликовала в особом докладе в мае 1905 г. Тираж был конфискован полицией, но машинописные копии ходили по стране. Массовым тиражом доклад был опубликован только в 1922 г. Основные тезисы доклада:

– «*Мирное* рабочее движение, подготовлявшееся открыто, на глазах властей, и имевшее *целью* подачу всеподданнейшего *прошения* государю императору, разрешилось *неожиданными* действиями вооруженной силы – стрельбою в безоружных обывателей в разных частях города, причем в числе сотен убитых и раненых оказались также женщины и дети»;

– «в течение трех дней, с 6 января, происходили значительные публичные сборища около помещений, занимаемых одиннадцатью отделами вышеозначенного Общества. Составленный священником Гапоном текст всеподданнейшей «петиции» поочередно *прочитывался в собраниях при каждой смене* присутствовавших рабочих, после чего собирались подписи;

– «Общие политические ходатайства, изложенные в петиции, относительно созыва народных представителей путем “всеобщего, равного, прямого и тайного голосования” понимались большинством рабочих в том смысле, что выборные от всего населения должны участвовать в обсуждении и решении государственных дел, которыми не могут распоряжаться одни министры и чиновники»;

---

[132] Доклад директора Департамента полиции Лопухина… С. 335–336.

[133] См. текст «Объявление градоначальника», перепечатанный в книге «9 января», составленной историком А. А. Шиловым: Шилов А. А. 9 января. Л.: Ленгиз, 1925. С. 95.

– «На всех собраниях условлено было, что 9 января рабочие должны идти на Дворцовую площадь тихо и мирно, “с голыми руками”, оставив дома даже перочинные ножи (показание рабочего Чудинова и др.), не допускать никакого шума и никаких столкновений с полицией, уничтожать незаконные флаги, если бы таковые кем-нибудь выставлялись, и рвать листки с прокламациями»;

– «при таком условии предполагалось, что войска и полиция не будут иметь повода к вмешательству для устранения беспорядков, о чем говорилось в расклеенном по городу объявлении градоначальника. <…> после расклейки объявления от градоначальника депутаты рабочих ходили к нему, чтобы выяснить, в каких случаях будут действовать войска, и в градоначальстве им объяснили, что предупреждение относится только к нарушителям порядка, а *в мирную толпу стрелять не будут*»;

– «Нигде полицейская власть не заявляла рабочим о незаконности происходившего движения и не предлагала им расходиться ни в предшествующие три дня, ни с утра 9 января»;

– «Перед началом шествия в помещениях одиннадцати отделов Общества служили молебен, пели «Отче наш» и «Спаси, господи, люди твоя». Шли «с чистою душою, с чистым намерением», с надеждою увидеть государя, чтобы, по выражению одного из потерпевших, «как дети выплакать на груди отца свое горе»;

– «По пути полиция не только не мешала шествию, но сама давала дорогу, а в некоторых местах полицейские чины шли впереди, как при крестном ходе; в других местах полиция совершенно отсутствовала; нигде не было никаких предупреждений, никаких уговоров или попыток вмешательства со стороны властей».

Далее в докладе содержалось подробное описание расстрелов, происходивших в разных частях города 9 января, а также многочисленные факты избиения казаками, солдатами и полицией самых разных людей, прежде всего студентов и рабочих 10–11 января. При этом отмечались агрессивные действия полиции, которая 9 января не вмешивалась в события, ибо расправу производили войска. Заканчивался доклад анализом действующего законодательства, допускавшего применение войск в случаях «нужды и недостаточности полицейских средств для охранения порядка и внутренней безопасности». Авторы доклада доказывали, что все требования законодательства были грубо нарушены и требовали привлечь к уголовной и гражданской ответ-

ственности лиц из числа гражданского и военного начальства, виновных в событиях 9–11 января. Характерной чертой доклада был отказ от всякого упоминания имени царя и его роли в событиях[134].

Отметим, что доклад присяжных во многом опирался на результаты опросов, проведенных среди рабочих-участников гапоновского Собрания. Идея проведения таких опросов возникла уже 9 января 1905 г. и осуществлялась главным образом врачами в больницах среди пострадавших, а также адвокатами в нескольких бесплатных юридических консультациях. Было собрано около 300 анкет с ответами рабочих и проведены десятки устных опросов. Одним из организаторов опросов была видная деятельница либерального движения тех лет ***Л. Я Гуревич***. Она обобщила собранный материал в обширном очерке «Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г.», опубликованном в №1 журнала «Былое» за 1906 г.[135]. В том же году очерк был издан в Берлине отдельной брошюрой под тем же названием[136]. В 1926 г. Гуревич написала книгу «Девятое января»[137]. На базе подлинных свидетельств Гуревич убедительно показала, что шествие к царю рассматривалось большинством рабочих как чисто народное, внепартийное и мирное движение. Она опровергла тезис о том, что либералы заранее разрабатывали планы использовать рабочее движение для проведения 9 января каких-либо оппозиционных акций. В этой связи автор опиралась и на личные воспоминания: «Я очень хорошо помню, как, уже утром 8 января, страшно взволнованный В. Я. Богучарский (видный либерал, близко знакомый с Гапоном. – *В. К.*) у себя в комнате, говоря о готовившемся выступлении, повторял: «Что это?.. Что это?.. Провокация?.. После всего, что знаешь, все-таки... все-таки берет сомнение...»[138]. Либералы очень боялись быть впутанными в провокацию, подготовленную полицией, поскольку они хорошо знали, что Гапон при Зубатове был деятелем зубатовской организации, и рассматривали Собрание как вариант такой организации.

---

134 Доклад комиссии, избранной общим собранием присяжных поверенных 16 января 1905 г. по поводу событий 9–11 января. СПб. Тип. Скороходова. 1905. С. 1–48.

135 Гуревич Л. Я. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г // Былое. 1906. № 1. С. 195–223.

136 Гуревич Л. Я. Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. Берлин: Изд. Гуго Штейнца, 1906.

137 Гуревич Л. Я. Девятое января. Харьков, изд. «Пролетарий», 1926.

138 Там же. Глава 2. Сноска 4.

А. Ф. Филиппов – А. И. Матюшенский. В 1913 г. журналист А. Ф. Филиппов, который в январе 1905 г. сотрудничал с ПТА (Петербургское Телеграфное Агентство) и после начала конфликта на Путиловском заводе по просьбе начальства познакомился с гапоновским движением, опубликовал свои воспоминания. В них он отверг позицию Гуревич и поддержал тезис о сознательной *провокации*, подготовленной *либералами* с целью толкнуть правительство на расстрел мирной рабочей демонстрации. Филиппов описал события 9 января с акцентом на то, что Гапон находился под сильнейшим влиянием неизвестных сил, которые подсылали к нему своих исполнителей, заставляя подчиняться полученным указаниям. Так, по версии Филиппова, к Гапону, начиная с 1 января, приходили «случайные люди», которые его «внезапно одевали, куда-нибудь везли и также случайно и неожиданно привозили назад»[139]. Филиппов утверждал, что последнюю версию петиции, в которой на первое место были поставлены политические требования, написал журналист А. И. Матюшенский. Он сотрудничал с либеральными изданиями, а в 1903 г. принимал участие в организации стачки рабочих в Баку. Гапон якобы возражал против радикальных политических требований, но, пишет Филиппов, «были какие-то силы», которые *заставили* Гапона согласиться с текстом Матюшенского[140]. Филиппов говорил об этом со слов Матюшенского, который в эмиграции написал опус под названием «За кулисами гапоновщины. Исповедь». В нем Матюшенский приписал себе план подготовки провокации составлением такого текста петиции, который вызвал бы неизбежный расстрел мирной демонстрации: «Мой грех, – писал Матюшенский, – это знаменитая петиция рабочих на имя царя, в результате которой получилось кровопролитие не только в Санкт-Петербурге, но и во всей России. Я ее написал по предложению Гапона, в полной уверенности, что она объединит полусознательную массу, поведет ее к царскому дворцу, – и тут, под штыками и пулями, эта масса прозреет, увидит и определит цену тому символу, которому она поклоняется. Расчет мой оправдался в точности»[141].

Отметим, что Матюшенский действительно принимал участие в процессе выработки петиции, которая прошла несколько этапов. Первый вариант был составлен 5 января на первой встрече Гапона с социал-демократами

---

[139] Филиппов А. Странички минувшего. О Гапоне. СПб.: Библиотека для всех, 1913. С. 18.
[140] Там же. С. 20–21.
[141] Матюшенский А. И. За кулисами гапоновщины. Исповедь. // Красное знамя. Париж, 1906. № 2. С. 91.

(меньшевиками). За основу они взяли ранние наброски самого Гапона и его ближайших сподвижников из числа рабочих-гапоновцев, которые были написаны еще в 1904 г. и содержали как экономические, так и политические требования. Эти наброски были превращены в текст под названием «Резолюция рабочих об их насущных нуждах». Принципиально новым было добавление к прежним требованиям демократических «свобод» пункта о созыве Учредительного собрания. По своей форме текст носил характер именно резолюции собрания рабочих. Однако уже вечером 5 января Гапон высказал идею похода к Зимнему дворцу, которая сразу понравилась рабочим. Возникла необходимость превратить резолюцию в прошение. Шестого января днем Гапон попросил Богучарского и Матюшенского помочь это сделать. Богучарский отказался, сославшись на то, что текст резолюции уже обсуждается и подписывается в отделах Собрания. Матюшенский сделал какие-то правки, но они Гапону не понравились, и в ночь на 7 января он написал свой вариант текста, придав ему надпартийный и монархический характер, сформулировав уже в первых строках цель похода к государю: «*искать правды и защиты*». Гапон учитывал тот факт, что большинство рабочих шли к царю с мирной, хотя и дерзкой по тем временам просьбой, а не с целью поднять бунт. Такой цели не ставил перед собой и сам Гапон. Успех мирной акции превращал его во влиятельную легальную политическую фигуру, а попытка бунта могла стоить жизни.

Важно отметить и другое: радикальный характер прошения совсем не обязательно должен был вызвать бойню. Сам факт обращения к царю в поисках «правды и защиты» умная власть могла обратить в свою пользу. Именно такого исхода накануне 9 января боялись все социалисты. Характерно свидетельство И. И. Павлова, оперного артиста, рабочего по происхождению, дружившего с Гапоном, организатора музыкальных вечеров в отделах Собрания. Он так описывает позицию социалистов: «Партийные организации … были против шествия к Дворцу, могущего, благодаря случайности, в окончательном виде получить такой результат, который на долгое время задержал бы развитие правильного исторического хода вещей. Но бороться с бурею общего народного желания не было никакой возможности»[142].

Иными словами, версия Матюшенского о сознательной провокации, якобы им задуманной при подготовке итогового варианта петиции 7 января,

[142] Павлов И. И. Из воспоминаний о «Рабочем Союзе» и священнике Гапоне // Минувшие годы. 1908. Кн. 4. С. 89–90.

появилась уже после самого факта расстрела, который и предоставил ему возможность такой трактовки роли петиции. Претензия Матюшенского приписать себе авторство текста прошения, который якобы в последний момент стал весьма радикальным, опровергается анализом текста, представленного Гапоном утром 7 января. Он был «мягче» текста «Резолюции», написанной социал-демократом 5 января: выброшены пункты о национализации земель, заводов и фабрик, требования заменены просьбами, Николай превратился в царя-батюшку, ничего не знающего и не ведающего о страданиях народа[143].

Подводя итоги анализу дореволюционных трактовок событий 9 января, отметим, что их характерной чертой является отсутствие сведений о роли царя в принятии решения о расстреле.

3.1.2. Советская историография

Позиция советских историков складывалась в 1920-е гг. Самыми авторитетными историками того времени были М. Н. Покровский и Н. А. Рожков, которые однозначно оценивали расстрел 9 января как преступное действие царя и правительства. Оба историка были активными участниками первой русской революции и, конечно же, еще в 1905 г. анализировали все доступные сведения о столь ярком событии.

М. Н. Покровский полагал, что текст петиции принадлежал либералам, а для рабочих «важна и понятна была только ее основная мысль – уничтожение произвола и бесправия, гнет которых рабочие чувствовали сильнее, чем кто бы то ни было другой». И эта мысль захватила рабочую среду, вызвав «колоссальный поток стихийного движения». Покровский писал: «Поток нес Гапона неудержимо. У движения 9 января, строго говоря, не было ни вождя, ни вождей … действующее лицо тут было одно – сама народная масса. И только ужасом перед этой массой, только *контрреволюционной паникой* можно объяснить тот *бессмысленный жест*, каким ответила на обращение рабочих к царю царская администрация».

Последнее предложение показывает, как историк объяснял причины расстрела: не сознательная подготовка провокации, а «контрреволюционная паника». Автор отмечает, что царской администрации «было бы выгоднее всего, чтобы рабочие как можно дольше верили, что царь все может дать, даже и 8-часовой день, а если не дает, то, по его неизреченной мудрости, в

---

[143] Шилов А. А. К документальной истории «Петиции» 9 января 1905 года // Красная Летопись. 1925. № 2(13). С. 21, 25, 32.

интересах самих рабочих. Наоборот, ничего не могло быть … невыгоднее, чем внушить рабочим убеждение, что требовать управы на хозяев – значит бунтовать против царя. Но ее паника была так велика, она настолько потеряла голову, что эти простые и ясные вещи оказались совершенно вне ее сознания, – и несколькими залпами она в несколько минут разъяснила рабочим то, что тщетно уже немало лет старались растолковать массе революционные партии, – что путь к свободе рабочего класса лежит через труп самодержавия». Следует отметить, что Покровского явно не интересовал вопрос о том, как царь принимал решение о расстреле. Тем не менее историк четко зафиксировал основной факт передачи царем 7 января власти в столице в руки военных: «все было теперь в руках военных властей, а те, со своей стороны, во что бы то ни стало хотели “дать урок”»[144]. Это решение и предопределило исход событий.

Н. А. Рожков. Глубокая интерпретация событий дана в очерке Н. А. Рожкова «9 января», помещенном в книге «1905 год. Исторический очерк», выпущенной в 1926 г. Автор определил события как «стихийное массовое движение петербургских рабочих, не изживших еще царистских иллюзий» и прямо связал их с остатками полицейского социализма в форме «гапоновщины». При этом он считал ошибочным взгляд на Гапона как человека, «продавшегося за деньги охранному отделению». Историк верил в искренность Гапона и его стремление мирным путем бороться за улучшение жизни рабочих, понимая необходимость сочетания экономических и политических требований. Рожков не согласился с точкой зрения М. Н. Покровского, который считал, что петиция отражала взгляды либералов. По мнению Рожкова, текст петиции «лучше всего говорит за то, что составлял ее сам Гапон, рукою которого водила здесь не либеральная интеллигенция, а петербургская рабочая масса», не изжившая еще царистских иллюзий[145]. Автор признает неудачу революционеров, пытавшихся придать движению революционный характер: «Напрасно большевики в своей прокламации от 8 января указывали на необходимость восстания и вооруженной борьбы, – масса слепо, стихийно шла с Гапоном и за Гапоном, потому что он уловил ее сокровенные стремления и опирался на ее традиционные верования»[146]. Так же, как и Покров-

---

[144] Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. Четвертое посмертное издание. М.: Партиздат, 1933. С. 313, 316–319.

[145] Рожков Н. А. 1905 год. Исторический очерк. М.-Л.: Книга, 1926. С. 7, 15.

[146] Там же. С. 25, 27.

ский, Рожков не видел необходимости рассматривать вопрос о том, как принималось решение о расстреле. Очевидным виновником для него был царь.

«Краткий курс». В 1930-е гг. в советской историографии утвердился тезис о том, что царское правительство подготовило и спровоцировало расстрел мирной рабочей демонстрации. Этот тезис содержался в книге «История ВКП(б). Краткий курс», отредактированной И. В. Сталиным. Личная роль царя в событиях авторов не интересовала. Суть событий описана так: «Царское правительство решило в самом начале подавить движение. <…> Гапон взялся помочь царской охранке: *вызвать* расстрел рабочих и в крови потопить рабочее движение»[147].

В постсталинский период в седьмом томе авторитетного академического издания ***«Всемирная история»*** (1960) тезис о сознательной полицейской провокации был дан в более мягкой редакции: «Видя полную невозможность прекращения движения и боясь утратить свое влияние на отсталые слои рабочих, Гапон при *поощрении* полицейских властей решил организовать шествие рабочих к Зимнему дворцу для вручения царю петиции о насущных нуждах народа. <...> Правящая клика решила устроить кровавую расправу над мирной манифестацией, надеясь задавить рабочее движение, пока оно не вылилось в революцию. *Николай II передал власть в столице военному командованию*»[148]. Последнее предложение говорит о том, что тезис об ответственности царя за расстрел не подвергался сомнению: решение передать власть военным, отстранив полицию, мог только царь. И это решение предопределяло исход событий.

Авторы второго тома авторитетного шеститомника «***История Коммунистической партии Советского союза***» (1966) отмечали тот факт, что Гапон был связан с полицией, но не называли его провокатором. Речь шла о жестком ответе власти на мирную по форме, но дерзкую по существу акцию рабочих: «правительство, зная о *характере* готовящегося шествия, разработало план кровавой расправы с рабочими», который осуществлял штаб во главе с дядей царя вел. кн. Владимиром»[149].

Ганелин Р. Ш. В 1980-е гг. вопрос о том, кто принимал решение о расстреле, поставил в своих работах ленинградский историк Р. Ш. Ганелин. В статье «Канун “Кровавого воскресенья”. Царские власти 6–8 января 1905

---

[147] История ВКП(б). Краткий курс. М.: Издательство ЦК ВКП(б), 1938. С. 54–55.

[148] Всемирная история в 10 томах. Том 7. М.: Издательство соц-экон. лит., 1960, С. 320.

[149] История Коммунистической партии Советского союза. Т. 2. М.: Политиздат, 1966. С. 26.

года» (1980) Ганелин привел важное свидетельство министра финансов В. Н. Коковцова о том, что 6 января министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский сообщил Николаю II о желании рабочих подать царю петицию в воскресенье, и было решено, что «*государь не проведет этого дня в городе*, а выедет в Гатчину, полиция сообщит *заблаговременно* рабочим, и, конечно, все движение будет остановлено»[150]. Иными словами, Коковцов подтвердил, что царь уже 6 января был *информирован* о решении рабочих идти к Зимнему дворцу, и *отказался* принять депутацию.

Далее историк привел еще один важный факт, который подтверждал свидетельство Коковцова о том, что царь знал о шествии и решил остановить его силовой акцией. Ганелин отметил, что уже на следующее утро, 7 января, Николай приказал ввести в столице *военное положение*[151]. На это указывал еще Покровский. Однако Ганелин обратил внимание на то, что по просьбе Коковцова министры решили формально не объявлять о вводе военного положения. Коковцов опасался падения курса рубля на бирже, поскольку в Европе уже с осени 1904 г. ходили слухи о назревании революции в России на фоне неудачной войны с Японией. Открытое введение военного положения в столице могло иметь драматические финансовые последствия. Тем не менее реальная власть в городе была передана в руки военных, и уже с утра 7 января министр внутренних дел действовал совместно с командиром гвардейского корпуса С. И. Васильчиковым, который подчинялся вел. князю Владимиру Александровичу, главнокомандующему войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. В этот день военные власти вызвали в столицу воинские части из Петергофа, Пскова, Ревеля и других мест.

Касаясь версии о провокации, Ганелин отметил, что власти, готовясь к разгону демонстрации, не приняли никаких мер для того, чтобы ее *предотвратить*. И сделал вывод: «если нет достаточных оснований утверждать, что решение о стрельбе и непринятие мер к предотвращению шествия явились составными частями одного и того же официально принятого плана или определенно установленного образа действий, то факт введения рабочих в

---

[150] Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. [Париж], 1933. С. 52–53.

[151] Эта информация была основана на публикации историком С. Н. Валком еще в 1925 г. секретной записки нового Петербургского градоначальника А. А. Дедюлина, сменившего Фуллона сразу после событий 9 января. См.: Красная летопись. 1925. № 1(12). С. 41.

заблуждение властями несомненен»[152]. Таким образом, историк не обвинял власти в сознательно подготовленной провокации, но подчеркивал, что характер действий полиции ввел рабочих в заблуждение: убедил в том, что мирная акция разрешена.

В статье «К предыстории «Кровавого воскресенья» (1989) Ганелин вновь рассматривает причины событий 9 января и подтверждает свой прежний вывод: «хотя нет оснований говорить о существовании *специально разработанного* плана *вызвать массы* на выступление, чтобы затем расправиться с ними, с другой стороны, рабочие имели все основания считать себя *спровоцированными*». Далее историк ставит вопрос о том, «кто же в высших звеньях государственного аппарата принимал решение, исполнение которого повлекло за собой расстрел мирной и безоружной толпы»? И дает такой ответ: «самодержавие применило такое средство борьбы за свою неприкосновенность, которое соответствовало его природе»[153]. Ответ носил традиционный для советской историографии общий характер: он подразумевал и всю систему самодержавной власти, и личную ответственность царя. Важным считалось подчеркнуть порочность самой системы самодержавной власти, а не просчеты одного человека. Тем не менее в статьях Ганелина вина монарха показана вполне отчетливо указанием на решения царя не приезжать в Петербург и передать власть в городе в руки военных.

В своих статьях Ганелин привлек внимание историков к малозаметной публикации воспоминаний врача Обуховской больницы А. Сюзева, подготовленной З. Марьяновской. В них приводились новые сведения о том, что власти города заранее готовили больницы для приема большого числа раненых. «За несколько дней до 9 января из 4-го полицейского участка Московской части в Обуховскую больницу, – писал Сюзев, – было прислано секретное предписание и запрос: каков штат хирургического персонала? Имеет ли больница достаточное количество перевязочных материалов? Вслед за этим поступило новое предписание: подготовиться к массовому приему раненых, сформировать летучие отряды из врачей, сестер и санитаров. А 8 января около восьми часов вечера главный врач больницы Александр Александрович Нечаев отдал распоряжение: в воскресенье 9 января всему медицин-

---

[152] Ганелин Р. Ш. Канун «Кровавого воскресенья» (Царские власти 6–8 января 1905 года) // Вопросы истории. 1980. № 1. С. 32–43.

[153] Ганелин Р. Ш. К предыстории «Кровавого воскресенья» // Новое о революции 1905–1907 гг. в России: межвуз. сб. Л., 1989. С. 122–132.

скому персоналу утром явиться в больницу и никуда не отлучаться вплоть до особого распоряжения».[154] «В расположенной рядом с нами женской Обуховской больнице, – сообщал далее А. Сюзев, – в этот злополучный день весь медицинский персонал также заранее был на своих местах. Главный врач В. М. Карниг накануне получил из полиции предписание о подготовке к приему раненых»[155]. Эти свидетельства не оставляют сомнений в том, что решение о применении оружия против демонстрантов было принято заранее, и власти знали, что будут жертвы. Свою трактовку событий 9 января Ганелин подтвердил в монографии «Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция», опубликованной в 1991 г.[156]

3.1.3. Постсоветская историография

В постсоветский период при описании истории 9 января одни историки сохранили прежние трактовки событий, а другие их пересмотрели.

Тютюкин С. В. К числу первых относится известный специалист по истории первой русской революции С. В. Тютюкин. В 1995 г. он выступил с принципиальной статьей, в которой выразил озабоченность тем фактом, что в постсоветской историографии складывается тенденция «рисовать жизнь народа при царизме лишь розовыми красками» и представлять читателям Николая II «как доброго, умного и справедливого царя». Тютюкин не сомневался в личной ответственности царя за события 9 января и поддерживал тезис о том, что царь должен был принять петицию и не допустить расстрела: «факт остается фактом: царь, бесспорно, упустил еще одну возможность отсрочить (а может быть, и вообще избежать?) революционный взрыв в России. Ведь на стороне Николая II были такие факторы, как величайшая непритязательность, терпение, религиозность и доверие подавляющего большинства русского народа к своему монарху. Не будем забывать, что столичные рабочие в массе своей были отрезаны в тот момент Гапоном от влияния социалистических партий, обессиленных вдобавок внутренними распрями. Нельзя всерьез говорить и о том, что к началу революции в России были причастны японцы: они действительно тратили некоторые суммы на активизацию дея-

---

[154] Сюзев А. Воспоминания о 9 января 1905 года / публ. подгот. З. Марьяновская // Блокнот агитатора. 1986. № 2. С. 22–23.

[155] Там же. С. 29–30.

[156] Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб.: Наука, 1991. С. 60–84.

тельности российских либеральных и революционных организаций, но к событиям 9 января 1905 года отношения не имели»[157].

Эту же трактовку С. В. Тютюкин и его соавтор **В. В. Шелохаев** изложили в книге «Марксисты и русская революция» (1996). Они отметили, что 9 января «войска расстреляли *мирное шествие* рабочих» и «правительство в очередной раз *упустило шанс* отсрочить взрыв народного гнева и тем самым продлить время существования самодержавного режима»[158].

Однако наряду с такими оценками в постсоветские годы появились и другие: произошел всплеск активности монархической историографии, для которой первостепенной стала задача реабилитация царя.

Историки РПЦ о роли царя в событиях 9 января. Задача приобрела особую актуальность в контексте диалога иерархов Русской православной церкви (РПЦ) с иерархами Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ). Речь шла об объединении, и иерархи РПЦЗ выдвинули как одно из условий объединения признание Московским патриархатом всех святых, прославленных в РПЦЗ. В их числе была и царская семья. РПЦЗ канонизировала ее в ноябре 1981 г. после многолетнего (с 1938 г.) спора по вопросу о канонизации царя и царицы, поскольку в отношении царских детей разногласий не было. Весной 1992 г. Синодальной комиссии по канонизации РПЦ было поручено изучить материалы для принятия решения. Десятого октября 1996 г. в заседании Священного Синода РПЦ эти материалы были одобрены и вскоре изданы[159]. В 2000 г. вся царская семья была канонизирована.

Наиболее сложным в работе комиссии оказался вопрос о роли царя в расстреле рабочей демонстрации 9 января 1905 г., за которое он и получил прозвание «Николай Кровавый». Церковные историки должны были доказать необоснованность такой оценки. В «Материалах…» этой теме посвящен отдельный и весьма обширный очерк. Прежде чем перейти к анализу этого очерка, отметим, что авторы сделали акцент на тезис о Николае II как православном монархе, носителе истинно христианского мировоззрения[160]. Без

---

[157] Тютюкин С. В. РОССИЯ, 1905-й // Свободная мысль, 1995, № 5. С. 75–86.

[158] Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1996. С. 5.

[159] Материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи // Журнал № 63 заседания Священного Синода Русской Православной Церкви от 10 октября 1996 года. М., 1997. С. 11–80. (Далее в тексте название документа дается как «Материалы»).

[160] Материалы. С. 919.

этого нельзя было ставить вопрос о канонизации, но такой акцент создал большие трудности при трактовке событий 9 января.

Рассматривая январские события, историки РПЦ пришли к выводу о том, что петиция, «несмотря на содержавшиеся в ней выражения верноподданнических чувств рабочих к своему государю, представляла собой жесткий политический *ультиматум* власти». Кроме того, они отметили «правовую недопустимость подобных действий по отношению к царю, ибо российское законодательство не предусматривало права подачи императору такого рода петиций кем бы то ни было, кроме представителей дворянского сословия». Указали и на то, что «Уложение о наказаниях» предполагало привлечение к суду составителей подобных петиций[161].

Что можно сказать по поводу таких трактовок? Сам по себе тезис о правовой недопустимости подачи рабочими петиции царю в рамках законов, существовавших в Российской империи, не подлежит сомнению. Однако акцию рабочих нельзя оценивать в отрыве от политической ситуации, сложившейся к январю 1905 г. После убийства летом 1904 г. министра внутренних дел В. К. Плеве и на фоне поражений в войне с Японией царь назначил новым министром либерально настроенного князя П. Д. Святополка-Мирского, который провозгласил готовность «сотрудничать» с обществом. Это положило начало кампании подачи петиций с просьбами политического характера от всесословных земских органов и других общественных организаций. Ни царь, ни правительство не поднимали вопроса об их незаконности.

Что касается вопроса об *ультимативном* характере требований, то зафиксированное самыми разными источниками настроение большинства рабочих ясно говорило о том, что Гапон и рабочие, – члены Собрания, в тот воскресный день были готовы удовлетвориться самим фактом принятия царем их петиции и простым обещанием рассмотреть их просьбы. Никто не ждал немедленных решений. Важно отметить и другое. Представив Николая «истинно христианским» монархом, историки РПЦ неизбежно оказались перед вопросом о том, насколько был оправдан с точки зрения христианской морали отказ царя от принятия даже радикальной петиции от делегации рабочих, которая шла к дворцу во главе со священником, с иконами и портретами царя, отслужив молебен о «здравии Их Величеств»? Нет сомнений в том, что готовность царя в любой форме принять петицию и обещание ее

[161] Материалы... С. 924.

рассмотреть обеспечили бы повышение престижа монарха и надолго исключили бы возможность антимонархических протестов со стороны рабочих.

Уже отмечалось, что именно такого развития событий больше всего опасались социалисты и либералы. Добавим, что о возможности и желательности такого варианта говорили многие современники-монархисты. Например, С. Ю. Витте в 1911 г., вспоминая об этих событиях, написал такие слова: «вероятно, я бы дал совет, чтобы Его Величество уполномочил или главу правительства или одного из генерал-адъютантов взять это прошение и предложить рабочим разойтись, предупредив, что прошение это будет рассмотрено и по нему последуют те или другие распоряжения. Если же рабочие не разошлись бы, то, конечно, я употребил бы против них силу»[162].

Показательно и свидетельство начальника канцелярии МВД Д. Н. Любимова, который был «правой рукой» целой плеяды министров внутренних дел (В. К. Плеве, П. Д. Святополка-Мирского, А. Г. Булыгина, П. Н. Дурново). В своих воспоминаниях он отмечал, что «потом» «много раз говорили и писали», что Мирскому «надо было убедить государя приехать на 9-е в Зимний дворец; войска надо было сосредоточить во дворах громадных казенных зданий кругом дворца, а шествие рабочих допустить через арку Главного штаба подойти ко дворцу; навстречу им выслать генерал-адъютанта, который принял бы петицию; а государь появился бы затем на балконе с петицией в руках. Это произвело бы впечатление, вызвало бы крики “ура”, – энтузиазм и восторг»[163]. Отметим, что Любимов, критикуя Мирского, косвенно подтвердил заранее принятое царем решение не приезжать.

Жандармский генерал А. И. Спиридович после революции в эмиграции издал мемуары под названием «Записки жандарма», где всю вину за расстрел прямо возложил на министра внутренних дел генерал-адъютанта П. Д. Святополка-Мирского и градоначальника генерал-адъютанта И. А. Фуллона: «Как эти два почтенных генерала, носившие вензеля государя на погонах, *прозевали* столь *лестное для престижа монарха народное движение*, как выпустили его из своих рук и дали провести себя кучке авантюристов? ... Не использовав Гапона в те дни, когда он действовал еще лишь как увлекающийся ролью вождя священник, они, узнав об его уклонении влево и о принятии им революционных тезисов, они – представители “сильной” власти,

---

[162] Витте С. Ю. Воспоминания... С. 306–307.

[163] Любимов Д. Н. Воспоминания. Гапон и 9 января // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 129.

совершенно растерялись и окрасили мысленно революционизмом все поднятые Гапоном массы. А окрестив их огулом революционерами и бунтовщиками, они и средства против них избрали соответствующие. За десятками подлинных революционеров власти проглядели десятки тысяч верноподданных рабочих»[164]. Оценка Спиридовича была весьма компетентной.

На фоне таких свидетельств тезис историков РПЦ о том, что христианский монарх не виновен в расстреле, который произошел вследствие его отказа встретиться с народом, смотрится явно слабым. Видя эту ситуацию, авторы очерка выдвинули версию о том, что отказ царя принять петицию и его поспешный отъезд днем 6 января из столицы были обусловлены действиями «хорошо законспирированной … революционной организации, приступившей к реализации своего плана по захвату власти в столице». Начало реализации этого плана авторы очерка увидели в инциденте, который произошел утром 6 января. В этот день царь присутствовал на ежегодном праздновании Крещения Господня, и во время традиционного салюта одна из пушек выстрелила не холостым, а боевым зарядом, обсыпав картечью павильон на Неве, где у проруби стоял Николай II и его приближенные. Хотя причиной была путаница с зарядами, среди окружения царя прошел слух, что выстрел был результатом заговора с целью его убить, и, по мнению авторов очерка, все дальнейшие действия властей диктовались стремлением предотвратить опасность цареубийства со стороны некой «конспиративной группы».

В чем слабость этой версии? Во-первых, никаких данных о заговоре с целью убийства царя в тот январский день не было обнаружено ни тогда, ни позже. Во-вторых, все дальнейшие действия Николая II и министров были явно направлены не на борьбу с группой заговорщиков, а на борьбу с шествием гапоновцев. Все совещания военных и министра внутренних дел, которые происходили 7 и 8 января, рассматривали только один вопрос: как не допустить выход рабочих колонн к центру города. Никаких иных мер, направленных на предотвращение возможного заговора или попытки переворота, не принималось. Охранка не провела никаких предупредительных арестов известных активистов левых партий. Рассматривался вопрос об аресте только Гапона. В свою очередь никто из оппозиционеров никогда, в том числе и после свержения самодержавия, не говорил о существовании планов ца-

[164] Спиридович А. И. Записки жандарма. Харьков: Пролетарий, 1928. С. 174.

реубийства и тем более захвата власти в эти январские дни. Напомним, что полиция имела своих осведомителей во всех оппозиционных организациях.

Более того, версия о заговоре прямо противоречила главному тезису, выдвинутому авторами очерка: о том, что царь до самого позднего вечера 8 января «не был осведомлен» о характере и масштабах грядущих событий. Если бы царь боялся заговора, то он очень внимательно отслеживал бы ход событий, а если он их не отслеживал, то, следовательно, заговора не боялся.

Ключевым звеном в концепции авторов очерка стала трактовка поведения министра внутренних дел П. Д. Святополка-Мирского, который вечером 8 января приехал в Царское село для доклада. По мнению авторов, Мирский скрыл от царя серьезность обстановки, чтобы побудить того отказаться от идеи введения военного положения в столице и исключить опасность обвала курса рубля на внешнем рынке. Вот как трактуют авторы «Материалов» доклад Мирского и реакцию Николая: «То обстоятельство, что, *не ознакомившись* с текстом петиции рабочих, государь счел возможным согласиться с предложением министра об отмене военного положения, свидетельствовало о том, то император не только *не был осведомлен* ранее о характере и масштабе деятельности свящ. Г. Гапона в рабочей среде, но и *не был поставлен в известность* о намерениях военно-полицейских властей столицы на предстоящий день»[165].

Эти утверждения никак не аргументируются. Более того, они фактически тут же опровергаются. Так, авторы приводят запись из дневника жены Мирского о том, что ее муж в 10 часов вечера поехал в Царское село и повез с собой «петиции Гапона и компании». По-иному и не могло быть: характер петиции был настолько экстраординарным для России, что министр просто не мог не ознакомить с ним царя. К тому же царь должен был уже сам получить текст, который в полдень направил ему Гапон с доверенным рабочим. Судьба этого рабочего неизвестна. Полиция пустила слух, что он в пьяном виде был задержан в Царском селе. Даже если допустить совершенно невероятный факт задержания посланца Гапона в пьяном виде, нет сомнений в том, что полицейские чины в любом случае передали бы по начальству письмо Гапона, адресованное царю. Имя Гапона в те дни было всем известно.

Любопытно отметить, что авторы очерка буквально через несколько страниц уже пишут, что царь все-таки читал петицию и отверг ее в силу не-

[165] Спиридович А. И. Записки жандарма. С. 931.

приемлемого содержания[166]. Эта неувязка, как и некоторые другие, позволяют предположить, что очерк о 9 января в «Материалах…» писали разные лица, которые плохо согласовывали свои позиции.

Столь же нелепым выглядит тезис о том, что царь «*не был поставлен в известность* о намерениях военно-полицейских властей столицы на предстоящий день». Нелепым потому, что далее авторы приводят известную запись, которую царь сделал в своем дневнике после отъезда Мирского: «Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник-социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для *доклада о принятых мерах*»[167]. Как видим из этой записи, ситуация передана царем без деталей, но точно, и о принятых мерах ему доложили. Отметим, что царя не удивил факт вызова войск в столицу. Отметим и то, как аккуратно авторы сообщают о том, что «государь счел возможным согласиться с предложением министра *об отмене военного положения*». Эта фраза является признанием того ключевого факта, что царь ранее отдал приказ о введении такого положения и теперь согласился с доводами министров, выступавших против его формального введения. Это согласие отнюдь не означало отказа от применения войск, введенных в столицу. Царь в своем дневнике трактует «усиление гарнизона» как оправданную меру.

Известно, что Мирский, вернувшись из Царского, «созвал около полуночи совещание с участием командира гвардейского корпуса в Петербурге генерала князя Васильчикова, начальника штаба гвардии генерала Мешетича, шефа корпуса жандармов генерала Рыдзевского, директора Департамента полиции Лопухина и градоначальника генерала Фуллона для обсуждения диспозиции войск в городе 9 января»[168]. Возникает вопрос: могли ли участники этого ночного совещания принимать какие-либо решения, которые бы не соответствовали указаниям царя, привезенным Мирским? Например: могли ли они сами принять решение о раздаче утром солдатам боевых патронов для стрельбы по рабочей демонстрации, если царь не разрешил этого делать? Мог ли либерально настроенный Мирский в ходе визита к царю не уточнить

---

[166] Спиридович А. И. Записки жандарма… С. 931, 937.

[167] Дневники Императора Николая II. С. 246.

[168] Святополк-Мирская Е. А. Дневник за 1904–1905 / Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 273.

этот вопрос и взять на себе решение о применении оружия? На наш взгляд, ответы на эти вопросы очевидны. В качестве дополнительного аргумента добавим еще один: царь никогда не обвинял Мирского в превышении данных ему полномочий и после 9 января оставил его в высоком звании генерал-адъютанта, т. е. члена царской свиты. Этот факт однозначно говорил, что Мирский действовал строго по указаниям монарха, и его нельзя было упрекнуть в принятии неверных самостоятельных решений.

Ни единого слова осуждения Николай не сказал и в адрес вел. кн. Владимира Александровича (дяди царя), главнокомандующего гвардией и Санкт-Петербургским военным округом, без согласия которого никто не мог отдать приказ войскам об открытии огня по рабочим. Отметим, что никаких сведений о контактах между царем и его дядей в эти дни нет, а они не могли не быть: телефонная связь со столицей работала исправно.

Понимали ли авторы очерка очевидные нестыковки в своей версии? Конечно, понимали, что и отразило написанное ими витиеватое по форме заключение очерка: «определенная доля ответственности за трагические события 9 января 1905 года может быть возложена *на государя* как с исторической, так и с нравственной точек зрения. Однако эта доля ответственности не идет ни в какое сравнение с той нравственной и исторической виной за вольную или невольную подготовку или непредотвращение трагедии 9 января, которая ложится на таких исторических деятелей, как, например, извергнутый из священного сана Г. Гапон или отправленный в отставку с поста министра внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский. Исторические данные не позволяют обнаружить в действиях государя в январские дни 1905 года *сознательной злой воли*, обращенной против своего народа и воплощенной в конкретных греховных решениях и поступках»[169].

Иными словами, виноваты Гапон и Святополк-Мирский, а решение царя уже утром 7 января ввести дополнительные войска в город и не запретить стрельбу по демонстрантам не являются конкретными решениями, содержащими «злую волю». Тем не менее выводы авторов очерка свидетельствуют о том, что полностью снять с царя ответственность за события 9 января церковные иерархи не решились даже в условиях, когда это было очень надо для объединения РПЦ с РПЦЗ.

---

[169] Святополк-Мирская Е. А. Дневник за 1904–1905… С. 937–938.

А. Н. Боханов. Уже упоминавшийся нами А. Н. Боханов в своей книге «Николай II» (1997) о событиях 9 января написал одной фразой: «В январе 1905 года произошли кровавые события в Петербурге, и П. Д. Святополк-Мирский получил отставку. Им были недовольны все, а представители «партии власти» обвиняли его в том, что своей мягкотелостью, нерешительностью, заигрыванием с оппозицией он расшатал порядок, и в результате случилось это абсурдное и бессмысленное побоище в центре столицы»[170]. Вопрос об ответственности царя за «побоище» автор не поставил.

В 2008 г. в интервью Боханов так изложил свой взгляд на события 9 января: «<…> это, конечно, была великая *провокация*. Государь не имел к этому *никакого отношения*, его вообще в Петербурге не было. <…> Что касается личности Государя – ну он не мог отвечать за все. Местные власти в Петербурге проявили свою нерасторопность, доверились этому *попу-провокатору* Гапону, за которым стояли *совершенно определенные террористические группы*. Они финансировались, прямо или косвенно, из заграничных источников, были целые объединения, финансовые корпорации, которые финансировали, вкладывали огромные суммы в это»[171].

Отметим, что ни Боханов, ни кто-либо из других историков не доказал, что: 1) Гапон действовал как сознательный «провокатор»; 2) за ним стояли «террористические группы»; 3) эти группы и события 9 января финансировались из зарубежных источников.

Откровенно слабой является и попытка Боханова оценить действия царя в этих событиях как христианина на том основании, что он приказал раздать деньги семьям убитых рабочих. Христианский царь должен был выйти к своему народу в любой ситуации. Неважно, что было написано в петиции, важно, что большинство рабочих были еще пронизаны монархическими чувствами и верили в возможность получить помощь от своего царя. А царь вызвал войска – очень не по-христиански.

Отметим, что взгляды Боханова не раз подвергались критике. Сошлюсь на мнение известного петербургского историка В. И. Старцева, высказанное в отношении разделов учебника «История России. XX век» (М., 1996) написанного А. Н. Бохановым: «Бохановская … “проза” вызывает не только возражения с точки зрения ее содержания, но и прямо-таки неприятное чув-

---

[170] Боханов А. Н. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997. С. 127.

[171] Боханов А. Н. Сплетни не требуют аргументов. URL: https://pravoslavie.ru/36944.html (Дата обращения. 1.09.2021)

ство». О трактовке Бохановым событий 9 января Старцев отзывается так: «Все описание этого дня в книге – откровенное издевательство над памятью сотен людей, убитых царской властью»[172].

П. В. Мультатули написал специальную книгу, посвященную роли царя в революции 1905 г. Она носит характерное название: «Строго посещает Господь *нас* гневом Своим… Император Николай II и революция 1905–1907 гг.» (2003). В трактовке событий 9 января Мультатули повторяет основные тезисы Боханова, но сопровождает их пространными аргументами. Первым является тезис о провокации: «Как и любая агрессия, революция 1905 года началась внезапно – с *провокации*, поводом для которой стали *тщательно подготовленные* в конце декабря 1904 – начале января 1905 года события на Путиловском заводе в Санкт-Петербурге»[173]. Естественно, что никаких доказательств «тщательной подготовки провокации» автор не приводит. Он повторяет известные сведения о том, как возникла забастовка, но трактует ее как умысел со стороны неких революционеров-евреев. Они терпят неудачу и тогда решают использовать Гапона: «Тайным организаторам забастовки на Путиловском заводе становится понятно, что явно революционизированные евреи и политизированное меньшинство рабочих не могут придать рабочему выступлению политического характера и не смогут вывести рабочих на улицы, а лишь вызывают у них чувство неприятия. Именно тогда этим организаторам и понадобилась ряса Гапона»[174].

Впрочем, автор тут же дает другую версию, согласно которой эсеры еще в марте 1904 г. выработали «сценарий» событий вместе с Гапоном и его активистами: «Еще тогда руководители эсеровской партии, которые, как мы уже писали, находились в тесном общении с Гапоном, выдвинули четырех *своих* членов, которые вместе с Гапоном составили «тайную пятерку». Среди них были: А. Карелин, Д. Кузин, И. Васильев, Н. Варнашов. Эта «тайная пятерка» имела … контакты с эсеровским руководством и ставила *своей целью* подготовить и осуществить крупнейшую провокацию. С *самого начала* Гапон и его соратники *стремились обмануть рабочих*, чтобы использовать их для организации провокации»[175].

---

[172] Вопросы истории. 1997. № 11. С. 163, 164.

[173] Мультатули П. Строго посещает Господь нас гневом Своим… Император Николай II и революция 1905–1907 гг. М.: Сатисъ, 2003. С. 150.

[174] Там же. С. 151.

[175] Там же.

И вновь автор не приводит доказательств того, что названные активисты были членами партии эсеров, внедренными в организацию Гапона в марте 1904 г. Он игнорирует прямые свидетельства А. Карелина о том, что до прихода к Гапону он примыкал к большевикам, а Кузин – к меньшевикам, но, поверив Гапону, оба «порвали с интеллигенцией и партией»[176].

Откровенной выдумкой является тезис, что «главным человеком от эсеров», который «вел» Гапона, был инженер П. М. Рутенберг, начальник мастерской Путиловского завода в декабре 1904 г. Отметим, что Рутенберг в записках, изданных после событий, ни слова не говорит о том, что он «вел» Гапона с осени 1904 г. по заданию ЦК. Никто из лидеров эсеров также никогда не делал таких заявлений. Тем не менее Мультатули, не затрудняя себя ссылками на какие-либо свидетельства, сообщает, что «28 ноября 1904 года, то есть за месяц до событий на Путиловском заводе, Рутенберг, Гапон и его «пятерка» собираются на совещание, где вырабатывается общий план выступления»[177]. Нет ни одного прямого источника, который бы подтверждал, что такой план был выработан, и что Рутенберг был на таком совещании. Сам Рутенберг относит свое знакомство с Гапоном на 5 января 1905 г., когда рабочие-путиловцы пригласили знакомого инженера на одно из выступлений своего лидера. Главной стала встреча, которая состоялась утром 9 января, когда Рутенберг, по его словам, *впервые* подошел к Гапону и предложил свою помощь: «Гапона я увидел, – вспоминал Рутенберг, – *только утром девятого января*. Я обнаружил его стоящим среди рабочих, бледного, потерявшего самообладание и сомневающегося. “Святой отец, есть ли у вас какой-то реальный план?” – спросил я. “Вовсе нет” – был его ответ. “Но, вероятно, солдаты могут открыть огонь?”– сказал я. “Нет, не думаю”, – ответил Гапон неуверенным голосом. Я достал из кармана план Петербурга, со всеми отметками, которые подготовил. Я предложил самые подходящие, по моему мнению, пути для шествия. Если солдаты откроют огонь, будет нужно строить баррикады на улицах, захватить оружие на ближайших складах и всеми путями пробиваться к Зимнему. План был принят»[178]. Оставим на совести Рутенберга слова о том, что Гапон утром 9 января принял план незнакомого человека,

---

[176] Карелин А. Е. Девятое января и Г. Гапон. Воспоминания // Красная летопись. 1922. №1. С. 107.

[177] Мультатули П. Строго посещает Господь… С. 152.

[178] Рутенберг П. М. Убийство Гапона. М.: Слово, 1990. С. 8, 10. Записки П. М. Рутенберга появились в печати впервые в заграничном «Былом» (1909, № 11–12). 1925.

который предложил пробиваться с оружием в руках к Зимнему. В любом случае никаких действий в соответствии с этим «планом» не последовало.

Столь же слабой является и версия Мультатули о плане убить царя. «Доказательством» такого замысла служит очевидная фальшивка, придуманная монархистами в эмиграции в 1930 г. Согласно публикации в монархическом журнале «Двуглавый орел. Вестник высшего монархического совета» некий Л. рассказывал, что где-то в начале 1906 г. в салоне своей матери, куда якобы захаживал Гапон, он «*хлопнул расстригу по плечу* и сказал: “Ну, отче Георгий, теперь мы одни и бояться, что сор из избы вынесут, нечего, да и дело-то прошлое. Вы знаете, как много говорили о событиях 9 января и как часто можно слышать суждение, что, прими Государь депутацию честь-честью, выслушай депутатов ласково, все обошлось бы по-хорошему. Ну, как вы полагаете, о. Георгий, что было бы, если бы Государь вышел к народу?” Совершенно неожиданно, но искренним тоном, Гапон ответил: “Убили бы в пол-минут, пол-секунд!”»[179].

Отметим, что эта статья появилась в журнале монархистов в ответ на статью П. Н. Милюкова в газете «Возрождение» (№ 1697), в которой тот критиковал царя за отказ от встречи с народом. Монархисты обругали Милюкова и ответили якобы сделанным Гапоном признанием: «Убили бы в пол-минут, пол-секунд!». А как по-иному монархисты могли опровергнуть тезис Милюкова о том, что царь должен был принять петицию?

Версия монархистов не подтверждалась ничем, кроме слов некого Л., переданных к тому же другим лицом через четверть века. Но и из этой версии следовало, что убить царя должны были эсеры, хотя бы потому, что у Гапона не было оружия. Однако эсеры, никогда не говорили о своей готовности так использовать события 9 января. Убийство вел. князя Сергея Александровича в Москве в феврале 1905 г. эсеры с гордостью признали делом своих рук, а о планах убить царя 9 января – ни намека. Таким образом, плана превратить шествие в восстание и убить царя не было ни у «гапоновцев», ни у социалистов. Тем не менее именно ссылкой на эти мифические планы Мультатули оправдывает расстрел мирного шествия рабочих.

Второй важный аспект версии Мультатули состоит в утверждении, что министры до последнего момента ничего не делали, поскольку не понимали опасности замысла Гапона. Эта опасность якобы была осознана только после

---

[179] Максимов А. Признание Гапона //Двуглавый орел. Вестник высшего монархического совета. Париж. 1930. №37 (20 марта – 2 апреля). С. 1785.

встречи Гапона с градоначальником И. А. Фуллоном и министром юстиции Н. В. Муравьевым днем 8 января: «После встречи с Гапоном, – пишет Мультатули, – Муравьев пришел в неподдельный ужас. До 9-го января оставалось меньше суток, а что делать с надвигающимся шествием в 300 тысяч человек во главе с людьми, требующими изменения государственного строя, власть не имела понятия»[180]. А далее автор, не видя никаких неувязок, пишет, что «в город еще вечером 7 января поспешно вводятся воинские подразделения. Роты лейб-гвардии Гренадерского, Преображенского, Финляндского, Семеновского, Егерского полков, а также 198-го пехотнорезервного святого князя Александра Невского полка берут под контроль электростанции, газовые заводы, Путиловский завод, фабрику Сыромятникова, перекрывают улицы и площади столицы»[181]. Значит, все-таки не днем 8-го, а уже 7-го января власть видела опасность и «поспешно» ввела в город войска.

Понятно, что по логике изложения автор должен был поставить вопрос о том, кто дал приказ ввести войска. Ответ известен: утром 7-го царь отдал приказ ввести военное положение и передать власть в руки военных. Однако Мультатули *обходит* этот вопрос и изображает события так: «Государь, *вплоть до 8 января*, ничего не знал о надвигающихся событиях. После выхода на Иордань 6-го января Николай II уехал в Царское Село и находился там, что является *прямым доказательством* того, что он не знал о шествии рабочих. Принимая во внимание характер Государя и его чувство ответственности за все, что происходило в стране, можно не сомневаться, что, знай он о готовящихся событиях, он непременно остался бы в Петербурге»[182].

Итак, получается, что Николай, ничего не зная о грядущих событиях, просто так уже утром 7 января требует ввести в столице военное положение, которое грозит обвалом курса русского рубля на бирже и покажет всему миру, что Россия стоит на пороге революции. Мультатули такая нелогичность не смущает, ибо он вообще не упоминает о решении царя ввести военное положение. Его не смущает и известное свидетельство министра В. Н. Коковцова о том, что уже 6 января царь принял решение не возвращаться в Петербург для встречи с рабочими[183]. Это ключевое свидетельство В. Н. Коковцова Мультатули тоже не приводит.

---

[180] Мультатули П. Строго посещает Господь… С. 157.
[181] Там же.
[182] Там же. С. 159.
[183] Коковцов В. Н. Из моего прошлого... С. 52–53.

И далее автор фальсифицирует известный сюжет с приездом министра внутренних дел Мирского вечером 8 января в Царское село: «Святополк-Мирский, – утверждает Мультатули, – не сказал ни слова о готовящемся шествии рабочих», и царь «ничего не знал ни о готовящемся шествии, ни о петиции»[184].

Вообще было бы неплохо автору ознакомиться хотя бы с «Материалами по канонизации», в которых признается, что царь все-таки петицию читал и о шествии знал. Фальсификация ключевых сюжетов выводит книгу Мультатули из разряда исторических исследований. Тем не менее опровержение его версии имеет смысл уже потому, что она повторяется в десятках публикаций в электронных сетях, вводя в заблуждение многих читателей. Отметим и то, что усилия монархических историков оказывают определенное влияние и на постсоветскую историографию в целом.

С. А. Нефедов. В январе 2015 г. уральский историк С. А. Нефедов опубликовал статью в журнале «Новый мир», в которой поддержал тезис о том, что события 9 января были *провокацией*, устроенной антимонархическими силами, замышлявшими бунт и цареубийство[185]. Автор представил первую русскую революцию как одну из первых «цветных революций», опубликовав в том же январе 2015 г. в газете «Известия» статью, которая так и называется: «Первая русская “цветная революция”»[186]. Этот подход, на наш взгляд, вызвал досадные «перекосы» в работе столь авторитетного историка.

Тезис о «русской революции» как одной из «цветных революций» стал популярным на фоне «революции роз» в Грузии (2003), «оранжевой революции» (2004) и госпереворота в феврале 2014 на Украине и других похожих явлений. Характерными чертами «цветных революций» являлись ведущая роль внешнего фактора в организации революционного взрыва, умелое манипулирование общественным мнением, организация провокаций, способных скомпрометировать власть и вызвать широкое и активное недовольство в обществе.

Нефедов пытается выявить эти черты в событиях 9 января. Воздействие внешнего фактора автор видит в усилиях японского разведчика полковника Акаси (Акаши) Мотодзиро, бывшего военного атташе в России, который под прикрытием финских националистов, спонсировал проведение в Париже в

---

184 Коковцов В. Н. Из моего прошлого... С. 160.

185 Нефедов С. А. Великая провокация 9 января 1905 года // Новый мир. 2015. № 1. С. 153–166.

186 Нефедов С. А. Первая русская «цветная революция» // Известия. 2015, 22 января.

сентябре 1904 г. конференции оппозиционных партий России для согласования «планов подрывной деятельности»[187]. На самом деле роль этой конференции в подготовке революции была незначительной[188]. А в организации событий 9 января «японский фактор» равен нулю. Во-первых, потому что социал-демократы, узнав о происхождении денег на организацию конференции, отказались в ней участвовать. Во-вторых, потому что либералы во главе с видным историком П. Н. Милюковым, сторонники единой и неделимой России, оказались на этой конференции лицом к лицу с представителями шести националистических (двух польских, финской, белорусской, латышской, грузинской) партий, часть лидеров которых мечтали о независимости от России. Такие «партнеры» либералам явно не понравились, и более с ними за один стол русские либералы не садились. Конференция приняла политический документ, в котором говорилось о необходимости «замены самодержавного строя свободным демократическим режимом на основе всеобщей подачи голосов» и признавались «право национального самоопределения» и «свобода национального развития для всех народностей» без расшифровки этих пунктов. Участники конференции оставили за собой право своими методами решать общие задачи и не приняли плана совместных действий.

Однако Нефедов приводит *без указания даты* составления докладную записку Департамента полиции, в которой говорится о конкретных договоренностях, якобы достигнутых на конференции: «По совершенно секретным сведениям, – гласит записка, – в начале осени в Париже состоялся конгресс революционных деятелей, на котором между прочим было решено предпринять усиленную агитацию в России с целью возбуждения целого ряда политических волнений, которые могли бы окончательно дезорганизовать правительство, а затем к концу января создать *грандиозные уличные беспорядки с участием рабочих масс*. Для руководства этим движением планировалось сформировать особый “комитет” из представителей либеральной, радикальной и революционной групп. По тем же негласным сведениям упомянутый комитет действительно составился». И далее в докладной записке называют имена членов этого «комитета»: писатели М. Горький и Н. Ф. Анненский,

---

[187] Нефедов С. А. Великая провокация 9 января 1905 года. С. 157.

[188] См.: Шацилло К. Ф. Из истории освободительного движения в России в начале XX в.: О конференции либеральных и революционных партий в Париже в сентябре–октябре 1904 г. // История СССР. 1982. № 4. С. 51–70.

публицисты-народники А. В. Пешехонов и В. А. Мякотин, историк В. И. Семевский и либеральный адвокат Е. И. Кедрин[189].

Нет никаких других следов якобы принятого в Париже решения об организации в январе 1905 г. «*грандиозных уличных беспорядков с участием рабочих масс».* Никто и никогда из участников совещания и других лидеров оппозиционных партий не сообщал о таком решении. Перечисленный состав «комитета», якобы созданного для решения этой задачи, с очевидностью доказывает, что записка писалась *после событий* 9 января, поскольку в ней членами «комитета» назывались те люди, которые во главе с М. Горьким пришли вечером 8 января в министерство внутренних дел с просьбой предотвратить стрельбу в демонстрантов. После событий 9 января полиция их арестовала за неимением других лиц, на которых можно было бы возложить ответственность, но в ходе следствия не нашла никаких действий этих лиц по организации шествия. Горькому было предъявлено обвинение за написанное им вечером 9 января обращение с осуждением расстрела[190]. В ноябре 1905 г. дело было прекращено. Даже беглое знакомство с биографией упомянутых лиц говорит о том, что их менее всего можно заподозрить *в способности* организовать уличные беспорядки, а тем более организовать *провокацию*: повести рабочих на расстрел. Этот «комитет» сложился спонтанно вечером 8 января с одной целью: просить власть не стрелять в народ, т. е. не допустить той провокации, которую «комитет» якобы планировал.

Отметим, что полиция даже не пыталась сказать, что «комитет» готовил январские события на «японские деньги». Тема иностранных денег в событиях 9 января полицией всерьез не обсуждалась. Напомним доклад Лопухина, который не сказал об этом ни слова.

Тем не менее Нефедов развивает версию о наличии «комитета», который якобы и организовал провокацию 9 января 1905 г. Историк обращается к версии Матюшенского, и называет последнего главным исполнителем задуманной провокации. Автор подчеркивает, что Матюшенский в январе 1905 г. сотрудничал с либеральной газетой «Наши дни», редакция которой рассматривалась полицией как штаб петербургских «освобожденцев» и «комитета», якобы учрежденного по решению Парижской конференции. Нефедов пишет,

---

[189] Нефедов С. А. Великая провокация 9 января 1905 года… (Нефедов ссылается на архив: ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 1738. Л. 5.).

[190] Обвинительный акт об А. М. Пешкове прокурора Петербургской судебной палаты 10 марта 1905 г. // Революционный путь Горького. По материалам департамента полиции. Центрархив. ГИХЛ. 1933. С. 99.

что «*вероятно*, Матюшенский выполнял задание этого “комитета”, хотя делал вид, что ни от кого не зависит»[191].

Выдвижение Матюшенского на первый план связано с тем, что историк принял версию журналиста, описанную в упоминавшейся «Исповеди». Напомним ключевое утверждение Матюшевского: «Мой грех – это знаменитая петиция рабочих на имя царя, в результате которой получилось кровопролитие не только в Санкт-Петербурге, но и во всей России». Нефедов в качестве эпиграфа к своей статье берет другие строки из «исповеди», в которых выражена та же идея: «Я толкал женщин и детей на бойню, чтобы вернее достигнуть намеченной цели. Я думал: избиение взрослых мужчин, может быть, еще перенесут, простят, но женщин, расстрел матерей с грудными младенцами на руках! Нет, этого не простят, не могут простить»[192]. Поскольку самым видным деятелем мифического «Комитета» считался М. Горький, постольку получалось, что именно Горький несет ответственность за провокацию, подготовленную Матюшенским по его поручению. Не думаю, что Нефедов допускает такую мысль, но она вытекает из его построения.

Как было сказано ранее, версия Матюшенского основана на его собственном свидетельстве. Ему противостоит свидетельство Гапона о том, что в ночь на 7 января он сам в стиле проповедей переделал текст «Резолюции», созданной социал-демократами 5 января, и наброски, которые были выработаны его «друзьями». При этом, как показал еще историк А. А. Шилов в 1920-е гг., итоговый текст петиции был «мягче», чем текст «Резолюции»[193].

Оставим в стороне вопрос об авторстве петиции и вновь зададим более важный вопрос: был ли этот текст заведомой провокацией, которая обрекала рабочих на расстрел? Как уже было сказано, такие разные, но весьма компетентные люди как С. Ю. Витте, А. И. Спиридович и П. Н. Милюков полагали, что петиция не закрывала для царя возможности выбора любых решений. Они считали, что он не только мог, но и должен был принять делегацию. И тогда шествие к дворцу обернулась бы крахом для оппозиции. Так оценивал ситуацию и эсер П. М. Рутенберг, говоря о двух возможных исходах: «Либо народ будет одурачен и, опьяненный *словом и видом царя*, потянет

---

[191] Нефедов С. А. Великая провокация 9 января 1905 года... С. 160.

[192] Матюшенский А. И. За кулисами гапоновщины. Исповедь. С. 91; Нефедов С. А. Великая провокация 9 января 1905 года. С. 153.

[193] Шилов А. А. К документальной истории «Петиции» 9 января 1905 года // Красная Летопись. 1925. № 2(13). С. 21, 25, 32.

ярмо дальше, до полного истощения, либо мираж царского всемогущества и доброжелательства к народу рассеется навсегда»[194].

Однако Нефедов придерживается иного мнения: «содержание этой “челобитной” предопределило дальнейшие события: опытные политики запрограммировали *единственно* возможный исход»[195]. Кто же эти «опытные политики»? Опять получается, что это Горький «со товарищи».

Этот аспект в концепции Нефедова следует подчеркнуть еще и потому, что историк выдвигает версию, что царь сначала хотел принять челобитную, но изменил решение, ознакомившись с текстом: «Николай II *поначалу хотел* выйти к народу и принять челобитную, но, когда ему доложили о том, что в ней написано, император изменил свое решение»[196]. Однако об этом ходили только слухи, которые записал полковник А. В. Герасимов, приехавший в Петербург уже после событий в феврале 1906 г.: «Мне *передавали*, что Государь хотел выйти к рабочим – но этому решительно воспротивились его родственники во главе с Великим князем Владимиром Александровичем. По их настоянию Царь не поехал в Петербург из Царского Села, предоставив распоряжаться Великому князю Владимиру Александровичу, который тогда был командующим войсками Петербургского военного округа»[197].

Слухам противостоит надежное свидетельство министра В. Н. Коковцова, который, как уже было сказано ранее, с полной определенностью заявил, что уже 6 января «было решено, что Государь не проведет этого дня (воскресенья. – *В. К.*) в городе, … полиция сообщит об этом заблаговременно рабочим, и, конечно, все движение будет остановлено и никакого скопления на площади Зимнего Дворца не произойдет»[198].

О том, что царь все прекрасно знал и не собирался возвращаться в столицу, свидетельствует сестра Николая II великая княгиня Ольга Александровна. Через много лет она так рассказала о кровавых событиях: «За несколько дней до трагических событий Ники получил полицейский рапорт. В *субботу* он позвонил маме в Аничков дворец и велел ей и мне немедленно уехать в Гатчину. … Мама и я хотели, чтобы он оставался в Петербурге и

---

[194] Рутенберг П. М. Убийство Гапона. С. 8–9.

[195] Нефедов С. А. Великая провокация 9 января 1905 года.... С. 153.

[196] Там же. С. 162.

[197] Герасимов А. В. На лезвии с террористами // «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 165.

[198] Коковцов В. Н. Из моего прошлого... С. 52–53.

встретил эту толпу. Я уверена, что несмотря на опасные настроения части рабочих, появление Ники успокоило бы их. Они бы передали ему свою петицию и разошлись по домам. Но тот злосчастный инцидент во время Водосвятия (выстрел одной пушки картечью во время салюта. – *В. К.*) поверг в панику всех высших чиновников. Они продолжали убеждать Ники, что он не вправе идти на такой риск, и его долг перед страной состоит в том, чтобы покинуть столицу… *Мы с Мама изо всех сил старались убедить его*, что министры не правы, но Ники предпочел последовать их совету и был первым, кто раскаялся в том, узнав о трагическом исходе…»[199]. Как видим, это свидетельство подтверждает, что царь уже 6 января в четверг после доклада Мирского, который мог действительно предложить ему уехать, отказался от встречи с рабочими и не изменил своего решения вопреки настойчивой просьбе матери. Он знал, что в воскресенье в столице будет опасно, и поэтому в субботу потребовал, чтобы мать и сестра покинули Петербург.

Изложенные соображения не позволяют рассматривать события 9 января 1905 г. как некий вариант «цветной революции», поскольку нельзя доказать участия в организации событий какой-либо внешней силы (например, в лице полковника Акаси). Нельзя доказать и наличие сознательно подготовленной провокации со стороны оппозиции в лице либералов или социалистов. Нельзя доказать, что сам Гапон и его активисты готовили какие-либо агрессивные акции, замышляя, например, акт цареубийства.

С. В. Куликов. В 2016 г. вышла солидная энциклопедия «Россия в 1905-1907 гг.», в которой обширную статью о «Кровавом воскресенье» написал петербургский историк С. В. Куликов. Он изложил события, опираясь на широкий круг источников. Однако сделал акцент на те материалы, которые, с одной стороны, компрометировали Гапона и его ближайшее окружение, а с другой стороны, в более выгодном свете представляли действия министров. О действиях царя накануне 9 января автор писал удивительно скупо и никак не оценивал их. Куликов воспроизвел тезис о том, что простые рабочие были фактически обмануты Гапоном и не знали истинного содержания петиции, сославшись на весьма сомнительные свидетельства митрополита Антония и царицу, которая с чужих слов писала, что многие рабочие «были повержены

---

199 Vorres, Ian. The last grand duchess. Her Imperial Highness Grand Dutchess Olga Alexandrovna. New York: Charles Scribner`s Sons, 1965. P. 115.

в отчаяние, когда узнали о содержании петиции»[200]. Говоря о позиции царя, историк сделал ту же ошибку, что и Нефедов: привел свидетельство (полученное из вторых рук уже после событий) начальника охранного отделения А. В. Герасимова о том, что Николай якобы хотел поначалу принять петицию, но не упомянул о свидетельстве министра финансов Коковцова (участника событий) о том, что уже 6 января, сразу по получения информации о шествии, царь решил в город не возвращаться. Куликов подчеркнул, что действия Гапона носили «провокационный характер», и не усмотрел такового в действиях власти[201]. В этой связи Куликов сослался на авторитет Р. Ш. Ганелина и привел ту часть его оценки, в которой Ганелин отрицал наличие у властей «определенно установленного провокационного плана», но не привел дальнейших слов Ганелина о том, что «факт введения рабочих в *заблуждение властями* несомненен» [202]. Куликов сообщает, что Мирский поздно вечером 8 января доложил царю о назревших событиях и привез текст петиции, однако далее проводит мысль о том, что 8 января министры принимали все решения, исходя из своего понимания обстановки и полученной информации о готовности революционеров использовать мирное шествие рабочих в своих целях. Такая информация, хотя и весьма неопределенного характера, была действительно получена от охранки 8-го днем, но совершенно очевидно, что она никак не могла повлиять на ранее принятые решения. Все основные решения были приняты министрами уже 7 января, и они опирались на решения царя. В тексте Куликова роль царя в принятии этих решений министрами никак не просматривается. Все вышесказанное позволяет сделать вывод: по версии Куликова получается, что царь в расстреле не виноват.

3.2. Решение о расстреле

Выполненный анализ различных трактовок, созданных историками на протяжении столетия, сопровождался достаточно подробной критикой тех из них, которые не подтверждены убедительными аргументами. Это позволяет изложить позицию автора в виде кратких тезисов. Основной тезис состоит в том, что виновником расстрела мирной демонстрации рабочих 9 января является Николай II. Этот тезис доказывается двумя главными фактами.

---

200 Куликов С. В. Кровавое воскресенье // Россия в 1905–1907 гг. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 1916. С. 485.

201 Там же. С. 488.

202 Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году... С. 61.

Первый – это свидетельство о том, что царь уже 6 января знал о планах Гапона организовать шествие к дворцу с целью подачи петиции и знал о ее радикальных требованиях. В тот четверг перед отъездом в Царское село он заслушал доклад министра внутренних дел П. Д. Святополка-Мирского, который сообщил, что в столице (впервые в истории) одновременно вспыхнули забастовки на многих крупных предприятиях, и масштабы забастовок растут. Кроме того, министр сообщил о плане рабочих идти в воскресенье к Зимнему дворцу, чтобы вручить ему прошение. О принципиальном характере прошения было известно из донесений полицейских агентов об обсуждении «Резолюции рабочих об их насущных нуждах», которое началось уже вечером 5 января в районных отделах Собрания. Царь сразу же принимает *решение не возвращаться в столицу* в воскресенье и не встречаться с рабочими. Эту информацию министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский довел до сведения министра финансов В. Н. Коковцова, который в наибольшей мере был связан с рабочим вопросом, поскольку министерство финансов курировало промышленность и отношения между рабочими и предпринимателями.

Второй факт – это указание царя утром 7 января *ввести в столице военное положение*. Оно четко подтверждает свидетельство Коковцова, о том, что царь принял решение не возвращаться в Петербург и использовать войска с тем, чтобы не допустить выход рабочих к Зимнему дворцу. Указание передано в штаб округа, которым командовал дядя царя, великий князь Владимир Александрович. Тот назначил «главноначальствущим по подавлению беспорядков» командира гвардейского корпуса князя С. И. Васильчикова. Это решение означало, что силовое противостояние рабочей демонстрации будет осуществляться воинскими частями, а не полицией, и под командованием военачальника. Хотя министры по предложению В. Н. Коковцова воздерживаются от формального введения военного положения, боясь обвала курса рубля на финансовом рынке, военные принимают решение о вызове войск из ближних и удаленных гарнизонов, включая Псков и Ревель. Уже сам ввод большого количества вооруженных солдат в столицу с задачей не допустить шествие к дворцу порождал опасность кровавого исхода. Как справедливо заметил начальник штаба гвардии генерал Мешетич вечером 9 января: «Что же касается стрельбы, то это естественное следствие вызова войск: ведь не *для парада же их вызывали*»[203].

[203] Любимов Д. Н. Гапон и 9 января // Вопросы истории, 1965. № 9. С. 116.

О том, что войска будут стрелять, стало ясно из распоряжений, которые 7–8 числа получили столичные больницы: подготовиться к большому приему раненных и установить дежурство всех врачей в воскресный день.

8 января, в субботу, царь присылает в столицу министра Императорского двора генерала В. Б. Фредерикса, настаивая на вводе военного положения. Приезд Фредерикса говорит о том, что царь внимательно следил за событиями и видел только один путь реагирования на них: военное положение, которое открывало путь к расстрелу. Правительственное совещание вновь откладывает его формальное введение, но продолжает подготовку к силовой акции. Вечером министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский отправляется к царю, чтобы доложить о принятых мерах и объяснить, почему не было введено военное положение. Царь принимает Мирского, соглашается с его аргументами по поводу военного положения и одобряет доклад о принятых мерах. Мирский привез царю итоговый вариант петиции, с которым тот, скорее всего, был уже знаком, поскольку еще днем Гапон отправил в Царское село члена Собрания. Версия о том, что посланец по дороге запил, и письмо просто пропало – более чем сомнительна. Мирский ночью возвращается в Петербург, где проводит совещание с военными, сообщив им о позиции царя. Суть позиции царя раскрывает тот факт, что утром 9 января солдаты получили боевые патроны, и днем офицеры без колебаний отдавали приказ о стрельбе по безоружным рабочим.

Решение, принятое царем в январские дни 1905 г., не только стало толчком для начала первой русской революции. Оно во многом предопределило судьбу монархии в феврале 1917 г. и трагическую судьбу самого Николая и всей его семьи. Расстрел царской семьи в Екатеринбурге в июле 1918 г. был политически и психологически невозможен без расстрела мирной рабочей демонстрации в январе 1905 г. в Петербурге.

ГЛАВА 4. ТРЕТЬЕИЮНЬСКАЯ МОНАРХИЯ

В этой главе речь пойдет о *политической системе*, которую Николай II создал после поражения первой русской революции 1905–1907 гг. Она просуществовала до февраля 1917 г., став политической причиной Февральской революции. В историографии эту систему называют «третьеиюньской монархией» (пояснение названия дано ниже). Некоторые историки подчеркивают ограниченный характер самодержавной власти в этот период, однако главным «актором» эпохи по-прежнему оставался Николай II, который принимал ключевые решения в сфере внутренней и внешней политики.

4.1. Становление системы

Начало созданию системы положил Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», который царь издал на фоне Всероссийской октябрьской политической стачки. В ней приняли участие рабочие, студенты, преподаватели вузов и школ, врачи, артисты, мелкие предприниматели и чиновники. Они требовали восьмичасового рабочего дня, демократических свобод, созыва Учредительного собрания. Стачка стала реакцией на обнародованное в августе решение царя созвать не законодательную, а *законосовещательную* Думу «для *обсуждения* законодательных предположений» с узким кругом избирателей[204]. Города бастовали на фоне крестьянских выступлений: в октябре было зарегистрировано 219, в ноябре 796, в декабре 575 таких выступлений[205]. Крестьяне выгоняли помещиков из деревни, жгли усадьбы, чтобы те не вернулись. Созданный летом Всероссийский крестьянский союз призывал крестьян к всеобщей аграрной забастовке.

Николай II, опасаясь перерастания стачки в вооруженное восстание, октябрьским Манифестом «даровал» населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Он пообещал «установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью дей-

---

[204] Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собрание III. Т. XXV. СПб., 1908. № 26661. С. 640–645; № 26662. С. 645–651.

[205] Дубровский С. М. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 42.

ствий поставленных от Нас властей»»[206]. Это означало согласие на созыв Думы с законодательными и контрольными правами. Важно подчеркнуть, что царь пошел на такой шаг только в ситуации, когда никто не мог предсказать дальнейший ход событий. Есть свидетельства, что великий князь Николай Николаевич, боясь за судьбу всей царской семьи, угрожал застрелиться на глазах у царя, если тот не подпишет подготовленный Манифест[207]. Боялся и сам царь. Октябрь–декабрь Николай II и вся семья провели не в Царском селе, а «у воды» – на Нижней даче в Петергофе, где была развернута радиостанция, позволявшая подать радиосигнал. Два германских миноносца вошли в Финский залив, а 20 октября прямо подошли к Нижней даче. Николай II отметил в дневнике: «Морской агент Гинце прибыл с двумя германскими миноносцами из Мемеля с почтой посольства»[208]. Доставка диппочты двумя миноносцами иностранной державы была необычной акцией. Через два дня прибыли еще два германских миноносца: «оба командира представлялись после завтрака», а еще через два дня в Кронштадте «начались беспорядки и разгромы»[209]. В это время царь активно переводил деньги на секретные счета в банки Германии[210].

Манифест открывал путь к мирному реформированию государства и общественного строя. Однако после того как в декабре 1905 г. гвардейские части подавили вооруженные восстания рабочих в Москве, а затем в ряде других городов, Николай II ужесточил свою позицию.

Уже в декабре царь утвердил своим указом новое *положение о выборах* в Государственную Думу, которое грубо нарушало принципы равных, прямых, тайных и всеобщих выборов[211]. Женщины, студенты и военнослужащие не получили избирательных прав. Около 25 млн мужчин, достигших возраста 25 лет, избирали выборщиков по четырем неравным куриям: один выборщик избирался соответственно от 2 тыс. землевладельцев, от 7 тыс. горожан, от 30 тыс. крестьян, от 90 тыс. рабочих. Землевладельцы избирали 32 %, крестьяне – 43 %, горожане – 22 %, рабочие – 3 % выборщиков. Это

---

[206] Ведомости СПБ градоначальства. 1905. 18 октября; ПСЗ. Там же. № 26803. С. 754.
[207] Дневник императора Николая II. С. 220.
[208] Там же. С. 222.
[209] Там же. С. 223.
[210] Зимин И. В. Царские деньги: доходы и расходы Дома Романовых. М.: Центрполиграф, 2011. С 273–277.
[211] ПСЗ. Собрание III. Т. XXV. № 27029. С. 877–882.

означало, что один голос помещика приравнивался к 3,5 голосам буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Выборщики по сложной процедуре избирали депутатов.

Николай II рассчитывал на поддержку крестьян, надеясь, что они сохранили веру в царя-батюшку как защитника народа. Тем не менее он решил не рисковать и 23 апреля 1906 г., за четыре дня до созыва Госдумы, в нарушение обещания о том, что ни один закон не будет принят без ее согласия, сам утвердил новую редакцию «Основных государственных законов империи»[212]. Эта редакция и составила правовую основу «третьеиюньской» политической системы, просуществовавшей до Февральской революции.

В новой редакции Основных законов Николай II, с одной стороны, признал свой отказ от *неограниченной* власти, а с другой – сохранил за собой верховную власть в сфере управления и резко ограничил права Госдумы. Четвертая статья, определявшая сущность власти, не содержала термина «неограниченная», но содержала термин «самодержавная». Новая редакция статьи гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть». Седьмая статья ограничивала одну из функций самодержавной власти – законодательную: «Государь император осуществляет *законодательную* власть *в единении* с Государственным Советом и Государственною Думою». Однако и в законодательной сфере царь оставлял за собой последнее слово, закрепив его в ст. 9: «Государь Император *утверждает* законы, и без Его утверждения никакой закон *не может* иметь своего совершения». Восьмая статья запрещала Думе пересмотр Основных законов: «Государю Императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. *Единственно по Его почину* Основные Государственные Законы могут подлежать пересмотру в Государственном Совете и Государственной Думе». Важнейшее значение имело и право царя распускать Думу в любой момент с обязательством провести новые выборы депутатов в установленный им самим срок. Манифестом от 20 февраля царь преобразовал Государственный Совет и наделил его равными правами с Госдумой. При этом половина членов Госсовета и его председатель назначались царем. Вторая половина избиралась православным духовенством, дворянскими обществами, биржевыми комитетами, купеческими управами, губернскими земскими собраниями,

[212] ПСЗ. Собрание III. Т. XXVI. СПб., 1909. № 27805. С. 456–461.

Академией наук и университетами[213]. Такой способ формирования должен был исключить возможность прохождения через Госсовет нежелательных законов, принятых Думой. Госсовет имел право отклонить законопроекты, принятые Госдумой.

Госдума и Госсовет превращались в две палаты российского парламента. Однако царь не хотел признавать факта создания в России такого института, и термин «парламент» не употреблялся ни в одном законодательном акте Российской империи. Дело в том, что терминами «парламент», «парламентаризм» в те годы обозначалась система, при которой правительство так или иначе отвечало за свои действия перед выборным представительным органом. Вопреки обещанию, данному в октябрьском Манифесте, царь не дал Госдуме права контроля за действиями исполнительной власти. В России все министры назначались царем и отвечали только перед ним.

Согласившись на некоторое ограничение своих прав в сфере законодательства, Николай II закрепил за собой полное и исключительное право *управления* страной, формирования внешней и внутренней политики:

«Статья 10. Власть *управления* во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского».

«Статья 12. Государь Император есть верховный руководитель всех *внешних сношений* Российского Государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики … Государства».

Основные законы империи создавали положение, по которому реформирование политической системы в рамках правового поля было возможно только по почину и воле царя. Однако такая система делала именно царя ответственным за все ключевые решения. Реальную власть царя ярко продемонстрировала судьба Госдумы первого и второго созывов, проработавших вместе всего полгода вместо положенных десяти.

I Дума. В марте–апреле 1906 г. прошли выборы депутатов. Большинство социалистов их бойкотировали, а либералы приняли активное участие, создав две партии. Левое крыло либералов образовало партию конституционных демократов (кадетов), требовавших расширения прав парламента, включая контроль над правительством. Правое крыло либералов составило партию октябристов, готовых действовать на основе Манифеста от 17 октября. Всего в I Думу было избрано 499 депутатов, в том числе 179 кадетов, 97 трудови-

[213] ПСЗ. Собрание III. Т. XXVI... № 27808. С. 365–367.

ков (беспартийных крестьянских депутатов), 17 социал-демократов, 16 октябристов, 63 автономиста (депутаты от Польши, Прибалтики и других национальных районов), 105 беспартийных. I Дума начала свою работу 27 апреля 1906 г. в Таврическом дворце. Перед началом первого заседания царь принял депутатов в Зимнем дворце, рассчитывая поразить депутатов-крестьян великолепием власти. Он прочел речь, запинаясь. Придворные кричали «Ура». Депутаты молчали. После приема Николай II плакал и говорил о Думе: «Я ее создал, и я ее уничтожу»[214].

К разочарованию царя крестьянские депутаты, объединившись во фракцию «трудовиков», выдвинули радикальный аграрный законопроект («проект 104-х»). Речь шла об уравнительном переделе и передаче всей земли тем, кто ее обрабатывает своими руками (уравнительно-трудовой принцип): «С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и проч. частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму». При этом вознаграждение за принудительно отчуждаемые и добровольно уступаемые в общенародный фонд земли частного владения должно было производиться за счет государства[215]. Фактически за проектом стояло стремление отменить частную собственность на землю. Проект был создан на основе многочисленных наказов, которые принимали крестьянские сходы в русских губерниях Европейской части империи[216]. Требования трудовиков поддержали социал-демократы.

Кадеты выдвинули свой план решения аграрной проблемы. Вместо общего уравнительного передела они предлагали наделить малоземельных крестьян за счет казенных, удельных, кабинетских, монастырских и церковных земель, а также «путем обязательного отчуждения для той же цели, за счет государства, в потребных размерах, частновладельческих земель с вознаграждением нынешних владельцев по справедливой оценке, т. е. сообразно с нормальной для данной местности доходности, при условии самостоятельно-

---

214 Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб.: 1994. С. 18.

215 Государственная дума: стенографические отчеты. Созыв 1. Сессия 1. Т. 1. С. 560–562.

216 Сенчакова Л. Т. Приговоры и наказы крестьян Центральной России. 1905–1907. М., 2000.

го ведения хозяйства, не принимая во внимание арендных цен, созданных земельной нуждой»[217].

Царь считал недопустимым принудительное отчуждение даже части помещичьих земель. Восьмого июля 1906 г. он подписал Указ о роспуске Госдумы, которая проработала 72 дня, и назначил срок созыва новой Думы на 20 февраля 1907 г.[218]. Роспуск осуществил новый глава правительства Петр Столыпин, который ранее привлек внимание монарха решительностью при подавлении крестьянских бунтов в Саратовской губернии в 1905 г. За день до открытия I Госдумы, 26 апреля 1906 г., Столыпин стал министром внутренних дел, а 8 июля сменил осторожного И. Л. Горемыкина на посту премьера. Столыпина считали виновником разгона Думы, что стало причиной теракта – взрыва эсерами его дачи на Аптекарском острове 12 августа 1906 г.

Распустив Думу, царь указом от 9 ноября 1906 г. начал аграрную реформу, лично определив ее суть и цели[219]. Важно подчеркнуть, что Николай начал ключевую реформу не на основе закона, получившего одобрение парламента, а своим указом, неправомерно оправдав такой шаг ссылкой на ст. 87 Основных законов. Она предоставляла царю право «во время прекращения занятий Государственной Думы» принимать «в чрезвычайных обстоятельствах» неотложные указы законодательного характера. Таких обстоятельств в данном случае не было. Однако полностью царь проблему не решил: согласно той же статье после возобновления работы Думы указ в течение двух месяцев должен был быть внесен как законопроект на ее рассмотрение, иначе он автоматически прекращал свое действие.

II Дума. Отложив созыв новой Думы на восемь месяцев, царь надеялся на то, что спад революционной волны приведет к выборам послушной Думы. Надежды не оправдались. В Думу было избрано 518 депутатов, в том числе: 118 социалистов (65 социал-демократов, 37 социалистов-революционеров, 16 народных социалистов), 104 трудовика, 98 кадетов, 76 автономистов, 50 беспартийных, 44 октябриста (и группа умеренных), 17 депутатов казачьей группы и 10 правых. Такой состав не давал шансов превратить царский указ об аграрной реформе в закон. Дума отвергла программу Столыпина, и этот шаг определил ее судьбу.

---

[217] Государственная дума: стенографические отчеты. Созыв 1. Сессия 1. Т. 1. С. 248–251.
[218] ПСЗ. 3-е собр. Т. XXVI. СПб., 1909. № 28103. С. 738.
[219] Там же. № 28528. С. 970–974.

Столыпин колебался в вопросе о роспуске II Госдумы и сделал это 3 июня 1907 г. по прямому и настойчивому приказанию Николая II, который 2 июня написал: «Я ожидал целый день с нетерпением извещения Вашего о совершившемся роспуске проклятой Думы. Но вместе с тем сердце чуяло, что дело выйдет не чисто и пойдет взатяжку. Это недопустимо. Дума должна быть завтра, в воскресенье утром распущена. Твердость и решимость – вот что нужно показать России. ... Ни одной отсрочки, ни минуты колебания! Смелым Бог владеет!»[220]. В качестве предлога было использовано ложное обвинение депутатов социал-демократической фракции в участии в заговоре с целью свержения существующего строя. Информация о заговоре подбросили полицейские провокаторы. В ночь на 3 июня Столыпин арестовал членов социал-демократической фракции. II Госдума проработала всего 102 дня.

Переворот. Указом от 3 июня Николай изменил и избирательный закон, что прямо запрещалось ст. 87 Основных законов, гласившей, что царь не мог изменить избирательный закон без согласия Госдумы и Госсовета. Эта акция со всех точек зрения была открытым государственным переворотом. Переворот завершил формирование той политической системы, которая и получила название «третьеиюньской» по дате принятия указа.

По новому избирательному закону доля выборщиков от землевладельцев была увеличена с 32 % до 50,5 %, а от крестьян уменьшена с 42 % до 22,5 %. Городская курия (24 %) была разбита на две, и состоятельная часть горожан получила непропорционально высокую долю голосов. Резко сократилось представительство рабочих. Один голос помещика приравнивался к 260 голосам крестьян и 543 голосам рабочих. Урезалось представительство национальных окраин. Созванные после переворота III и IV Государственные думы послушно поддерживали консервативные реформы, проводимые правительством. И только в годы первой мировой войны на фоне поражений 1915 г. думское либеральное большинство решилось встать в оппозицию.

Третьеиюньский переворот выявил суть «третьеиюньской монархии» и оказал самое серьезное влияние на дальнейшую историю и политическую культуру России. Вопреки обещанию построить правовое государство царь утвердил принцип: у кого сила, тот и прав. Этот принцип определит судьбу и самодержавия, и страны в целом. Система порождала постоянный внутренний конфликт, ибо не устраивала ни царя, стремившегося вернуть утрачен-

[220] Шевырин В. М. Феномен Столыпина// Россия и современный мир. 2002. № 3. С. 168.

ное неограниченное самодержавие, ни буржуазное общество, не имевшее реальных возможностей влиять на политику правительства, ни народ, символически представленный в Думе, неспособной защитить его интересы.

Пороки этой системы обусловили принятие монархом двух ключевых решений: 1) о проведении аграрной реформы консервативного типа, которая не смогла ослабить революционный потенциал крестьянства, что решающим образом сказалось на судьбе Февральской революции, уступившей место Октябрьской; 2) о вступление России в первую мировую войну, тяготы которой обострили весь комплекс противоречий и создали классическую революционную ситуацию, когда верхи не могут, а низы не хотят жить по-старому. Суть и результаты аграрной реформы будут рассмотрены в рамках данной главы, а проблема принятия решения о вступлении России мировую войну – в следующей.

4.2. Аграрная реформа

Опасность крестьянских выступлений царь осознал уже весной 1902 г., столкнувшись с первыми массовыми захватами хлеба в помещичьих имениях. Но готовности к существенным реформам он не проявил, хотя созданные комиссии признали недостаточность наделов в большинстве крестьянских общин для обеспечения прожиточного минимума и выплаты налогов. Особенно острой была ситуация в губерниях центральной части Европейской России. Речь шла об «оскудении Центра». Поспешить с реформами заставили события 1905 г., когда крестьяне разгромили до 2 тыс. помещичьих усадеб[221]. Характерной чертой разгромов было действие крестьян по решениям мирских сходов. Община (мир) ярко проявила себя как инструмент коллективной борьбы с помещиками. И это сыграло важнейшую роль в изменении отношения царя и большинства помещиков к общине. Если раньше Николай, следуя заветам отца, оберегал общину как привычный институт контроля над жизнью крестьян, то теперь решил ее разрушить.

В феврале 1905 г. Николай II обещал обсудить аграрный вопрос с представителями народа, но 3 ноября 1905 г. Манифестом «Об улучшении благосостояния и облегчении положения крестьянского населения», не дожидаясь созыва Госдумы и стремясь остановить крестьянское восстание, объявил о снижении наполовину выкупных платежей за землю в 1906 г. и об их полной

[221] Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революцию 1905–1907 гг. М.: Наука, 1989. С. 92, 93.

отмене с 1 января 1907 г. Отмена выкупных платежей означала не просто существенное снижение налоговой нагрузки на крестьян. Этот шаг объективно ставил вопрос о судьбе общины. Напомним, что после отмены крепостного права в 1861 г. большая часть земли помещиков передавалась «сельскому обществу» – общине, которая связывала крестьян круговой порукой и тем обеспечивала выплату выкупных платежей. По смыслу реформы после завершения выплат земля могла перейти из коллективной собственности общины в индивидуальную собственность крестьянина, и он мог выйти из общины. Царь, простив крестьянам «невыплаченный» долг, тем самым завершил выкупную операцию, но вопрос о судьбе общины прямо не поставил и обещал совместно с «лучшими выборными людьми земли Русской» подготовить дальнейшие меры для удовлетворения «насущных нужд крестьянства без всякой обиды для прочих землевладельцев»[222].

В начале января 1906 г. глава правительства С. Ю. Витте представил Николаю проект, составленный Н. Н. Кутлером, главноуправляющим землеустройством и земледелием. Проект был «основан на мысли об *обязательном*, в известной мере за *вознаграждение*, *отчуждении* казенных, удельных, *частновладельческих* и иных земель, причем земли, впусте лежащие, кроме лесов, и также земли, обычно сдаваемые владельцами в аренду, отчуждаются без всяких ограничений, а другие земли – в зависимости от размеров имения». Отчуждению не подлежали высокотоварные владения, которые имели «выдающуюся по местным условиям организацию хозяйства»[223].

Проект позволял быстро предоставить малоземельным крестьянам большие массивы земли, причем в собственность и за определенную плату бывшим владельцам, т. е. за выкуп. Витте и Кутлер рассчитывали, что само начало такой реформы отвлечет крестьян от захватов имений. Витте был уверен, что проект будет поддержан кадетами, которые готовили сходные предложения и должны были составить основной костяк депутатов в I Госдуме. Это обеспечивало проведение реформы на основе закона. Царь наложил резолюцию: «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной»[224]. Кутлер ушел в отставку и вскоре вступил в партию кадетов, став соавтором

---

[222] ПСЗ. Собрание III. Т. XXV. СПб., 1908. № 26871. С. 790; № 26872. С. 791.

[223] Из всеподданнейшего доклада председателя Совета министров С. Ю. Витте по аграрному вопросу. 10 января 1906 г. // Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. М.: Изд-во МГУ, 1973. С. 55.

[224] Сидельников С. М. Указ. соч. С. 306.

их аграрной программы. Таким образом, именно в январе 1906 г. Николай II лично определил рамки реформы, положив в их основу принцип недопустимости отчуждения частновладельческих земель. Он стремился защитить земли царской фамилии (удельные земли, доходы от которых шли на содержание великих князей) и помещиков, традиционной опоры самодержавной власти. Незадолго до созыва I Госдумы, партийный состав которой был уже известен, глава правительства Витте также подал в отставку, зная о решимости Николая II разогнать депутатов в случае, если они не примут царский вариант решения аграрного вопроса.

I Госдума была разогнана, и царь, не дожидаясь созыва II Госдумы, указом от 9 ноября 1906 г. обнародовал основные черты аграрной реформы: предоставил главам семейств право выхода из общины, укрепления надельной земли в личную собственность, выделения укрепленной земли единым массивом (отруб или хутор вместо чересполосного общинного поля), продажи укрепленной земли внутри крестьянского сословия[225]. Такая реформа должна была сформировать слой собственников, способных стать преградой на пути уравнительного передела земли. Власть решила изменить общинный менталитет крестьян, разрушив общину. Как уже было сказано, II Госдума отвергла царский вариант реформы и также была разогнана. Указ превратился в закон только 14 июня 1910 г. в период работы III Госдумы, где доминировали крупные землевладельцы. Таким образом, ключевая реформа более трех с половиной лет шла по решению одного человека – Николая II. Столыпин был согласным исполнителем воли царя. В секретном преставлении правительству Столыпин предельно четко обрисовал ситуацию и цель реформы: «дикая, полуголодная деревня, не привыкшая уважать ни свою, ни чужую собственность, не боявшаяся, действуя миром, никакой ответственности, всегда будет представлять собой горючий материал, готовый вспыхнуть по каждому поводу»[226].

Чтобы правильно оценить масштабы реформ, отметим, что к их началу, к 1906 г., в 47 губерниях Европейской России (без Прибалтики, где не было общин) насчитывалось примерно 14,7 млн крестьянских дворов, из которых около 2,5 млн дворов не имели земли, а 12,2 млн имели земельные *наделы*, в том числе 9,2 млн домохозяев владели землей (99,4 млн дес.) на *общинном*

---

[225] ПСЗ. Собр. III. Т. XXVI. СПб., 1909. № 28528. С. 970–974.

[226] Из секретного представления П. А. Столыпина Совету министров, 30.VIII.1907 // Сидельников С. М. Аграрная реформа Столыпина. С. 167.

праве (собственником земли являлось «сельское общество»). Община доминировала в центральных регионах, черноземной полосе и на Севере. В западных районах империи 2,7 млн дворов владели надельной землей (20,4 млн дес) на *подворном* праве – являлись собственниками своей земли[227]. Общинные дворы и стали объектом аграрной реформы.

Начавшись в 1907 г., реформа была прервана мировой войной. По данным МВД на 1 января 1916 г. из общины вышли 2 008 432 домохозяина, закрепившие за собой 14 122 797 десятин общинной земли[228]. Основная масса тех, кто хотел выйти, сделали это к 1909 г., после чего выход стал падать. Стремясь его подстегнуть, власти законом от 14 июня 1910 г. установили, что общины, «в коих не было *общих* переделов со времени наделения их землей, *признаются* перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению»[229]. Надо было лишь получить удостоверительные акты на собственность. Несмотря на административный нажим, акты получили только 469 792 домохозяина (12,6 % дворов в «беспередельных» общинах[230]). С учетом этой категории из общины вышли 2 478 224 домохозяина (26,9 % от числа общинников на начало реформ) и укрепили в собственность 16 919 208 дес. (16,9 % общинной земли)[231]. Важно отметить, что большинство крестьян, укрепивших землю в собственность, продолжали пользоваться ею *чересполосно* в рамках общинного поля, т. е. выход носил формальный характер. Такие укрепленцы подчинялись общинному севообороту и даже участвовали в переделах земли, меняя свои полосы на общинные. Так, в пяти губерниях Центра России (Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Воронежской) из общины вышли 9,9 % дворов. Из них продолжали пользоваться своими полосками в составе общинного поля – 79,4 %, а на *хутора и отруба* вышли 20,6 % укрепленцев. В приволжских губерниях (Симбирская, Нижегородская, Пензенская, Саратовская, Казанская) – похожая картина: вышло из общины 15,2 %; из них продолжали использовать землю чересполосно – 75,2 %; на *хутора и отруба* вышли 24,8 % укрепленцев[232].

---

[227] Россия: 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб.: БЛИЦ, 1995. С. 64.
[228] Дубровский С. М. Столыпинская реформа. Л.: Прибой, 1925. С. 105.
[229] ПСЗ. Собр. III. Т. XXX. 1910. Отделение I. СПб., 1913. С. 746–753.
[230] Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М.: ИИ РАН, 2002. С. 125.
[231] Россия: 1913 год… С. 64.
[232] Дубровский С. М. Столыпинская реформа... С. 109.

Выход на отруба и хутора часто вызывал конфликты, так как зажиточные крестьяне стремились выделить из общинного поля лучшие участки земли. Но даже и без этого фактора выдел каждого участка из общинного чересполосного поля создавал сложные проблемы перераспределения земли среди тех, кто остался. И каждый последующий выход вновь ставил эту проблему. В результате только 26 % крестьян, подавших заявление о выходе, получили согласие сельских сходов. Среди них было много тех, кто продал землю другим членам общины. Остальные вышли против воли общины по решению властей. Это создавало напряженность, о которой Столыпину писал Толстой: «Вместо умиротворения вы до последней степени напряжения доводите раздражение и озлобление людей всеми ужасами произвола». Писатель обвинял министра в том, что «в самом важном вопросе жизни людей – в отношении их к земле» Столыпин утверждал зло, которое «чувствуется всем миром и которое неизбежно должно быть разрушено – земельную собственность»[233].

Из 2,5 млн крестьян, укрепивших землю в собственность, 37 % укрепленцев ее продали. Большинство продавцов были малоземельными[234], причем значительную часть их земли купили крестьянские общества и товарищества, владевшие этой землей коллективно. В итоге из 2,5 млн вышедших общинников, лишь половина образовала индивидуальные (участковые) хозяйства: на 1 января 1916 г. было создано 1 255 487 хуторов и отрубов, которые имели 12,2 млн дес. земли[235]. Цифры показывают, что крупного слоя частных собственников создать не удалось.

Община устояла и даже окрепла. Этому способствовал уход из нее тех, кто уже был прочно связан с промышленностью и только держал в деревне семьи. Получив деньги за землю, они устроились в городе. Важную роль сыграли землеустроительные работы, начатые в целях выделения отрубов и хуторов, а затем превратившиеся в работы по уменьшению чересполосицы и дальноземелья в самих общинах. Двадцать девятого мая 1911 г. царь утвердил закон, направленный на использование землеустройства для разрушения общин[236]. После «разверстания» всех земель на отдельные участки община по желанию простого большинства просто ликвидировалась – объявлялся переход к отрубному владению. Ранее, по указу 1906 г., надо было получить 2/3

---

233 Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 20. М.: Худ. лит., 1984. С. 673.

234 Анфимов А. М. Неоконченные споры // Вопросы истории, 1997. № 5. С. 57.

235 Дубровский С. М. Столыпинская реформа... С. 290.

236 ПСЗ. Собр. III. Т. XXXI. № 35370; Закон о землеустройстве. 29 мая 1911г. СПб., 1911.

голосов. Уловка не сработала: большинство общин проводили землеустроительные работы и не распускались.

В целом можно говорить о противоречивом результате реформ Столыпина. Они провалились в главном: поставленная цель создания из числа крестьян мощного слоя земельных собственников, способных защитить институт частного, тем более крупного, землевладения, не была достигнута. В то же время ряд мероприятий, связанных с этой целью (отмена выкупных платежей, право на свободный выход из общины, землеустройство, переселение за Урал, развитие кооперации, агрономической службы и т. п.) способствовали улучшению условий для хозяйствования всех категорий крестьян и развитию рыночных отношений в деревне, районной специализации и др.

Однако быстрый рост населения России, проходившей в эти годы свой демографический взрыв, уменьшал позитивный эффект преобразований с точки зрения роста уровня жизни. В итоге к началу мировой войны в деревне сохранялись причины для революционного взрыва. Пока крестьянин помнил о том «замирении», которое гвардейские части и казаки осуществляли в 1906–1907 гг. расстрелами и поркой, он сидел тихо. При этом революционный потенциал деревни нарастал как в силу демографического давления, обострявшего нехватку земли, так и в силу расслоения крестьянства, чреватого второй социальной войной в деревне. К 1917 г. в деревне насчитывалось три млн безземельных дворов и пять млн малоземельных (менее 5 дес.). Эти восемь млн. дворов составляли 57 % всех крестьянских хозяйств. Около 70 % хозяйств были безлошадными или однолошадными[237]. И перед глазами этих миллионов находились несколько тысяч крупных помещиков, большая часть которых сдавали землю в аренду. Такая ситуация сохраняла прямую заинтересованность большинства крестьян в осуществлении мечты об уравнительном переделе. Крестьяне понимали, что земли помещиков на всех малоземельных не хватит, но они хотели устранить возможность использования земли как орудия эксплуатации. Вот почему крестьянин требовал уничтожения частной собственности и передачу земли в пользование тем, кто ее обрабатывал собственным трудом. Важным было и чисто психологическое значение «черного передела» – он снимал вековую проблему социальной несправедливости, которую крестьянин видел в прежних аграрных отношениях.

---

[237] Осипова Т. В. Российские крестьяне в революции и гражданской войне. М.: Стрелец. 2001. С. 7.

4.3. Историографические споры

Спор о сути и результатах аграрных реформ Столыпина историки ведут уже более ста лет.

В *советской историографии* доминировал тезис о том, что столыпинская реформа была направлена на защиту земли помещиков и частной собственности в принципе. В этом ракурсе делался вывод, что реформа потерпела крах в своем главном политическом аспекте. Характерен вывод историка С. М. Дубровского, автора одной из первых работ, заложившей основы советской историографии реформ Столыпина: «столыпинская реформа не устранила необходимости революции, а делала ее неизбежной при первом же революционном выступлении русского пролетариата»[238].

В *постсоветской историографии* эту точку зрения отстаивал А. М. Анфимов[239]. Однако ряд авторов изменили трактовку целей реформ, что привело и к изменению трактовки ее результатов: реформы стали оценивать как проявление заботы правительства о крестьянах, а не о помещиках. Известный историк-аграрник В. Г. Тюкавкин, пересмотрев свои прежние взгляды, назвал неправильными тезисы о том, что столыпинские реформы были *вызваны* революцией и потерпели «*крах»*. Теперь он видел в них в целом успешную реализацию давних замыслов царя, ссылаясь на то, что планы реформ обсуждались в правительстве задолго до 1905 г., а также на то, что реформы способствовали развитию рыночных отношений, расширению посевных площадей, развитию кооперации, улучшению всех форм землепользования и т.п.[240].

Что можно сказать по поводу такой трактовки? Во-первых, Тюкавкин не смог доказать, что *уже до революции* царь был *готов* разрушить общину. Решение было принято только в ходе революции на фоне действий общины как инструмента коллективной борьбы крестьян против помещиков. Во-вторых, Тюкавкин при трактовке результатов реформ как бы забыл о том, что советские историки видели «крах» столыпинских реформ в неспособности правительства разрушить общину и ослабить общинную психологию крестьян. Что касается других аспектов реформы, то никто не отрицал позитивного экономического значения землеустроительных работ, устранявших чересполосицу, переселения за Урал, кооперации и других мер, которые способство-

---

[238] Дубровский С. М. Столыпинская реформа… С. 275.

[239] Анфимов А. М. П. А. Столыпин и российское крестьянство.

[240] Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа М.: Памятники истор. мысли. 2001. С. 132–147, 148.

вали развитию рыночных отношений в деревне. Напротив, в развитии капиталистических отношений в деревне советские историки видели процесс формирования объективных предпосылок для социалистической революции.

В книге Тюкавкина и в работах целого ряда других историков предприняты попытки связать определенные успехи в развитии сельского хозяйства России в предвоенные годы именно с реформами Столыпина. Пожалуй, наиболее развитую систему аргументов в пользу этой точки зрения предложил историк М. А. Давыдов в книге «Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина»[241]. Однако автор, говоря об успехах, не смог доказать, что они вызваны созданием фермерского индивидуального хозяйства, а именно с ним Столыпин изначально связывал свои расчеты на экономический и социальный прогресс. Число хуторян и отрубников, возникших в результате реформы, оказалось слишком малым, чтобы влиять на общие результаты развития сельского хозяйства. Более того, нет доказательств, что крестьяне, укрепившие земли в собственность, хозяйствовали в равных условиях успешнее, чем общины. Более убедительной является точка зрения, согласно которой главными факторами роста стало улучшение методов ведения хозяйства *всеми слоями крестьянства* под влиянием общего роста культуры земледелия и развития товарной экономики. Рост начался уже в конце XIX в., и реформы Столыпина не улучшили прежней динамики. Так, урожайность главных зерновых культур с десятины по пятилеткам составила: в 1901–1905 г. – 48,5 пудов ржи и 44,4 пудов пшеницы, в 1906–1910 – соответственно 44,7 и 41,0 пуд, в 1911–1915 г. – соответственно 53,0 и 44,3 пудов[242]. Таким образом, урожайность пшеницы не выросла, а ржи – упала в первые годы реформ, а затем выросла на фоне высоких урожаев в благоприятных климатических условиях 1912–1913 гг. Прирост урожая в годы реформ был во многом обеспечен ростом площади посевов на 10,5 млн дес. (+14 %)[243]. Рост посевов был лишь отчасти связан с переселением крестьян за Урал. Отметим, кстати, что большинство переселенцев жили на новом месте так, как привыкли жить в общинах. Иными словами, переселение не разрушало прежний общинный менталитет крестьян.

---

[241] Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2016.

[242] Дубровский С. М. Столыпинская реформа... С. 73–74, 76.

[243] Там же. С. 75.

Отметим и то, что неонародники, которые работали в предвоенной деревне, не без успеха доказывали, что в предвоенные годы общины лучше, чем индивидуальные хозяйства, использовали возможности кооперации и вводили аграрные новшества. Да и земские агрономы предпочитали работать с общинами: эффект был большим[244]. Сохранение общинной психологии у большинства крестьян, негативное отношение к принципу частной собственности на землю подрывали стабильность «третьеиюньской монархии» и создавали ситуацию, когда любая революция в России должна была принять радикальные формы и выйти за рамки обычной буржуазной революции типа тех, что победили в Европе в XIX столетии.

***

Спор по поводу результатов аграрных реформ составляет часть более масштабного спора об ***общем характере предвоенного развития*** России. О сути спора было уже сказано в первой главе: историки-«пессимисты» полагают, что Николай II проводил слишком консервативные реформы, и поэтому в российском обществе в начале XX в. нарастал процесс социально-политической нестабильности. Их оппоненты («оптимисты») считают, что после революции 1905–1907 гг. в стране шел обратный процесс, прерванный тяготами мировой войны. Таким образом, историки, по сути, ведут спор по вопросу о закономерности Февральской буржуазно-демократической революции в России. В рамках наших исследовательских задач вопрос стоит об оценке политики Николая II в предвоенный период с точки зрения ее соответствия объективным потребностям развития страны.

В ***советской историографии*** доминировал первый подход, который был закреплен в концепции нарастания *кризиса самодержавия* в эпоху «третьеиюньской монархии»[245]. В качестве аргументов историки приводили данные о росте забастовочного движения рабочих, который начался через несколько лет после подавления первой революции, о росте влияния в среде рабочего класса радикального крыла социалистов – большевиков, которые в 1912 г. на выборах в IV Государственную думу победили в промышленных центрах Российской империи. Подчеркивался тот факт, что летом 1914 г.,

---

[244] Огановский Н. П. Революция наоборот. Разрушение общины. Пг.: Задруга, 1917.

[245] См.: Черменский Е. Д. IV Гос. дума и свержение царизма в России, М., 1976; Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917. Л.: Наука, 1977; Кризис самодержавия в России: 1895–1917. Л.: Наука. 1984; Аврех А. Я.: 1) Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985; 2) Столыпин и судьба реформ в России. М.: Политиздат, 1991.

накануне мировой войны, на улицах Петербурга появились баррикады, и только патриотический порыв, который на время охватил общество, сбил нарастающий революционный взрыв. Внимание обращалось и на обострение противоречий между самодержавием и либеральным обществом, а также внутри правящей бюрократии.

Концепция «кризиса самодержавия» была обоснована в работах сотрудников Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Итоги своих работ они изложили в коллективном труде «***Кризис самодержавия в России: 1895–1917***» (1984), созданном при участии таких известных историков как Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин и В. С. Дякин. Во введении В. С. Дякин (отв. ред.) так описал причины кризиса самодержавия: «Порождаемый несоответствием устаревшей политической надстройки изменившимся общественно-экономическим отношениям, кризис самодержавия находит свое конкретное воплощение “в *невозможности* для господствующих классов *в неизменном виде* сохранить свое господство”»[246]. Последняя часть фразы, взятая в кавычки, – известное высказывание В. И. Ленина[247]. Авторы монографии показали, что консервативные реформы, проводимые царизмом, не могли остановить процесса обострения социальных и политических противоречий в стране, что создавало предпосылки для революции. Концепция «кризиса самодержавия» отражала интерес советских историков 1980-х гг. к проблеме кризиса «верхов», которая ранее занимала второстепенное место при анализе истории формирования революционной ситуации в царской России, уступая первое место проблеме роста революционного потенциала «низов» – рабочих и крестьян. Важно подчеркнуть, что кризис «верхов» рассматривался как следствие несоответствия устаревшей политической надстройки изменившимся общественно-экономическим отношениям. Иными словами, в основе концепции лежала формационная, «истматовская» методология.

Часть зарубежных историков занимали сходные позиции при трактовке истории «третьеиюньской монархии», выражая их при помощи немарксистской терминологии и методологии. В 1960-е годы важную роль в западной русистике стала играть концепция «модернизации» – перехода от «традиционного» к «современному» обществу, которая, по сути, мало отличалась от формационной теории. В середине 1960-х американский историк ***Л. Хаймсон*** опубликовал две статьи, в которых доказывал, что в *городах* предвоенной

---

[246] Кризис самодержавия в России: 1895–1917. Л.: Наука, 1984. С. 3.

[247] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218.

России нарастали противоречия между «верхами» и «низами», а также между либеральным «обществом» и правительством[248]. В ходе возникшего спора большая часть западных славистов поддержали точку зрения Хаймсона[249].

Анализ ситуации в «городской России» был дополнен анализом ситуации в деревне. Ведущим стал вывод о том, что в пореформенной России крестьянский вопрос обострялся, и реформы Столыпина не смогли изменить этот опасный тренд. В 1966 г. в Стэнфордском университете состоялась конференция славистов на тему «Российский крестьянин в XIX веке». Большинство участников высказались против тезиса об усилении социальной стабильности в российской деревне накануне мировой войны. «Столыпинские реформы, – отмечал редактор вышедшего сборника трудов профессор В. Вусинич, – все это было слишком мало и слишком поздно»[250].

В 1970–1980-е гг. позиции «пессимистов» усилила группа молодых исследователей, получивших название «ревизионистов» за стремление пересмотреть трактовки, которые навязывали консервативные историки, отрицавшие закономерность Русской революции (Февраля и Октября). «Ревизионисты» отмечали нарастание социальных конфликтов в российском обществе и подчеркивали сознательный и рациональный характер действий масс, что не позволяло рассматривать революцию 1917 г. как случайный феномен [251].

В итоге наметилось очевидное сближение в позициях советских историков и западных историков-«ревизионистов» в трактовке причин Февральской революции. Ярким свидетельством служат материалы международного коллоквиума, который состоялся в 1990 г. в Ленинграде. На коллоквиуме видные представители ленинградской школы ***Б. В. Ананьич*** и ***Р. Ш. Ганелин*** сделали совместный доклад на тему «Кризис власти в России. Реформы и революционный процесс. 1905 и 1917». Доклад представлял итог той работы, которую ранее ленинградские историки обобщили в упомянутой монографии «Кризис самодержавия в России: 1895–1917». Суть позиции выразили уже первые строки доклада: «Реформы и революция – альтернативные способы

---

[248] Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917. Part One // Slavic Review. 1964. Dec. P.619–642; Part Two // Slavic Review. 1965. Mar. P. 1–22.

[249] См. подробнее: Калашников В. В. О старом, но актуальном споре: «пессимисты» и «оптимисты» в американской историографии 1960-х годов // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. С. 103–121.

[250] The Peasant in the Nineteenth-Century Russia. Stanford, 1968. P.XVI.

[251] См.: Калашников В. В. 1917 в судьбе России. Историографические заметки // Новейшая история России: время, события, люди. СПб.: Фора-принт, 2010. С. 20–40.

разрешения назревших общественных и государственных проблем. Одними из причин падения самодержавия в феврале 1917 г. были *неспособность и нежелание* правительства идти по пути *последовательного реформаторства*»[252]. Первое предложение цитированного фрагмента показывает, что авторы принципиально признавали альтернативные способы общественного развития. Вторым предложением они подчеркнули важность субъективного фактора: отказ Николая II от назревших реформ историки считали основной причиной «кризиса власти» и революции как итога этого кризиса.

В предисловии к сборнику В. С. Дякин отметил: «Все докладчики и выступавшие в прениях были единодушны в признании того, что революция в России явилась *закономерным следствием неспособности власти осуществить реформы*, обеспечивающие эволюционное преобразование социально-экономического и политического строя страны»[253]. Вывод о единодушии советских и зарубежных историков в этом вопросе не был натяжкой. Его подтвердил доклад Л. Хаймсона, самого авторитетного из «пессимистов», который поддержал тезис о нарастании кризиса самодержавия в довоенный период. Британский историк ***П. Гетрелл*** добавил к концепции Хаймсона свою трактовку причин этого кризиса, подчеркнув роль внешней политики самодержавия в формировании революционной ситуации в России. Он отметил, что «амбиции России на международной арене» было трудно совместить с проведением внутренних реформ: подготовка к мировой войне требовала больших затрат, и реформы были принесены в жертву «на алтарь дипломатического престижа». Оценивая ситуацию накануне войны, Гетрелл сделал вывод: «Слишком много оставалось затянувшихся неразрешимых конфликтов после 1905 г., слишком велико было чувство несправедливости, чтобы говорить, что в 1914 г. состояние социально-экономической системы было стабильным». Именно поэтому, считает автор, самой войной нельзя объяснить стремление большинства людей «участвовать в свержении царизма или, по крайней мере, молча соглашаться с этим»[254].

Субъективную роль царя в отказе от необходимых реформ и формировании революционной ситуации наиболее резко подчеркнул московский ис-

---

[252] Реформы или революция? Россия 1861–1917. СПб.: Наука, 1992. С. 7. Анализ работы коллоквиума см.: Калашников В. В. Причины Русской революции 1917 года (по материалам международного коллоквиума 1990 года) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб.: РГПУ. 2019. С. 7–17.

[253] Реформы или революция? Россия 1861–1917. С. 4.

[254] Там же. С. 186–187.

торик ***К. Ф. Шацилло***: «страна была *загнана* последним императором в революцию. … Отказавшись от проведения реформы, царизм не оставлял для народов России иного выхода, кроме революции»[255]. По сути дела коллоквиум 1990 г. подводил итоги развития советской историографии по вопросу о причинах Февральской революции и выявил, как уже было сказано, большое сходство во взглядах советских и зарубежных историков.

Такое сходство очень не нравилось правому крылу западной историографии, представители которого в 1970–1980-е гг. явно утратили свое влияние. Однако после распада СССР в 1991 г. ситуация изменилась, и они стали громко высказывать свое недовольство. Американский историк правого толка ***Р. Пайпс*** в начале 1990-х гг. с негодованием писал: «за последние три десятилетия произошла конвергенция подходов со стороны советской и западной историографии применительно к теме революции и первых послереволюционных лет. Господствующей в среде западных историков стала точка зрения, согласно которой *падение царизма*, равно как и *торжество большевизма* были *предопределены*»[256]. Пайпс в присущей ему манере исказил позиции как советских, так и зарубежных историков-«ревизионистов», приписав им примитивный тезис о «предопределенности». Напомним, что в истмате нет такого понятия, а есть понятия «закономерность», «необходимость» и «случайность». Советские историки говорили о закономерности падения царизма, а не о «предопределенности» конкретных событий Февральской революции. «Ревизионисты» избегали марксистского термина «закономерность», но, по сути, так же трактовали историю Февраля, говоря об исторической обусловленности революции ростом социально-политических противоречий в довоенной и военной России.

Постсоветская историография. После демонтажа СССР и ухода России с социалистического пути правое крыло западной историографии организовали своего рода атаку на «пессимистов» и «ревизионистов», которая оказала существенное влияние и на отечественных историков. Одним из инициаторов атаки был упомянутый Пайпс, книги которого в 1990-е гг. в России активно переводились, изучались и прославлялись на деньги Сороса и прочих «закадычных друзей» новой России, несмотря на явную ущербность его позиции. Ее суть состояла в отрицании важности социальных и экономи-

---

[255] Реформы или революция? Россия 1861–1917… С. 269.

[256] Пайпс Р. Три «почему» русской революции. СПб.: Феникс, 1996. С.10.

ческих причин Русской революции, в попытке объяснить ее с акцентом на политические и культурные факторы: «…падение царизма было обусловлено культурными и политическими проблемами. … Экономические и социальные трудности *не вносили существенного вклада* в революционную угрозу, нависшую над Россией уже до 1917 г.»[257]. Именно с этих позиций он обличал «ревизионистов» и советских историков: «Там, где ревизионисты, подобно прежним советским историкам, подчеркивают социальную составляющую происходящего, я уделяю главное внимание политической». При этом он открыто обвинял «ревизионистов» в переходе на позиции советских историков, отметив, что в Соединенных Штатах, Англии и Германии приверженцы «школы так называемого ревизионизма, … по различным причинам, как интеллектуального, так и личного свойства, – начали по собственной воле и свободному выбору вторить истолкованиям русской революции, являвшимся на тот момент в СССР сугубо обязательными»[258]. По сути Пайпс написал донос на историков трех стран, который был чреват для них неприятными последствиями. Пайпс был не просто историком. В 1970-е гг. он руководил «Командой Б» в ЦРУ. Не все знали точно, чем занималась эта команда, но присутствие в ней историка, специалиста по России, в качестве руководителя говорило само за себя. Роль ЦРУ в идеологической войне все понимали.

В результате такой жесткой атаки «пессимисты» оказались не в «моде» на Западе и в России. В России события 1991 г. стали трактовать как свидетельство ошибочности теории, на которую опиралась советская историческая наука. Марксизм был предан анафеме.

Эта новая атмосфера существенно отразилась на работе очередного международного коллоквиума историков, который прошел по проблемам истории Русской революции в 1993 г. в уже переименованном Ленинграде. По итогам работы был издан сборник под названием «Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партия, власть»[259]. В работе коллоквиума 1993 г. приняли участие многие из тех историков, которые присутствовали на коллоквиуме 1990 г. Однако атмосфера была иной. Российские, да и западные участники находились в состоянии шока от распада СССР и гибели советского строя. Как признавал тогда американский историк Ц. Хасегава, «распад коммунистического режима вынуждает и западных историков пересмотреть

---

257 Pipes R. A Concise History of the Russian Revolution. N.Y.: Alfred Knopf, 1995. P. 389.
258 Пайпс Р. Три «почему» русской революции... С. 4, 8.
259 Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партия, власть. СПБ.: Глагол, 1994.

представление о значении советской истории и русской революции. <…> На Западе тоже существует кризис интерпретации русской революции»[260].

Западные историки стремились подчеркнуть свое критическое отношение к марксистской методологии истории, чего не было на коллоквиуме 1990 года. Тема методологического кризиса была поднята проф. Л. Хаймсоном, который заявил: «Наиболее очевидный аспект нынешнего кризиса российской историографии – *ломка теоретических схем*, концепций и, что более важно, образа мышления, с которыми советские историки ранее подходили к анализу исторических процессов. Утрачена вера в *непреложные исторические законы*, с помощью которых поколения советских историков были вынуждены (либо привыкли) анализировать динамику исторических процессов. … Из-за потери доверия к историческим закономерностям в русской историографии образовался вакуум. Никаких других удовлетворительных теоретических концепций и подходов не появилось»[261].

Как видим, Хаймсон критиковал тезис о закономерном характере развития мировой истории, которая, по мнению марксистов, развивалась по формационной схеме: от феодализма к капитализму, от капитализма к социализму. Поражение социализма в СССР как будто бы опрокинуло эту схему. Хаймсон, конечно же, понимал упрощенный характер своей критики проблемы закономерности в истории, принятой в марксизме, но считал ее необходимой страховкой от обвинений в принятии марксистских схем, которые открыто бросали Пайпс и его коллеги в адрес историков-«пессимистов».

Хаймсон предложил свой вариант выхода из кризиса: «Главная моя задача, попытаться показать *альтернативу* концепции *непреложных* исторических законов и *односторонним* концепциям исторических закономерностей на примере анализа истоков революции 1917 г. В основе моего подхода – применение и дальнейшая разработка методологии известного французского историка Фернана Броделя. Ее суть в рассмотрении динамики исторического развития как *отражения взаимодействия длительных и кратковременных процессов*. Для этого обратим внимание на протяженность и взаимодействие политических, социальных и экономических *структур и конъюнктур*, а также на роль определенных событий, признавая, что каждое из них вносит

---

260 Анатомия революции… С. 49.

261 Там же. С. 21.

вклад в историческое развитие»[262]. Хаймсон понимал, что теория Ф. Броделя была своего рода адаптацией марксизма в нечто приемлемое для буржуазного общества: она не ставила вопрос о судьбе капитализма. Хаймсон предлагал российским коллегам пойти по пути такой адаптации прежних методологических позиций. Если же говорить о сути концепции, предложенной Хаймсоном, то при всем желании в ней нельзя найти какую-либо методологическую новизну, поскольку все историки (как марксисты, так и немарксисты) всегда были согласны в том, что любое *конкретно-историческое* событие представляет собой результат взаимодействия факторов различной природы, включая взаимодействие длительных (базовых) и кратковременных процессов, совокупности случайных и неслучайных событий. При этом сам Бродель считал *долговременными* и *основными* «структурами» экономические и социальные отношения, соглашаясь с этим базовым положением теории исторического материализма.

Британский историк *О. Файджес* прямо предложил российским историкам принять на вооружение концепцию «модернизации», отмечая ее близость с формационной теорией в трактовке процессов перехода от феодализма к капитализму: «концепция модернизации является либеральным аналогом или зеркальным отражением марксистской схемы капиталистического развития. Уважаемые российские коллеги! Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что вам проще других заменить марксистскую концепцию концепцией модернизации: они близки…»[263]. Концепция «модернизации» не делала акцента на классовую борьбу и не ставила вопрос о судьбе капитализма.

Следует отметить, что российские участники без энтузиазма восприняли тезис о глубоком кризисе отечественной исторической науки. С ним отчасти согласился академик П. В. Волобуев, не хотевший оспаривать позиции Хаймсона и выступать в роли прямого защитника марксизма, но представители бывшей ленинградской (ставшей петербургской) исторической школы проявили меньше пиетета к западным коллегам в этом вопросе. Проф. Б. В. Ананьич, член-корреспондент РАН, без обиняков заявил: «Проф. Л. Хаймсон и акад. П. В. Волобуев говорили о кризисе, переживаемом современной историографией. Я думаю, такое утверждение спорно. Можно говорить о кризисе официальной идеологии или той части историографии, которая ее обслуживала,

[262] Анатомия революции… С. 22.
[263] Там же. С. 60.

но не о кризисе историографии в целом»[264]. Целый ряд других российских историков поддержали позицию Б. В. Ананьича, не рискуя открыто защищать марксизм. Фигура умолчания в отношении своих мировоззренческих и методологических позиций в «лихие» 1990-е гг. стала типичной для большинства российских историков.

Несмотря на сложную атмосферу, петербургские историки Б. В. Ананьич и В. С. Дякин в своих выступлениях на коллоквиуме подтвердили прежние взгляды. Дякин говорил о возможности для России пойти по пути реформ и избежать революции, но считал ее маловероятной: «Такая альтернатива существовала, на мой взгляд, в 1906 г., когда власть упустила возможность соглашения с либералами на условиях последних». Ананьич отметил, что между 17 октября 1905 г. и переворотом 3 июня 1907 г. имелись альтернативные возможности развития российской государственности, например, сотрудничества правительства и Думы, создания правительства, зависимого от Думы или ей подчиненного. Самодержавие получило бы тогда шанс трансформироваться и избежать крушения. Но Николай II предпочел «третьеиюньский переворот»[265]. Таким образом, эти два видных историка выводили причины революционного взрыва в России из консервативной сути «третьеиюньской монархии», которая препятствовала проведению реформ, способных ослабить социально-политическое напряжение в обществе.

Хаймсон, застраховав себя от обвинений в приверженности к марксистской методологии, в своем докладе «Исторические корни Февральской революции» также воспроизвел свое прежнее понимание предпосылок и причин Русской революции, доминировавшее среди зарубежных историков-«пессимистов». Он отверг критику историков-«оптимистов», которые считали, что конфликты в предвоенной России «резко уменьшались, если вовсе не исчезали, под воздействием быстрой и значительной модернизации российского общества в предвоенные и предреволюционные годы». Хаймсон назвал «более чем сомнительным оптимистичное заключение моих критиков о политической и социальной стабильности существовавшего строя и возможности дальнейшего политического развития страны». Большое внимание он уделил реформам Столыпина, зафиксировав «полный крах столыпинской системы». Историк несколько по-иному, чем прежде, сформулировал характер

[264] Анатомия революции. С. 53.
[265] Там же. С. 52, 53.

процессов поляризации в социальном и политическом развитии дореволюционной России. Если в статьях 1960-х гг. речь шла об обострении противоречий внутри городского населения, и акцент был сделан на раскол внутри элиты российского общества (*между либеральной интеллигенцией и царской бюрократией*), то теперь он сделал акцент на обострении социальных конфликтов между «верхами» и «низами» как в городе, так и в деревне[266].

На это обстоятельство обратил внимание Хасегава, который поддержал позицию Хаймсона: «Я вполне согласен с главным тезисом Хаймсона: процесс модернизации *обострил* социальные и политические противоречия». Хасегава особо отметил роль мировой войны: «*во время войны* противоречия претерпели коренные, *качественные изменения*. Их нельзя считать просто продолжением довоенных противоречий. Война превратила их в настоящую *революционную ситуацию*. Если в условиях июля 1914 г. мы не можем говорить о неизбежности революции, то в феврале 1917 г. она стала *неизбежной*»[267]. Таким образом, участники коллоквиума подтвердили прежние позиции в трактовке причин Февральской революции.

Однако далеко не все российские историки постсоветского периода разделяли эти позиции. Целый ряд склонился к принятию трактовки Пайпса.

Свою версию этой трактовки обосновал известный петербургский историк Б. Н. Миронов в монографии «Благосостояние населения и революции в имперской России». Отметив высокие темпы экономического развития страны в эпоху «третьеиюньской монархии», автор сделал вывод: «русские революции *не имели объективных предпосылок* с точки зрения марксистско-ленинской теории; они являлись в первую очередь *политическим и культурным переворотом*; их причины надо искать не в провале*, а в успехах* модернизации, в трудностях перехода от традиции к модерну, в *политических* практиках, в особенностях политического дискурса»[268]. Несмотря на внешний радикализм трактовки, Миронов, по сути, изложил в терминах, взятых в западной историографии, ряд положений, традиционно принятых советскими историками, отвергнув лишь одно ключевое. Замена терминов – следствие принятия Мироновым концепции «модернизации». Переход на новую терминологию свелся к тому, чтобы излагать старые истины своеобразным «но-

---

[266] Анатомия революции… С. 23, 26.

[267] Там же. С. 50–51.

[268] Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М.: Весь мир, 2012. С. 556.

воязом» (новым языком). Так, причины всех трех русских революций вполне можно объяснить трудностями перехода от «традиции» к «модерну», если использовать эти термины взамен понятий «феодального» и «буржуазного» общества. Тезис о том, что причины буржуазной революции следует искать в «успехах модернизации», является вполне марксистским, поскольку в рамках марксизма социальная революция является результатом развития производительных сил общества и формирования объективных предпосылок (экономических, социальных, политических, культурных) для движения вперед. Если это движение тормозится устаревшими политическими институтами, то складывается ситуация, чреватая революцией. Иными словами, объективные предпосылки проявляют себя и в острых социально-политических конфликтах. Отрицать нарастание этих конфликтов в предвоенной России – малопродуктивное занятие, и поэтому тезис об отсутствии объективных предпосылок для революции в России – слабая историографическая позиция. Что касается тезиса Миронова о важной роли «политических практик» и особенностей «политического дискурса» как причин революции, то и в них нет новизны. За «новоязовской» терминологией стоит констатация известного факта, что в условиях самодержавной России сложилась политическая традиция, которая затрудняла процесс становления демократических институтов. Основные особенности «политического дискурса» состояли в том, что царь расстреливал демонстрации, разгонял Думы, изменял избирательные законы и т.п., что и порождало политические причины Февральской революции, выражавшиеся в лозунге «Долой самодержавие». Очевидно, что при наличии иной политической традиции, процессы реформирования могли проходить иначе. Очевидно и то, что такая традиция имела объективные причины.

Миронов, изложив свою позицию, одновременно раскритиковал советских историков – своих бывших коллег по Ленинградскому отделению Института истории СССР. Он утверждал, что причины революции они выводили, опираясь на концепцию тупикового системного кризиса российского «социума», а эта концепция якобы была основана на «*ленинско-сталинской концепции* российского империализма как *военно-феодального*, загнивающего, или паразитического, и *умирающего* капитализма»[269].

На самом деле в работах советских историков не было ни концепции тупикового системного кризиса российского «социума», ни ленинско-

[269] Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции… С. 39.

сталинской концепции умирающего российского капитализма, которые Миронов объявил «парадигмой» советской историографии[270]. Как уже говорилось, для советских историков Февральская революция являлась результатом «кризиса самодержавия», отражавшего невозможность сохранить в *неизменном* виде уже *отжившие* институты власти и управления, а не *тупика*, в котором якобы оказалось все общество – *«социум»* по терминологии Миронова. Понятие «кризис» в советской историографии фиксировало факт нарастания конфликта между старым и новым. И если власть была не способна разрешить этот конфликт путем реформ, кризис превращался в революцию.

Что касается «ленинско-сталинской концепции российского империализма как *военно-феодального*, загнивающего, или паразитического, и *умирающего* капитализма», то ни у Ленина, ни у Сталина такой концепции не было. Миронов произвольно объединил ленинскую характеристику *мировой эпохи* империализма с его же характеристикой *царизма*. Термин «военно-феодальный империализм» Ленин упомянул всего дважды в работах 1915 г. для характеристики внешней политики царизма. Отметим отсутствие данного термина в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». В свою очередь Сталин упомянул этот термин в 1924 г. в том же значении, что и Ленин и сославшись на Ленина. Ряд историков (Н. Н. Ванаг, П. И. Лященко) использовали его для характеристики российского общества, но их трактовка не получила поддержки Сталина и не была включена в «Историю ВКП (б). Краткий курс» – каноническую книгу той эпохи. После смерти Лященко термин был признан ошибочным и более не применялся[271].

Целый ряд историков убедительно оспорили позиции Миронова[272].

В последние годы, на наш взгляд, «оптимисты» стали утрачивать свои позиции, завоеванные в результате не столько научного, сколько идеологического натиска правого крыла зарубежных историков. Важную роль сыграла позиция авторов третьего тома монографии «Реформы в России» (2016), посвященного истории второй половины XIX – начала XX в. Редактор тома

---

[270] Критику позиции Б. Н. Миронова см.: Калашников В. В. Причины Русской революции 1917 года. О «парадигмах» советской историографии // Революция 1917 года в России. новые подходы и взгляды. СПб.: РГПУ, 2018. С. 9–21.

[271] Калашников В. В. Причины Русской революции. Советская историография. 1917-1991. СПб.: СПБГЭТУ, 2020. Главы 2 и 3.

[272] См., например: Островский А. В.: 1) О модернизации России в книге Б. Н. Миронова // Вопросы истории. 2010 № 10. С. 119–140; 2) К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории, 2011, № 6. С. 129–144.

В. В. Шелохаев выразил ее так: «…нежелание самодержавной, а затем и «обновленной» после революции 1905 г. власти считаться с мнениями и запросами общества вели к *нарастанию противостояния* в стране … к общенациональному кризису, который уже *не мог* быть разрешен мирным реформистским путем»[273]. В. В. Шелохаев предлагает новый вариант концепции «кризиса самодержавия», используя более объемное понятие «системный кризис» и трактуя его как путь к прогрессу, а не тупик для «социума»: «По сути кризис – это объективно необходимое транзитное состояние перехода из одного качества в другое. Он становится вызовом для системы, обусловливающим её последующее развитие»[274].

В 2017 г., в год столетия Русской революции, в Санкт-Петербурге прошла международная конференция, на которой были представлены результаты опроса 11 зарубежных и 14 отечественных историков Русской революции. Из них только один участник поддержал позицию «оптимистов» в вопросе о направленности развития предвоенной России, девять высказались как «пессимисты», остальные отметили противоречивость процессов развития[275]. При этом никто не отрицал наличия острых социальных конфликтов, делавших «третьеиюньскую монархию» уязвимой при появлении дополнительных экономических и социально-политических нагрузок.

В подготовленной в ИРИ РАН монографии «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура» ответственный редактор Ю. А. Петров в историографическом введении не определил точку зрения «оптимистов» как ведущую[276]. Это – еще одно свидетельство того, что основные решения, которые принимал Николай II в период «третьеиюньской монархии», не получили в историографии доминирующей положительной оценки.

---

[273] Реформы в России. С древнейших времен до конца XX в.: В 4-х т. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX в. С. 12.

[274] Шелохаев В., Соловьёв К. Кризис Российской империи как историографическая проблема // Российская история. 2018. №2. С. 142.

[275] Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». 2017. С. 139.

[276] Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. М.: РОССПЭН, 2017. Т. 1. С. 9.

ГЛАВА 5. ЦАРЬ И МИРОВАЯ ВОЙНА

Русская революция 1917 г. была порождена мировой войной. Этот тезис разделило и разделяет большинство российских и зарубежных историков. Однако трактуется он по-разному. Историки-«оптимисты» полагают, что именно мировая война прервала успешное развитие России по пути постепенной модернизации и привела к революции. «Пессимисты» полагают, что война лишь придала остроту процессам нарастания социально-политической нестабильности, которые преобладали в предвоенные годы. Однако все согласны в том, что тяготы войны стали непосредственной причиной революционного взрыва в 1917 г. Такое согласие делает особенно острыми вопросы о том, как и почему Россия оказалась втянутой в мировой военный конфликт, и кто в этом персонально виноват.

Ответ, который предлагает автор, гласит: главной причиной втягивания России в мировую войну было стремление Николая II захватить черноморские проливы и Константинополь. Эта цель не была обусловлена коренными интересами народов России, а диктовалась отчасти религиозными идеологическими мотивами (поставить крест над Святой Софией), а отчасти чисто империалистическими (разделить территорию Османской империи, которая явно слабела). Тезис о важности захвата проливов для обеспечения экспорта российского хлеба несостоятелен по той причине, что Стамбул никогда не препятствовал такому экспорту в условиях мира с Россией.

Стремление получить контроль над Константинополем и проливами определило действия царя в дни *июльского кризиса* 1914 г., вызванного убийством боснийскими сербами эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австрийского престола. Международная обстановка сложилась так, что путь в Константинополь лежал через Берлин, и Николай решил его пройти, несмотря на то, что Россия не была готова к войне, не закончив программу своего перевооружения. Действия царя не были основными *причинами* мировой войны в целом, и не делали его главным виновником ее начала. Решение начать войну принял кайзер Вильгельм, а не Николай. Однако Николай дал весомый повод кайзеру и не уклонился от войны, хотя вполне мог это сделать.

Автор не претендует на оригинальность своей точки зрения. В разных версиях ее излагал целый ряд видных политиков той эпохи, а затем и историков, единых в том, что война не отвечала интересам России. Одним из пер-

вых был лидер кадетов историк П. Н. Милюков. Летом 1914 г. он выступал за то, чтобы избежать войны, а затем писал, что правители России в этой войне оказались «во вторых рядах защитников интересов европейской политики, *ей чуждых*»[277]. Вот мнение А. Ф. Керенского: «великая война самым глубочайшим образом *противоречила* национальным интересам и задачам России в 1914 году»[278]. Такая точка зрения высказывалась в советской и постсоветской историографии. Не оригинальна и мысль о том, что в мировой войне Россия воевала прежде всего и главным образом за Проливы. Известный специалист по проблеме историк Б. М. Туполев писал: «За англо-германскими и франко-германскими противоречиями и соперничеством *по остроте* следовал конфликт русско-турецкий, превратившийся в серьезный фактор *российско-германского* антагонизма. Этот конфликт был связан с проблемой Черноморских проливов, но обладал также рядом экономических, политических и других аспектов»[279].

Следует отметить, что из всех решений, принятых Николаем II, июльские решения были самыми значительными с точки зрения наступивших последствий. Ни решение о войне с Японией за Корею, принятое в январе 1904 г., ни решение о расстреле рабочей демонстрации 9 января 1905 г. не имели судьбоносного значения для страны и не были оплачены столь дорогой ценой: безвозвратные потери, понесенные русской армией в годы первой мировой войны, превышают все безвозвратные потери, понесенные Российской империей в предшествующих войнах вместе взятых.

Раскрывая порочную суть внешней политики последнего монарха, автор далек от того, чтобы бросить тень на героические подвиги солдат и офицеров российской армии, которые сражались и умирали на фронтах первой мировой. Однако патриотизм русского солдата не должен служить прикрытием и оправданием политики Николая II.

5.1. «Голубая мечта»: Константинополь и Проливы

«Главная цель». Важно отметить, что Николай II не был оригинальным в своем стремлении захватить Константинополь и черноморские проливы, поскольку в XIX в. все российские императоры рассматривали планы их за-

---

[277] Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 169.

[278] Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1993. С. 80.

[279] Туполев Б. М. Происхождение первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 37.

хвата[280]. Первый план был разработан при Александре I в 1806 г. в период русско-турецкой войны адмиралом П. В. Чичаговым. Второй план был рассмотрен Николаем I в 1852 г. в преддверии Крымской войны. Третий был одобрен Александром II в 1879 г. в период русско-турецкой войны. Александр III, «царь-миротворец», писал начальнику Генштаба в 1885 г.: «у нас должна быть *одна и главная цель*: это занятие Константинополя, чтобы раз навсегда утвердиться в проливах. <…> Только из-за этого вопроса я соглашаюсь вести войну на Балканском полуострове»[281].

Сразу после занятия престола Николай II также был готов к захвату проливов в любой подходящий момент. В ноябре 1896 г. посол в Турции А. И. Нелидов представил план операции: эскадра по его сигналу должна была зайти в Босфор, а султану поставлен ультиматум: впустить флот «беспрепятственно», «обещав ему взамен добровольного согласия на занятие нами Верхнего Босфора неприкосновенность его личности и верховной власти». Реализацию проекта остановило заключение министра финансов С. Ю. Витте: «занятие Верхнего Босфора, без соглашения с великими державами, *по настоящему времени и при настоящих условиях*, крайне рискованно и потому может иметь гибельные последствия»[282]. Тем не менее царь принял решение готовить операцию, и, если условия изменятся, осуществить «занятие десантами некоторых пунктов на обоих берегах пролива для ограждения прохода в Черное море – *навсегда*»[283]. Слово «навсегда» на документе было приписано рукой царя.

В августе 1908 г. на фоне Боснийского кризиса (когда Австрия формально аннексировала ранее захваченную у турок Боснию, часть населения которой составляли православные сербы) царь одобрил решение Особого совещания министров «разработать план действий о *мирном занятии* Босфора без объявления войны Турции»[284]. Генштаб начал подготовку сил и средств для «захвата на обоих берегах Пролива выгодных позиций, господствующих над Константинополем, и удержания их в своих руках для достижения постав-

---

[280] См. об этом подробно: Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / под ред. Л. Нежинского, А. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999.

[281] Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1931. Т. 3 (46). С. 180–181.

[282] Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1931. Т. 4–5 (47–48). С. 67.

[283] Там же.

[284] Журнал Особого совещания 21 июля 1908 г. // Красный архив. 1930. Т. 6 (43). С. 45.

ленной – по обстоятельствам – политической цели»[285]. Протесты премьера П. А. Столыпина и министра финансов В. Н. Коковцова побудили царя отложить операцию и на этот раз, но опасность внешнеполитических авантюр царя на Балканах оставалась и даже возрастала, поскольку царь связывал ситуацию на Балканах с возможностью войны с Турцией за проливы. Однако дальновидные правительственные чиновники понимали опасность таких планов. Вот мнение Столыпина, высказанное им в июле 1911 г.: «Нам необходим мир; война в следующем году, особенно в том случае, если ее *цели будут непонятны народу*, станет фатальной для России и династии. <…> Россия выстоит и одержит победу только в *народной* войне»[286].

В 1912 г. Россия помогла грекам, сербам и болгарам создать союз для борьбы с Турцией и Австрией. Осенью союзники в ходе первой Балканской войны неожиданно быстро разбили турок и захватили большую часть ее европейских владений. Болгарский царь Фердинанд (германский принц из Саксен-Кобург-Готской династии) вопреки пожеланиям России заявил о намерении занять Константинополь. Николай II был готов на опережающий захват города. Царь разрешил командующему морскими силами Черного моря «иметь непосредственное сношение с нашим послом в Турции для высылки неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры» в зону проливов[287]. План был отменен потому, что турки в последний момент смогли остановить болгар, а также из-за позиции Англии и даже союзной Франции. Англичане подвели к Дарданеллам эскадру, которая по своей мощности превосходила российский Черноморский флот. Позже французский премьер Р. Пуанкаре прямо говорил, что если «России обеспечат обладание Константинополем, она, несомненно, потеряет всякий интерес к войне с Германией»[288]. Пуанкаре видел свою задачу в том, чтобы связать вопрос о проливах с вопросом о войне России и Германии.

Россия и Германия. В начале XX в. Берлин постоянно укреплял свое политическое, военное и экономическое присутствие в Турции, превращая Стамбул в младшего партнера, который открывал Германии путь на Ближний Восток. Огромная Османская империя помимо территории Малой Азии

---

[285] См. об этом: Лунева Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М.: Квадрига. 2010. С. 55–56.
[286] Столыпин П. А. Переписка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 425–426.
[287] Красный архив. 1924. Т 6. С. 51.
[288] Пуанкаре Р. На службе Франции. В 2 кн. Кн.1. М: Соцэкономиздат, 1936. С. 340.

включала в себя Сирию, Ливан, Палестину, Месопотамию, Трансиорданию, наиболее развитую часть Аравийского полуострова и формально даже Египет. Германия строила железную дорогу Берлин–Вена–Стамбул–Багдад с планом довести ее до Басры, важнейшего порта на берегу Персидского залива: он открывал морской путь в Индию. Такая железная дорога для Германии была лучшей альтернативой Суэцкому каналу, который контролировала Англия, захватившая в 1882 г. Египет. Лондон давно и с тревогой следил за действиями Германии на Ближнем Востоке. Еще в 1903 г. британский лорд Элленборо заявил в палате лордов: «Лучше видеть Россию в Константинополе, чем немецкий военный арсенал на Персидском заливе»[289]. Лондон уже тогда понимал возможность столкнуть Германию с Россией в вопросе о проливах, поскольку Россия своими планами могла закрыть для Берлина всю ближневосточную перспективу. Проливы превращались в главное *яблоко германо-русского раздора.* Об остроте проблемы свидетельствует реплика императора Вильгельма II: «Или на укреплениях Босфора будет скоро развиваться германский флаг, или же меня постигнет печальная судьба великого изгнанника на острове св. Елены»[290].

В конце 1913 г. русско-германские противоречия в вопросе о проливах вышли на поверхность. Германия направила в Турцию военную миссию с расширенными полномочиями. Немецкий генерал Лиман фон Сандерс получил право командовать турецкими войсками в зоне Константинополя. Царь резко выступил против назначения Сандерса. В свою очередь в Германии были крайне раздражены сведениями о том, что Франция готова финансировать строительство в России стратегических железных дорог, идущих к германской границе. Такие дороги создавали возможность быстрого сосредоточения русской армии, что срывало германский план войны: быстрый поочередный разгром Франции и России. В ноябре 1913 г. Вильгельм II в ходе визита в Берлин Коковцова (ставшего премьером после убийства Столыпина) заявил русским чиновникам о приближении общеевропейской войны: «Я скажу Вам прямо – я вижу надвигающийся конфликт двух рас: романославянской и германизма … Если война неизбежна, то я считаю совершенно безразличным, кто начнёт её. … Я говорю Вам совершенно определённо, что

[289] История первой мировой войны 1914–1918 гг. М.: Наука, 1975. С. 58.
[290] Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. С. 162.

война может сделаться просто неизбежною»[291]. Странное указание на «романо-славянскую расу» отражало готовность кайзера воевать против франко-русского союза.

В этой ситуации царь поручил Коковцову провести 31 декабря 1913 г. (13 янв. 1914 г.) Особое совещание министров. На совещании выяснилось, что военные готовы начать войну против Германии[292]. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов доложил, что «Франция пойдет так далеко, как того пожелает Россия», но «является невыясненным, насколько энергично готова была бы действовать Англия», а без Англии «обе Державы вряд ли способны нанести Германии смертельный удар». Коковцов, считая «в настоящее время войну величайшим бедствием для России», высказался «в смысле крайней нежелательности вовлечения России в европейское столкновение». Совещание решило: «В случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии в совместных с Россией действиях» не прибегать «к способам давления, могущим повлечь войну с Германией»[293]. Петербург не стал далее давить на Берлин, который пошел на формальные уступки: изменил статус генерала Сандерса (он стал главным инспектором турецкой армии), но суть осталась прежней – германские военные командовали турецкими войсками в зоне проливов. Эти события окончательно убедили царское правительство и царя лично в том, что проблема проливов может быть решена только в рамках общеевропейской войны: «Путь к Константинополю идет через Берлин», – заявил Николай II в январе 1914 г.[294] С этого времени вопрос о проливах рассматривался именно в этом ключе[295].

Отметим, что после убийства Столыпина в 1911 г. именно сменивший его Коковцов удерживал Николая II от внешнеполитических авантюр. В период балканских войн премьер первым увидел, что новые балканские страны проводят свою политику, не считаясь с интересами России. В марте 1913 г., когда черногорский князь пытался толкнуть Россию на войну с Австрией за его интересы, Коковцов сделал правительственное заявление.

---

[291] Коковцов В. Н. Из моего прошлого... Т. 2. Ч. V. С. 227.

[292] Игнатьев А. В. Россия и происхождение Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М.: Наука, 1998. С. 100–101.

[293] Сборник документов по истории СССР. М. 1977. С. 176–181.

[294] Delcasse to MAE 29. I. 1914. AMAE, C. P. Russie N.S. 42. Цит. по: Luntinen P. French Information on the Russian War Plans. Helsinki: SHS, 1984. P. 202.

[295] Лунева Ю. В. Босфор и Дарданеллы… С. 203–205, 210.

В нем говорилось, что Россия «не скупилась на помощь и жертвы своим братьям; но она не обязана всегда и во всех случаях исполнять все их желания и требования. ... Правительство должно бережно взвешивать свои решения, чтобы ни одна капля русской крови не была пролита иначе, как если интересы родины того требуют»[296]. В конце 1913 г. Коковцов откровенно предупредил царя об опасности войны с Германией и неготовности к ней России. В ответ царь сказал: «благодарю Вас за прямоту Вашего изложения и никогда не упрекну Вас в том, что Вы скрыли от меня что-либо. На все – воля Божия»[297].

В январе 1914 г. Николай отправил Коковцова в отставку. Узнав об этом и прекрасно понимая внешнеполитический смысл отставки, сенатор П. Н. Дурново (один из умнейших монархистов, бывший министр внутренних дел в эпоху первой революции) срочно написал царю свою ставшую впоследствии знаменитой записку. В ней сановник объяснял, почему России нельзя воевать с Германией: во-первых, это не в ее интересах, а во-вторых – крайне опасно. Война приведет к глубокой социальной революции, которая сметет династию и весь старый строй[298].

Сам факт обсуждения вопроса о возможности войны с Германией из-за назначения Сандерса говорил о многом. Россия и Германия приблизились к войне, и предметом раздора были проливы. Принципиальные позиции царя и кайзера в этом вопросе уже определились.

В середине января 1914 г. Берлин направил в Вену меморандум, в котором сообщал о начале «подготовки общественного мнения Германии к вопросу о неизбежности вооруженного столкновения (с Россией – *В. К.*) при разрешении вопроса об *обладании проливами*»[299]. С конца января на страницах германских газет вспыхнула антирусская кампания, на которую ответили русские газеты. «Биржевые ведомости» 27 февраля 1914 г., опубликовали хлесткую статью «Россия хочет мира, но готова к войне». В ней с намеком на военного министра В. А. Сухомлинова говорилось, что Россия готова к войне, будет вести ее на чужой территории мощными ударами: «идея обороны отложена, и русская армия будет активной».

---

[296] Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. С. 146.
[297] Коковцов В. Н. Из моего прошлого... С. 242.
[298] Дурново П. Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 189, 195–196.
[299] Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне… С. 339.

5.2. Июльские решения 1914 года

Однако мировая война вспыхнула из-за очередного кризиса на Балканах, связанного с противостоянием Сербии и Австро-Венгрии. Спор о проливах спрятался в тени. Двадцать восьмого июня 1914 г. (*здесь и далее даты по новому стилю*) в Сараево (Босния) боснийским сербом при негласном содействии некоторых сербских военных, но вопреки желанию правительства Сербии, был убит наследник австрийского престола Франц Фердинанд. Вена после консультаций с Берлином, рекомендовавшим не упускать момента для разгрома Сербии, 23 июля предъявила Белграду ультиматум с 48-часовым сроком, угрожая войной в случае его непринятия полностью. Белград пошел на большие уступки, но отклонил один и самый неприятный пункт ультиматума, который требовал участия австрийских чиновников в расследовании на территории Сербии заговора с целью убийства Франца Фердинанда. Тем самым сербы дали Вене повод объявить войну.

Почему Белград сделал это? Еще Милюков писал об очевидном ответе на этот вопрос: Петербург сразу обещал Белграду защиту и тем побудил сербов не принимать полностью ультиматум, предъявленный Веной[300]. Министр иностранных дел С. Д. Сазонова дал такой совет: «принять австрийские требования, *за исключением тех*, которые касались суверенных прав Сербии»[301]. Совет Сазонова был подкреплен письмом Николая II наследнику сербского престола королевичу Александру: «Ваше Высочество может быть уверено, что Россия *ни в каком случае* не останется равнодушной к участи Сербии»[302]. В сообщении российского МИД от 2 августа открыто говорилось, что Россия сразу предупредила Австрию о «невозможности остаться равнодушной», отметила «чрезмерность предъявленных Австрией требований» и «*твердо установила*, что мирное разрешение вопроса она допускает лишь поскольку оно *не вызовет умаления достоинства* Сербии как независимого государства»[303].

При такой поддержке со стороны России сербы ультиматум полностью не приняли, и это открыло путь к общеевропейской войне по очевидной схеме: Австрия объявляет войну Сербии – Россия вступает в войну в защиту Сербии – Германия как союзница Австрии начинает войну против России –

---

[300] Речь. 1914. 13(26) июля.
[301] Сазонов Д. С. Воспоминания. Минск: Харвест, 2002. С. 195.
[302] Там же. С. 196.
[303] Оранжевая книга. Сборник дипломатических документов. № 77. СПб., 1914. С. 61–62.

Франция как союзница России вступает в войну против Германии, заставив ее воевать на два фронта. Для Франции это был единственный способ ликвидировать нарастающую германскую угрозу и вернуть Эльзас и Лотарингию, потерянные во время франко-прусской войны 1870–1871 гг. Англия формально могла остаться в стороне, несмотря на некие секретные договоренности с Францией, но и для Англии такой ход событий был наилучшей возможностью расправиться с Германией руками России и Франции. Отметим, что схема работала только в том случае, если Австрия нападала на Сербию, а Германия обещала помочь Австрии в случае готовности России помочь Сербии. Поэтому Вена и Берлин и были главными зачинщиками войны.

Тем не менее позиция царя была необходимым элементом схемы. Он прекрасно понимал последствия своей позиции в вопросе об ультиматуме и принял их, посчитав, что июльский кризис дает ему возможность решить вековой вопрос о проливах в рамках общеевропейской войны. Говорить о защите Сербии как главной цели Николая II – бессмысленно. В случае большой войны Сербия была обречена на захват Австро-Венгрией и ее союзником в лице Болгарии, имевшей территориальные претензии к Сербии после второй балканской войны. Трудно поверить в то, что царь не понимал *невозможности* спасти Сербию, которая не имела общих границ с Россией. И действительно, в ходе войны Сербия была захвачена и потеряла треть населения – больше в процентном отношении, чем все другие участники войны.

Спасти сербов можно было только мирными переговорами, а для этого надо было лишить Австрию повода для объявления войны, удовлетворив австрийский ультиматум. Пункты ультиматума задевали суверенитет Сербии, но не вели к ее захвату. Напротив, принятие Белградом ультиматума лишало Вену предлога для начала военных действий и открывало путь к долгому международному арбитражу, поскольку формально и Лондон, и Париж, и Берлин требовали мирного разрешения конфликта при содействии всех великих держав. Никто не хотел брать на себя ответственность за развязывание большой войны. Именно поэтому в июльские дни все стороны состязались друг с другом, выдвигая мирные инициативы в надежде, что они будут отвергнуты. Отметим, что Берлин очень боялся перехода конфликта в дипломатическое русло, но еще более боялся *предстать* в роли зачинщика войны, поскольку все понимали, что позиция Вены зависит от позиции Берлина. Берлин стремился свалить вину на Россию в надежде удержать Англию от

вступления в войну. Лондон в обычной манере сталкивал другие страны лбами: Берлину обещал нейтралитет, а Петербургу и Парижу – помощь.

Отметим, что «общественное мнение» в России не требовало от царя вступления в войну в защиту Сербии. Рабочие и крестьяне не хотели никакой войны, а «образованное общество» раскололось. Лидер кадетов П. Н. Милюков 13 и 14 июля опубликовал в газете «Речь» две статьи, прямо выступая за «локализацию» конфликта и против военного вмешательства России, «чего бы это не стоило Сербии»[304]. Милюков имел основания считать, что Белград стремился к созданию «Великой Сербии» руками России и был, так или иначе, виноват в убийстве Фердинанда, которое провоцировало конфликт. Неготовая к войне Россия, по мнению лидера влиятельной думской фракции, должна была ограничить и погасить конфликт дипломатическими средствами. Как уже отмечалось, многие русские монархисты также были против войны с Германией. В то же время было много и тех, кто разделял мнение Сазонова: «Окончательное водворение Германии на Босфоре и Дарданеллах было бы равносильно смертному приговору России»[305]. Отметим, что на первом месте у Сазонова стояли проливы, а не Сербия. Отметим и надуманный характер довода о «смертном приговоре». Германии не было смысла закрывать для России проливы, поскольку она сама зависела от импорта российского хлеба и других товаров и в случае войны с Россией теряла этот импорт. Укрепление позиций Германии в Турции создавало куда более сильную угрозу Британской империи (выход Германии в Персидский залив).

Иными словами, в июле 1914 г. царь был свободен в выборе решения, и он выбрал роковой вариант: использовать австрийский ультиматум как повод и удобный случай начать войну за проливы, соединив и прикрыв ее войной в защиту маленькой братской Сербии. При этом ситуация позволяла царю не стать зачинщиком войны: им становилась Австрия, которая отклонила миролюбивый ответ Белграда и 28 июля объявила Сербии войну.

Мобилизация. Царь уже 24 июля собрал Совет министров, который постановил приступить к мобилизации четырех военных округов и развертыванию 13 армейских корпусов, предназначенных действовать против Австро-Венгрии, а также ввести в действие на всей территории империи «Положение о подготовительном к войне периоде» с комплексом предмобилизационных

---

[304] Милюков П. Н. Воспоминания... С. 174.

[305] Сазонов Д. С. Воспоминания... С. 197.

мероприятий[306]. Двадцать восьмого числа царь принял решение о проведении частичной мобилизации. Берлину было сообщено, что эти меры «не направлены против Германии» и «объясняются мобилизацией большей части австрийской армии»[307]. Однако 29 июля военные убедили царя в технической невозможности частичной мобилизации, и он подписал указ об общей, но вечером его отменил, получив телеграмму от Вильгельма, которого накануне просил взять на себя роль посредника и остановить Вену[308]. Кайзер ответил, что готов принять эту роль, но указал, что «военные меры» России затрудняют его миссию[309]. Тридцатого утром Вильгельм прислал еще более определенную телеграмму: «Если … Россия мобилизуется против Австрии, моя роль посредника, которую ты мне любезно доверил и которую я принял на себя, вняв твоей сердечной просьбе, будет поставлена под угрозу, если не сказать – *сорвана*. Теперь весь груз предстоящего решения лежит *целиком на твоих плечах*, и тебе придётся нести ответственность за Мир или Войну»[310].

Эта телеграмма привела к тому, что утром 30-го июля военный министр В. А. Сухомлинов и начальник Генштаба Н. Н. Янушкевич безуспешно пытались убедить Николая объявить общую мобилизацию русской армии. Логика военных была проста: раз уж решили воевать, нельзя ломать мобилизационные планы. В 15 часов к царю приехал Сазонов и уговорил его издать указ, опираясь на неподтвержденные известия о том, что Германия объявила о мобилизации своих войск. Царь разрешил отправку в округа указа об общей мобилизации, и 31 июля указ был обнародован[311]. Этот эпизод показывает, что царь колебался, понимая значение своего решения, но тем не менее его принял. Днем 31-го император Франц-Иосиф подписал указ об общей мобилизации австрийской армии.

Начало мобилизации в России включало для Германии *отсчет времени*, отведенного на разгром Франция: полная мобилизация русской армии требовала 40–60 дней – за этот срок Франции должна быть выведена из войны. Конечно, Берлин и 31 июля мог пойти на компромисс и остановить Вену, ко-

---

306 Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств (Далее МОЭИ). Серия 3. 1914–1917 гг. Том 5. М.-Л.: Соцэкономиздат, 1934. С. 60.
307 МОЭИ. Серия 3. Том 5. С. 208; Сазонов Д. С. Воспоминания. С. 208.
308 Там же. С. 181.
309 Там же. С. 227.
310 Там же. С. 268.
311 Там же. С. 256–258, 294; Сазонов Д. С. Воспоминания… С. 220.

торая после краткого обстрела пограничного Белграда не вела активных действий: ее армия была не готова, в стране шел сбор урожая. Но кайзер Вильгельм II пошел на обострение ситуации, надавив не на Вену, а на Петербург. Днем 31 июля он прислал Николаю телеграмму: «Ты всё *ещё можешь сохранить мир в Европе*, если Россия согласится остановить свои военные приготовления, которые, несомненно, угрожают Германии и Австро-Венгрии»[312]. Царь ответил: «*Технически невозможно* остановить наши военные приготовления, которые являются необходимым ответом на австрийскую мобилизацию. … До тех пор, пока продолжаются переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не произведут никаких провокационных действий. В этом торжественно даю тебе моё слово»[313]. Иными словами царь не остановил «отсчет времени», что имело решающее значение для Германии.

Вечером 31 июля германский посол Пурталис вручил Сазонову ультиматум: остановить мобилизацию в течение 12 часов. В следующий вечер 1 августа в 19 часов Пурталис, получив от Сазонова отказ, вручил ему ноту, гласившую, что Германия «считает себя в состоянии войны с Россией»[314]. Этот шаг и делал Берлин главным виновником. Вильгельм спешил: только объявив войну России, он мог потребовать нейтралитета от Франции, чтобы получить искомый отказ и немедленно напасть на нее, что кайзер и сделал.

Однако в рамках нашей темы важно отметить, что в сложившейся ситуации Николай II тоже *мог* принять *иное* решение. Ему достаточно было громко заявить об отказе от мобилизации, чтобы перевести кризисную ситуацию в стадию долгих дипломатических переговоров. Сорвать эту переговорную перспективу кайзер не мог: он терял повод объявить войну России в условиях, когда официально сам выступал за мирное разрешение кризиса. Отметим, что в эти дни Италия и Румыния выступили против того, чтобы воевать за интересы Австрии. Но главной была позиция Лондона, который предлагал посредничество четырёх держав (Англии, Франции, Германии и Италии) для разрешения кризиса. Кайзер до последнего момента надеялся на нейтралитет Англии, без которого шансы на разгром Франции и России становились неопределенными. Большинство министров британского правительства выступали против войны с Германией, но ситуация была неустойчивой. Вечером 29 июля Вильгельм получил известие, что Лондон может начать войну в за-

312 МОЭИ. Серия 3. Том 5. С. 300–301.
313 Там же. С. 289.
314 Там же. С. 322–323.

щиту Франции. Кайзер заколебался и именно поэтому послал царю телеграмму, подтвердив готовность посредничества. Николай 30-го днем мог не послушать Сазонова и отложить общую мобилизацию, которая еще *не была* объявлена. Он мог остановить ее и днем 31-го, получив ультиматум Вильгельма. Ссылки на «техническую невозможность» сделать это неубедительны. Цена вопроса была слишком высока: возможность для России избежать войны превышала все «технические» сложности. Опасности нанесения Германией неожиданного удара по России не было: восточный фланг Германии прикрывала незначительная группировка, которой противостояла уже отмобилизованная регулярная армия России. Кайзер не мог перебросить основные войска, сосредоточенные против Франции, с запада на восток и оставить у себя за спиной всю французскую армию.

Решение царя было обусловлено тем фактом, что момент для ведения войны за проливы был выгодным. С точки зрения анализа внешнеполитической ситуации и *своего* понимания интересов России царь был прав. Но решение царя не учитывало неготовность страны к ведению долгой и тяжелой войны. И речь шла не только и не столько о чисто военной неготовности. Царь ошибся в определении степени социально-политической стабильности российского общества. Она требовала продолжения политики уклонения от войны, которую проводили три самых значительных премьера предвоенной России – С. Ю. Витте, П. А. Столыпин и В. Н. Коковцов. Напомним точный вывод П. А. Столыпина: «Россия выстоит и одержит победу только в *народной* войне»[315]. Захват проливов и значительной части территории мусульманской Турции не отвечал национальным интересам России. Он не укреплял, а ослаблял империю. Турки не могли быть лояльными подданными.

Ввязавшись в ненужную стране войну, Николай II закрыл перед Россией возможность мирной модернизации. Тезис о том, что война породила революцию, доминирует в мировой историографии уже сто лет, и значительная часть историков склоняется к выводу о практической неизбежности революции в условиях войны при сохранении режима «третьеиюньской монархии».

5.3. Историографические споры

Советский период. Основной методологической базой для трактовки советскими историками причин и характера первой мировой войны служила

[315] Столыпин П. А. Переписка. М.: РОССПЭН, 2004. С. 425–426.

теория империализма, в рамках которой мировая война определялась как империалистическая со стороны всех великих держав. При этом речь шла не только о традиционном империализме (извечном стремлении более сильного государства к подчинению более слабого), но и об империализме нового типа, который был порожден особенностями монополистического капитализма – высшей стадии капиталистического развития. На этой стадии передовые промышленные державы осуществили раздел мира, но в силу неравномерности экономического развития разных стран вступили в борьбу за его передел.

«Краткий курс». В 1930-е гг. официальная советская трактовка причин мировой войны была изложена в «Кратком курсе», где говорилось: «Война 1914 года была войной за передел мира и сфер влияния. Она задолго подготовлялась всеми империалистическими государствами. Ее *виновники* – империалисты *всех* стран». Однако далее авторы делали акцент на агрессивных действиях объединившейся Германии, которая стремилась отнять добычу у старых колониальных империй. Вина царского правительства за развязывание мировой войны ослаблялась тезисом о том, что Россия была «полуколонией» англо-французского империализма, привязанной к их внешней политике. Впрочем, термин «полуколония» носил условный характер, поскольку авторы не отрицали статуса России как одной из великих держав, которая преследовала свои весьма масштабные цели: «Царская Россия стремилась к разделу Турции, мечтала о завоевании проливов из Черного моря к Средиземному морю (Дарданеллы), о захвате Константинополя. В планы царского правительства входил также захват Галиции – части Австро-Венгрии»[316].

После смерти Сталина советские историки отказались от тезиса о России как полуколонии, но признавали зависимость России от стран Антанты.

В. М. Хвостов. Постсталинская трактовка получила отражение во втором томе «Истории дипломатии», изданном академиком В. М. Хвостовым в 1963 г. В книге были описаны причины и история зарождения мировой войны, в том числе и действия царя в дни июльского кризиса 1914 г. Впрочем, в традициях советской историографии автор больше говорил о действиях царского правительства, а не царя лично. Хвостов верно выделил один из ключевых моментов в истории июльского кризиса, связанный с реакцией Петербурга на жесткий ультиматум Австрии и дал ему «дипломатическую» трактовку, которая стала доминировать в советской и постсоветской историо-

[316] История ВКП (б). Краткий курс. М.: Издательство ЦК ВКП (б), 1938. С. 155, 156.

графии. Историк отметил, что 24 июля царское правительство решило «предложить Сербии, если она своими силами не сможет защищаться, *не оказывать сопротивления*, но заявить, что она уступает силе и *вручает свою судьбу великим державам»*. Далее автор сообщил, что Сербия приняла только девять из десяти пунктов австрийского ультиматума, отклонив требование допустить австрийских представителей к расследованию заговора на жизнь эрцгерцога на территории Сербии[317]. По тексту Хвостова получалось, что правительство Сербии, вопреки рекомендациям царского правительства, само приняло решение отклонить один из пунктов ультиматума, зная, что это приведет к войне. На деле решение Белграда было согласовано с Сазоновым и поддержано царем. Однако далее автор признал, что царское правительство сразу и определенно встало на сторону сербов и «решило на этот раз не *отступать* перед опасностью войны, как оно трижды делало это прежде: в 1909, 1912 и 1913 гг.»[318]. Так, весьма аккуратно Хвостов указал на долю ответственности Николая за войну: решение «на этот раз не отступать».

Н. П. Полетика. Наиболее глубоким специальным исследованием истории происхождения первой мировой войны и причин втягивания в эту войну царской России стала монография историка Н. П. Полетики «Возникновение мировой войны». Впервые она вышла в 1935 г., а затем была доработана с учетом новых документов и издана в 1964 г. Автор четко вычленяет и объективно анализирует ключевые сюжеты истории зарождения войны. В этой связи он уделяет внимание и истории появления австрийского ультиматума, и реакции на него со стороны царского правительства, а также истории мобилизации русской армии, решение о которой было принято царем после колебаний. Именно оно стало поводом для Германии начать войну. Общая позиция историка выражена так: «Война была развязана в 1914 г. прежде всего в силу решения австро-германских империалистов развязать ее. Но и русский царизм, и русская империалистическая буржуазия внесли свою долю участия в развязывание войны, объявив всеобщую мобилизацию, <…> Русская мобилизация была актом, углублявшим и обострявшим июльский кризис, ибо именно в форме всеобщей русской мобилизации германские правящие круги получили, наконец, удобный предлог для того, чтобы форсировать развязку. И Николай II, и Сазонов, и генералы *отлично понимали*, что в этом смысле

317 История дипломатии. Т. 2 М.: Госполитиздат, 1963. С. 786–788.
318 Там же. С. 786.

приказ о всеобщей русской мобилизации являлся *невозвратимым шагом*, что Германия использует его для объявления войны России. Царская Россия решилась на этот шаг … в целях борьбы за свои империалистические интересы, … за *господство на Балканах, за Константинополь и проливы* и т. д.»[319]. Полетика убедительно обосновал свою позицию документами, возложив положенную долю ответственности за втягивание России в войну на царя и его министров.

В 1975 г. вышла книга «***История Первой Мировой войны***», написанная группой ведущих историков (И. И. Ростунов, Д. В. Вержховский, В. И. Виноградов и др.*)*. В ней заметна тенденция смягчить тезис об ответственности царского правительства за развязывание войны, который столь определенно сформулировал Полетика. Авторы сняли акцент с тезиса о традиционном стремлении России к захвату Босфора и Дарданелл и сделали акцент на желание Германии захватить эти проливы: «Особенно беспокоила господствующие классы России перспектива захвата Германией черноморских проливов, которые для России имели большое экономическое и стратегическое значение»[320]. Авторы кратко изложили сюжет, связанный с австрийским ультиматумом, и лишь в сноске упомянули о позиции Петербурга, которая привела к тому, что Белград не принял его последнего пункта, что и дало Вене повод начать войну при поддержке Берлина[321].

Касаясь вопроса о решении царя объявить общую мобилизацию российских войск, историки подчеркнули роль министра иностранных дел С. Д. Сазонова и военного министра В. А. Сухомлинова, которые «признали необходимым такой шаг ввиду отсутствия какой-либо вероятности избежать войны с Германией». В целом получалось, что ответственность за роковое решение о мобилизации падала на министров, но авторы книги оправдывали их позицию организационными мотивами: невозможностью провести частичную мобилизацию, направленную против Австрии, в четырех военных округах. Проводилась мысль, что у царя не было выбора[322].

Несмотря на нюансы в трактовках позиции царского правительства, в советской историографии доминировало признание империалистического характера мировой войны и ответственности за нее всех великих держав,

---

[319] Полетика Н. П. Возникновение мировой войны. М.: Мысль, 1964. С. 329.
[320] История Первой Мировой войны. М.: Наука, 1975. С. 32, 39–40, 44–45.
[321] Там же. С. 213.
[322] Там же. С. 219–220.

включая и Россию. Как писал И. И. Ростунов в статье о войне в Большой советской энциклопедии, «в развязывании войны участвовали империалисты *всех* стран, но главным виновником её являлась буржуазия Германии»[323].

Постсоветская историография. После 1991 г. историографическая ситуация стала меняться. Все громче звучали голоса тех, кто говорил о *недостаточности* теории империализма для объяснения сложной картины происхождения мировой войны. А затем появились попытки утвердить тезис о том, что со стороны России война не носила *империалистического характера*. Этот тезис оправдывал политику царя в вопросе о целях войны. Нарастало стремление в принципе снять с царя ответственность за участие в развязывании войны, представить его как жертву сложившихся обстоятельств. Иными словами, трактовка причин вхождения России в первую мировую войну перекликалась с трактовкой причин вхождения России в конфликт с Японией в 1904 г.: с акцентом на «логику» развития геополитической ситуации, из которой царь просто не мог выйти.

Вначале эти идеи не находили поддержки признанных специалистов. На «круглом столе» по теме «***Происхождение первой мировой войны***» в сентябре 1993 г. академик П. В. Волобуев отметил, что «марксистский вывод об империализме, об империалистической политике великих держав того времени как главном виновнике войны остается *верным*»[324]. Эту позицию разделял и академик Ю. А. Писарев. Известный историк В. И. Миллер, оценивая «новации» появившиеся в работах ряда историков и публицистов, прямо писал: «Мы имеем дело с очередным поворотом в общественном сознании, … Развертывается идеализация императорской России, вновь предлагается простенькое решение о Германии и Австро-Венгрии как виновниках войны. Одновременно игнорируется вывод, уже давно ставший достоянием международной историографии, о мировой войне как результате длительного процесса накопления межимпериалистических, межгосударственных и иных противоречий»[325].

А. В. Игнатьев говорил об отсутствии объективных причин для участия России в мировой войне, поскольку «с чисто экономической точки зрения

---

[323] Первая мировая война //Большая сов энциклопедия. 3-е изд. Т. 19. М.: Сов. энциклопедия. 1975. С. 340.

[324] Материалы «круглого стола» были опубликованы только в 1998 г. См.: Первая мировая война. Пролог XX века. М.: Наука, 1998. С. 12–13.

[325] Там же. С. 60.

Россия не относилась к числу тех промышленных и финансовых гигантов, противоречия между которыми вели к мировому столкновению». Он подчеркивал роль субъективного фактора в позиции России: «объяснение кроется прежде всего в *имперском менталитете* российских правящих кругов»[326].

Т. М. Исламов также разделял этот ключевой тезис советской историографии: «Россия оказалась втянутой в войну, которая отнюдь не диктовалась правильно понятыми национальными интересами Российской империи»[327]. Такой подход доминировал и в академическом сборнике «Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории» (1994)[328].

В 1998 г., в восьмидесятую годовщину окончания первой мировой войны, вышел еще один академический сборник под названием «***Первая мировая война. Пролог XX века***». Во введении редактор сборника В. Л. Мальков говорил о необходимости «существенной корректировки общих подходов» и переписывания «даже некоторых центральных глав предыстории и истории первой мировой войны»[329], но в статьях, опубликованных в сборнике, переписывание «центральных глав» никак не просматривалось. В то же время бросалось в глаза отсутствие прямых выступлений в защиту теории империализма, как это было на «круглом столе» в сентябре 1993 г. Отметим, что академиков П. В. Волобуева и Ю. А. Писарева, задавших тон на прежних конференциях, уже не было в живых.

В 2002 г. в рамках крупного академического проекта «***Мировые войны XX века***» вышла книга, посвященная первой мировой войне. В предисловии В. Л. Мальков, один из ее редакторов, снова говорил о необходимости избежать «зауженного подхода» к войне, подразумевая недостаточность теории империализма для объяснения ее причин и характера. Авторы тома, по словам Малькова, «руководствуются убеждением, что на *цивилизационном* уровне с конца XIX века действовали не меньшие силы отталкивания, чем те, которые вызывали острые трения по колониальному вопросу, международной торговле». И в этой связи они ставили своей целью «показать нарастание предвоенного кризиса <…> как отражения культурного расщепления и разобщения мирового сообщества». Иными словами, предлагалось учесть цивилизационный фактор, роль которого формулировалась расплывчато. При

---

[326] Первая мировая война. Пролог XX века... С. 94, 98.
[327] Там же. С. 47.
[328] Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М. Наука. 1994.
[329] Первая мировая война. Пролог XX века… С. 11.

этом Мальков не отказывался от прежнего определения характера войны: «Чаще всего ее *называли и называют войной империалистической*, и это, пожалуй, верно, если не усматривать причину войны в одном-единственном факторе – в столкновении великодержавных интересов ведущих в ту пору государств, монополистических спрутов и военных клик»[330]. Но других равноценных по важности факторов историк назвать не смог. Он не решился прямо повторить тезис о религиозно-цивилизационном расколе Европы как причине мировой войны, который набирал популярность в публицистике и монархической историографии. Такой тезис было трудно доказать уже потому, что в ходе войны православная Россия воевала в союзе с католической Францией и англиканской (почти протестантской) Великобританией. Врагами Антанты были мусульманская Турция и преимущественно католическая Австро-Венгрия, которая в союзе с православной Болгарией воевала против православной Сербии и православной Румынии, а затеял войну король лютеранской Пруссии и император мультиконфессиональной Германской империи Вильгельм II, который весьма своеобразно определил «цивилизационную» суть мировой войны как «конфликт двух рас – *романо–славянской* и германской». Добавим, что во главе государств – основных участников войны – стояли германские династии: в Англии, Германии и России, а также в Болгарии, Румынии, Бельгии. Выявить в этом «вавилонском столпотворении» какой-либо значимый цивилизационный или религиозный фактор и представить его хотя бы важной, если не основной, причиной войны еще никому не удавалось.

В этой монографии видный специалист Б. М. Туполев написал весьма интересный раздел «Дискуссии в прошлом и настоящем о причинах войны». Автор дал анализ истории развития различных версий теории империализма, а также их использования в трудах ведущих западных ученых при трактовке вопроса о причинах войны. Он назвал проблему империализма *«центральным моментом* международного дискурса, имеющим общетеоретическое значение». Анализ современной западной историографии привел ученого к выводу о «*непреходящей* и даже неуклонно возрастающей актуальности изучения феномена империализма – ведущей тенденции развития индустриального общества на рубеже XIX – XX веков»[331].

---

[330] Мировые войны XX века. Книга 1. Первая мировая война. М.: Наука, 2002. С. 17–18.
[331] Там же. С. 28, 33.

Его коллега В. Н. Виноградов, поставив вопрос об ответственности держав за развязывание войны, повторил известную позицию, согласно которой «в длительной перспективе ответственность … *падает на всех* основных ее участников, хотя и *в разных долях*»[332]. Однако уже через пару лет Виноградов изменил свою точку зрения. В статье «1914 год: быть войне или не быть?» (2004) он критиковал советскую историографию за «классовые шоры» и «односторонний подход», имея в виду концепцию империализма, и однозначно возлагал ответственность за войну на Германию, отмечая, что у России в той ситуации не было иного выхода, кроме как воевать: «на поставленный в заголовке статьи вопрос можно ответить так: год 1914-й – войны не миновать»[333]. Однако аргументировался этот тезис слабо: следствием уклонения от участия в войне автор считал «скатывание России с пьедестала великой державы». Как показал опыт истории, участие неподготовленной страны в такой войне грозило ей куда более весомыми и реальными потерями.

Не все историки старшего поколения были готовы на такой пересмотр прежней трактовки сути и причин войны. В 2000 г. ***К. Ф. Шацилло*** опубликовал книгу «От Портсмутского мира к Первой мировой войне», в которой прямо признавал империалистический характер войны и целей царского правительства: «Захватническая империалистическая политика была всегда свойственна царизму». Показывая ненужность этой войны, автор писал, что «к началу XIX в. Российская империя не только достигла своих естественных географических и этнических границ, но и в ряде случаев далеко вышла за них (Польша, Финляндия, Закавказье, Молдавия). … Теперь, казалось бы, и наступило время для прекращения экстенсивной политики и начала интенсивного освоения несметных пространств 1/6 части земной суши, для внутренней реорганизации страны, для успешного экономического развития и поднятия самого низкого в Европе жизненного уровня населения. Но самодержавие и не думало об этом…»[334]. Говоря о причинах зарождения мировой войны на Балканах, автор отметил: «Борьба народов против турецких поработителей создавала чрезвычайно удобный повод для вмешательства великих держав, стремившихся каждый раз к одному – защите своекорыстных

---

[332] Мировые войны XX века… С. 121.

[333] Виноградов В. Н. 1914 год: быть войне или не быть? // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 17–25.

[334] Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. С. 8–9.

интересов и получению тех или иных политических благ и территориальных приобретений»[335].

Однако постепенно укрепляли свои позиции те, кто возродил тезис монархистов о ведении Россией в 1914–1918 г. Второй Отечественной войны. Накануне и в ходе юбилейного 2014 г. (столетия начала первой мировой войны) этот тезис озвучивался политиками и историками. Сошлемся на доклад, сделанный на научной конференции «Россия и Первая мировая война: история и память» историком ***Е. Ю. Сергеевым***, президентом Российской ассоциации историков Первой мировой войны. Говоря о трех отличительных особенностях мировой войны, докладчик в качестве третьей называл ее особый характер со стороны России: «для нее *война с самого начала явилась Второй Отечественной*, о чем впоследствии *стыдливо умалчивала* официальная советская историография, но что всегда подчеркивали русские историки-эмигранты»[336]. Историк сослался на проявления патриотических чувств со стороны различных слоев населения, полагая, вероятно, что этого достаточно, чтобы признать войну Отечественной. Вопрос о том, как такая оценка соотносится с военными целями царской России, Сергеевым не ставился. Не будем упрекать историка в том, что он «стыдливо умолчал» об этих целях. По поводу патриотических чувств отметим, что в Германии они были сильнее, чем в России, но вряд ли на этом основании можно признать, что кайзер в 1914–1918 гг. вел «отечественную» войну за передел мира.

В 2014 г. под эгидой ИРИ РАН вышла коллективная монография ***«Россия в годы первой мировой войны».*** Она содержит много качественных текстов, написанных на конкретные темы, особенно социально-экономического характера. Монография отразила существенное расширение тематики исследований истории России в эпоху мировой войны и интересные результаты, полученные по ряду направлений. Однако в оценке характера мировой войны и военных целей России, роли царского правительства в ее развязывании просматривается неопределенность и фигура умолчания. Авторы предисловия не называют ее ни «Второй Отечественной», ни империалистической.

«Политкорректность» авторов монографии проявилась в замене термина «империалистическая политика» в отношении политики царской России на термин «имперская политика». При этом историк ***Д. Б. Павлов*** в первой гла-

---

[335] Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне... С. 161.

[336] Сергеев Е. Ю. Новые подходы к исследованию Первой мировой войны // Великая война: сто лет. СПб. Нестор-История. 2014. С. 16.

ве монографии квалифицированно проанализировал действия царского правительства на мировой арене накануне войны и фактически раскрыл подлинный империалистический смысл этих действий, включая проблему захвата проливов. Автор позволил себе справедливую критику этой политики, вступив в негласное противоречие с концепцией «Второй Отечественной войны»: «Точка зрения царя и части правящей элиты на внешнеполитические приоритеты Российской державы плохо увязывалась с упомянутой потребностью страны в мирной передышке для решения внутренних проблем…». Со ссылкой на А. В. Игнатьева автор упомянул о «временами свойственному Николаю II “размашистому аннексионизму”»[337]. Тем не менее Павлов, анализируя события «июльского кризиса» 1914 г., считает, что царь не был готов использовать сараевское убийство для начала борьбы за проливы и стремился к миру. В таком же ключе историк трактует и историю объявления мобилизации 29 июля, полагая, что царь не мог действовать иначе[338]. Такая трактовка фактически снимала с царя ответственность за развязывание войны.

Историк О. Р. Айрапетов в своей книге «Участие Российской империи в Первой мировой войне» также трактует все события «июльского кризиса» как стремление царя и ключевых министров сохранить мир, обвиняя в решении развязать войну только Германию и Австрию[339].

Причины таких трактовок понятны: не дать повода западным историкам делать из России главную виновницу войны, как это сделал американский историк Шон Макмикин в недавних широко разрекламированных книгах «Русские корни первой мировой войны» (2011) и «Июль 1914. Обратный отсчет к войне» (2014)[340]. Однако есть же и другой способ противостоять таким трактовкам. Аргументы Макмикина довольно примитивны и легко опровергаются при обращении, например, к ранее упомянутой книге Н. П. Полетики. Критику аргументов Макмикина предложил и автор этих строк[341]. Главная вина кайзера Вильгельма в историографии хорошо доказана, но это

---

337 Россия в годы первой мировой войны … С. 44–45.

338 Там же. С. 88, 89–90.

339 Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Том 1: 1914 год. Начало. М.: Кучково поле, 2014. С. 55, 70, 78.

340 McMeekin S.: 1) The Russian Origins of the First World War. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press. 2011; 2) July 1914. Countdown to War. N.Y.: Basic Books. 2014.

341 Калашников В. В. «Русские корни» мировой войны в новейшей зарубежной историографии // Россия в первой мировой войне: проблемы истории и историографии. СПб.: СПБГЭТУ, 2015. С. 12–25.

не повод снимать реальную долю ответственности с русского царя. А для судьбы России именно решение царя «не уступать» было определяющим.

Представители *православно-монархической историографии* защищали еще более крайние позиции. В наиболее обнаженной форме эти позиции выражал уже не раз упоминавшийся нами историк Мультатули в книге, специально посвященной политике царя накануне войны. Название книги: «“Дай Бог, только не втянуться в войну!” Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года. Факты против мифов» (2014). Первая часть названия демонстрирует желание автора доказать, что царь был противником войны, а последняя – отражает претензию Мультатули на владение «фактами», которые опровергают «мифы». Создатели «мифов» указаны в аннотации: «Миротворческая роль Николая II долгие годы была *искажена и оболгана* в советской исторической науке, не говоря уже об общественном сознании». Досталось и постсоветской академической историографии: «К прискорбию, *ложная мифологизация* роли Николая II и причин вступления России в Первую мировую войну, заложенная в советское время, продолжает оказывать значительное влияние на научно-общественное сообщество и в наши дни»[342]. Автор без всяких оговорок изображает внешнюю политику Николая II как образец христианского миролюбия и отсутствия империалистических помыслов.

Об уровне объективности тех, кто отрицает империалистические цели царской России, говорят те внешнеполитические задачи, которые ставил Николай II. Осенью 1914 г. он просил передать президенту Пуанкаре, что желает присоединения к Российской империи Восточной Пруссии, Познани, Польской Силезии, Галиции и Буковины, т. е. земель, принадлежавших Пруссии и Австрии на основании разделов Польши, произведенных в эпоху Екатерины II[343].

Весной 1915 г. царь потребовал и в целом получил от союзников неохотное и условное согласие на передачу России черноморских проливов. Требования царя, переданные в Париж и Лондон в виде Памятной записки министра иностранных дел России С. Д. Сазонова, гласили: «вопрос о Константинополе и Проливах должен быть решён окончательно, согласно веко-

---

[342] Мультатули П. В. "Дай Бог, только не втянуться в войну!" Император Николай II и предвоенный кризис 1914 года. Факты против мифов. Москва: РИСИ. 2014.

[343] Отметим, что Мультатули не отрицает наличия у царя таких целей, но не оценивает их как империалистические, полагая, видимо, что они также доказывают «христианское миролюбие» царя: Мультатули П. В. Внешняя политика императора Николая II… С. 739.

вым чаяниям России. Все решения будут несостоятельны и непрочны, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, так же как Южная Фракия вплоть до линии Энос – Мидиа, не будут включены в состав Российской империи»[344]. Таким образом царь хотел получить все европейское побережье зоны проливов от Черного моря до Эгейского, а потом – и часть азиатского побережья. Захват проливов не исчерпывал претензий царя. В мае 1916 г. страны Антанты вели переговоры о разделе Турции. «Если нашей армии удастся дойти до Синопа, – гласила резолюция Николая II, – то там и должна будет пройти наша граница»[345]. Граница по Синопу – это претензия на всю восточную половину Турции. Русский солдат быстро осознал суть войны и никогда не называл ее отечественной. Он называл ее германской, зная, кто главный противник.

Подводя итоги анализу трактовок истории вовлечения царской России в первую мировую войну, отметим, что трактовки, данные советскими историками (прежде всего в работах Н. П. Полетики), а в постсоветский период воспроизведенные в работах А. В. Игнатьева, Б. М. Туполева, К. Ф. Шацилло и ряда других историков старшего поколения, выглядят куда более объективными и обоснованными, чем трактовки тех, кто отрицает империалистический характер первой мировой войны и ту долю ответственности за ее начало, которую несет персонально Николай II. Его вина выражается в миллионах убитых и раненых, а также в резком обострении социально-политической ситуации в стране, на фоне которой революционный взрыв становился более чем вероятным.

---

[344] Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств 1878–1917 гг.: Серия 3. 1914–1917 гг. Том 7. Ч. 1. С. 393.

[345] Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Госполитиздат, 1952. С. 452–453.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ГЛАВА 1. ФЕВРАЛЬ 1917: ЦАРЬ, ДУМА И НАРОД

Эта глава посвящена истории Февральской революции, представленной как серия ключевых решений, принятых ее основными «акторами». Прежде всего речь идет о решениях царя, которые спровоцировали взрыв в условиях революционной ситуации, сформировавшейся на фоне тягот первой мировой войны. Непосредственным толчком к революции стал приказ о *расстреле* мирных демонстраций в Петрограде, который превратил воскресный день 26 февраля во второе издание «Кровавого воскресенья». Факт отдачи царем такого приказа никем никогда не опровергался, поэтому, в отличие от событий 9 января 1905 г., вопрос об ответственности Николая II за расстрел не является предметом историографических споров. Нет особых споров и по вопросу о последствиях расстрела: именно это решение царя положило начало Февральской революции. Она началась как стихийное восстание солдат гарнизона, которые выступили против власти, пролившей в очередной раз кровь рабочих столицы. Солдатский бунт превратил мирные демонстрации рабочих в открытую и вооруженную борьбу за власть.

Альтернативой расстрелу могло стать согласие царя на формирование правительства из числа популярных общественных деятелей, готовых работать с опорой на либеральное большинство депутатов Госдумы. Такое решение могло ослабить «кризис верхов» и затруднить революционный взрыв «низов», а в случае взрыва – увеличивало шансы на его подавление.

Сразу после расстрела мирных демонстраций царь решил *распустить Государственную думу*. Это решение также было весьма важным. Оно побудило думских либералов пойти на блок с левым крылом депутатов Думы. Результатом блока либералов и социалистов стал Временный комитет членов Государственной думы (ВКГД), который фактически возглавил революцию. Совместные действия думских либералов и социалистов сорвали попытку царя силой подавить революцию и обеспечили ее быструю победу.

1.1. Накануне взрыва. Царь и Дума

Изложим нашу трактовку событий, не претендуя на ее оригинальность.

Уже с конца 1916 г. российское общество жило в ожидании революции, поскольку в стране сложилась классическая революционная ситуация: «низы» не хотели, а «верхи» не могли жить по-старому.

Недовольство «низов» вызывали нарастающие тяготы войны. Рост дороговизны и падение реальной заработной платы сопровождались быстро растущими трудностями в снабжении хлебом городов и потребляющих губерний. Длинные очереди за хлебом стали ежедневным атрибутом жизни многих горожан. И в очередях острая критика власти стала повсеместной. В городах росло число забастовок. Если в первые полгода войны (с 19 июля по 31 декабря 1914 г.) их число было равно 170, то в 1915 г. уже 1928, в 1916 г. – 2417, в январе – 22 февраля 1917 г. – 718. Количество участников постоянно росло: за первые полгода – 86,7 тыс., в 1915 г. – 862 тыс., в 1916 г. – 1558,4 тыс., за январь–февраль 1917 г. – 548,3 тыс.[346] Нежелание крестьян воевать выразилось в массовой сдаче в плен. За время войны Россия потеряла 3,9 млн пленными, в 3 раза больше, чем Германия, Франция и Англия вместе взятые. Ненужная и непонятная война сопровождалась чрезвычайными потерями. В ходе боевых действий за 2,5 года около пяти млн солдат были убиты в бою, умерли от ран, попали в плен, дезертировали или были списаны по ранению. Эти потери в два раза превосходили английские, французские и германские вместе взятые[347].

В период войны с особой остротой встала проблема социальной справедливости: солдаты на фронте открыто проявляли ненависть к тем, кто «жировал» в тылу, наживаясь на военных поставках и заказах[348]. Эти заказы и поставки стоили неоправданно дорого. Доля военных расходов России по отношению к национальному доходу в 1915/1916 финансовом году достигла 40 %, а в 1916/1917 – перешагнула за 50%. Между тем в Великобритании эта доля составляла 7,0%, в Германии – 31,6%, во Франции – 25,6 %[349].

Рост недовольства «низов» вел к оживлению деятельности политической оппозиции. Наибольший общественный резонанс имела деятельность депутатов Государственной думы, которая, несмотря на цензуру, широко освещалась прессой. В начале мировой войны думские либералы, представленные главным образом фракциями октябристов и кадетов, заявили о необходимости национального единения и отказались от оппозиционной деятельности.

---

[346] Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих России в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917). М.: ИРИ РАН, 2005. С. 19.

[347] Гражданская война в России. Круглый стол // Отечественная история. 1993. № 3. С. 113.

[348] Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период первой мировой войны (1914–март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 259–260.

[349] Хмелевский Н. Экономическая политика Временного правительства // Российский экономический журнал. 1995. № 12. С. 100–103.

Однако военные неудачи побудили либералов уже в августе 1915 г. создать оппозиционный Прогрессивный блок, в который вошли 236 из 422 членов Думы. Вне блока остались крайне правые и левые фракции Думы. Цель блока: «создание *объединенного правительства* из лиц, пользующихся *доверием* страны и *согласившихся с законодательными учреждениями* относительно выполнения в ближайший срок определенной программы». Программа блока предусматривала «разумную и последовательную политику, направленную на сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами». Речь шла об объявлении амнистии и прекращении дел, возбужденных по обвинению в политических и религиозных преступлениях, о прекращении «гонений за веру», «восстановлении деятельности профессиональных союзов и прекращении преследований представителей рабочих в больничных кассах», «разрешении русско-польского вопроса» (предоставление автономии Царству Польскому), о «примирительной политике в финляндском вопросе», «восстановлении малорусской печати», о «вступлении на путь отмены ограничений в правах евреев» и др.[350]

Решение этих задач связывалось с давлением на царя, но никак не с народной революцией. Вкус к революции либералы потеряли после опыта 1905–1907 гг., когда в деревне крестьяне сожгли каждую десятую помещичью усадьбу. Видный думский деятель В. В. Шульгин так обозначил цель блока: «весь смысл существования Прогрессивного блока был предупредить революцию и тем дать возможность довести войну до конца»[351].

Нет сомнений в том, что согласие царя на формирование «министерства доверия» и осуществление предложенных мер снизило бы оппозиционность Думы и привело к консолидации правящей элиты. Без «кризиса верхов» революционный взрыв становился менее вероятным и опасным. Популярное правительство могло принять те меры, которые царские министры не решались проводить, но которые проводились в других воюющих странах. Так, в Англии в годы мировой войны правительство ограничило десятью процентами прибыль собственников предприятий, работавших на нужды войны, и излишек прибыли поступал в пользу государства и ослаблял растущую дороговизну. Взамен британские профсоюзы согласились допустить ночные и

[350] Красный Архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 133–136.
[351] Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М.: Новости. 1990. С. 440.

сверхурочные работы[352]. В Англии и Германии государственное регулирование производства было встречено буржуазией с пониманием. В России попытки такого регулирования производства чаще всего заканчивались передачей военных заказов крупному капиталу по завышенным ценам.

Николай отвергал все предложение думцев о создании «правительства доверия» несмотря на то, что его кадровая политика отражала очевидный кризис власти. За 1916 г. царь сменил четырех председателей совета министров (И. Л. Горемыкина, Б. В. Штюрмера, А. Ф. Трепова и кн. Н. Д. Голицына), четырех министров внутренних дел (А. Н. Хвостова, Б. В. Штюрмера, А. А. Хвостова и А. Д. Протопопова), трех министров иностранных дел (С. Д. Сазонова, Б. В. Штюрмера и Н. Н. Покровского), трех военных министров (А. А. Поливанова, Д. С. Шуваева и ген. Беляева) и трех министров юстиции (А. А. Хвостова, А. А. Макарова и Н. А. Добровольского). «Министерская чехарда» сама по себе понижала авторитет царя и министров: становилась очевидной неспособность правительства проводить последовательную и согласованную политику. Слухи об участии «святого старца» Григория Распутина в назначении министров вызывали негодование в обществе и в армии.

Первого ноября 1916 г. при открытии осенней сессии Государственной Думы П. Н. Милюков произнес речь против правительства и персонально против его главы Штюрмера, сопровождая ее разделы риторическим вопросом «Это глупость или измена?». Главная идея речи: с таким правительством мы войну не выиграем[353]. Девятнадцатого ноября монархист В. М. Пуришкевич невольно подыграл либералам: защищая царя, он указал на «темные силы», которые вились вокруг трона, связав их с Распутиным и даже с царицей[354]. Прямым следствием речи было убийство Распутина, которое, по словам Пуришкевича, стало «первым выстрелом революции». Важно подчеркнуть, что заговор с целью убийства «старца» совершили представители монархических кругов. Они хотели спасти трон от революции, поскольку Распутин компрометировал царя. Одним из заговорщиков был великий князь Дмитрий Павлович, а инициатором – близкий к трону князь Ф. Ф. Юсупов, который после думской речи Пуришкевича пришел к нему с этим предложением. Распутина убили в ночь на 17 декабря.

---

[352] Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Том XII. С. 240.
[353] Стенограф. отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Стлб. 35–48.
[354] Там же. Стлб. 286.

За несколько часов до убийства царь отправил Думу на новогодние каникулы. Таким образом, думцы не решились использовать осеннюю сессию, чтобы превратить Думу в центр открытого выступления против царя и самим создать правительство, несмотря на то, что общественные организации (земские, городские, профессиональные союзы и т. п.) весь ноябрь и декабрь принимали резолюции, фактически требуя этого шага. Так, земский съезд в Москве 9 декабря по докладу кн. Г. Е. Львова вынес резолюцию: «Должно быть создано правительство, достойное великого народа и сильное ответственностью перед народом и народным представительством. … Пусть Гос. Дума в начатой ею решительной борьбе, памятуя о своей великой ответственности, оправдает те ожидания, с которыми к ней обращается вся страна, и пусть вся страна живет одной волей – спасти Россию. Время не терпит, истекают все сроки и отсрочки, данные нам историей»[355]. Съезд был запрещен полицией, равно как и съезд союза городов и «продовольственный» съезд. После запрета съездов представители общественных организаций 11 декабря провели совместное совещание и приняли еще более резкую резолюцию: «Час настал. Неотложной задачей момента становится объединение всех слоев и классов населения в крепко спаянную организацию, способную вывести страну из мертвого тупика. Опираясь на организующийся народ, Государственная Дума должна неуклонно и мужественно довести начатое великое дело до конца. *Ни компромиссов, ни уступок.* Наше последнее слово – к армии. Пусть знает армия, офицеры и солдаты, что правительство, разрушая и распыляя живые силы страны, наносит непоправимый удар общему делу. Пусть знает армия, что вся страна готова сплотиться для того, чтобы вывести Россию из переживаемого ею гибельного кризиса»[356].

Царь отвечал на акции оппозиции частичными уступками. Еще в сентябре он назначил министром внутренних дел октябриста А. Д. Протопопова, товарища председателя Думы, т. е. заместителя Родзянко, но его назначение не стало шагом к формированию «правительства доверия», и думцы вскоре стали резко критиковать Протопопова как изменника. После речи Милюкова царь 10 ноября отправил в отставку Штюрмера, а когда сменивший Штюрмера А. Ф. Трепов также не смог получить доверия Прогрессивного блока, назначил 27 декабря новым главой правительства престарелого князя

---

[355] Родзянко М. В. Крушение империи. Издание 3. Л.: Прибой, 1929. С. 265.

[356] Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. М.: Политиздат, 1992. С. 249.

Н. Д. Голицына. Шаги царя не воспринимались думцами позитивно, ибо он назначал министров без консультаций с ними. Более того, царь демонстративно усиливал влияние правых: с 1 января 1917 г. он ввел в Государственный совет (верхнюю палату парламента) сразу 16 крайне правых и назначил председателем его И. Г. Щегловитова. Такая палата могла стать на пути любого законодательного шага Думы. Поведение царя было обусловлено верой в то, что главную опасность для трона представляют думские либералы, а большинство народа (крестьянство) по-прежнему любит монарха.

Ситуация в стране вызвала растущую тревогу среди ближайшего окружения монарха. Есть много свидетельств на эту тему, исходящих из самой императорской семьи. Великий князь Николай Михайлович в начале ноября так писал царю: «Я долго не решался сказать тебе правду, но я на это решился с одобрения твоей матери и твоих двух сестер. Ты находишься накануне новых волнений. Я скажу больше: накануне покушения. Я говорю все это для спасения твоей жизни, твоего трона и твоей родины»[357]. Великий князь Николай Николаевич 7 ноября специально приехал в Ставку и просил царя пойти на создание ответственного министерства[358]. Младший брат царя Михаил Александрович 11 ноября написал царю письмо: «Дорогой Ники … о нашем внутреннем положении ты разрешил мне высказывать тебе откровенно мои мысли, когда я найду это необходимым. … Я пришел к убеждению, что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для тебя, для нас всех и для России»[359]. За 13 дней до начала революции великий князь Александр Михайлович, доведенный до отчаяния нежеланием царя назначить «правительство доверия», и зная о роли царицы в этом вопросе, гневно говорил ей в присутствии Николая II: «Я вижу, что вы готовы погибнуть вместе с вашим мужем, но не забывайте о нас. Разве мы должны страдать за ваше слепое безрассудство? Вы не имеете права увлекать за собою ваших родственников»[360].

Царя предупреждали и союзники по Антанте. В Петрограде 19 января 1917 г. начала работу конференция союзников, в ходе которой глава британской делегации, член Военного кабинета лорд А. Мильнер во время личной

---

[357] См.: Речь. 1917. 9 (22) марта.

[358] Из дневника Андрея Владимировича // Красный архив. 1928. № 1 (26). С. 197.

[359] См.: Ганелин Р. Ш. В России двадцатого века. М.: Новый хронограф, 2014. С. 424–425.

[360] Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Книга III. Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1962. С. 50.

встречи с царем настойчиво просил его включить в состав правительства оппозиционных деятелей «пользующихся доверием общества». Мильнер намекал, что без этого британскому правительству трудно проводить через парламент меры по финансовой и военной поддержке России. По словам лорда А. Бальфура, «монархам редко делаются более серьезные предупреждения, чем те, которые Мильнер сделал царю»[361]. В то же время следует отбросить как несостоятельные версии о том, что союзники по Антанте участвовали в каком-либо заговоре, направленном на свержение Николая, и подстрекали к этому российскую оппозицию. По справедливой оценке И. В. Алексеевой, историка, которая занималась этой проблемой, союзники боялись спровоцировать революцию: «Беспокоясь гораздо больше о сохранении России как надежной союзницы в войне, они не желали способствовать как-либо внутренним потрясениям и кризисам, могущим лишить Россию боеспособности на долгое время. Именно поэтому союзники постоянно призывали русские оппозиционные круги отложить активную борьбу с правительством на “после войны”, а в ходе войны советовали хранить “терпение и благоразумие”, успокаивая наиболее ретивых представителей оппозиции»[362].

Эти «ретивые» представители в лице председателя Центрального Военно-промышленного комитета октябриста А. И. Гучкова строили планы на проведение верхушечного переворота с целью отстранения Николая и передачи престола царевичу Алексею при регентстве вел. князя Михаила, младшего брата царя, лояльного к Думе. Гучков был известен своей решимостью и личной ненавистью к царю. Он избрал план перехвата царского поезда на пути из Ставки, завязал контакты с одним из офицеров части, находившейся у железной дороги в селе Медведь. Реализация плана намечалась на апрель 1917 г. План был нереальным, поскольку один или несколько офицеров части не могли без серьезной подготовки привлечь всю часть к аресту царя, а вовлечение в такую акцию многих людей стало бы известным охранке. К тому же время и маршруты следования поезда царя держались в тайне, а поезд хорошо охранялся. После революции Гучков признавал: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»[363].

---

[361] Алексеева И. Агония сердечного согласия. Л.: Лениздат, 1990. С. 244, 246.
[362] Там же. С. 248.
[363] Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, LEV 1931. С. 183.

Впоследствии родилась версия о том, что 9 февраля 1917 г. в кабинете Родзянко лидеры оппозиции при участии командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского одобрили план захвата царя с целью вынудить его отречься от престола[364]. Однако ни Рузский, ни Родзянко никогда не подтверждали факта такого совещания. В то же время Родзянко рассказывал о приезде в начале января полковника А. М. Крымова, который на частной встрече доложил о ситуации в действующей армии руководителям думских фракций и ряду членов Госсовета. Крымов завершил свой доклад заявлением: «Настроение в армии такое, что *все* с радостью будут приветствовать известие о перевороте. <…> Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим». Маловероятно, что Крымов именно так говорил на столь большом собрании, но возможно, что он выразил эту мысль в более осторожной форме. Отметим, что Крымов не предлагал устроить переворот силами военных и даже не намекнул на существование в армии какой-либо организации. Он говорил от имени «всех» и обещал поддержку лидерам Думы, которые и должны были решиться не на заговор, а на открытое выступление против царя. Напомним, что в декабре Думу к этому призывали и представители либеральных организаций: Дума должна была открыто сформировать правительство без согласия царя. Родзянко рассматривал это предложение как призыв к перевороту и ответил Крымову: «Я никогда не пойду на переворот. … Я присягал. … Если армия может добиться отречения – пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждениями, но не насилием». Отметим, что Родзянко объяснил нежелание участвовать в заговоре не только присягой, но и указанием на то, что после дворцового переворота может разразиться неуправляемая революция: «Вы не учитываете, что будет после отречения царя»[365].

В январе 1917 г. «охранка» постоянно предупреждала о возможной революции[366]. Мощную политическую стачку ожидали 9 января, в годовщину «Кровавого воскресенья». Она действительно оказалась мощной, несмотря на предварительные аресты активистов левых партий: в столице на 144 пред-

---

364 Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту... С. 95–96.

365 Родзянко М. В. Крушение империи. Ленинград. Прибой. 1929. С. 205–206.

366 Блок А. Последние дни императорской власти. М.: Захаров. 2005. (переиздание известной книги, вышедшей в 1921 г. в Петрограде в из-ве «Алконост»). С. 22–32.

приятий бастовало от 150 до 200 тыс. рабочих[367]. Но стачка закончилась мирно. Это успокоило власти, хотя разрозненные стачки продолжались в городе и стране весь январь и февраль.

С начала января царь все чаще получал неприятные известия из частей действующей армии. На Северном фронте в XII армии 17-й сибирский стрелковый полк отказался идти в наступление и выдвинул требование введения «конституционного правления с ответственным министерством». К нему присоединились части войск II и VI сибирских корпусов. Затем восстала 14-я дивизия и стала отступать, увлекая 3-ю дивизию. По приговору полевого судом 92 человека были расстреляны, сотни солдат сосланы на каторгу[368]. Множились случаи отказа солдат выступать против рабочих в тылу.

На таком фоне Николай решил продлить новогодние каникулы думских депутатов до 14 февраля, что породило слухи о том, что он более их не соберет. Такие планы рассматривались, поскольку летом 1917 г. истекал срок полномочий действующей Думы. О роспуске Думы как решенном деле царь писал жене в декабре, рассуждая о том, когда следует отправить в отставку премьера Трепова. Николай хотел «вытолкать его после того, как он сделает грязную работу <…> дать ему отставку после того, как он *закроет* Думу»[369]. Правые советовали царю Думу распустить и изменить избирательный закон так, чтобы в новую Думу Николай мог *назначать* депутатов из широкого круга кандидатов, избранных напрямую от разных сословий[370]. Фактически предлагался новый государственный переворот, аналогичный третьеиюньскому 1907 г., когда царь в нарушение Основных законов империи самовольно изменил избирательный закон, разогнав II Государственную думу.

Родзянко имел основание верить слухам о роспуске Думы, поскольку глава правительства князь Голицын неофициально показал ему три подписанных царем указа без проставленной даты опубликования. Первым был указ о полном роспуске Думы и назначении новых выборов, второй – о роспуске до окончания войны, третий – о роспуске на неопределенное время[371]. На встрече с царем 10 февраля Родзянко предложил другой вариант:

---

[367] Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т.2. М.: Политиздат. 1992. С. 22–24.

[368] Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2000. С. 625.

[369] Переписка Романовых. Т. 5. М.–Л.: Госиздат, 1927. С. 192.

[370] Блок А. Последние дни императорской власти... С. 129.

[371] Там же.

продлить полномочия IV Думы, дать «правительство доверия» и тем предотвратить назревающую революцию. Председатель Думы позволил себе угрожать царю последствиями отказа: «Государь, … я убежден, что мы видимся в последний раз, потому что вы хотите распустить Думу. … Я вас предупреждаю, я убежден, не пройдет и трех недель с этого дня, как вспыхнет революция, которая сметет вас, и вы уже царствовать не будете. Я предупреждаю вас, государь»[372]. Царь ответил: «Мои сведения совершенно противоположны, а что касается настроения Думы, то если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как прошлый раз, то она будет распущена»[373].

В назначенный срок 14 февраля Дума начала работу в напряженной ситуации. Дело в том, что меньшевики-оборонцы, отражая растущее недовольство рабочих, выдвинули идею устроить в день открытия Думы массовое шествие рабочих к Таврическому дворцу с радикальными требованиями. Милюков, фактический глава Прогрессивного блока, испугался, что выступление рабочих в поддержку Думы с такими требованиями даст царю предлог ее распустить. Он опубликовал письмо, в котором убеждал рабочих этого не делать. Против шествия к Думе выступили и левые социалисты (большевики, левые крыло эсеров и меньшевиков), которые были против поддержки думских либералов, поскольку те выступали за продолжение войны до победы и являлись сторонниками сохранения монархии в той или иной форме. Большевики попытались вывести рабочих на улицы 10 февраля (в годовщину суда над депутатами-большевиками, сосланными в Сибирь за антивоенную позицию) и направить их к Казанскому собору – традиционному месту политических митингов. Разногласия среди социал-демократов способствовали срыву обеих акций: большинство рабочих не пошли ни к Казанскому собору, ни к Таврическому дворцу. 14 февраля к Думе пришло мало народу, но почти 90 тыс. петроградских рабочих в этот день бастовали.

На таком фоне либералы решили еще раз обратиться к царю с призывом дать «правительство доверия». Лидеры Прогрессивного блока внесли на рассмотрение депутатов Думы обращение, адресованное правительству, но на деле предназначенное для царя. Основная идея обращения заключалась в следующих словах: «Война требует от государственной власти такого *авторитета* и такой силы, которые дали бы возможность этой власти *проводить*

---

[372] Падение царского режима. Т. 7. М.– Л.: Госиздат, 1927. С. 165.

[373] Родзянко М. В. Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. 17. С. 167.

в жизнь меры, затрагивающие народную жизнь во всей ее глубине. Для того, чтобы власть действительно имела такой авторитет и силу, необходимо, прежде всего, чтобы люди, управляющие страной, были *признанными вождями* нации, затем, чтобы люди эти были объединены друг с другом общностью понимания очередных задач управления и, наконец, чтобы понимание это встречало поддержку страны и законодательных учреждений»[374]. Это был открытый призыв Думы к созданию «министерства доверия» для осуществления программы Прогрессивного блока.

Левые фракции требовали более радикальных действий, намекая на необходимость формирования нового правительства без согласия царя. Керенский в своей речи 15 февраля заявил, что «исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима *немедленно, во что бы то ни стало*», и прямо указал на невозможность бороться с властью только законными средствами: «Как можно законными средствами бороться с тем, кто сам закон превратил в орудие издевательства над народом?». Он обвинил либералов в лояльности царю и так объяснил ее причины: 1) «вы … не хотите подчинить ваших экономических социальных интересов … интересам всего целого»; 2) «вас объединяет еще одна идея, это идея империалистического захвата»[375]. Керенский, говоря о войне, заявил, что «настал момент для ликвидации … этого европейского конфликта … на началах права на самоопределение всех национальностей». Он требовал, чтобы правительство «в ближайший срок» сформулировало «те минимальные требования, на основании которых, не подвергая опасности интересы страны, могло бы быть произведено заключение мира»[376]. Царица предлагала повесить Керенского за такую речь[377].

Царь заколебался и 20 февраля сказал Голицыну о своем намерении поехать в Думу и объявить о создании нового правительства. Родзянко получил эти сведения и ожидал приезда царя в Думу 23 февраля, но 22 февраля Николай II неожиданно уехал в Ставку[378].

---

[374] Стенографический отчет. Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия V. Заседание 19. 14.2.1917. Столбец 1286.
[375] Там же. Заседание 20. 15.2.1917. Столбец 1353, 1355–1356.
[376] Там же. Столбец 1357.
[377] Переписка Николая и Александры Романовых. Том V. М.–Л.: Госиздат, 1927. С. 215.
[378] Родзянко М. В. Крушение империи… С. 220.

Отъезд не был просто легкомысленной акцией. Царь понимал опасность революционного взрыва и пытался обезопасить столицу и Царское село, где находилась его семья. В начале февраля был создан особый Петроградский военный округ, независимый от командования Северного фронта, и отданы приказания о переброске верных частей в столицу и Царское село. Однако присылка верных войск задерживалась. И одной из задач поездки царя в Ставку было ускорить переброску надежных частей в столицу. Была и еще одна веская причина: в 1915 г. царь взял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, отправив на Кавказ прежнего главкома вел. князя Николая Николаевича, и в отличие о последнего царь мало времени проводил в Ставке, что вызывало в войсках неблагоприятные слухи. К 22 февраля он уже более двух месяцев находился в столице, точнее в Царском селе. Не исключено, что Николай решил просто потянуть время в надежде, что Дума не решится на какие-то шаги накануне большого наступления, которое союзники наметили на весну 1917 г. Успех наступления мог укрепить позиции царя. Историк В. С. Дякин видел в расчете царя на весеннее наступление «ключ к его тактике в январе–феврале»[379]. Перед отъездом Николая в Ставку Протопопов уверил его в том, что в столице все спокойно и беспокоиться не о чем[380]. Какими бы мотивами не руководствовался царь, отказ пойти на встречу Прогрессивному блоку не позволял ликвидировать «кризис верхов», который делал опасным любой протест со стороны «низов».

Иное решение было вполне возможным. Следует подчеркнуть, что согласие на создание «правительства доверия», которое потребовали депутаты на заседании от 14 февраля, не означало потери царем контроля над правительством, поскольку он сохранял право назначать министров. Этот шаг позволял выиграть время до весеннего наступления и в принципе открывал Николаю большую свободу для маневров. Бывшие думцы, ставшие министрами по воле царя и несущие груз ответственности за порученный участок работы в стране, охваченной кризисом, быстро растеряли бы свой оппозиционный пыл, что доказал опыт с назначением октябриста Протопопова министром внутренних дел. Фракции октябристов и кадетов, которые и должны были поставить своих министров в правительство, оказывались перед необходимостью их поддерживать и брать за них ответственность. Часть думцев явно

---

[379] Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л.: Наука, 1967. С. 287.

[380] Воейков М. Н. С царем и без царя. М.: Воениздат, 1995. С. 217 .

этого боялась, учитывая нарастающий экономический кризис, который принимал острую форму продовольственного.

Опасности быстрого превращения «правительства доверия» в «ответственное» (перед Думой) министерство практически не было. В этом плане показателен ответ, который 5 января дал Родзянко младшему брату царя Михаилу: «Все просят только твердой власти, и ни в одной резолюции не упоминается об ответственном министерстве. Хотят иметь во главе министерства лицо, облеченное доверием страны. Такое лицо составит кабинет, который будет ответствен перед царем»[381]. Впрочем, Родзянко говорил царю и об «ответственном министерстве», но трактовал его таким образом: «… власть ваша останется незыблемой. Только ответственность будет лежать не на вас, а на правительстве, а вы по-прежнему будете утверждать законы, распускать законодательные учреждения и решать вопросы войны и мира» (прием у царя 24 июня 1916 г.) [382]. Отметим, что у царя был и еще один вариант, который позволял создать иную версию «ответственного министерства». Ее предлагал Протопопов: речь шла о предоставлении Думе права привлечения министров к суду, т. е. о судебной ответственности министров. По свидетельству начальника петербургской охранки К. И. Глобачева, царь подписал такой указ для опубликования на Пасху, 2 апреля 1917 г. [383].

Нельзя забывать о том, что думские либералы и монарх были едины в двух важнейших вопросах: 1) не допустить революции «снизу»; 2) довести войну до победы. Это открывало путь к компромиссам с царем в случае его готовности хоть как-то уступить думцам. Решение царя не ехать в Думу стало шагом на пути к революции и во многом предопределило все последующие его решения и судьбу.

1.2. Кровавое воскресение как сигнал к восстанию

Как часто бывает, долго ожидаемое событие, которое все не приходит, застает врасплох в момент, когда оно совершилось. Февральские события начались 23-го числа (в международный день 8 марта по новому стилю) в форме стихийных выступлений работниц Выборгского района столицы.

---

[381] Родзянко М. В. Крушение империи... С. 209.

[382] Там же. С. 166–167.

[383] Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 60.

Мирные демонстрации. На этот день питерские социал-демократы планировали проведение на предприятиях митингов в обеденный перерыв, не ставя задачи перевести их в массовое движение. Напротив, даже самая радикальная большевистская организация накануне приняла решение о недопустимости преждевременных выступлений[384]. Большевики планировали мощные акции на 1 мая, о чем знала и полиция от своих осведомителей.

Однако с утра на Выборгской стороне возникли стихийные бунты женщин, возмущенных нехваткой ржаного хлеба в лавках. Протест, возникший на фоне многодневных продовольственных трудностей, был подхвачен рабочими. Важную роль сыграл локаут, объявленный администрацией Путиловского завода рабочим, которые требовали увеличить зарплату. Путиловцы вышли на улицу и обратились за поддержкой к рабочим других заводов. К 17 часам на Невском проспекте уже стояли тысячи демонстрантов, среди них много женщин, которые требовали «Хлеба!». Таким образом, события начались как «хлебный бунт». О такой опасности охранка докладывала заранее: «С каждым днем продовольственный вопрос становится острее … если население еще не устраивает “голодные бунты”, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем: озлобление растет, и конца его росту не видать»[385]. Почему не прислушались к такому предупреждению? Приведем свидетельство градоначальника А. П. Балка: «Голода не было. Достать можно было все, а к хвостам привыкли»[386].

Столкнувшись со стихийным выступлением рабочих, левые партии (большевики, меньшевики и эсеры) решили их поддержать. При этом рядовые социалисты часто действовали по своей инициативе на своих фабриках и заводах, не имея возможности координировать усилия.

24 февраля рабочие многих заводов не приступили к работе и после кратких митингов на предприятиях вышли на улицы. Днем бастовало уже около 200 тыс., более половины от общего числа рабочих столицы. На Знаменской площади состоялся многотысячный митинг, который казаки разгонять отказались, поскольку он носил мирный характер, и *ни одна из партий не призывала к оружию и восстанию*. Глава Русского Бюро ЦК большевиков

---

[384] Крушение царизма. Воспоминания участников революционного движения в Петрограде. Л.: Лениздат, 1986. С. 237.

[385] Блок А. (составитель). Последние дни императорской власти… С. 36.

[386] Балк А. П. Последние пять дней царского Петрограда (23–28 февраля 1917 г.) // Альманах «Сумерки». СПб. 1991. Кн. 13. С. 133–134.

А. Г. Шляпников особо подчеркивал необходимость мирной пропаганды среди солдат и объяснял, что даже одиночные выстрелы в солдат могли «только спровоцировать какую-либо воинскую часть, дать повод властям натравливать солдат на рабочих»[387].

Массовый и мирный характер событий 24 февраля воодушевил рабочих, и на следующий день, в субботу 25 февраля, стачки охватили практически все заводы. Демонстрации приобрели еще больший размах. Появились красные флаги с надписями «Долой войну». По данным градоначальника Балка, в стычках с полицией и войсками в этот день было убито четыре и ранено 12 чел.[388]. В числе убитых был полицейский пристав – ротмистр Крылов, который жестоко разгонял митинг на Знаменской площади. По одной из версий он был зарублен подхорунжим 1-го Донского полка М. Г. Филатовым, полным георгиевским кавалером.

Большевики выпустили листок с призывом «Все на борьбу! На улицу!», подчеркивая, что «отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции в других странах». Листок призывал к созданию на заводах комитетов, которые должны были стать основой для городского Совета рабочих депутатов. Заканчивался листок лозунгами: «Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует восьмичасовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Да здравствует Всероссийская всеобщая стачка! Долой войну!»[389].

26 февраля – воскресенье, нерабочий день, и можно было ожидать продолжения и завершения митингов и демонстраций. Власти надеялись, что трех дней хватит, чтобы рабочие выпустили накопившийся гнев, и дальше они успокоятся, поскольку были приняты меры для того, чтобы покончить с нехваткой хлеба. Надеялись и на то, что массовые аресты (более 100 человек) активистов левых партий, включая четырех членов ПК большевиков и сестру Ленина А. И. Ульянову-Елизарову, ослабят движение.

Расстрел. Однако события развивались по другому сценарию. В субботу в 5 часов вечера 25 февраля генерал С. С. Хабалов, командующий Петроградским военным округом, направил в Ставку следующую телеграмму: «Доношу, что 23 и 24 февраля вследствие недостатка хлеба на многих заво-

---

[387] Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х кн. Т. 2: Семнадцатый год. Кн. 1–2. М.: Республика, 1992. С. 92.

[388] Балк А. П. Последние пять дней царского Петрограда. С. 141.

[389] Листовки петербургских большевиков 1902–1917 гг. Т. 2. Л.: Госполитиздат, 1939. С. 250.

дах возникла забастовка; 24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В средине дня 23 и 24 февраля часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана... Сегодня, 25 февраля, попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками. <…> В подавлении беспорядков кроме петроградского гарнизона принимают участие пять эскадронов девятого запасного кавалерийского полка из Красного Села, сотня лейб-гвардии сводно-казачьего полка из Павловска и вызвано в Петроград пять эскадронов гвардейского запасного кавалерийского полка»[390].

Находившийся в Ставке Николай II, получив эти сведения, вечером отправил генералу Хабалову ответ: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией»[391]. Такой приказ шокировал Хабалова, который надеялся, что февральские митинги в столице закончатся мирно, как они закончились месяцем раньше в годовщину 9 января. Он уже объявил, что те рабочие, которые не приступят к работе во вторник, будут отправлены на фронт. Однако повеление царя носило категоричный характер: завтра же прекратить беспорядки. Вечером 25 февраля Хабалов огласил телеграмму Николая на совещании начальников участков военной охраны и дал инструкции: «…Если толпа малая, если она не агрессивная, не с флагами, то вам в каждом участке дан кавалерийский отряд – пользуйтесь кавалерией и разгоняйте толпу. Раз толпа агрессивная, с флагами, то действуйте по уставу, т. е. предупреждайте троекратным сигналом, а после троекратного сигнала – открывайте огонь»[392]. Утром он выпустил объявление о том, что всякое скопление и «проявление беспорядка будет подавляться силой оружия»[393].

Днем 26 февраля солдаты вели стрельбу по демонстрантам на Знаменской площади, у Казанского собора и в районе Литейного. По сведениям, поступившим к градоначальнику, было убито 50 человек и около 100 ранено[394]. Воскресный день 26 февраля – *второе издание «Кровавого воскресе-*

---

390 Красный архив, 1927. № 2 (21). С. 4–5.
391 Падение царского режима. Т 1. Л.: Госиздат, 1924. С. 190–191.
392 Там же.
393 Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 5.
394 Балк А. П. Последние пять дней царского Петрограда... С. 146.

ния»: вновь *по приказу царя* состоялся расстрел мирных демонстраций, и вновь расстрел стал началом революции.

Как оценить решение царя? Почему оно было принято? Нет сомнений в том, что Николай руководствовался опытом 1905 г., когда гвардейские полки без колебаний расстреляли мирную демонстрацию рабочих в Петрограде, а затем подавили все попытки вооруженных выступлений в городах, армии, на флоте и в деревне, включая крупное декабрьское восстание в Москве. И после 1905 г. царь всегда применял вооруженную силу, когда считал нужным, и в целом кадровая армия была ему верна, несмотря на отдельные случаи восстаний в армии и на флоте. Царь помнил, что в октябре 1905 г. он подписал Манифест, о чем позже жалел как о допущенной слабости.

Такую же позицию занимала и царица, которая сильно влияла на мужа. 22 февраля она направила супругу, уезжавшему в Ставку, письмо следующего содержания: «<…> будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским! <…> дай им теперь почувствовать порой свой кулак. Они сами просят этого – сколь многие недавно говорили мне: «Нам нужен кнут». Это странно, но такова славянская натура – величайшая твердость, жестокость даже и – горячая любовь». Двадцать четвертого февраля царица, получив известия о том, что в столице «бедняки брали приступом булочные», вновь наставляет мужа: «Все жаждут и умоляют тебя проявить твердость»[395].

Царь, выбрав «кнут», явно не учел, что за годы мировой войны от прежней кадровой армии мало что осталось. В Петрограде в феврале 1917 г. находились уже не гвардейские полки кадровой армии, а их запасные батальоны, в которых готовили пополнения из новобранцев, отнюдь не рвавшихся умирать на непонятной народу войне. В определенной степени царя дезориентировала телеграмма Хабалова, из которой следовало, что все привлеченные им войска исполняют приказы командования и разгоняют демонстрации. Получив такие сведения, царь потребовал более решительных действий и в короткий срок: «завтра же прекратить <…> беспорядки». А это означало стрелять по толпе в случае неповиновения приказам разойтись. Двадцать шестого февраля солдаты выполнили приказ царя, но уже в этот день произошли первые случаи неповиновения: четвертая рота запасного батальона Павловского

[395] Переписка Николая и Александры Романовых. 1916-1917. Том V. С. 208, 215, 218.

полка открыла огонь по отряду конных городовых. Роту разоружили, и 19 «зачинщиков» были отправлены в Петропавловскую крепость[396].

Солдатский бунт. Вечером солдаты Волынского полка, которые вели стрельбу по демонстрантам на Знаменской площади, где было более всего убитых, клянутся больше не стрелять. Важно отметить, что инициаторами были не новобранцы, а унтер-офицеры, вернувшиеся с фронта и пережившие ужасы войны. Вот свидетельство одного из участников рядового К. И. Пажетных: «Унтер-офицер Кирпичников прочитал нам приказ – завтра снова построить команду в 7 часов утра. В это время в темном отдаленном уголке казармы собрались восемнадцать человек – более активных рядовых, несколько взводных и отделенных командиров из нижних чинов, горячо обсуждали положение, и все восемнадцать бесповоротно решили: завтра повернем все по-своему! <…> 27 февраля в 6 часов утра команда в 350 человек уже была построена. Выступил Кирпичников, обрисовал общее положение и разъяснил, как нужно поступать и что надо делать. Агитации почти не потребовалось <…> все бойцы изъявили твердое согласие поддержать рабочих <…> в своих стрелять не будем»[397]. Волынцы отказались подчиняться офицерам, убили одного из них. В военное время это был акт, который отрезал солдатам путь назад. И они с оружием вышли из казарм, расположенных по Виленскому переулку недалеко от Таврического дворца, привлекая на свою сторону солдат других частей, чьи казармы располагались поблизости. Так началось восстание солдат, которое превратило мирные демонстрации рабочих в вооруженную борьбу за свержение прежней власти – в революцию. Восставшие солдаты вышли на Литейный, а затем пошли в самый революционный район столицы – Выборгский. Там они соединились с рабочими и вместе с ними пошли к Таврическому дворцу, где заседала Дума. По дороге захватили тюрьму «Кресты», освободив большую группу политических заключенных. Этот акт стал своего рода «штурмом Бастилии» и подтвердил наступательный характер действий восставших. В течение дня были захвачены Арсенал, Главпочтамт, вокзалы, мосты и другие важные пункты столицы. В 20 часов генерал Хабалов сообщил царю: «исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей одни за другими изменили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. …

---

[396] История Гражданской войны в СССР. Т. 1... С. 64.

[397] Там же. С. 66–67.

Оставшиеся верными долгу весь день боролись против мятежников, понеся большие потери. К вечеру мятежники овладели большей частью столицы»[398]. Так закончился для восставших день 27 февраля – первый день Февральской революции.

Петросовет. Февральская революция была *стихийной* в том плане, что накануне ни одна из партий не ставила перед собой задачи поднять массы на борьбу за власть именно в эти февральские дни. Однако сразу после стихийного начала социалисты сумели повести за собой рабочих и солдат. Важнейшим органом взаимодействия социалистов, рабочих и солдат в дни революции стал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет). Временный исполком Петросовета был создан уже днем 27 февраля думскими депутатами-меньшевиками Скобелевым и Чхеидзе, которые предложили заводам послать в Таврический дворец своих представителей. Отсутствие в Думе депутатов-большевиков позволило меньшевикам взять на себя руководящую роль[399]. Вечером в Таврическом дворце началось собрание, на котором доминировали беспартийные активисты, выдвинувшиеся в эти дни[400]. Был избран постоянный Исполком Петроградского Совета рабочих депутатов. Председателем Исполкома стал Н. С. Чхеидзе, товарищами председателя были избраны М. И. Скобелев и А. Ф. Керенский. В состав Исполкома Петросовета вошли члены Русского бюро ЦК большевиков А. Г. Шляпников и П. А. Залуцкий, которые, памятуя о партийных решениях периода первой русской революции, выдвинули лозунг формирования Временного революционного правительства, опирающегося на рабочих и крестьян. Однако большинство депутатов Петросовета поддержали позицию Чхеидзе, который исходил из того, что для успеха революции необходим авторитет Думы. Петросовет принял воззвание «К населению Петрограда и России», в котором так формулировалась основная политическая задача: «*Все вместе, общими силами* будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв

---

[398] Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 15–16.

[399] Напомним, что шесть депутатов-большевиков, которые представляли все крупные промышленные губернии страны (Петербург, Москва, Владимир, Харьков, Екатеринослав, Кострома), были сосланы на вечное поселение в Сибирь за антивоенную пропаганду. Трое из семи депутатов-меньшевиков представляли Закавказье, а остальные были избраны от Таврической, Уфимской, Иркутской губерний и от Донской области.

[400] По подсчетам ленинградского историка Ю. С. Токарева лишь десятая часть депутатов была партийной. См.: Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте–апреле 1917 г. Л.: Наука, 1976. С. 120–125.

Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего равного, прямого и тайного избирательного права»[401].

Подводя итоги рассмотренным событиям, отметим, что в своей начальной фазе они носили стихийный и мирный характер. Социал-демократы (большевики, меньшевики, межрайонцы) примкнули к стихийному движению и способствовали его развитию, не выкидывая лозунгов превращения демонстраций в вооруженное восстание. События вполне могли закончиться так, как закончились мощные, но мирные и кратковременные стачки протеста в годовщину 9 января. Однако *приказ царя о расстреле коренным* образом изменил ситуацию. Стихийной реакцией на пролитую кровь мирных демонстрантов стал солдатский бунт, который сразу слился с рабочими демонстрациями. Связь солдатского бунта с рабочим движением придала событиям революционный характер.

После расстрела вопрос о сохранении Николаем трона фактически был снят с повестки дня. Против царя решительно выступил Петросовет. В то же время Петросовет отказался от того, чтобы претендовать на создание новой революционной власти и уступил это право более авторитетному в глазах страны и армии органу – Временному комитету, который 27 февраля в первый день революции создала Государственная дума.

1.3. Дума берет власть

В воскресенье 26 февраля на фоне стрельбы по демонстрантам Родзянко днем направил царю телеграмму: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано ... Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя»[402]. Вечером премьер Голицын по телефону сообщил Родзянко указ царя «о перерыве занятий Государственной думы с 26 февраля». Текст указа был подписан «задним числом» 25 февраля и гласил: «занятия Государственной Думы и Государственного Совета прервать 26-го февраля сего года и назначить срок их возобновления в зависимости от чрезвычайных обстоятельств». Формально решение принял Совет министров, и нет свидетельств, что Голицын действовал по указанию Николая, но трудно предположить, что он мог принять столь важное решение без такого указания. Спешность решения понятна: после стрельбы в народ

[401] Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. № 1. 28 февраля. С. 1.
[402] Известия (Комитета петроградских журналистов). 1917. 27 февраля.

нельзя было дать Думе возможность публично обсуждать это событие. Обсуждение могло закончиться призывом к общенациональной политической стачке наподобие стачки в октябре 1905 г.

Около 10 часов воскресного вечера Родзянко направил начальнику Штаба верховного главнокомандующего генералу М. В. Алексееву и главнокомандующим фронтами генералам А. А. Брусилову, Н. В. Рузскому и А. Е. Эверту пространную телеграмму, призвав военачальников поддержать перед царем его призыв сменить правительство. В телеграмме говорилось: «Волнения, начавшиеся в Петрограде, принимают стихийный характер и угрожающие размеры. Основы их – недостаток печеного хлеба и слабый подвоз муки, внушающий панику, но, главным образом, полное недоверие к власти, неспособной вывести страну из тяжелого положения. На этой почве, несомненно, разовьются события, сдержать которые можно временно, ценою пролития крови мирных граждан, но которых при повторении сдержать будет невозможно. Движение может перебросится на железные дороги, и жизнь страны замрет в самую тяжелую минуту». Родзянко обрисовал и общую ситуацию в стране: «Железнодорожное сообщение по всей России в полном расстройстве. На юге из 63 доменных печей работают только 28, в виду отсутствия подвоза топлива и необходимого материала. На Урале из 92 доменных печей остановилось 44, и производство чугуна, уменьшаясь изо дня в день, грозит крупным сокращением производства снарядов. Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением. Правительственная власть находится в полном параличе. <…> России грозят унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю необходимым и единственным выходом из создавшегося положения *безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна* и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения. <…> Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно»[403].

В понедельник 27 февраля в 12 часов Родзянко, имея сведения о бунте волынцев, но не представляя масштабов событий, собрал Совет старейшин Думы, который принял решение подчиниться указу царя о роспуске. Предложения А. Ф. Керенского и меньшевика Н. С. Чхеидзе выступить против

[403] Красный Архив 1927. Т. 2 (21). С. 5–6.

указа и открыть официальное заседание Думы не прошли. В 12.40 Родзянко отправил царю телеграмму о том, что «занятия Государственной Думы указом вашего величества прерваны до апреля» и тем самым «последний оплот порядка устранен». Далее он сообщал, что в городе «запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом», «убивают офицеров» и констатировал: «Гражданская война началась и разгорается». Родзянко просил царя: «Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену вашего высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. ... Завтра может быть уже поздно»[404]. Таким образом, и в условиях начавшейся революции лидеры думского большинства продолжали прежнюю линию: *просили* царя *назначить* новое правительство.

Решение Совета старейшин было объявлено депутатам, и часть из них покинула Таврический дворец. Часть осталась и за пределами зала заседаний открыла *частное совещание*, на котором вновь были выдвинуты и отвергнуты предложения открыть официальное заседание и выступить против указа царя. Думцы решили выждать, формально не нарушая указа.

Однако ход событий быстро лишил депутатов такой возможности. Днем тысячи солдат подошли к Таврическому дворцу и потребовали от Думы возглавить движение народа. Отказать – значит потерять доверие. Либералы это понимали, но провозгласить Думу властью и сформировать правительство лидеры Думы не решились. Вновь был использован институт «частного совещания», которое высказалось за то, чтобы избрать *Временный комитет членов Государственной Думы* (ВКГД). Важно обратить внимание на слово «*члены*» в названии Комитета. Оно означало, что Комитет не создавался как орган Думы, что было бы нарушением указа, а только как орган, в который входят некоторые члены Думы, взявшие на себя скромные функции: «*для возобновления порядка и для сношения с лицами и учреждениями*». В состав Временного комитета вошли лидеры Прогрессивного блока во главе с председателем Думы Родзянко, а также лидеры левых фракций в лице трудовика Керенского и меньшевика Чхеидзе. Такой состав придавал созданному органу серьезный вес. Фактически впервые в Думе был заключен союз между фракциями либералов и социалистов.

[404] Красный Архив 1927. Т. 2(21). С. 6–7.

Правый депутат В. В. Шульгин вспоминает, что Родзянко долго не решался возглавить Временный комитет: «Я не бунтовщик, никакой революции не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались». Шульгин убедил Родзянко следующим образом: если «все обойдется – государь назначит новое правительство – мы ему и сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие. Те, которые уже выбрали каких-то мерзавцев на заводах»[405]. Слова «государь назначит новое правительство» весьма показательны. Они стали еще одним свидетельством того, что либеральные депутаты Думы не рассматривали свой Временный комитет в качестве революционного правительства, созданного в нарушение действовавших законов.

Несмотря на юридические уловки со стороны лидеров Прогрессивного блока, создание ВКГД сразу было *воспринято массами* как согласие Думы возглавить революцию, как переход власти в ее руки. Такому пониманию событий способствовали журналисты, которые поздно вечером 27 февраля от имени Комитета петроградских журналистов выпустили листок «Известия». В нем сообщалось о том, что Совет старейшин Государственной Думы, «ознакомившись с указом о роспуске, постановил: Государственной Думе не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах». Таким образом, получалось, что Совет старейшин отклонил царский указ. Более того, журналисты сообщали, что Родзянко днем передал «делегации от 25 тыс. восставших солдат … следующее единогласно принятое постановление совета старейшин: *основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой»*[406]. Так журналисты сделали Совет старейшин инициатором открытого неповиновения указу царя. Впоследствии Родзянко и Милюков опровергали факт принятия таких решений. Журналисты, скорее всего, изложили свое понимание того, о чем договорились лидеры фракций на *частном совещании* депутатов Думы, и того, что говорил Родзянко, выступая днем перед возбужденной толпой солдат и студентов, которые ждали от него решительных слов.

Все это было уже неважно. Столица, а затем и вся страна, узнали, что Дума царю не подчинилась и создала свой орган власти. Такое восприятие действий Думы имело огромное значение и для сторонников и для противни-

---

[405] Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М.: Новости, 1990. С. 457.

[406] Известия (Комитета петроградских журналистов). 1917. 27 февраля.

ков революции. Дума была политическим центром, в котором, несмотря на ущербный избирательный закон, были представлены все слои общества. Солдаты, пришедшие к стенам Таврического дворца, видели в Думе власть, которая превращает их действия из мятежа в законную акцию в защиту парламента, а действия защитников самодержавия теперь превращались в незаконные в глазах новой власти. Именно поэтому серьезного сопротивления революции к вечеру 27 числа в Петрограде уже не было, хотя большинство частей гарнизона еще занимали выжидательную позицию.

Поздно вечером в условиях, когда прежнее правительство фактически самоустранилось, Родзянко, узнав о готовности офицеров Преображенского полка поддержать ВКГД, подписал Обращение к народу, в котором говорилось: «Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной маразмом старого правительства, нашел себя вынужденным *взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка*. Сознавая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и Армия помогут ему в трудной задаче *создания нового правительства*, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться доверием его»[407]. Таким образом, хотя формально ВКГД не объявлял себя правительством, он уже открыто взял на себя определенные властные функции по восстановлению государственного порядка. Утром 28 февраля обращение Родзянко стало широко известно, и уже никто не сомневался в том, что власть перешла в руки лидеров Государственной думы. Члены ВКГД или их эмиссары стали устанавливать контроль над правительственными учреждениями, не встречая противодействия[408]. Важно отметить, что эти действия ВКГД были поддержаны Петросоветом, который первым опубликовал Обращение ВКГД.

С утра 28 февраля части столичного гарнизона одна за другой переходят на сторону ВКГД. Немногие защитники царя к 2 часам прекратили сопротивление. На следующий день ВКГД, ссылаясь на отсутствие правительства, более определенно заявил о переходе *власти* в свои руки, но не решился сделать последний шаг – объявить о создании *правительства* без санкции царя. В 6 утра 1 марта Родзянко отправил высшим чинам армии и флота телеграмму, в которой говорилось: «Временный Комитет членов Государственной

---

[407] Известия Петроградского Совета Рабочих Депутатов. 1917. № 1. 28 февраля. С. 2.

[408] См. об этом: Николаев А.Б. Государственная Дума и Февральская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года // Февральская революция. СПб.: Лики России. 2014. С. 212–213.

думы сообщает вашему высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета министров правительственная власть *перешла* в настоящее время к Временному Комитету Государственной думы»[409]. Вскоре Родзянко отправил вторую телеграмму, адресованную всем чинам армии и флота. В ней говорилось: «Временный Комитет членов Государственной думы, взявший в свои руки создание нормальных условий жизни и управления в столице, приглашает действующую армию и флот сохранить полное спокойствие и питать полную уверенность, что общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено. … Пусть и со своей стороны каждый офицер, солдат и матрос исполнит свой долг и твёрдо помнит, что дисциплина и порядок есть лучший залог верного и быстрого окончания вызванной старым правительством разрухи и создания новой правительственной власти»[410]. Отметим, что в этой телеграмме прямо не заявлялось о переходе *государственной власти* в руки ВКГД и говорилось о создании «новой правительственной власти» как о перспективе. Иными словами, ВКГД упорно уклонялся от принятия статуса революционного правительства, несмотря даже на то, что в этот день послы Франции и Великобритании уведомили М. В. Родзянко о том, что они вступают в отношения с ВКГД от имени своих правительств[411].

Проведенный анализ показывает, что в действиях лидеров Думы накануне и в первые дни революции не было ничего, что могло бы позволить трактовать их как реализацию некого тайного заговора, ибо *изначальная* цель – добиться от царя согласия на создание «правительства доверия» – была открыто поставлена задолго до революции, и думцы даже в условиях начавшейся революции добивались этой цели, используя только законные возможности. Взятие Временным комитетом Думы власти в свои руки было обусловлено давлением восставших масс и самороспуском царского правительства. Тем не менее решение думцев создать Временный комитет, который возглавил председатель Думы, и который представлял собой блок либералов и социалистов, имело определяющее значение для успеха революции.

Это была власть, против которой царь не мог поднять действующую армию. Против Думы не были готовы пойти ни офицеры, ни солдаты. Однако

---

[409] Красный Архив. 1927. Том 2(21). С.36.

[410] Опубликована во многих газетах страны под заглавием «Обращение к войскам». См.: Сибирская жизнь. Экстренный выпуск. 1917. 3 марта.

[411] Биржевые ведомости. 1917. 3 марта.

ни 28 февраля, ни 1 марта лидеры Думы не были уверены в том, как поведет себя армия, получив известия о событиях в столице. Именно поэтому они стремились действовать так, чтобы формально не нарушать законов империи и не закрывать пути для компромисса с царем.

1.4. Царь и генералы в дни Февраля

Что же происходило в эти дни в Ставке и на фронте? Генералы и офицеры русской армии задолго до февральских событий знали о требованиях лидеров Думы дать стране «правительство доверия». Большинство считали это правильным, хотя немногие из высших чинов были готовы открыто поддержать требование думцев перед царем. Одним из таких немногих был генерал А. А. Брусилов, который еще осенью 1916 г. через вел. князя Георгия Михайловича довел до царя свое мнение о том, «что в такое время, какое мы переживаем, правительству нужно не бороться с Государственной думой и общественным мнением, … что не только можно, но и необходимо дать ответственное министерство». Брусилов писал, что после 1905 г. он понимал неизбежность новой революции, но хотел «лишь одного: дать возможность закончить эту войну победоносно для России, а для сего было совершенно необходимо, чтобы неизбежная революция началась по окончанию войны, ибо одновременно воевать и революционировать невозможно»[412].

Известно, что М. В. Родзянко и А. И. Гучков в силу своего должностного положения не раз общались с начальником штаба верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым и другими высшими военачальниками, высказывали свое мнение о ситуации в стране и встречали определенное сочувствие. Однако нет фактов, которые уличали бы М. В. Алексеева или какого-либо другого крупного военачальника в действиях, которые можно оценить как нарушение присяги царю. Выступить против царя действующая армия была не готова и не выступила.

Главнокомандующие фронтами, получив в ночь на 27 февраля телеграмму от Родзянко с просьбой поддержать перед царем идею создания «правительства доверия», действовали открыто и в рамках военной дисциплины. Генерал Брусилов, главнокомандующий Юго-Западным фронтом, уже в 1 час ночи 27-го первым прислал в Ставку для доклада царю свой ответ: «По верноподданнейшему долгу и моей присяге государю императору

[412] Брусилов А. А. Мои воспоминания. М. Воениздат. 1983. С. 220, 222.

считаю себя обязанным доложить, что при наступившем грозном часе *другого выхода не вижу*»[413]. Одновременно Брусилов послал ответную телеграмму Родзянко: «Вашу телеграмму получил. Свой долг перед родиной и Царем исполнил»[414]. Генерал М. В. Алексеев утром доложил царю ночную телеграмму Родзянко, ответ Брусилова и поддержал позицию последнего. Днем прислал свой ответ генерал А. Е. Эверт, главнокомандующий Западным фронтом: «Я – солдат, в политику не мешался и не мешаюсь». Вечером царь получил телеграмму от главнокомандующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского: «дерзаю всеподданнейше доложить вашему величеству соображение о крайней необходимости принятия срочных мер, которые могли бы успокоить население и вселить в него доверие и бодрость духа ... для продления дальнейшего упорства в борьбе с врагом. Позволяю себе думать, что при существующих условиях меры репрессий могут скорее обострить положение, чем дать необходимое длительное умиротворение»[415]. Рузский также сообщил Родзянко о том, что его «поручение исполнил»[416].

Итак, генералы Алексеев, Брусилов и Рузский, подтвердив свою верность присяге, высказали Николаю II мнение о том, что ему следует назначить правительство из лиц, которым доверяет страна. Отметим, что указанные генералы, вопреки субъективному мнению некоторых историков, не участвовали ни в каких масонских организациях. Царь в совете военачальников измены не видел, чувствовал себя уверенно и направил премьеру Голицыну телеграмму: перемены в составе правительства «при данных обстоятельствах считаю … недопустимыми»[417].

Однако вечером 27 февраля из Питера приходят уже панические телеграммы с просьбой прислать войска, и царь отдает приказ отправить в столицу батальон георгиевских кавалеров во главе с генералом Н. И. Ивановым, придав ему в помощь надежные части и пулеметные команды с Западного и Северного фронтов. Иными словами царь вновь принимает решение о силовом подавлении революции, которое логически вытекало из предыдущего приказания Хабалову расстрелять мирные демонстрации в столице. Важно подчеркнуть, что генералы Алексеев, Эверт и Рузский немедленно делают

---

413 Красный Архив. 1927. Т. 2(21). С. 7.
414 Известия (КПЖ). 1917. 27 февраля.
415 Красный Архив. 1927. Т. 2 (21). С. 13.
416 Известия (КПЖ). 1917. 27 февраля.
417 Красный Архив 1927. Т. 2 (21). С. 11–12, 13.

необходимые распоряжения об отправке надежных войск в Петроград. Все телеграммы, которыми обменивались военачальники в эти дни, сохранились. Они ясно показывают их лояльность[418].

В 1 час ночи уже наступившего 28 февраля царь получил телеграмму от жены: *«Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революции. Аликс»*[419]. Никто из сторонников версии об измене не думает обвинять в этом царицу, которая, с задержкой в несколько часов, пришла к тому же выводу, что и генералы Брусилов, Алексеев, Рузский. Однако и после этого царь не готов уступить. Он принимает решение самому выехать в Царское Село утром 28 числа, рассчитывая опереться на карательный отряд Н. И. Иванова.

Дальнейшие события зависели от успеха или неуспеха карательной миссии Н. И. Иванова. Его батальон покинул Могилев 28-го в 10 часов утра и вечером уже проехал Витебск, двигаясь по варшавско-петроградской линии. Далее продвижение замедлилось, так как днем 1 марта начальники железнодорожных станций, которые имели свою телеграфную сеть, получили телеграмму инженера-путейца думского депутата А. А. Бубликова, что власть в столице перешла в руки Государственной Думы. Именно из этой телеграммы страна узнала о случившейся революции[420]. Приказа об остановке войск, следующих на Питер, в телеграмме не было, но служащим и рабочим железных дорог стало понятно, зачем идут войска в столицу, и они начитают тормозить это движение. Тем не менее вечером 1 марта Н. И. Иванов со своим отрядом прибывает в Царское Село, где получил телеграмму от генерала Алексеева, посланную еще в ночь на 1 марта. Алексеев советовал Иванову не торопиться применять силу, поскольку из Питера поступили сведения, говорящие о возможности найти компромисс с Думой, «дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу» [421]. Алексеев просил передать это царю, который тоже должен был уже добраться до Царского села, двигаясь другим маршрутом по Николаевской железной дороге.

Однако царь до Царского села не добрался. Рано утром 1 марта в Малой Вишере он получил сведения о том, что Любань занята революционными

---

[418] Красный Архив 1927. Т. 2 (21)… С. 8–29.

[419] Цит. по: Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Книга III. С. 176–177.

[420] Красный Архив 1927. Т. 2(21). С. 33.

[421] Там же. С. 32.

войсками, и приказал повернуть в Псков, в штаб Северного фронта, куда и прибыл к вечеру. И здесь его ожидали телеграммы из Ставки от Алексеева и от командующих фронтами, позиции которых менялись в течение первого мартовского дня под воздействием меняющейся обстановки.

В первой половине дня 1 марта начальник штаба Ставки генерал Лукомский имел информацию о том, что войска на Питер идут исправно: «Согласно полученных донесений, из числа войск, отправленных 1) с Северного фронта – Лугу прошли 3 эшелона, 4 эшелона находятся между Лугой и Псковом, остальные между Псковом и Двинском; 2) с западного фронта – прошли Полоцк 4 эшелона 2-го Донского казачьего п., прочие эшелоны этого полка и 2-й Павлоградский гусарский полк – между Полоцком и Минском. Посадка в Минске закончена. Из Сенявки отправлено 5 эшелонов, осталось отправить 2 эшелона»[422]. Слаженное движение эшелонов на Питер определило реакцию командующих на полученную ими утром 1 марта упомянутую телеграмму Родзянко о том, что правительственная власть перешла в руки ВКГД[423]. Никто из высших военачальников не выразил Временному Комитету своей поддержки. Более того, около 11 часов дня Алексеев отправил Родзянко телеграмму, в которой заявил, что «высшие военные чины и армия в массе *свято исполняют долг перед царем* и родиной согласно присяге», и потребовал от Родзянко «оградить армию от вмешательства … недопустимого по нашей военной организации и принесенной присяге», прямо указав на «ваши телеграммы ко мне и к главнокомандующим, а также распоряжения, отдаваемые по железным дорогам театра военных действий»[424]. Одновременно Алексеев направляет телеграмму царю, предложив ему сделать выбор: «Если Ваше Величество считает невозможным идти путем уступок Думе, то необходимо установление военной диктатуры и подавление силой революционного движения»[425]. Таким образом, Алексеев в первую половину дня был готов давить восстание в Петрограде, возглавляемое Думой.

Днем ситуация изменилась: Алексеев получил известие о том, что Москва и московский гарнизон признали власть ВКГД, а затем пришло известие о том, что и Балтийский флот «с согласия командующего флотом пере-

---

422 Красный Архив. 1927. Том 2(21). С. 60.

423 Там же. С. 36–37.

424 Там же. С. 44.

425 Дегтярев А. Я. Генерал Алексеев: трагедия без триумфа // Наше Наследие. 2014. № 110.

шел на сторону Временного комитета»[426]. Это означало, что войска надо отправлять против обеих столиц, и посланные с фронта части получат отпор со стороны многотысячных гарнизонов Москвы и Петрограда и моряков Балтфлота, вставших на сторону ВКГД. Следовательно, страна окажется в состоянии кровавой гражданской войны. В 4 часа дня Алексеев, оценив ситуацию, просит царя пойти на уступки: «Подавление беспорядков силою при нынешних условиях … приведет Россию и армию к гибели»[427].

К концу дня 1 марта стал ясен и провал карательной экспедиции. Помимо батальона Иванова из всех посланных с фронта полков только один 68-й Тарутинский полк достиг предписанного пункта и находился на станции Александровская вблизи Царского села. Все остальные части находились западнее рубежа Луги. Ни солдаты, ни офицеры не торопились двигаться на Петроград, получая от железнодорожников сведения о победе революции, а железнодорожники в свою очередь получали приказы не пропускать военные эшелоны на Петроград. Таким образом, в армии царь столкнулся не с открытым восстанием, а с тихим саботажем. Сведения о том, что во главе событий в Петрограде стоит Дума, побуждали офицеров занять выжидательную позицию, а солдаты во многих случаях открыто радовались известию о революции, связывая с ней надежды на перемены к лучшему.

В ночь на 2 марта Алексеев прислал царю еще одну телеграмму, предлагая немедленно издать Манифест о даровании «ответственного министерства», возложив образование его на Родзянко: «Поступающие сведения, – докладывает Алексеев, – дают основание надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти. Но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует *захвату власти крайними левыми элементами*»[428].

И только теперь царь соглашается. Вначале он попытался ограничиться согласием на формирование «министерства доверия» во главе с Родзянко, оставив себе право назначать министров иностранных дел, военного и морского. Однако Рузский убедил царя согласиться на министерство, ответ-

[426] Красный Архив. 1927. Том 2(21). С. 40.
[427] Там же.
[428] Там же. С. 53–54.

ственное перед Думой[429]. К 3 часам утра 2 марта царь решил объявить соответствующий Манифест, вернуть отряд Иванова в Ставку и прекратить движение к столице других частей с Западного и Северного фронтов[430].

По поручению царя генерал Рузский в 3 часа утра связался по прямому проводу с Родзянко и информировал его о принятых царем решениях. Однако тот отклонил идею «ответственного министерства» как запоздалую, указав, что в Петрограде «династический вопрос поставлен ребром», и «грозное требование отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становится определенным требованием». Позиция Родзянко отражало то решение, которое было принято накануне вечером на заседании членов ВКГД и Исполкома Петросовета. После расстрела отречение Николая было неизбежным. Более того, с трудом прошло решение о регентстве Михаила, так как Петросовет в принципе выступал против сохранения монархии. Утром генерал Рузский доложил результаты переговоров с Родзянко царю и генералу Алексееву. В 10 часов утра Алексеев направляет эту информацию всем главнокомандующим фронтами и просит высказать свое мнение непосредственно царю. Главкомы приходят к выводу, что царь должен отречься. Ознакомившись с их мнением, царь соглашается на отречение[431].

Действия Алексеева и главнокомандующих фронтами 1 и 2 марта логично вытекали из меняющейся обстановки. Еще утром 1 марта они четко выполнили все указания по отправке войск в Петроград, а Алексеев предлагал царю установить военную диктатуру. После того как стали известны события в Москве и на Балтфлоте, генералы высказались сначала за введение «ответственного министерства», а затем, когда Родзянко потребовал отречения царя, высказались за отречение. Принятое главнокомандующими решение было рациональным и отвечало национальным интересам, хотя и ущемляло интересы Николая II: оно спасало Россию от начала гражданской войны. Генералы не действовали по предварительному сговору. Никто из них не был масоном. Нет в их действиях и измены. Решение об отречении принимал сам царь. Николай II имел возможность не согласиться с мнением главнокомандующих. В частности, он мог отстранить Рузского и назначить другого командующего Северным фронтом и сам повести войска на Петроград. Царь

---

[429] Куликов С. В. Отречение Николая II // Февральская революция. СПб. Лики России, 2014. С. 390.

[430] Красный Архив. 1927. Том 2(21). С. 55, 60.

[431] Там же. С. 67–70.

этого не сделал, понимая риск такой операции. Она создавала опасность для семьи царя, находившейся в Царском селе, прежде всего для царицы, которую многие оппозиционеры считали виновницей всех бед.

В своем Манифесте Николай II назвал в качестве причин отречения те самые соображения, которыми руководствовались генерал Алексеев и командующие фронтами. Царь написал: «в эти решительные дни в жизни России, почли мы *долгом совести* облегчить народу НАШЕМУ тесное *единение и сплочение* всех сил народных для скорейшего достижения победы».

Боясь за судьбу сына, а также, видимо, стремясь сделать свое решение юридически неправомерным, царь передал трон брату Михаилу. Он отрекся за себя и за сына, не имея прав на последнее. Такое решение давало возможность Алексею заявить о претензиях на трон при благоприятных условиях. Однако из этого плана ничего не вышло. Великий князь Михаил, видя вооруженных солдат и рабочих на улицах столицы и зная о негативном отношении Петросовета к сохранению монархии, отказался принять трон до решения Учредительного собрания. Таким образом, монархия как институт пала не в результате заговора, а в результате давления рабочих и солдат Петрограда, которые получили поддержку страны.

Вечером 2 марта царь не только подписал Манифест об отречении, но и указ о назначении князя Львова главой правительства. Он сделал это по просьбе приехавших в Псков А. И. Гучкова и В. В. Шульгина, посланцев ВКГД. Сама эта просьба весьма показательна. Пришедшие к власти либералы хотели получить и получили от царя легальную основу для формирования Временного правительства и консолидации власти. То, как они распорядились этой властью, уже другая история.

Вывод. Проведенный анализ показывает, что Февральская революция была динамичным процессом из серии этапов, каждый из которых становился промежуточным результатом взаимодействия различных сил, а затем этот результат превращался в базу для дальнейшего развития событий. На практике история революции представляла собой цепочку следующих основных решений: отказ царя создать «правительство доверия» – расстрел мирных демонстраций рабочих – солдатский бунт как реакция на пролитую кровь – согласие Думы возглавить этот бунт – согласие Петросовета признать приоритет Думы – отказ действующей армии давить власть, созданную Думой.

Очевидно, что на каждом этапе действия главных «акторов» революции (царя, либералов, социалистов, рабочих и солдат) могли быть разными и по-

родить разные последствия. В конечном счете роль субъективного фактора на каждом этапе была решающей.

1.5. Историография

В отечественной исторической науке существуют три основные трактовки истории Февраля, которые в разных вариантах разрабатывались историками на протяжении прошедшего столетия. Рассмотрим их применительно к теме и задачам нашего исследования.

В ***советской историографии*** доминировала трактовка, согласно которой Февральская революция была обусловлена неспособностью старого строя выдержать тяготы первой мировой войны, обострившей все ключевые проблемы, нерешенные первой русской революцией и после ее поражения. Эта трактовка опиралась на концепцию «кризиса самодержавия», который в годы войны привел к формированию революционной ситуации. При этом советские историки мало внимания уделяли анализу персональной деятельности Николая II и его решениям о расстреле демонстраций и роспуске Думы. Эти решения трактовались как вполне естественные, отвечающие природе самодержавной власти и личности последнего царя. Февральские дни в основном трактовались с акцентом на действия большевиков, рабочих и солдат. Роль партии большевиков как организатора и руководителя масс в дни Февральской революции преувеличивалась.

Действиям либеральной буржуазии уделялось меньше внимания. Ее роль в революции преуменьшалась, но не отрицалась. Дело в том, что Ленин в марте 1917 г. выдвинул версию о *двух потоках*, которые привели к быстрой победе революции: «Если революция победила так скоро <…>, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, <…> *совершенно различные* потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К° к захвату власти в *интересах продолжения империалистской войны* <...>. Это – с одной стороны. А с другой стороны – глубокое пролетарское и массово-народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера *за хлеб, за мир, за настоящую свободу*»[432]. Версия «двух потоков» предполагала признание роли ли-

[432] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16–17.

бералов в победе революции. Отметим, что эта версия у Ленина переплеталась с версией о «двух заговорах». Первым был упомянутый заговор думских либералов и лидеров Антанты с целью провести верхушечный переворот и продолжить войну, а второй – тайные переговоры царя с Вильгельмом с целью заключить сепаратный мир с Германией и тем предотвратить революцию. Слухи о таком плане царя широко ходили в России и за рубежом[433].

Довольно быстро версия о «двух потоках» стала отходить на второй план, уступая первый план версии о «двух заговорах». Эту тенденцию отразил первый том «***Истории гражданской войны в СССР***» (1935 г.). В нем так описаны события Февральской революции: «Два заговора – оба с целью предупредить революцию – созрели; участники их спешили выполнить свои планы без помощи масс и до того, как разберется во всей этой политике народ. Но революция опередила и удар самодержавия, и дворцовый переворот: пока буржуазия и самодержавие возились друг с другом, на улицу против них вышли рабочие и крестьяне, ненавидевшие и буржуазию и царизм». Под крестьянами понимались солдаты столичного гарнизона. Выступление солдат 27 февраля трактовалось как ответ на расстрел, устроенный 26-го по приказу царя: «озлобление солдат против своих командиров нарастало с каждым новым залпом». Авторы делали акцент на *совместные* действия рабочих и солдат: «Удар старому режиму нанесла не стачка. Самодержавие было сокрушено совместным выступлением рабочих и примкнувших к ним солдат». В результате «произошло непосредственное слияние неорганизованного солдатского бунта с революционным пролетарским движением. … *Движение превратилось в революцию*, вооруженной рукой свергающую царизм»[434].

И. И. Минц. В 1960-е гг. своего рода официальная концепция Февральской революции была изложена академиком И. И. Минцем в первом томе его трехтомного труда «Истории Великого Октября», изданного в юбилейном 1967 г. и переизданного без принципиальных изменений в юбилейном 1977 г. Автор строго следовал ленинским оценкам: поддержал версию о тайных попытках царя заключить сепаратный мир с Германией, равно как и версию о стремлении послов Антанты толкнуть лидеров Государственной думы на дворцовый переворот, несмотря на то, что эти версии не имели серьезных

---

433 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31... С. 15–16.

434 История гражданской войны в СССР. Том 1. М.: Огиз, 1935. С. 58, 63–64, 67.

документальных подтверждений. Историк писал об участии в заговоре и высших военных, хотя и эта версия была основана на слухах[435].

Начало революции Минц связал с событиями 23 февраля (8 марта по новому стилю) и подчеркнул роль большевиков в организации забастовок и митингов в этот международный женский день. Дальнейшие события он трактовал в рамках тезиса: «стачка стала перерастать в вооруженное восстание», подчеркивая роль рабочих, которые якобы и начали восстание под руководством большевиков, и принижая значение солдатского бунта, изменившего соотношение сил и ход событий. Переход солдат на сторону революции автор подает как результат большой работы, проделанной большевиками. Решению царя о расстреле мирных демонстраций автор посвятил всего пару строк, но отметил его роль. Автор практически игнорировал важную роль думских либералов в обеспечении быстрой победы революции по всей стране. Минц писал, что и после начала революции председатель Государственной думы М. В. Родзянко оставался «верноподданным лакеем, для которого династия и Россия были понятиями совпадающими и неразрывными» [436].

Э. Н. Бурджалов. Большой вклад в развитие советской историографии Февраля внес московский историк Э. Н. Бурджалов, автор книги «Вторая русская революция», которая также вышла юбилейном 1967 г. Он уделил особое внимание событиям 26 февраля, именуя их термином «Кровавое воскресенье». Однако автор также лишь упомянул приказ о расстреле, рассматривая его как естественный для Николая шаг, и описывал реакцию рабочих и большевиков, подчеркивая, что они не были сломлены расстрелом. Бурджалов признал стихийный характер и ключевое значение бунта учебной команды запасного батальона Волынского полка: «Движение солдат слилось с движением рабочих. Это был *переломный* пункт в развитии революции»[437].

Бурджалов более объективно, чем Минц, оценил деятельность либеральной буржуазии в дни революции. Он отнюдь не сделал из думских либералов организаторов революции, но показал ту важную роль, которую приобрела Дума 27 февраля, и объяснил ее позицией широких слоев народа:

---

[435] Минц И. И. История Великого Октября. В 3 т. 2-е изд. Т.1. Свержение самодержавия. М.: Наука, 1977. С. 394–400.

[436] Минц И. И. Указ. соч. С. 448–449, 451, 453, 457–458, 460, 479.

[437] Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М.: Наука, 1967. С. 48, 188.

«Новые социальные слои, впервые вступившие в революционную борьбу, видели в Государственной думе подобие *народного представительства, а в думских лидерах – борцов против царского режима*. Они рассматривали Думу *как центр*, с помощью которого можно наиболее безболезненным путем порвать с прошлым. Солдаты, нарушившие присягу царю и присоединившиеся к народу, хотели *получить одобрение своим действиям у этого "законного учреждения"*. Офицеры, присоединившиеся к солдатам, масса городского люда, поддержавшая восстание, стремились *санкционировать* свои выступления авторитетом *Думы*. Вот почему клич: "В Таврический дворец! К Государственной думе!" – встретил широкую поддержку в народных массах»[438]. Отметив, что роль центра революции Думе навязали непролетарские массы, историк признал, что Дума не отклонила этой роли: «Буржуазия вынуждена была *примкнуть* к революции и порвать с царским правительством, чтобы не погибнуть вместе с ним, а попытаться *использовать революцию в своих интересах*». Бурджалов сделал важный вывод о том, что «присоединение буржуазии *ускорило* победу революции. Оно внесло дальнейшее разложение в лагерь самодержавия и способствовало его … изоляции»[439].

В. С. Дякин. Известный ленинградский историк Дякин в том же юбилейном году выпустил монографию «Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны», в которой дал глубокий анализ «кризиса верхов» в канун Февральской революции. Помимо прочего, автор показал несостоятельность версий о заговорах либералов и послов Антанты как причине революции, поскольку они боялись, что заговор может скорее спровоцировать, чем остановить революцию[440]. Решение думских либералов возглавить революцию Дякин трактовал так же, как и Бурджалов: как вынужденное, сделанное под давлением восставшего народа, но тем не менее важное.

Р. Ш. Ганелин. В том же году ленинградские историки опубликовали монографию «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде». Она начиналась главами по истории Февральской революции, написанными Ганелиным. Концептуально он был близок к Дякину и Бурджалову, но, пожалуй, первым из советских историков подчеркнул роль стихий-

---

438 Бурджалов Э. Н. Указ. соч. С. 202.

439 Там же. С. 241.

440 Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л.: Наука, 1967. С. 304, 308, 310.

ного фактора: «В начавшемся движении, вызванном переплетением разных причин, элемент стихийности был выражен весьма ярко»[441].

В начале 1970-х гг. отказ от преувеличения роли большевиков и революционной зрелости пролетариата в дни революции нашел определенное отражение в сборниках «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» и «Свержение самодержавия», и встретил критику со стороны консервативного крыла историков. Критика получила поддержку официальных инстанций, что выразилось в специальном Постановлении Бюро Отделения истории АН СССР[442]. В 1976 г. вышла книга *Е. Д. Черменского* «Государственная дума и свержение царизма в России», которая отразила консервативный тренд. Отношение автора к роли либералов и к фактору стихийности в Февральской революции хорошо показывает фраза: «В то время как в Думе происходили бесплодные словопрения, *массы под руководством большевиков* начали революционный штурм царизма»[443].

Однако консервативный тренд не смог остановить процесс более объективной и всесторонней трактовки истории Февраля, который неуклонно нарастал в советской историографии Февральской революции.

В. И. Старцев. Известный ленинградский историк В. И. Старцев в 1984 г. издал книгу «27 февраля», в которой дал подробное изложение событий февральских дней. Помимо прочего, историк уделил внимание обстоятельствам принятия решения о расстреле. «Хабалов и Протопопов, – писал автор, – были уверены, что им удастся справиться с волнением без стрельбы», поскольку власти боялись нового 9 января в столице. Они также опасались дурного впечатления, которое расстрел произведет на действующую армию и на союзников, боялись и того, что «станут козлами отпущения для царского гнева»[444]. Историк реконструировал реакцию царя на события в Петрограде. Реконструкция доказывала личную ответственность царя за ре-

---

[441] Ганелин Р. Ш. Февральская буржуазно-демократическая революция в Петрограде // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л.: Наука, 1967. Кн. 1. С. 50.

[442] Об итогах обсуждения в Институте истории СССР изданных в 1970 году сборников «Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония» и «Свержение самодержавия» // Вопросы истории. 1972. № 8. С. 141–145.

[443] Черменский Е. Д. Государственная дума и свержение царизма в России. М.: Мысль, 1976. С. 14, 277, 279–280.

[444] Старцев В. И. 27 февраля 1917 года. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 120.

шение о расстреле[445]. Старцев показал и действия царя по организации карательной экспедиции, посланной на Петроград под командованием генерала Н. И. Иванова. Историк рисовал Иванова как сторонника уступок Думе, который постоянно говорил царю о том, что одной силы мало для того, чтобы погасить восстание[446]. В таком контексте становилась еще более очевидной ответственность царя за решение силой подавить революцию в условиях, когда самые преданные генералы говорили о необходимости пойти на уступки.

Старцев в числе первых советских историков ввел масонскую тему и отметил, что 27 февраля на заседании совета старейшин Думы именно «масонское ядро – Некрасов, Ефремов, Чхеидзе, Керенский – предлагало, чтобы Дума не подчинилась царскому указу о перерыве в ее работе до апреля, а официально продолжала бы свою сессию»[447]. И в дальнейшем именно эти лица толкали думских либералов влево.

Старцев подчеркнул роль Петросовета в победе революции, но так описал события, что становилась понятной и большая роль Временного комитета Государственной думы (ВКГД), созданного днем 27 февраля[448]. Из текста Старцева следовало, что именно весть о том, что во главе восстания стоит Дума, сделала нереальной попытку царя подавить революцию силой.

***

В постсоветской историографии существенное влияние приобрела *либеральная* концепция истории Февральской революции. В ней Февраль оценивается как демократическая революция, которая была *неоправданно* прервана в октябре 1917 г. радикальным крылом российских социалистов, использовавших тяготы мировой войны. При этом многие историки обратились к концепции П. Н. Милюкова, который признавал, что такой итог революции не был случайным, указывая на национальные особенности России, обусловившие слабость российского либерализма[449].

В год 90-летия революции на «круглом столе» на тему «Февральская революция 1917 г. в российской истории» А. Н. Медушевский оценил Февральскую революцию «как мощный рывок в развитии демократии», «первую массовую демократическую революцию XX в.», которая «породила целое

---

445 Старцев В. И. 27 февраля 1917 года... С. 121–126, 137.
446 Там же. С. 190–191.
447 Там же. С. 149.
448 Там же. С. 180.
449 Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1 – 3. София, 1921. С. 11–21.

направление революций данного типа», и отметил, что Февраль был «незавершенной», «оборванной» демократической революцией [450].

В юбилейном 2017 г. либеральная трактовка доминировала на крупных конференциях и в изданиях, приуроченных к столетней годовщине революции 1917 г. Однако следует отметить, что большинство современных историков предпочитают не делать четких оценок роли и значения как Февральской, так и Октябрьской революции в истории России.

Если обратиться к сюжетам нашей книги, то решению царя о расстреле мирных демонстраций по-прежнему уделялось мало внимания, много меньше внимания стали уделять действиям большевиков и социалистов в целом. А вопрос о роли либералов и, в особенности, роли Думы в истории Февраля стал одним из центральных. И в этом вновь можно усматривать некий возврат к концепции П. Н. Милюкова, который еще в 1917 г. выдвинул тезис о решающей роли Думы в победе революции. Выступая в Москве на Государственном совещании 14 августа 1917 г., он утверждал: «Неверно, что своей победой революция обязана неорганизованной стихии. Она обязана этой победой Государственной думе … объединившей весь народ, а не отдельные партии, и давшей санкцию перевороту»[451]. Этот же тезис Милюков развивал уже в качестве профессионального историка в своей книге «История второй русской революции». Он отмечал, что именно Дума «дала уличному и военному движению центр, дала ему знамя и лозунг, и тем превратила восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии»[452]. При этом Милюков отнюдь не утверждал, что думцы начали революцию, и вел речь именно о причине ее *победы*, повторяя во всех своих работах, что революция «победила с того момента, когда во главе ее стала не сила, а символ: законопослушная четвертая Дума» [453].

Ф. А. Гайда. Вопрос о роли либералов накануне и в период Февральской революции был рассмотрен историком Ф. А. Гайдой в книге «Власть и общественность в России. Диалог о пути политического развития (1910-

---

[450] См.: Февральская революция 1917 г. в российской истории // Отечественная история. 2007. № 5 С. 5, 10.

[451] Государственное совещание (9–15 августа 1917 г.). Стенограф. отчет. М.– Л. 1930, С. 128.

[452] Милюков П. Н. История второй русской революции... С. 39.

[453] Милюков П. Россия на переломе… С. 28.

1917)» [454], а также в ходе дискуссий, проходивших в Санкт-Петербурге в рамках ежегодных «Таврических чтений». Гайда убедительно обосновал тезис о том, что раскол элиты был важной причиной революции. При этом он точно определил суть предреволюционной Думы: «Государственная дума IV созыва являлась … *неотъемлемой частью третьеиюньской системы*. Избранная на основе закона 3 июня 1907 г., Дума была цензовым представительством и *порождением столыпинской контрреволюции*». Тем не менее автор показал, что «в последние месяцы перед Февральской революцией Государственная дума воспринимала себя и рассматривалась всей страной как *центр оппозиционных настроений*». Однако автор, излагая историю ключевых февральских дней, показал, что до 27 февраля Дума не принимала решений, адресованных «улице». В субботу 25 февраля Дума заседала лишь 49 минут, отклонила предложения А. Ф. Керенского принять формулу перехода с требованием отставки правительства, создания кабинета, «подчиненного контролю всего народа». При описании событий 27 февраля – 1 марта, автор скорее видит в ВКГД «революционера поневоле», чем орган, который стремился к развитию революции[455].

А. Б. Николаев. С этой точкой зрения не согласился петербургский историк А. Б. Николаев, который провел наиболее фундированное исследование роли Государственной думы в февральско-мартовские дни и издал целый ряд работ по этой теме[456]. В год столетия революции он обобщил свой труд в двухтомной монографии под провоцирующим названием «Думская революция»[457]. Его работы показали, что советская историографическая традиция, даже при самой радикальной ее трактовке, недооценивала реальную роль Думы в дни революции и ее вклад в победу. Николаев, говоря о радикальной трактовке роли Думы в советской историографии, сослался на доклад автора этих строк, сделанный на научной конференции «Россия в 1917 году. Новые

---

[454] Гайда Ф. А. Власть и общественность в России. (1910-1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

[455] Гайда Ф. А. Третьеиюньские бунтовщики: к вопросу о роли Государственной думы в Февральской революции // Таврические чтения – 2016. СПб.: ЭлекСис, 2017. С. 6–16.

[456] Николаев А. Б.: 1) Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; 2) Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 г. Монография. 2-е изд., доп. и перераб. СПб., 2005; 3). Государственная Дума и Февральская революция // Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. Февральская революция. Том 3. СПб. Лики России, 2014. 2-е издание, испр.

[457] Николаев А. Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017.

подходы и взгляды», организованной кафедрой русской истории РГПУ им. А. И. Герцена 19–20 января 1993 г. по инициативе и под руководством В. И. Старцева. В том докладе говорилось, что «единственным авторитетным политическим центром *в стране* в февральские дни являлась Государственная Дума; ее решающая сила, прогрессивный блок, был практически готов к формированию правительства и осуществлению государственной власти», что во второй половине дня 27 февраля «революционный процесс возглавили лидеры Государственной думы», создав Временный комитет (ВКГД). Отмечалось, что создание ВКГД объективно было революционным шагом, «*автоматически* превращавшим Думу в новую власть, в руководящий центр революции в глазах всего населения страны»[458]. Для автора доклада главным было то, что ВКГД был *воспринят* как штаб революции, а не то, что он *реально действовал* как такой штаб[459]. При этом докладчик считал, что он в радикальной форме излагает позицию, вытекавшую из трудов Бурджалова, Дякина и Ганелина 1960-х гг.

Николаев убедительно доказал, что ВКГД *не только воспринимался, но и сознательно действовал* как сила, которая двигала революцию вперед, как реальный центр и штаб революции, как орган власти, признанный фактически всей страной с момента получения известий о его создании.

Николаев отнюдь не отрицает решающей роли стихийного социального протеста низов, который и положил начало революции, признает ее глубокий социальный характер. Автор отмечает, что Дума «*втянулась*» в революцию, и вначале являлась «*одним из центров революции и штабов восстания в Петрограде*», а затем, опираясь на свой авторитет народного представительства, повысила свою роль и создала «*орган новой революционной и правительственной власти*» в лице ВКГД, присвоив себе «права власти верховной». На множестве примеров автор показал, что акции, совершаемые членами ВКГД или их эмиссарами, действовавшими от имени и по поручению ВКГД, убеждали население в том, что уже существует новая революционная власть, и Дума своим авторитетом избранного народом органа побуждала людей сделать выбор в пользу ВКГД. Действия ВКГД позволили быстро ре-

---

458 Калашников В. В. Проблема двоевластия в революционном 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды: сб. ст. СПб.: Третья Россия, 1993. Вып. 1. С. 18–21.

459 См. об этом: Калашников В. В. О роли Государственной думы в истории Февральской революции // Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии: сб. докл. межвуз. науч. конф. СПб., 27 ноября 2015 г. СПб., 2016. С. 163–178.

шить три важнейшие задачи: 1) парализовать сопротивление сил монархической контрреволюции в масштабе всей страны; 2) распространить революцию в провинции; 3) овладеть аппаратом государственного управления, заставить его работать в интересах новой власти без особых сбоев.

На первый взгляд такие оценки ведут к преуменьшению роли Петроградского Совета рабочих депутатов – второго штаба и центра революции. Однако Николаев сумел избежать этого дисбаланса, выдвинув новаторский тезис о «*думско-советском»* характере той власти, которая сформировалась в решающие февральские дни. На наш взгляд, этот тезис является важнейшим историографическим вкладом А. Б. Николаева. Более важным, чем обоснование революционного характера действий Думы. Богатый материал, который приводит Николаев в своих книгах, прекрасно доказывает важность «*думско-советского»* сотрудничества в истории первых дней революции. Это сотрудничество не было сотрудничеством равных партнеров, ибо только орган Думы имел *общенациональный* авторитет, что обеспечило «первенство думской власти над советской». Однако в столице в те дни роль Петросовета была не менее важной, чем роль ВКГД, и давление Петросовета на ВКГД во многом определяло позицию последнего.

Не со всеми конкретными оценками Николаева можно согласиться, но все споры с ним носят частный характер[460].

С точки зрения нашего исследования, следует подчеркнуть, что работы Николаева раскрывают принципиальную важность решения лидеров Государственной думы возглавить революцию как фактора, который принес Февральской революции быструю победу по всей стране.

Отметим, что в своем двухтомнике и в других монографиях Николаев рассматривал события Февральской революции, начиная с 27 февраля. События предшествующих дней получили освещение в работах других авторов.

Р. Ш. Ганелин. Особое внимание в этой связи заслуживает многолетняя работа над этими сюжетами, проведенная Р. Ш. Ганелиным. Ее итоговые результаты изложены в обширной главе в коллективной монографии «Фев-

---

[460] См., например: Калашников В. В. Государственная дума и Февральская революция / Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Часть 2. СПб.: ЭлекСис, 2017. С. 43–54; Lyandres S., Nikolaev A. The February Revolution and the State Duma in Recent Russian Historiography // Journal of Modern Russian history and historiography. 2016. № 9. P. 106–132; Узлова И. В. О роли Государственной Думы в истории Февральской революции: историографические заметки // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2019. С. 143–156.

ральская революция» (2014), опубликованной как третий том проекта «Первая мировая война и конец Российской империи». Историк подробно описал каждый день с 23 по 26 февраля, выявив характерные особенности. Автор отметил, что генерал Хабалов 25 февраля до приказа царя не хотел применять оружие против демонстрантов и надеялся на мирное окончание «беспорядков». Ганелин привел вечерний доклад руководителя Петроградской охранки Глобачева о том, что руководители движения «ввиду удачи дня решили продолжать свою тактику бунтарства, но определенного согласованного плана у них до сих пор еще все-таки выработано не было». Иными словами, автор показал, что правящие круги не ожидали никаких особых событий в виде попытки левых партий перевести мирные митинги в восстание с целью взятия власти, и таких планов у социалистов действительно не было, т. е. не было причин, которые хотя как-то могли оправдать решение о расстреле безоружных демонстрантов. Однако приказ царя не оставлял выбора и был передан войскам[461]. Ганелин показал растерянность министров на заседании правительства в ночь на 26-е, их неуверенность в успехе и правильности карательной акции. Автор подробно описал все обстоятельства расстрела демонстраций и привел свидетельство градоначальника генерала Балка о том, что стрельба дала необходимый результат: «стрельба войск по толпам, даже умеренная, произвела на улицу столь подавляющее действие, что можно было с уверенностью ожидать на следующее утро переход к успокоению столицы»[462]. Тем более неожиданным был бунт учебной команды Волынского полка, которая больше всех стреляла по демонстрантам на Знаменской площади. Ганелин подчеркнул стихийный характер солдатского бунта, видя в нем непосредственную реакцию солдат на стрельбу по безоружной толпе[463]. По нашему мнению, предложенная Р. Ш. Ганелиным трактовка событий этих февральских дней является наиболее точной.

Монархические трактовки истории Февральской революции получили распространение в постсоветский период не столько в научной литературе, сколько в публицистике. Но и среди профессиональных историков есть их сторонники. Февраль в монархической трактовке признается такой же «катастрофой», как и Октябрь, ибо он и открыл путь к Октябрю, прервав успеш-

---

[461] Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. Февральская революция. Т. 3. СПб. Лики России, 2014.. С. 112, 118.

[462] Первая мировая война и конец Российской империи... С. 140.

[463] Там же. С. 158.

ный ход российской истории в рамках традиционных ценностей и форм государственной жизни, закрепленных в известной триаде «Самодержавие, православие, народность». Непосредственные причины революции монархисты объясняли в рамках версии о заговорах (масонов, либералов, генералов), возникших еще в 1917 г., и поддержанных частью русских эмигрантов. У истоков версии стоял жандармский генерал А. И. Спиридович, который изложил ее в трехтомном опусе «Великая война и Февральская революция»[464]. Определенную академическую солидность версии придал Г. М. Катков[465].

В самых крайних формах взгляды монархистов на историю Февраля пропагандировал эмигрантский писатель Иван Солоневич, который взялся «развеять великую и бесстыдную ложь о февральской народной революции». Его концепция революции заключена в следующих фразах: «Самое занятное то, что в феврале 1917 года никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор. Заговор был организован: а) земельной знатью, при участии или согласии некоторых членов династии – тут главную роль сыграл М. Родзянко; б) денежной знатью – А. Гучков и в) военной знатью – ген. М. Алексеев». По мнению Солоневича, «в этом предательстве *первая скрипка*, конечно, принадлежит *военным*. Этой измене и этому предательству нет никакого оправдания. И даже нет никаких смягчающих вину обстоятельств: предательство в самом обнажённом его виде»[466]. Отметим, что автору даже не приходит мысль задать самому себе вопрос: что же это был за царь, против которого во время тяжелейшей войны выступила вся земельная, денежная и военная знать?

В. М. Лавров. Идеи Солоневича оказались востребованными в постсоветский период и оказали влияние даже на некоторых академических историков. В 2007 г. на ранее упомянутом круглом столе в ИРИ РАН на тему «Февральская революция 1917 г. в российской истории» историк В. М. Лавров так объяснил причины падения самодержавия: «Русское православное самодержавие зашаталось тогда, когда оскудела и превратилась в формальность православная вера, … когда сотворили идолов из серебряных и золотых рублей, из демократии и социализма, из соответствующего им «прогресса». … Одновременно имелась и такая причина, которую можно назвать из-

---

464 Спиридович А. И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, кн. 3. 1962.

465 Katkov G. Russia, 1917. The February Revolution. London, 1967.

466 Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля. М.: 2007. С. 8–12, 68.

меной высшего генералитета и ряда известных политиков»[467]. Естественно, что вопрос, почему «оскудела и превратилась в формальность православная вера» Лавров не ставил и на него не отвечал. Он как бы забыл, что официальная церковь всегда защищала и оправдывала власть и порядки в царской России, в том числе и крепостное право, при котором помещики обращались с крепостными, хуже, чем со скотом. Русский крестьянин чаще всего был искренним христианином, но именно поэтому он не мог не понимать того, что светские и церковные власти грубо нарушают все заповеди Христа. Реакцией на эту ситуацию было распространение в русских губерниях разных сект и форм «старообрядства», которое сегодня некоторые историки считают чуть ли не главной силой в Русской революции, что, конечно же, явное преувеличение[468]. О том, насколько была авторитетна РПЦ среди крестьян, говорят результаты выборов в первые составы Государственной думы. Крестьяне предпочитали избирать явных или скрытых социалистов, а не попов. В первой Думе из 499 депутатов было избрано всего 16, а во второй Думе 20 священников. Нельзя отрицать и того, что московское купечество, наиболее оппозиционное Николаю II, имело глубокие старообрядческие корни. Так что официальное православие уже давно не обеспечивало стабильность монархического строя.

А. Н. Боханов. Историк А. Н. Боханов оценил Февраль как победу идеологии «государственного отщепенства», которая «никаких задач не решила и никаких идей не осуществила, потому что те задачи и те идеи, которыми руководствовались ее лидеры и поводыри, были фальшивыми»[469]. По его версии получается, что все слои российского общества были настолько глупы, что не понимали «ценность» самодержавия и шли за фальшивыми «поводырями». В своей книге о последнем царе Боханов полностью обошел сюжет с приказом, который отдал царь генералу Хабалову о силовом подавлении мирных «беспорядков» в февральские дни 1917 г. Главную непосредственную причину солдатского бунта, который превратил мирные демонстрации рабочих в революцию, историк просто исключил из рассмотрения. Причины революции он трактует, соглашаясь с позицией царя: во всем виноваты думские либералы – «говоруны из Государственной Думы», которые «только и

---

[467] См.: Февральская революция 1917 г. в российской истории // Отечественная история. 2007. № 5. С. 4, 10.

[468] Пыжиков А. В. Грани русского раскола. М.: Концептуал, 2018.

[469] Февральская революция 1917 г. в российской истории… С. 6.

думают о министерских портфелях, клевещут на верных трону людей» и не могут понять, что «прежде всего надо одержать победу, а уж затем заниматься политическими реформами»[470]. Весьма своеобразно автор сообщает о решении царя 28 февраля «послать в Питер надежного генерала во главе преданных войск и восстановить там *спокойствие*». Боханов утверждает, что Николай думал о том, чтобы «в России не было братоубийственных столкновений», не упоминая о приказах придать карательному отряду Н. И. Иванова пулеметные команды с двух фронтов[471]. Судьба похода Иванова была решена по Боханову доброй волей царя, который отменил акцию «по установлению спокойствия». Почему Николай так поступил – автор не сообщает.

П. В. Мультатули. Как уже было отмечено, наиболее ярко монархическое направление представлено в работах П. В. Мультатули[472].

Обратимся к тому, как Мультатули трактует ключевой сюжет с историей второго «Кровавого воскресенья». Царя он оправдывает, вину возлагает на главнокомандующего Петроградским округом генерала С. С. Хабалова и на военного министра М. А. Беляева: «чёткое и недвусмысленное повеление Императора Николая II решительно подавить беспорядки в столице натолкнулось *на безволие* военных руководителей Петрограда, которые продолжали проводить время в бесплодных заседаниях, обсуждая проблему выпечки хлеба да сокрушаясь о том впечатлении, какое произведёт вид расстрелянных бунтовщиков на впечатлительных союзников»[473]. У автора даже мысли не возникает, что приказ царя носил преступный характер, поскольку народ имел право протестовать против ненужной ему войны и против царя, который втянул страну в эту войну.

Мультатули отвергает как «*несостоятельную*» мысль о том, что Февральский переворот стал следствием «стихийного выступления масс». Основную причину революции автор видит в деятельности «либерального общества», которое своей целью считало не победу над внешним врагом, а захват власти: «думская оппозиция, – пишет Мультатули, – в лице Прогрессив-

---

[470] Боханов А. Н. Николай II. М.: ЖЗЛ, 1997. С. 357.

[471] Там же. С. 359.

[472] Мультатули П. В.: 1) «Господь да благословит решение мое...»... Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб.: Сатисъ, 2002; 2) Кругом измена, трусость и обман. Подлинная история отречения Николая II. М.: Астрель. 2012; 3) Император Николай II и заговор 17-го года. Как свергали монархию в России. М.: Вече. 2013.

[473] Мультатули П. В. Кругом измена, трусость и обман… С. 99.

ного блока стремилась именно к *свержению монарха*, а не к поиску компромисса с ним. … цели оппозиции были направлены на одно – захват власти. <…> События февраля–марта 1917 г. и отречение императора Николая II от престола являлись *хорошо спланированным государственным переворотом*, подготовленным и осуществленным думской оппозицией при поддержке влиятельных промышленных кругов и представителей западных правительств. Однако переворот был бы невозможен, если бы его не поддержали Ставка верховного командования и главнокомандующие армиями фронтов. Неоспорима решающая роль Ставки в *заманивании* императора в Могилёв, затем в изменении маршрута его поезда, а затем в *фактической блокаде* и лишении его свободы передвижения в Пскове». Автор утверждает, что «Государь шёл навстречу оппозиции» и «был против роспуска» Думы[474].

Все элементы этой трактовки противоречат реальным событиям. Возьмем хотя бы тезис о «заманивании» царя в Могилев, а затем в Псков. Царь уехал в Могилев 22 февраля потому, что ему давно было надо ехать на фронт, в Ставку: будучи главнокомандующим, он уже больше двух месяцев находился вне Ставки, в Царском селе. Он уехал, а на следующий день в столице начались волнения на почве нехватки хлеба. По версии Мультатули царя в Ставку вызвал («заманил») генерал М. В. Алексеев, который был в контакте (сговоре) с председателем Думы М. В. Родзянко. Получается, что именно Родзянко стоял за хлебным бунтом в столице, сговорившись с Алексеевым и удалив царя из столицы. Однако хорошо известно, что Родзянко никак не мог стоять за этим бунтом, и Мультатули вынужден это признать: «Для Прогрессивного блока события февраля 1917 г. были неприятным сюрпризом. Государственная дума не руководила событиями с 23 по 26 февраля, и демонстрации проходили не под думскими лозунгами»[475]. По версии Мультатули эти события были «революцией Керенского и Чхеидзе», т. е. подготовленной социалистами в обход либералов. Но тогда получается, что Алексеев действовал в сговоре с социалистами: выманил царя, чтобы Керенский начал революцию. Причем она была настолько подготовлена, что началась сразу по сигналу о том, что царь уехал. Мультатули не выдвигает прямо такой абсурдной версии, но она вытекает из логики его построений.

---

474 Мультатули П. В. Кругом измена, трусость и обман… С. 8, 11.
475 Там же. С. 103.

Столь же нелепа версия о том, что царя «заманили» в Псков. На деле решение ехать в Псков, принятое царем утром 1 марта, было единственно возможным: царь, поезд которого шел в Петроград по Николаевской дороге, узнал, что Любань занята революционными войсками, и приказал повернуть в Псков, в штаб Северного фронта. И дальнейшие события определялись не тем, что царь приехал в Псков, а тем, что 1 марта революцию в Петрограде поддержали Балтфлот и Москва. Именно в этой или *только в этой* ситуации главнокомандующие фронтами стали просить царя пойти на уступки, чтобы избежать гражданской войны в стране в период мировой войны. Николай и сам уже осознавал невозможность идти на Петроград, гарнизон которого с пригородами насчитывал более 300 тыс. штыков, плюс войска в Финляндии, плюс Балтфлот, линкоры которого, подойдя к Петрограду, своими орудиями могли остановить любой карательный поход. И главное: не было карателей, готовых сложить головы за царя.

Подводя итоги краткому анализу историографии Февральской революции, сделаем вывод о том, что в последние годы важные результаты были получены при изучении роли Думы и совместной деятельности либералов и социалистов в решающие мартовские дни. Существенными плюсами в трактовке истории Февраля также стало признание важной роли стихийного фактора как в отношении движения рабочих и работниц Петрограда 23 февраля, так и в отношении солдатского восстания 27 февраля. Эти результаты позволили с еще большей убедительностью раскрыть закономерный и глубоко народный характер Февральской революции как события, обусловленного неспособностью Николая II накануне войны ослабить социально-экономические противоречия в российском обществе, а затем втянувшего страну в мировую войну, критически обострившую эти противоречия. В итоге была подтверждена и усилена та концепция истории Февральской революции, которая была создана в постсталинский период такими историками как Э. Н. Бурджалов, Р. Ш. Ганелин, В. И. Старцев и др.

ГЛАВА 2. ЛЕНИН: АПРЕЛЬСКИЙ КУРС

Весной 1917 г. вождь партии большевиков В. И. Ленин, получив известие о свержении самодержавия, принял самое ответственное решение в своей жизни, которое изменило судьбу России и оказало определяющее влияние на мировую историю XX века. Суть решения – нацелить партию большевиков на борьбу за власть в условиях начавшейся буржуазно-демократической революции для осуществления переходных шагов к социализму в России и стимулирования социалистической революции в Европе. Новая стратегия была изложена в «апрельских тезисах», ключевым из которых был следующий: «Своеобразие *текущего* момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»[476]. Ленинские тезисы стали неожиданными для большевиков, потому что прежняя стратегия предусматривала борьбу за установление диктатуры пролетариата и *всего* крестьянства для того, чтобы разрешить общедемократические задачи, не выходя за рамки буржуазной революции. Большевики считали невозможным немедленный переход к социалистической революции в силу отсутствия для нее социально-экономических и культурных предпосылок. Переход к социализму в России в обозримом будущем мыслился только в связи с возможностью получить помощь со стороны победившего пролетариата Европы. Весной 1917 г. Ленин назвал эту стратегию «старым» большевизмом и начал борьбу за ее преодоление. Новый курс был принят большевиками на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б).

В историографии апрельский курс Ленина является предметом неутихающих споров, которые относятся к истории *создания* и *принятия* нового курса и трактовки его *сути*. Дополнительную остроту сюжету придает вопрос об авторстве «апрельского курса», поскольку Ленин предложил большевикам концепцию, весьма похожую на ту, которую еще в 1905 г. создал Троцкий под названием концепции «перманентной» революции. В апреле 1917 г. в среде социал-демократов сразу возникла версия о том, что Ленин взял на вооружение концепцию Троцкого, которую ранее критиковал. Версия опровергалась советскими историками, но постоянно воспроизводилась в зарубежной историографии и нашла сторонников в постсоветской.

---

[476] Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Правда. 1917. 7 апреля.

2.1. Историография

Советская историография причин появления, сущности и истории принятия апрельского курса формировалась под влиянием внутрипартийной борьбы, которая шла в 1920-е гг. сначала между Сталиным, Зиновьевым и Каменевым с одной стороны, и Троцким – с другой, а затем между Сталиным с одной стороны, и упомянутыми лицами – с другой. Как известно, в этой борьбе победил Сталин, чья точка зрения и легла в основу советской историографии. Сталин отрицал приоритет Троцкого в создании теории непрерывной революции и утверждал, что Ленин уже в 1905 г. создал и руководствовался концепцией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. «Ленин, – писал Сталин, – еще в 1905 году … в своей брошюре "Две тактики" рисовал буржуазно-демократическую революцию и социалистический переворот, как два звена *одной цепи*, как *единую и цельную* картину размаха русской революции». Сталин утверждал, что Ленин критиковал Троцкого не за идею непрерывного развития революции, а за неправильное толкование роли крестьянства: «Ленин воевал … со сторонниками "перманентной" революции не из-за вопроса о непрерывности, ибо Ленин *сам стоял на точке зрения непрерывной революции*, а из-за недооценки ими роли крестьянства, являющегося величайшим резервом пролетариата, из-за непонимания идеи гегемонии пролетариата»[477]. Сталин обвинял Троцкого в «перепрыгивании» через этап демократической революции и утверждал, что Троцкий заимствовал свою теорию у А. Парвуса, который еще в январе 1905 г. бросил лозунг «Без царя, а правительство – рабочее». При этом Сталин умело ссылался на ряд оценок, сделанных Лениным, который до весны 1917 г. резко критиковал Троцкого: «Кому не известны, – писал Сталин, – неоднократные заявления Ленина о том, что лозунг Троцкого: "без царя, а правительство рабочее", является попыткой "перепрыгнуть через не изжившее себя крестьянское движение", что этот лозунг означает "игру в захват власти рабочим правительством"?»[478].

В свою очередь Троцкий лишь подчеркивал совпадение своих взглядов и взглядов Ленина в 1917 г., отмечая их различие в эпоху первой революции.

---

[477] Сталин И. Об основах ленинизма // О Ленине и ленинизме. Издание 2-е. Л.: Госиздат, 1925. С. 58–59, 62.

[478] Сталин И. В. Троцкизм или ленинизм // Соч. Т. 6. С. 335.

Он ни разу не заявил о том, что Ленин перешел на его позиции, но выдвинул тезис о «перевооружении» большевизма в апреле 1917 г.[479].

Краткий курс. В 1930-е гг. трактовка Сталина была закреплена в книге «История ВКП(б). Краткий курс». Там говорилось, что «ратуя за победу буржуазной революции и завоевание демократической республики, Ленин вовсе не думал застрять на демократическом этапе и ограничить размах революционного движения выполнением буржуазно-демократических задач». Авторы утверждали, что уже летом 1905 г. Ленин создал и руководствовался «новой теорией перегруппировки сил вокруг пролетариата к концу буржуазной революции для *прямого* перехода к социалистической революции – теорией *перерастания* (выделено авторами – *В. К.*) буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую»[480].

Авторы были правы в том, что Ленин летом 1905 г. сформулировал *общую теорию* перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он изложил ее в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», в которой ставил вопросы как общей теории развития революции в России, так и конкретной стратегии и тактики борьбы большевиков в условиях 1905 г. Общая теория перерастания гласила: «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»[481]. Однако Ленин не отождествлял *общую теорию* с конкретной стратегией борьбы большевиков в условиях 1905 г. и отрицал возможность «прямого перехода» к социалистической революции в случае победы демократической. В «Двух тактиках…» Ленин писал: «Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса. … И в ответ на анархические возражения, будто мы откладываем

---

[479] Троцкий Л. 1905. С. 285; его же. Новый курс. М.: Госиздат, 1922. С. 50, 52.

[480] История ВКП (б). Краткий курс. М.: Издательство ЦК ВКП (б) «Правда», 1938. С. 71.

[481] Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 90.

социалистический переворот, мы скажем: мы не откладываем его, а делаем первый шаг к нему единственно возможным способом по единственно верной дороге, именно по дороге демократической республики»[482].

Следовательно, авторы «Краткого курса» неправомерно отождествили ленинскую *теорию* перерастания с конкретной *концепцией* борьбы большевиков в условиях первой русской революции. Зачем они это сделали? Ответ очевиден: чтобы лишить Троцкого приоритета в создании *концепции* непрерывной революции и доказать необоснованность тезиса о «перевооружении» большевизма весной 1917 г.

История принятия апрельского курса толковалась как безусловная победа Ленина и Сталина: «*Вся партия,* – утверждали авторы, – за исключением нескольких одиночек типа Каменева, Рыкова, Пятакова, приняла тезисы Ленина с огромным удовлетворением. … Конференция единодушно пошла за Лениным, заняв четкую позицию по всем важнейшим вопросам»[483].

До смерти Сталина никто из советских историков и не помышлял о том, чтобы подвергнуть сомнению эту трактовку, а после XX съезда КПСС (февраль 1956) начался ее частичный пересмотр.

Э. Н. Бурджалов. Первая попытка ревизии «Краткого курса» в этом вопросе была предпринята историком Э. Н. Бурджаловым в статье «О тактике большевиков в марте – апреле 1917 года», опубликованной в 1956 г. на страницах журнала «Вопросы истории». В ней автор отверг тезис о том, что «еще до приезда В. И. Ленина партия, руководимая И. В. Сталиным, занимала правильную линию по важнейшим вопросам развития революции». Историк показал, что не только Каменев, но и Сталин поначалу отверг тезисы Ленина, и они были приняты в результате острой борьбы[484]. В то же время Бурджалов отверг «измышления» Л. Троцкого о том, что «будто в апреле 1917 г. произошло "идейное перевооружение" большевизма», подчеркнув преемственность апрельского курса и позиции, обоснованной в «Двух тактиках…»[485]. Несмотря на эту оговорку, позиция Бурджалова была встречена в штыки: его сняли с поста заместителя редактора журнала, где появилась редакционная статья, содержавшая следующие строки: «Наибольший урон научному осве-

---

[482] Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции… С. 16.
[483] Там же. С. 179, 183–184.
[484] Бурджалов Э.Н. О тактике большевиков в марте–апреле 1917 года // Вопросы истории 1956. № 4. С. 38, 39, 51, 52, 56..
[485] Там же. С. 50.

щению вопросов истории КПСС был нанесен статьями бывшего заместителя главного редактора журнала Э. Н. Бурджалова. В этих статьях под видом критики культа личности И. В. Сталина Э. Н. Бурджалов … пытался доказать, что якобы партия до возвращения Ленина в Россию *стояла, по существу, на полуменьшевистских позициях*…»[486].

После такой критики среди советских историков долгое время не находилось желающих пересмотреть сталинскую трактовку.

Тем не менее, во втором томе шеститомной ***«Истории Коммунистической партии Советского Союза***», изданном в 1966 г., ясно говорилось, что в 1905 г. Ленин выступал за победу демократической революции, которая «не затронула бы основ капитализма без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития»[487]. Хотя авторы повторяли сталинский тезис о «двух звеньях одной цепи» и говорили, что победа демократической революции в России должна была «подготовить почву для *непосредственного* перехода к социалистической революции»[488], общий контекст книги говорил о том, что в эпоху первой русской революции Ленин не ставил задачи борьбы за ее *непосредственное* перерастание в социалистическую. Теория Троцкого трактовалась в сталинском духе: «существо этой теории заключалось в игнорировании буржуазно-демократического этапа революции в России и отрицании революционной роли крестьянства в качестве союзника пролетариата»[489]. В третьем томе, изданном в 1967 г., авторы признавали, что «до возвращения Ленина из эмиграции деятели большевистской партии в самой России не смогли четко сориентироваться в новой, необычно сложной обстановке, сразу воспринять все ленинские выводы…». В то же время они утверждали, что и *до приезда* Ленина большевики «исходили из ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, из неизбежности социалистической революции в России»[490]. Авторы явно стремились преуменьшить глубину и трудность того поворота, который Ленин осуществил в партии в апреле 1917 г., и представить противников Ленина лишь одиночками в лице Каменева и Рыкова.

---

[486] Вопросы истории. 1957. № 3. С. 9.

[487] История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах. Т. 2. М.: Политиздат, 1966. С. 74.

[488] Там же. С. 77.

[489] Там же. С. 79.

[490] Там же. Т. 3. Кн. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 33–35, 58.

Вопрос о соотношении апрельского курса Ленина и концепции перманентной революции Троцкого в третьем томе не поднимался, но в примечании к сюжету, связанному с принятием «межрайонцев» в ряды большевиков, Троцкий характеризовался как враг большевизма[491].

«Советская историческая энциклопедия». Этот авторитетный многотомный труд содержал статью «Перманентная революция», авторы которой повторяли положения сталинской трактовки: «марксистско-ленинскую теорию перманентной революции грубо извратили Парвус (А. Л. Гельфанд) и Л. Д. Троцкий, создавшие в 1905 оппортунистич. т. н. теорию "перманентной революции", в основе к-рой лежало меньшевистское отрицание революц. возможностей крестьянства, неверие в силы и способности пролетариата повести за собой демократич. элементы населения. По троцкистской теории "перманентной революции", пролетариат один, без союзников, "в одном сражении" мог свергнуть самодержавие и взять власть в свои руки. Суть этой "теории" была выражена в лозунге "без царя, а правительство рабочее", означавшем *перескакивание* через бурж.-демократич. этап революции»[492].

В статье «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б)», написанной историком А. М. Совокиным, более четко раскрывались глубина и суть разногласий между Лениным и правыми большевиками: «В докладе о текущем моменте, – писал автор, – Ленин определил политич. курс партии на подготовку и проведение соц. революции. С содокладом выступил Л. Б. Каменев, пытавшийся доказать, что бурж.- демократич. революция якобы не закончена и что Россия *не созрела* для соц. революции. Его поддержал А. И. Рыков, утверждавший, что в России *нет объективных условий* для победы соц. революции, что социализм должен прийти с Запада»[493]. Именно эта проблема разделяла Ленина и ряд «старых большевиков» в апреле 1917 г.

И. И. Минц в своем трехтомнике «История Великого Октября» в основном повторил постулаты «Краткого курса»: сделал вывод, что партия большевиков уже *до приезда* Ленина «была вооружена ленинской теорией перерастания» и «возможности победы социализма в одной отдельно взятой стране» и «*в основном* шла по тому же пути, который был указан Лениным».

---

491 История Коммунистической партии Советского Союза... С. 194.

492 Перманентная революция // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. М.: Сов. энциклопедия, 1968. С. 44.

493 Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б) // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М.: Сов. энциклопедия, 1969. С. 688.

Понятно, что он не смог привести ни одного решения Русского бюро ЦК, Петербургского комитета, Московского комитета и любого другого местного комитета партии большевиков, где бы до приезда Ленина ставилась задача борьбы за «перерастание» начавшейся демократической революции в социалистическую, и, тем более, говорилось о возможности победы социализма в одной России. Итоги Апрельской конференции Минц оценил как победу над правым оппортунизмом, «пытавшимся тормозить переход к социалистической революции», и над «троцкистским "перепрыгиванием" через неизжитые этапы революции». «Замечательной особенностью Апрельской конференции, – писал Минц, – было единодушное сплочение партии вокруг Ленина»[494].

«Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия» (1987). Этот крупный коллективный труд фактически подводил итоги развития советской историографии истории 1917 г. с ее плюсами и минусами. Применительно к проблеме апрельского курса плюсом было признание того факта, что в апреле 1917 г. партия большевиков приняла новую концепцию развития революции, которая отличалась от концепции 1905 г., и споры шли по ключевому вопросу о возможности начать переход к социализму в условиях отсталой России. Этот плюс отразила статья об Апрельской конференции. Минусом являлась статья о Троцком, в которой давалась традиционная искаженная трактовка его позиции как политика, который якобы отрицал важную роль российского крестьянства в революции и был склонен к «перепрыгиванию» через ее демократический этап.

С. В. Тютюкин. Однако в 1991 г. известный историк С. В. Тютюкин, нанес серьезный удар по этой традиции, опубликовав статью «Л. Д. Троцкий в годы первой российской революции». В ней автор отверг тезис об игнорировании Троцким демократического этапа революции и отрицании революционной роли крестьянства, показал различие во взглядах Троцкого и Парвуса, который не был сторонником перманентной революции, а также показал близость позиций Троцкого и Ленина[495]. К сожалению, эта статья не привлекла к себе должного внимания историков.

***

[494] Минц И. И. История Великого Октября. 2-е изд. Т. 2. М.: Наука, 1978. С. 6, 49, 318.
[495] Тютюкин С. В. Л. Д. Троцкий в годы первой российской революции // История СССР. 1991. № 3. С. 87, 98–99.

В ***постсоветской*** историографии проблемам стратегии и тактики партии большевиков стало уделяться гораздо меньше внимания. Тем не менее историки по-разному трактовали вопрос о сути взглядов Ленина и Троцкого как в 1905 г., так и в 1917 г. Появился ряд работ, в которых эти вопросы рассматривались с первостепенным вниманием к Троцкому.

Н. А. Васецкий. Первой специальной работой о Троцком в постсоветской историографии стала книга Н. А. Васецкого «Троцкий. Опыт политической биографии» (1992). Автор повторил традиционный для советской историографии тезис о том, что «основные постулаты теории “перманентной революции” им (Троцким – *В. К.*) были заимствованы у Парвуса»[496]. При этом Васецкий не привел никаких доказательств в пользу такого вывода. Васецкий повторил и сталинское толкование позиции Троцкого по вопросу о союзе рабочего класса и крестьянства. По мнению историка, «в теории Парвуса–Троцкого не нашлось места именно этому союзу». Васецкий утверждал, что в теории Троцкого «не было места для буржуазно-демократической революции», и «начавшаяся в России революция по своему характеру должна быть сразу же революцией пролетарской, без всяких переходных форм и промежуточных ступеней»[497]. После упомянутой статьи Тютюкина позиция Васецкого выглядела слабой.

С. В. Тютюкин, В. В. Шелохаев. История появления концепции «непрерывной революции» рассматривалась в монографии С. В. Тютюкина и В. В. Шелохаева «Марксисты и русская революция», изданной в 1996 г. В книге дан взвешенный анализ стратегии и тактики большевиков и меньшевиков в период с 1905 по 1917 г. Говоря о стратегии большевиков в 1905 г., авторы не повторяли сталинский тезис о том, что Ленин уже тогда исходил из возможности борьбы за непосредственное перерастание демократической революции в социалистическую. Они отмечали, что Ленин «категорически предостерегал от опасного забегания вперед, от нелепых, полуанархических, как он выражался, мыслей о "немедленном осуществлении программы-максимум, о завоевании власти для социалистического переворота" и подчеркивал невозможность "затронуть (без целого ряда промежуточных ступеней революционного развития) основ капитализма"»[498].

---

[496] Васецкий Н. А. Троцкий. Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992. С. 40.
[497] Там же. С. 42, 43, 71–72.
[498] Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1996. С. 58–59. См. также: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т 11. С. 16.

В то же время авторы справедливо писали, что уже в 1905 г. теоретическая мысль Ленина «шла дальше, к возможности постепенного, поэтапного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, причем в ходе этого процесса должна была произойти естественная перегруппировка классовых сил в стране (отход от революции зажиточного крестьянства и части средних городских слоев, особенно интеллигенции, усиление колебаний крестьянина-середняка, более тесное объединение рабочих с полупролетарскими элементами города и деревни)»[499]. Иными словами, авторы видели разницу между общей теорией перерастания, созданной Лениным в 1905 г. и конкретной стратегией, принятой большевиками в условиях первой русской революции. В книге есть специальный параграф, посвященный истории создания Троцким теории «перманентной» революции в эпоху первой русской революции, написанный в русле упомянутой статьи С. В. Тютюкина. Авторы сделали справедливый вывод о том, что фактический материал «не подтверждает широко распространенных в советской историографии тезисов о Троцком как злейшем враге ленинизма и о троцкизме как разновидности меньшевизма»[500]. Тем самым Шелохаев подтвердил свою солидарность с позицией Тютюкина в этом важном и остром вопросе.

В целом можно сказать, что в книге «Марксисты и русская революция» позиции большевиков и меньшевиков в дофевральский период, включая взгляды Ленина и Троцкого, были изложены наиболее точно и компетентно. Плюсом является и уважительное отношение авторов к страницам революционной истории России, к Ленину и другим видным революционерам.

В. Т. Логинов в книге «Неизвестный Ленин» (2010), написанной в жанре политической биографии, подробно и откровенно описал те трудности, с которыми столкнулся Ленин в первые дни после приезда в Россию. Автор показал, что практически все видные лидеры большевиков поначалу не приняли «апрельские тезисы», для которых они оказались полной неожиданностью[501]. Борьба за принятие нового курса шла весь апрель, включая и VII Апрельскую общероссийскую конференцию, где Ленин одержал победу, опираясь на делегатов низовых партийных комитетов. Описание этой борьбы не оставляло места для сталинского тезиса о том, что еще в 1905 г. Ленин создал концепцию «перерастания», которой партия якобы руководствовалась и

499 Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция... С. 58–59.
500 Там же. С. 77.
501 Логинов В. Т. Неизвестный Ленин. М.: Алгоритм, 2010. С. 78–82.

до приезда Ленина весной 1917 г. Апрельские тезисы вызвали такое сопротивление именно потому, что они были принципиальной новацией.

«Россия в 1917 г. Энциклопедия». В юбилейном 2017 г. вышла энциклопедия «Россия в 1917 г.». Большинство ее статей написано на высоком уровне. Однако есть и исключения. Статью о РСДРП (б) написал И. С. Розенталь, который утверждал, что «в 1905–07 большевики видели в “гегемонии пролетариата” средство макс. углубления бурж.-демократич. рев-ции дальше рубежа, приемлемого для “либеральной буржуазии”, чтобы, не останавливаясь “на полпути”, “*сейчас же*” переходить к социалистич. рев-ции»[502]. Иными словами, автор статьи разделял тезис Сталина о том, что в 1905 г. большевики выступали сторонниками непосредственного («сейчас же») перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Понятно, что автор не смог сослаться на какую-либо резолюцию, принятую большевиками в эпоху первой революции, в которой ставилась такая цель. Чуть позже, в противоречии с приведенной выше трактовкой, автор статьи писал, что после Февральской революции до приезда Ленина «Рук. большевиков в Петрограде (Каменев, Сталин и др.), следуя *тактике 1905–07*, выдвинуло вначале лозунг доведения бурж.-демократич, рев-ции до конца и не исключало объединения с меньшевиками». Именно так и было: Каменев и Сталин, исходя из «тактики 1905–07» ставили задачу борьбы за доведение демократической революции до конца, не помышляя о том, чтобы «сейчас же» переходить к социалистической революции, поскольку ранее утвержденная партией «тактика 1905–07» такого не предусматривала. Далее автор писал, что «после возвращения в Петроград из эмиграции Ленина в стратегии и тактике большевиков произошла *кардинальная переориентация*»[503]. Возникает вопрос: о какой кардинальной переориентации можно говорить в свете прежнего утверждения, что еще в 1905 г. большевики хотели «*сейчас же»* переходить к социалистической революции. В статье о РСДРП (б) И. С. Розенталь представляет Ленина и большевиков в негативном свете («неразборчивость в средствах», «экстремисты», «авантюристы» и т.п.), демонстрируя пристрастный подход. В написанной И. С. Розенталем статье «Ленин» также содержится ряд очевидных ошибок и пристрастных суждений. Так, например, он утверждает, что Ленин считал дореволюционную Россию «страной

---

[502] Розенталь И. С. Российская социал-демократическая рабочая партия (большевики) // Россия в 1917 году. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2017. С. 834.
[503] Там же. С. 835.

ср[еднего] уровня развития капитализма», и «отрицал возможность успеха аграрных преобразований сверху»[504]. В действительности Ленин никогда не называл Россию страной *среднего* уровня развития капитализма и признавал возможность успеха реформ Столыпина. Розенталь вновь не увидел тех различий, которые существовали в позициях самого Ленина в 1905 г. и в 1917 г., равно как и различий в позициях Троцкого и Ленина в эти годы. Он утверждал, что «в 1917 в России была реализована идея непрерывной рев-ции, которую Л. (Ленин – *В.К.*) и Л. Д. *Троцкий* отстаивали еще в 1905»[505].

Историк В. А. Демин в статье «Апрельские тезисы» дезавуировал тезис Розенталя, справедливо подчеркнув, что эти тезисы «резко противоречили предшествующему курсу большевистского руков[одства]»[506].

Троцкому в энциклопедии посвящена краткая статья, написанная А. В. Резником. Все принципиальные вопросы, связанные с оценкой сути концепции Троцкого и ее отношения к концепции Ленина в 1905 и 1917 г., в ней не рассмотрены. В статье говорилось лишь о том, что в 1905 г. Троцкий «сблизился с А. Л. Парвусом по вопросам о единстве РСДРП и теории “перманентной революции”», а после Февральской революции Троцкий «не выдвигал программы, отличавшейся от программы РСДРП (б)»[507]. Создается впечатление, что редакторы энциклопедии урезали статью Резника, придав ей недопустимо краткий вид. А между тем в энциклопедии нет статьи, специально посвященной проблеме «перманентной» революции, т. е. нет статьи по ключевой проблеме истории Русской революции.

В юбилейной монографии ИРИ РАН «Российская революция 1917 года: власть, общества, культура» (2017) проблема «Апрельских тезисов» кратко затрагивается двумя разными авторами. Ленинские тезисы перечисляются без какой-либо попытки поставить вопрос о том, почему они появились, и как Ленин обосновывал свой новый стратегический курс. В первом томе одним предложением показана разница во взглядах Ленина и Троцкого: Ленин уповал на поддержку большинства крестьян, а Троцкий – на международную солидарность пролетариата (П. Ю. Савельев)[508]. Во втором томе «план» Ле-

---

504 Розенталь И. С. Ленин //Там же. С. 512.
505 Там же. С. 513.
506 Демин В. А. Апрельские тезисы // Там же. С. 48.
507 Резник А. В. Троцкий // Там же. С. 961–962.
508 Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Т. 1… С. 690–691, 695.

нина оценен как заведомо «нереалистичный» (В. П. Булдаков)[509]. Проблема выработки нового стратегического курса, определившего судьбу революции, мало интересовала авторов монографии. Куда больше внимания было уделено обстоятельствам проезда Ленина через территорию Германии и проблеме «немецкого золота». Историк Д. Б. Павлов приводит все ничем не доказанные версии о том, что Германия субсидировала большевиков в 1917 г. до их прихода к власти и не отвергает *«мнения»* зарубежных и отечественных авторов, которые определяют эти германские «инвестиции» в 30–50 млн марок. Он фактически признает «факт тайного субсидирования Берлином ленинской партии», хотя и делает это в «политкорректной» форме: приводя и не опровергая мнения других авторов[510]. К чести историка П. Ю. Савельева, в своей главе он прямо заявляет, что тема «немецкого золота» не имеет «достаточной доказательной базы»[511].

Приведенный материал говорит об актуальности специального анализа вопроса о том, как и почему возник «апрельский курс» и чем он отличался от других концепций развития революции, созданных в революционную эпоху.

2.2. Три концепции: Парвус, Троцкий, Ленин

Идею «непрерывной революции» первыми сформулировали Маркс и Энгельс. В 1850 г. в «Обращении Центрального комитета к союзу коммунистов» они написали, что германские рабочие должны «сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти"[512]. Эти мысли были высказаны в самом общем виде и надолго забыты, потому что в Германии вплоть до первой мировой войны не было революционной ситуации. Германские социал-демократы вели борьбу за реформы.

Ситуация в России была иной. В начале XX в. страна оказалась на пороге буржуазно-демократической революции, которая не могла просто повторить буржуазные революции в Европе. Г. В. Плеханов уже в июле 1889 г. отметил особенность ситуации в России, выступая на первом конгрессе II Интернационала. «Революционное движение, – заявил Плеханов, – в России восторжествует только как рабочее движение или же никогда не восторже-

---

[509] Российская революция 1917 года… Т. 2. С. 24.
[510] Там же. Т. 1. С. 71–81.
[511] Там же. Т. 1. С. 704.
[512] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 7. С. 261, 267.

ствует»[513]. Тезис об особой роли пролетариата в демократической революции содержался и в первом общепартийном документе РСДРП – Манифесте, написанном видным «легальным марксистом» П. Б. Струве по поручению делегатов I съезда (1898). Центральная идея Манифеста: «Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. … Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат *может завоевать себе только сам*. … Русский пролетариат *сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом* и буржуазией до полной победы социализма»[514]. Таким образом, можно сказать, что в определенном смысле уже в Манифесте РСДРП содержалась в общем виде идея *непрерывной борьбы* рабочих за свою конечную цель. Ее разделяли все социал-демократы, однако никто не формулировал ее как идею *непрерывной революции,* а тем более идею *прямого перерастания* надвигавшейся в России буржуазно-демократической революции в социалистическую. В Программе РСДРП, принятой на II съезде партии (1903), четко говорилось, что «РСДРП ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой». В программе перечислялись задачи буржуазно-демократического характера, и не было даже намека на то, что в ходе их решения партия будет бороться за переход к социалистической революции. Непосредственная политическая цель формулировалась как «созыв *учредительного собрания*, свободно избранного всем народом»[515]. В таком Собрании у партии пролетариата было мало шансов получить большинство в условиях крестьянской страны. Социалистическая революция в России мыслилась как достаточно отдаленное будущее.

Летом 1904 г., когда приближение русской революции почувствовали и в Европе, известный германский социал-демократ К. Каутский в серии статей также поставил вопрос об особой роли русского пролетариата в буржуазно-демократической революции. Он указал на тот факт, что русская буржуазия оказалась перед лицом исторического противоречия: с одной стороны, она оппозиционна самодержавию, а с другой стороны, ее парализует страх перед

---

513 Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. М. 1956, С. 421.

514 Манифест Социал-демократической рабочей партии // Первый съезд РСДРП. Март 1898 года. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1953. С. 80.

515 Программа РСДРП // Второй съезд РСДРП. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 420, 424.

пролетариатом. Каутский сделал вывод, что особая роль русского пролетариата в демократической революции в случае ее победы станет стимулом для выступлений немецких рабочих и в итоге приведет к политическому господству пролетариата в Европе. И тогда пролетариат Европы поможет русскому пролетариату создать материальные условия для построения социализма в демократической России[516]. Фактически Каутский своим авторитетом подтвердил то, что первым сказал Плеханов, усилив акцент на международном значении русской революции.

С такими взглядами социал-демократы России и Европы пришли к 1905 г., когда события «Кровавого воскресенья» положили начало революции, что вызвало активное обсуждение ее особенностей и перспектив.

Парвус. Первым радикальную новацию внес А. Л. Парвус (И. Л. Гельфанд), российский социал-демократ, который к 1905 г. имел европейскую известность как решительный борец против ревизионизма германского социал-демократа Э. Бернштейна. В декабре 1904 г. Парвус сделал прогноз: «русская революция расшатает основы всего капиталистического мира и русскому рабочему классу суждено сыграть роль авангарда в мировой социальной революции»[517]. Сразу после событий 9 января 1905 г. он выпустил листовку, которая называлась «Без царя, а правительство – рабочее». В ней по-новому ставилась задача пролетариата в демократической революции: «Задача рабочего народа не только уничтожить царское правительство, но *стать самому у власти*», создать «рабочее правительство». Цель этого правительства состоит в том, чтобы обеспечить «политические права всему народу», «уничтожить беспощадно все остатки самодержавия и подготовить почву для созыва и законодательной деятельности российского парламента»[518].

Свою позицию Парвус изложил более подробно 18 января в предисловии к брошюре Троцкого «До 9 января». Парвус писал: «Революционный переворот в России могут совершить только рабочие. Революционное временное правительство в России будет правительством рабочей демократии. Если

---

[516] Kautsky K. Allerband Revolutionäres // Neue Zeit, XXII, 1903 – 1904, B. I, S. 623–627.
[517] Парвус А. Самодержавие и реформы // Война и революция. СПб.: Глаголев, 1906. С. 133.
[518] История РКП(б) в документах. Л.: Б. и., 1926. Т. 1. С. 278.

социал-демократия будет во главе <…> движения русского пролетариата, то это правительство будет социал-демократическим»[519].

Новация Парвуса состояла в том, что до него никто не ставил создание рабочего правительства *целью* пролетариата в буржуазной революции. Энгельс в апреле 1853 г. в частном письме И. Вейдемейеру говорил о такой возможности в негативном ключе, предупреждая об опасности преждевременного захвата власти. Опасность состояла в том, что под давлением пролетариата «мы будем вынуждены, – писал Энгельс, – производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны»[520]. Похожие мысли Энгельс высказал в известной работе «Крестьянская война в Германии», которую Парвус не мог не знать[521]. Тем не менее Парвус, указывая на особые условия России (особенности формирования промышленности, рабочего класса, средних слоев населения, позицию буржуазии), сделал вывод: «Русский пролетариат начал революцию, на нем одном держится ее развитие и успех»[522].

Важно отметить, что Парвус отнюдь не мыслил свержение самодержавия силами одного пролетариата. Он так оценивал политическое значение событий 9 января: «Первый акт Великой Русской Революции кончен. Он поставил в политическом центре пролетариат и *объединил* вокруг него все либеральные и демократические слои общества. Это двойной процесс: революционной консолидации пролетариата и концентрации вокруг него *всех оппозиционных сил* страны»[523]. В число оппозиционных сил Парвус включал и либеральную буржуазию, отмечая, что «революция гонит идеологию либерализма до ее последних политических крайностей»[524]. Он верил в способность пролетариата повести за собой массы крестьян на штурм самодержавия, полагая, что сами крестьяне «не могут составить сомкнутой революционной армии»[525]. Парвус понимал неизбежность распада союза оппозицион-

---

519 Парвус. Предисловие // Троцкий Н. До Девятого января. Женева: Типография Социал-демократической партии, 1905. С. I–XIV. Цит. здесь и далее по: Парвус. Что дает нам 9 января // Война и революция. СПб.: Н. Глаголев, 1906. С. 141.

520 Энгельс Ф. Письмо к И. Вейдемейеру // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 28. С. 490-491.

521 Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т.7. С. 422–423.

522 Парвус. Что дает нам 9 января. С. 143.

523 Там же. С. 140.

524 Там же. С. 134.

525 Там же. С. 140.

ных течений после свержения самодержавия, когда проявится «противоположность интересов политических течений, связанных революцией»[526]. Борьба бывших союзников будет неизбежной уже в парламенте, созыв которого на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права все оппозиционные силы в России считали главной задачей временного революционного правительства. Такая перспектива ставила Парвуса перед вопросом: могли ли всеобщие и равные выборы в крестьянской стране дать победу рабочей партии? Он не решился положительно ответить на вопрос и так определил пределы деятельности рабочего правительства: «Социал-демократическое временное правительство *не может совершить в России социалистического переворота*, но уже самый процесс ликвидации самодержавия и установления демократической республики даст ему благодарную почву политической работы»[527]. Эту позицию Парвус подтвердил и в ноябре в статье «Наши задачи», где, в частности, писал: «*Мы не можем* пока еще в России ставить своей задачей превратить буржуазную революцию в социальную. Но еще меньше у нас необходимости подчиниться буржуазной революции. Наша задача – *раздвинуть рамки* буржуазной революции, выдвигая в ней интересы пролетариата и создавая в самой буржуазной конституции возможно более широкую базу для социально-революционного переворота»[528].

Таким образом, Парвус не создал концепции непосредственного перехода от борьбы за демократию к борьбе за социализм в условиях России, поскольку он не видел объективных предпосылок для такого перехода. Сказанного достаточно, чтобы доказать необоснованность попыток трактовать его взгляды как стремление «перепрыгнуть» через демократический этап революции в России. Формула «Без царя, а правительство – рабочее» не была столь примитивной, какой ее представляли себе многие историки.

Троцкий. Идею Парвуса о «рабочем правительстве» взял на вооружение молодой социал-демократ Л. Д. Троцкий, который в свои 26 лет получил широкую известность осенью 1905 г. как один из руководителей и самый яркий оратор в Совете рабочих депутатов, созданном в Санкт-Петербурге. Ранее, в период подготовки и работы II съезда РСДРП (1903), Троцкий поддерживал Ленина, потом перешел на сторону меньшевиков, но уже осенью 1904 г. отошел от них, отвергнув идею отдать либералам роль гегемона в демокра-

---

[526] Парвус. Что дает нам 9 января... С. 137.
[527] Там же. С. 141.
[528] Парвус. Наши задачи // Начало. 1905. 13 ноября.

тической революции. Летом 1905 г. Троцкий существенно модифицировал идеи Парвуса и выдвинул тезис о способности пролетариата не только взять, но и *удержать власть* в ходе демократической революции и, более того – встать на путь социалистической революции в силу *логики борьбы* за сохранение своей власти. В этом и была суть концепции перманентной революции как единого революционного процесса. «Непосредственной задачей социал-демократии, – писал Троцкий, – будет завершение демократической революции. Но, завоевав власть, партия пролетариата *не сможет* ограничить ее демократической программой. Она вынуждена будет перейти на путь социалистических мероприятий. Как далеко она зайдет на этом пути, будет зависеть не только от внутреннего соотношения сил, но и от всей международной обстановки»[529]. Эти строки еще не содержали термина «непрерывная» (перманентная) революция, но главная идея новой теории была уже высказана: завоевав власть, партия пролетариата *не сможет* ограничиться демократической программой.

Эти идеи Троцкий подробно изложил в статье «Социал-демократия и революция», опубликованной в октябре 1905 г. в газете «Начало» и позже включенной в книгу «Наша революция» (1906). Вначале Троцкий просто повторил тезис Парвуса: «Полная победа революции означает победу пролетариата». Отметим, что здесь Троцкий говорил о полной победе буржуазно-демократической революции. А затем он уже по-новому поставил вопрос о дальнейших задачах пролетариата: «… логика его непосредственной борьбы за упрочение политического господства ставит перед ним в известный момент чисто социалистические проблемы». Процесс перехода к социалистическим преобразованиям не мыслился Троцким как прыжок. Речь шла об эпохе: «Между минимальной и максимальной программой, – отмечал Троцкий, – устанавливается революционная непрерывность. Это не один “удар”, это не день и не месяц, это целая историческая эпоха. Было бы нелепостью заранее учитывать ее продолжительность»[530]. Этот момент следует подчеркнуть особо, ибо многие современники и историки приписывали Троцкому стремление «перепрыгнуть» через демократический этап революции.

В очерке «Итоги и перспективы», завершившем цикл важнейших работ Троцкого в 1905–1906 гг., он сформулировал еще ряд важных мыслей. В том

---

[529] Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин: Гранит, 1930. Т. 1. С. 198.

[530] Троцкий Н. Социал-демократия и революция // Наша революция. СПБ.: Книгоиздательство Н. Глаголева, 1906. С. 172–173.

числе мысль о том, что концепция «рабочего правительства» не исключает коалиционного характера Временного правительства, при условии доминирования в нем представителей пролетариата: «В случае решительной победы революции, власть переходит в руки класса, игравшего в борьбе руководящую роль, – другими словами, в руки пролетариата. Разумеется, скажем тут же, это вовсе не исключает вхождения в правительство революционных представителей непролетарских общественных групп. Они могут и должны быть, – здравая политика заставит пролетариат приобщить к власти влиятельных вождей мещанства, интеллигенции или крестьянства. Весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство? Одно дело, когда в рабочем, по составу своего большинства, правительстве, участвуют представители демократических слоев народа, – другое дело, когда в определенном буржуазно-демократическом правительстве участвуют, в качестве более или менее почетных заложников, представители пролетариата»[531].

Возникает вопрос: а как Троцкий решал ту проблему, о которую споткнулся Парвус? Как пролетариат мог сохранить власть в своих руках, если первой задачей демократической революции является созыв Учредительного собрания? Троцкий считал, что у социал-демократов есть реальная возможность повести за собой крестьянство, что и позволит удержать власть в парламентской республике. «Основу этой революции, – писал Троцкий летом 1905 г., – составляет аграрная проблема. Овладеет властью тот класс, та партия, которые поведут за собою крестьянство против царизма и помещиков. Ни либерализм, ни демократическая интеллигенция этого не смогут сделать: их историческая пора прошла. Революционную авансцену уже занял пролетариат. *Только социал-демократия может через рабочих повести за собою крестьянство.* Это открывает перед русской социал-демократией перспективу завоевания власти раньше, чем в государствах Запада»[532]. Из сказанного ясно, что Троцкий отнюдь не отрицал революционной роли крестьянства и понимал важность позиции крестьян в революции. Но Троцкий – и в этом была его ошибка – полагал, что русское крестьянство не сможет играть *самостоятельную* роль в революции в силу неграмотности, распыленности и социальной неоднородности. Поставив вопрос о том, может ли крестьянство

---

[531] Троцкий Н. Итоги и перспективы // Наша революция. СПб.: изд-во Н. Глаголева, 1906. С. 249–250.

[532] Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии… Т. 1. С. 198.

«оттеснить» пролетариат от власти, Троцкий дал отрицательный ответ: «Весь исторический опыт протестует против этого предположения. Он показывает, что крестьянство совершенно неспособно к самостоятельной политической роли»[533]. Троцкий был уверен, что рабочее правительство получит поддержку крестьян потому, что признает произведенные крестьянами революционные «перетасовки» в земельных отношениях и тем самым сделает русское крестьянство заинтересованным в поддержании пролетарского режима («рабочей демократии»). Троцкий уделил серьезное внимание аграрному вопросу, указав на необходимость его неотложного разрешения: «В решении этого вопроса, как и всех других, пролетариат будет исходить из основного стремления своей экономической политики: овладеть как можно большим полем для организации социалистического хозяйства, – причем формы и темп этой политики в аграрном вопросе должны определяться как теми материальными ресурсами, которыми сможет овладеть пролетариат, так и необходимостью располагать свои действия так, чтоб не отталкивать в ряды контрреволюционеров возможных союзников»[534].

В очерке «Итоги и перспективы» Троцкий изложил программу действий пролетариата при переходе к социализму и выдвинул идею создания многоукладной экономики, в которой нарождающийся социалистический уклад будет взаимодействовать с капиталистическим на рыночной основе: «Обобществление производства начинается с тех отраслей, которые представят наименьше затруднений. В первый период, обобществленное производство будет представлять собой оазисы, связанные с частными хозяйственными предприятиями законами товарного обращения»[535].

Все эти важные идеи стали составной частью концепции «перманентной революции», созданной Троцким в 1905 г. в развитие идей Парвуса. Они оба исходили из возможности захвата власти пролетариатом в ходе демократической революции. Но Парвус не решался заявить о способности рабочего правительства остаться у власти и проводить социалистическую политику в преимущественно крестьянской стране. А Троцкий исходил из такой возможности. Очевидно, что у Троцкого было много полезных и новаторских идей, но

---

533 Троцкий Н. Итоги и перспективы... С. 251–252.
534 Там же. С. 275–276.
535 Там же. С. 274–275.

вся его концепция строилась на непрочном фундаменте: на тезисе о неспособности крестьянства к «*самостоятельной* политической роли»[536].

В этом состояла исходная ошибка Троцкого, которую показал уже конкретный опыт 1905–1907 гг.: у крестьян была своя программа, выраженная в наказах, готовая организационная структура в виде общины, кадры в лице земских учителей и врачей. Эсеры как партия в 1905 г. были ничуть не слабее социал-демократов и имели более прочные связи с крестьянами. Летом 1905 г. не без их помощи возник «Всероссийский Крестьянский союз», который представлял крестьянских активистов 22 русских губерний. В 1906 г. по результатам явно неравных выборов в Государственную Думу крестьянские депутаты создали вторую по численности фракцию «трудовиков», которые выставили свою программу, отвечавшую устремлениям миллионов крестьян. Если бы выборы были равными, «трудовики» опередили бы по числу депутатов все другие фракции вместе взятые. Такой же результат дали бы и выборы в Учредительное собрание в случае победы революции. У социал-демократов в 1905–1907 гг. не было шансов повести за собой крестьян.

В концепции Троцкого было еще одно слабое звено. Задав вопрос о том, как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса в условиях России, он дал на него ответ: «Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России *не сможет удержаться* у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни одной минуты»[537].

Такая позиция Троцкого была обусловлена пониманием низкой степени зрелости экономических, социальных и культурных предпосылок для социалистической революции в России. Эта позиция доминировала в среде российской социал-демократии того времени, включая большевиков во главе с Лениным. Однако в отличие от большевиков и меньшевиков Троцкий в 1905 г. был готов бороться за перерастание демократической революции в России в социалистическую в надежде на скорую помощь европейского пролетариата. При этом он явно преувеличивал как политический потенциал российского пролетариата и его партии, так и готовность европейского пролетариата к революции в тот период времени.

---

[536] Троцкий Н. Итоги и перспективы... С. 252.

[537] Там же. С. 277–278.

Впрочем, надо признать, что Троцкий не утверждал, что события пойдут по написанному им сценарию. После поражения декабрьского вооруженного восстания в Москве, он вполне допускал и способность монархии сохранить власть, и способность буржуазии взять эту власть в свои руки. Иными словами, он рассматривал свою концепцию «перманентной революции» как путь, по которому надо идти при благоприятной возможности, но исходить из тех реальных условий, которые сложились в тот или иной момент. Эти идеи содержались в ряде статей, изданных в январе 1907 г. накануне V съезда РСДРП в сборнике «В защиту партии», пронизанном стремлением к преодолению раскола внутри РСДРП[538].

В годы мировой войны Троцкий верил в возможность революции в Европе и в России. Он полагал, что за время, прошедшее с эпохи первой русской революции, капитализм и пролетариат в России достигли большей степени зрелости, что создавало более благоприятные условия для применения теории перманентной революции. Эти идеи Троцкий высказывал в статьях, напечатанных в газете «Наше Слово» в 1915–1916 гг. Они легли в основу брошюры «Программа мира», изданной в мае 1917 г. Там ясно говорилось, что русский пролетариат должен начать революцию в расчете на революцию в Европе: «Не дожидаясь других, мы начинаем и продолжаем борьбу на национальной почве *в полной уверенности*, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а *если бы этого не произошло*, то *безнадежно думать* – так свидетельствуют и опыт истории, и теоретические соображения, – что, напр., революционная *Россия могла бы устоять* перед лицом консервативной Европы, или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире»[539].

Иными словами, по мнению Троцкого, даже социалистическая Германия не имела шансов устоять в условиях капиталистического окружения с точки зрения внешнего фактора. Это не значит, что Троцкий выступал за одновременное начало революции во всех странах Европы. Напротив, он считал, что европейская революция начнется сначала в одной стране, но ее судьба будет зависеть от успеха общеевропейской революции, что и должно определять политику победившего пролетариата в первой стране: «Бороться за сохранение национальной базы революции такими методами, которые подрывают

---

[538] Троцкий Н. В защиту партии. СПб.: Дело, 1907.

[539] Троцкий Л. Д. Программа мира // Сочинения. Т. 3. Часть 1. От Февраля до Октября. М.: Госиздат, 1924. С. 90.

интернациональные связи пролетариата, значит фактически подкапываться под революцию, которая *не может не начаться на национальной базе*, но которая *не может на ней завершиться* при нынешней экономической и военно-политической взаимозависимости европейских государств»[540].

С этими идеями Троцкий вступил в революционный 1917 год.

Ленин. Весной 1905 г. Ленин отверг тезис Парвуса о рабочем правительстве: «этого *не может быть,* если говорить не о случайных, мимолетных эпизодах, … потому что сколько-нибудь прочной … может быть лишь революционная диктатура, опирающаяся на громадное большинство народа. Русский же пролетариат составляет сейчас меньшинство населения России»[541]. Ленин отверг и возможность непосредственного перехода к социалистическому этапу революции в условиях России, о которой говорил Троцкий. Ленин с одобрением указал на статью Карла Каутского «Крестьяне и революция в России», отметив, что «Каутский неуклонно отстаивает ту *истину*, что пред нашей революцией стоит *теперь* задача не социалистического переворота, а устранения политических препятствий с пути развития существующего, т. е. капиталистического, способа производства»[542]. Таким образом, ближайшей перспективой Ленин признавал путь развития «существующего, т. е. капиталистического, способа производства».

Суть концепции Ленина: первая русская революция – буржуазная, но она победит только в результате *гегемонии* пролетариата, который установит *революционно-демократическую* диктатуру пролетариата и всего крестьянства. Органом диктатуры будет Временное правительство. Его задача – созыв Учредительного собрания. В нем партия пролетариата будет в меньшинстве, но сможет бороться за интересы рабочего класса. По мере вызревания социально-экономических условий русский рабочий совершит вторую революцию в союзе с деревенской беднотой. Эту стратегию утвердил Ш съезд РСДРП, большевистский по составу делегатов[543].

Ленин подробно объяснил ее в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции». В то же время в этой книге Ленин сформулировал и *общую теорию* перерастания демократической революции в социа-

---

[540] Троцкий Л. Д. Программа мира… С. 91–92.

[541] Ленин В. И. Социал-демократия и временное революционное правительство // Полн. собр. соч. Т. 10. С. 18.

[542] Ленин В. И. Пролетариат и крестьянство // Полн. собр. соч. Т. 9. С. 342.

[543] Третий съезд РСДРП. Апрель–май 1905 г. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С. 451.

листическую, в основе которой лежал механизм перегруппировки социальных сил[544]. Ленин не устанавливал сроки, в которые должна была произойти такая перегруппировка. Они были неуместны в *теории* революции.

Революционная атмосфера лета–осени 1905 г. порой приводила к тому, что Ленин трактовал свою общетеоретическую позицию в выражениях, которые, *вырванные из контекста,* позволяли считать его сторонником непосредственного перерастания первой русской революции в социалистическую. Именно это и сделал Сталин, использовав фразу из статьи Ленина «Отношение социал-демократии к крестьянскому движению» (сентябрь 1905), где Ленин писал: «от революции демократической мы сейчас же начнем переходить и *как раз в меру нашей силы*, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за *непрерывную* революцию. Мы не остановимся на полпути»[545]. Сталин сделал акцент на словах «стоим за *непрерывную* революцию», а на самом деле ключевыми в этой фразе являются слова «*как раз в меру нашей силы».* По этому поводу в «Двух тактиках…» четко говорилось: «Степень экономического развития России (условие объективное) и степень сознательности и организованности широких масс пролетариата (условие субъективное, неразрывно связанное с объективным) делают невозможным немедленное полное освобождение рабочего класса»[546]. Таким образом, приведенные Сталиным слова надо ставить в контекст решений III съезда РСДРП и всех других высказываний Ленина. Они разъясняют, что в 1905 г. Ленин говорил о *непрерывности борьбы* пролетариата за свою конечную цель, а не о процессе *непосредственного* перерастания первой русской революции в социалистическую. Приведем выдержки из статьи Ленина «Победоносная революция», написанной сразу после III съезда большевиков в мае 1905 г. Статья важна тем, что в ней Ленин предельно лаконично определяет характер начавшейся революции и цели большевиков:

– «победоносная революция = демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»;

---

544 Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 90.

545 Ленин В. И. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению // Полн. собр. соч. Т.11. С. 222.

546 Ленин В. И. Две тактики социал-демократии. С. 16.

– «содержание переворота = создание демократического политического строя, равносильное, по своему *экономическому значению*, (1) *освобождению развития капитализма*; (2) уничтожению остатков крепостничества; (3) повышению жизненного уровня и культурного уровня массы населения, особенно низов его»[547].

Очевидно, что концепция Ленина эпохи первой революции принципиально отличалась от концепции Троцкого. В эти годы Ленин крайне редко упоминал о Троцком и *ни разу* не разбирал его теорию «перманентной революции». Тем не менее Ленин понимал и не принимал ее суть, что ясно показывает более поздняя статья «Цель борьбы пролетариата в нашей революции» (март 1909). В ней Ленин подчеркнул мысль о том, что Россия стоит на пороге буржуазной революции, которая не может непосредственно перерасти в социалистическую: «Основная ошибка Троцкого, – писал Ленин, – игнорирование буржуазного характера революции…».[548]. В этой статье Ленин указывал и на главную слабость концепции Троцкого: недооценку способности крестьян сыграть самостоятельную роль в революции, надежду на то, что партия пролетариата, по крайней мере, на какое-то время поведет за собой крестьянство. Ленин так пояснял свою позицию: «Факты из истории русской революции показывают, что первая же волна подъема, в конце 1905 года, сразу толкает крестьянство к такой политической организации (Всероссийский крестьянский союз), которая, несомненно, являлась зародышем особой крестьянской партии. В I и во II Думах, несмотря на истребление контрреволюцией первой смены передовых крестьян, крестьянство … сразу кладет основание “Трудовой группе”, несомненному зачатку особой крестьянской партии. <…> если начало революции создало такие политические группировки, то не подлежит ни малейшему сомнению, что революция, доведенная до такого “конца” или, вернее, до такой высокой степени развития, как революционная диктатура, создаст более оформленную и более сильную революционно-крестьянскую партию»[549].

Перед лицом такой крестьянской партии у партии пролетариата не было шансов удержать власть в результате созыва Учредительного собрания в случае победы демократической революции. Большевики могли быть только левым крылом в крестьянском парламенте и правительстве. Ленин видел и

---

[547] Ленин В. И. Победоносная революция // Полн. собр. соч. Т. 10. С. 220–221.
[548] Ленин В. И. Цель борьбы пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 381.
[549] Там же. С. 385.

принимал эту реальность, что и порождало кажущуюся противоречивость его позиции: пролетариат при опоре на крестьянство берет власть и доводит революцию до полной победы, а затем уступает ее крестьянству в рамках парламентской демократии. Троцкий называл это «самоограничением» большевизма. «Самоограничение» было обусловлено пониманием отсутствия не только политических, но социально-экономических предпосылок для перехода крестьянской России к социализму.

Следует отметить, что после поражения революции Ленин с тревогой ждал результатов аграрных реформ П. А. Столыпина, целью которых было превращение крестьян в частных собственников земли и разрушение общинной психологии. Успех столыпинских реформ мог снять с повестки дня крестьянскую революцию, которая составляла социальную основу общедемократической революции в России. В 1908 г. Ленин писал:

«Судьбы буржуазной революции в России, – не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций, – зависят *больше всего* от успеха или неуспеха этой политики»[550].

«В истории бывали примеры успеха подобной политики. Было бы пустой и глупой демократической фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики “невозможен”. Возможен!»[551].

В то же время он подчеркивал, что реформы Столыпина *еще* не обеспечили успех «прусского» пути решения аграрного вопроса (сохранение крупной земельной собственности), и в России еще открыта возможность победы «американского» пути (в форме раздела помещичьей земли среди крестьян). В письме И. И. Скворцову-Степанову (1909) Ленин писал: «У нас *еще* идет борьба. Еще не победил один из двух аграрных путей. У нас при всяком кризисе нашей эпохи … выступит, обязательно выступит “общедемократическое” движение “мужичка”… .»[552].

Отметим, что до 1917 г. Ленин считал крестьянские требования вполне *буржуазными,* укладывающимися в буржуазно-демократический или, как он называл, «американский» (фермерский) путь аграрного развития. Буржуазной он считал даже такую меру как *национализация* земли. В упомянутом письме И. И. Скворцову-Степанову он писал: «Национализация земли = кре-

---

550 Ленин В. И. Новая аграрная политика // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 423.
551 Ленин В. И. По торной дорожке // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 31.
552 Ленин В. И. И. И. Скворцову–Степанову, 16 декабря 1909 г. // Полн. собр. соч. Т. 47. С. 231.

стьянская ломка старого землевладения есть экономическая основа американского пути»[553].

Главным событием, которое побудило Ленина пересмотреть концепцию 1905 г., стала первая мировая война. Именно в годы войны Ленин создал новую концепцию развития революции в России, опираясь на результаты осмысления современной эпохи как эпохи империализма, последней стадии капитализма, кануна пролетарской революции в мировом масштабе. Отметим, что в период первой русской революции Ленин, как и Троцкий, не оперировал теорией империализма, поскольку она существовала только в начальном варианте, созданном фабианцем Дж. Гобсоном (1902), и не воспринималась как важная теоретическая новация. В предвоенные и военные годы ситуация изменилась: новые версии этой теории создавали Р. Гильфердинг, Р. Люксембург, К. Каутский, Н. Бухарин. Ленин написал свой труд «Империализм как высшая стадия капитализма» только в 1916 г., но уже в 1914 г. он рассматривал начавшуюся мировую войну как следствие перехода капитализма в новую стадию[554], а весной 1915 г. дал характеристику эпохи империализма, перечислив ее основные признаки[555]. На основе общего анализа эпохи империализма и причин первой мировой войны Ленин сделал принципиальный вывод не только о возможности, но и *необходимости* общеевропейской революции, чтобы избавить человечество от империалистических войн.

В таких международных условиях он стал рассматривать революцию в России как составную часть общеевропейской революции. В сентябре 1915 г. Ленин писал: «Империалистская война связала революционный кризис в России, кризис на почве буржуазно-демократической революции, с растущим кризисом пролетарской, социалистической революции на Западе, <…> буржуазно-демократическая революция в России теперь уже *не только пролог*, а *неразрывная составная часть* социалистической революции на Западе»[556]. В этой связи он так уточнил задачи российских рабочих: «Задача пролетариата России – довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, *дабы* разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь *чрезвычайно приблизилась к первой,* но она остается все же

---

553 Ленин В. И. И. И. Скворцову–Степанову, 16 декабря 1909 г . С. 230.

554 Ленин В. И. Война и российская социал-демократия // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 13–23.

555 Ленин В. И. Конференция заграничных секций РСДРП // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 161–162.

556 Ленин В. И. Поражение России и революционный кризис // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 27.

особой и второй задачей»[557]. Таким образом, пока Ленин не говорил о непосредственном переходе к социалистической революции в самой России. А в ноябре 1915 г. в статье «О двух линиях в революции» Ленин уже прямо написал, что «освобождением буржуазной России от царизма, от земель и власти помещиков пролетариат воспользуется *немедленно* не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а – для совершения *социалистической* революции *в союзе* с пролетариями Европы»[558]. Очевидно, что в этот момент переход к социалистической революции в России Ленин жестко увязывал с революцией в Европе.

Указывая на назревание общеевропейской революции, Ленин в то же время обратил внимание на неравномерность экономического и политического развития разных стран и сделал вывод о возможности победы социалистической революции, и даже построения социализма, первоначально в одной или нескольких странах. В августе 1915 г. Ленин писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране». Кажущее противоречие между этим тезисом и тезисом о назревании общеевропейской революции Ленин разрешил указанием на то, что мировую социалистическую революцию «нельзя рассматривать, как один акт, а следует рассматривать, как эпоху бурных политических и экономических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контрреволюций»[559]. В июле 1916 г. Ленин более четко сформулировал идею о том, что мировая социалистическая революция будет эпохой, в рамках которой в едином революционном процессе будут сливаться и переплетаться социалистические, национально-освободительные и общедемократические революции и движения: «Думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета, – думать так,

---

[557] Ленин В. И. Несколько тезисов // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 49, 50.
[558] Ленин В. И. О двух линиях в революции // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 81.
[559] Ленин В. И. О лозунге Соединённые Штаты Европы // Полн. собр. соч. Т. 26. С. 352, 354–355.

значит отрекаться от социальной революции. … Кто ждет “чистой” социальной революции, тот никогда ее не дождется»[560].

От этого вывода оставался шаг для вывода о том, что и в России революция будет представлять собой переплетение различных потоков. Ленин сделал этот шаг в декабре 1916 г., когда четко сформулировал мысль о необходимости научиться соединять борьбу за демократию с борьбой за социализм: «Надо уметь *соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй. В этом вся трудность; в этом вся суть»[561].

Опираясь именно на эту мысль, Ленин и создал свою новую стратегическую концепцию развития Русской революции. В своем итоговом варианте она оказалась неожиданной для всех.

2.3. Апрельский курс

Важно отметить, что Ленин изложил свою новую концепцию *только* (!) и *сразу* (!) после победы Февральской революции, что говорит о предварительной работе мысли, результаты которой он не считал возможным обнародовать до падения самодержавия. Причины такой сдержанности уходили корнями в его критику тезиса Парвуса: «без царя, а правительство – рабочее». Ленин понимал, что свергнуть монархию под лозунгом «рабочего правительства» будет трудно. Преждевременная постановка задачи борьбы за перерастание демократической революции в социалистическую могла помешать: отпугнуть возможных союзников в борьбе против царизма и сплотить противников пролетариата. Однако *после* свержения самодержавия Ленин считал необходимым *сразу* использовать благоприятные условия начавшейся революции для выдвижения и реализации *новой стратегической концепции*.

Новая стратегия. Главная новация состояла в том, что Ленин заявил о возможности и необходимости для партии пролетариата *взять и удержать* власть и *начать переходные шаги* к социализму в России в условиях *незавершенной* буржуазной революции. Ранее он об этом никогда не говорил и, более того, резко критиковал Троцкого за похожие идеи, выдвинутые в условиях 1905 г. Что же изменилось? В условиях первой мировой войны Ленин увидел возможность для партии пролетариата привлечь на свою сторону большинство крестьян и взять власть под общедемократическими лозунгами.

---

[560] Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 54.

[561] Ленин В. И. И. Ф. Арманд. 25 декабря 1916 г. // Полн. собр. соч. Т. 49. С. 347.

Более того он осознал возможность превратить процесс решения демократических задач в процесс перехода к социализму.

Новая концепция была основана на тезисе о том, что в сложившихся условиях только власть пролетариата способна решить главные общедемократические задачи русской революции, включая вопросы о мире, хлебе и земле, в интересах народа. Уже 4 марта, т. е. сразу после получения известий о свержении самодержавия, Ленин сформулировал этот тезис. Он заявил, что новое буржуазное правительство России не даст народам России «ни мира, ни хлеба, ни полной свободы». Ленин имел в виду не только «данное правительство» с кадетским большинством, но и такое, которое бы «состояло только из Керенского и других народнических и «марксистских» социал-патриотов», подчеркнув, что и оно было бы «не в состоянии избавить народ от империалистской войны и гарантировать мир»[562]. Далее он подробно обосновал этот тезис в мартовских «Письмах из далека», и затем превратил его в основу всей большевистской пропаганды в революционном 1917 г.

Возникает вопрос: почему Ленин считал, что не только кадеты, но и эсеры и меньшевики не смогут решить вопросы о земле и мире в интересах рабочих и крестьян? Ответ вытекал из анализа причин краха II Интернационала: мировая война превратила многих социалистов в «оборонцев» («социал-шовинистов» или «социал-патриотов» как их называл Ленин), готовых поддержать свое правительство. Пока в России у власти находилось царское правительство, немногие социалисты были готовы открыто встать на позиции «оборончества», но после Февральской революции «революционное оборончество» явилось основой для блока правых социалистов и буржуазных партий. Ленин полагал, что российские либералы не пойдут на демократический мир, а правые социалисты в условиях войны не решатся сами взять власть и вступят в коалицию с либералами. А эта коалиция закрывала путь и к миру, и к радикальной аграрной реформе. Именно особая связь вопросов о земле и мире в условиях мировой войны открывала большевикам возможность взять власть под *общенародными* лозунгами, тем более, что лозунги мира и земли объективно носили антибуржуазный характер.

Иными словами, послефевральские условия 1917 г., в отличие от 1905 г., позволяли большевикам повести за собой крестьян и соединить борьбу за демократию с борьбой за социализм в рамках единого революционного про-

[562] Ленин В. И. Набросок тезисов 4 (17) марта 1917 года // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 2, 6.

цесса. Именно поэтому Ленин весной 1917 г. высказал идеи, за которые он ранее резко критиковал Троцкого.

В «Наброске тезисов…» от 4 марта Ленин неслучайно поставил на первое место вопрос о мире: желание покончить с войной было общим желанием рабочих и крестьян. Та партия, которая была способна покончить с войной, имела огромное преимущество над другими партиями. И здесь Ленин учитывал особую ситуацию в России. В отличие от англичан, французов и германцев русский народ не был заинтересован в продолжении войны, поскольку ее цели явно не отвечали национальным интересам. Французы ненавидели немцев и хотели вернуть Эльзас и Лотарингию, англичане видели в Германии угрозу для своих колоний, а правители России вели войну за Константинополь и черноморские проливы. Русский народ и другие народы империи не понимали и не разделяли эти цели. Именно поэтому лозунг «Долой войну» был одним из главных лозунгов рабочих столицы уже в дни Февральской революции. Ленин сохранял верность своему лозунгу превращения мировой империалистической войны в гражданскую – в общеевропейскую революцию. Однако в марте-апреле 1917 г. он нашел для него другую форму: превратил в тезис о том, что «кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала»[563]. Акцент был сделан на мир, а не на революционную войну. Трудно сказать, насколько искренне Ленин верил в возможность скорой *общеевропейской* революции как способа покончить с мировой войной, но с весны 1917 г. он постоянно говорил о назревании революции *в Германии*, которая находилась в самом трудном экономическом положении и проигрывала войну Антанте. С учетом тезиса о возможности победы социализма первоначально в одной или немногих странах не исключено, что тандем революционной России и революционной Германии был действительной внешнеполитической целью «апрельского курса»[564]. Как бы там ни было, поддержка большевиками лозунга мира и готовность делать реальные шаги в этом направлении давали им преимущество в борьбе за власть.

Не менее важной была готовность большевиков радикально решить аграрный вопрос в соответствии с требованиями крестьян. В своих мартовских

---

563 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 104.

564 Напомним о том, что Веймарская республика (Германия с 1919 г. до 1933 г.) была главным партнером Советской России в Европе в сфере экономического и военного сотрудничества и сорвала попытку Англии организовать «крестовый поход» против СССР в 1927 г.

письмах Ленин писал: «В России победа пролетариата осуществима в самом близком будущем *лишь при условии*, что *первым шагом* ее будет поддержка рабочих громадным большинством крестьянства в борьбе его за конфискацию всего помещичьего землевладения (и национализацию всей земли, если принять, что аграрная программа «104-х» осталась по сути своей аграрной программой *крестьянства*)»[565]. Отметим оговорку в ленинском тексте: «если принять, что аграрная программа “104-х” осталась по сути своей аграрной программой крестьянства». Ленин в марте 1917 г. не мог определить, какие перемены в психологии крестьян произошли в ходе столыпинских реформ, и будет ли теперь большинство крестьян требовать ликвидации частной собственности на землю, как это требовала программа 104-х крестьянских депутатов Думы в 1906 году. Ленин лишь надеялся, что крестьянство сохранило общинную психологию, и делал ставку на эту важнейшую национальную особенность России**.** Надежда оправдалась: в апреле 1917 г. на мирских сходах и губернских съездах, а в мае на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов крестьяне подтвердили стремление уничтожить частную земельную собственность. И уже в мае было ясно, что Временное правительство, представлявшее собой коалицию кадетов и умеренных социалистов, не пойдет на такое радикальное решение аграрного вопроса.

Аграрные требования крестьян стали основой стратегии «*переходных шагов*» к социализму в отсталой России. Ленин прямо связал эту стратегию с крестьянской общинной революцией: «В связи с такой крестьянской революцией и *на основе ее* возможны и необходимы дальнейшие шаги пролетариата в союзе с беднейшей частью крестьянства, шаги, направленные к контролю производства и распределения важнейших продуктов, к введению “всеобщей трудовой повинности” и т. д.». «<…> в своей сумме и в своем развитии эти шаги были бы *переходом к социализму,* который непосредственно, сразу, без переходных мер, в России неосуществим*,* но вполне осуществим и насущно-необходим в результате такого рода переходных мер»[566].

Возможность таких шагов Ленин связывал с уровнем развития российского капитализма, указывая на высокую степень концентрации крупной промышленности и финансового капитала, что позволяло осуществить не только контроль над производством и распределением, но и провести нацио-

---

[565] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31... С. 56.

[566] Там же.

нализацию банков и крупных синдикатов, т. е. захватить «командные высоты» в экономике. Следует отметить, что эта программа опиралась на европейский, особенно германский, опыт государственного регулирования экономики в условиях военного времени.

В итоге можно сделать вывод: именно на основе анализа конкретных международных и внутренних условий, сложившихся накануне и после Февральской революции 1917 г., Ленин увидел возможность выдвинуть новую стратегию развития революции в России, основанную на принципе непосредственного соединения борьбы за демократические реформы с борьбой за социализм. Кратко перечислим эти условия. *Внешние*: мировая война, чреватая возникновением общеевропейской революционной ситуации и чуждая национальным интересам России. *Внутренние*: крах репрессивной машины самодержавного государства; общинный менталитет крестьян, миллионы которых держали оружие в руках; позиция правых социалистов, готовых на блок с кадетами, который закрывал этим партиям путь к радикальному решению вопросов о земле и мире. Эти условия позволяли соединить борьбу всего народа за мир с борьбой крестьян за землю и борьбой рабочих за социализм.

И еще один важный момент. Ленин еще до приезда в Россию сформулировал не только стратегию перерастания демократической революции в социалистическую, но и нашел лучшую политическую форму для реализации этой стратегии, а именно: Советы рабочих депутатов и других слоев трудового народа. Уже осенью 1915 г. в статье «Несколько тезисов» он сформулировал четвертый тезис: «Советы рабочих депутатов и т. п. учреждения должны рассматриваться, как органы *восстания*, как органы революционной *власти*»[567]. Итак, Ленин рассматривал Советы не только как органы восстания, но и как органы государственной власти. В конце 1916 г. Ленин разработал учение о государстве нового типа, и в марте 1917 г. сразу поставил задачу борьбы за республику Советов как прообраз такого государства.

Все эти идеи Ленин изложил в апрельских статьях и выступлениях сразу после возвращения из эмиграции. Наибольшую известность получила статья в «Правде» от 7 апреля, написанная в виде кратких тезисов. Они-то и получили название «апрельских тезисов». Суть тезисов:

– курс на переход ко второму этапу революции, «который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»;

---

[567] Несколько тезисов т. 27. С. 49.

– «никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний»;

– «разъяснение массам, что С.Р.Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства»;

– «не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов»;

– «кончить войну … ненасильническим миром нельзя без свержения капитала»[568].

Закономерен вопрос: как соотносятся между собой та концепция «перманентной» революции, которую ранее сформулировал Троцкий, и концепция «перерастания», озвученная Лениным сразу после Февральской революции? Самый простой и очевидный ответ на этот вопрос гласит: они совпадают в своих основных чертах, но Троцкий выдвигал свою концепцию в условиях 1905 г., когда она была нереальной и поэтому ошибочной. Ленин выдвинул свою концепцию в условиях 1917 г., когда возникли реальные шансы на ее реализацию. Тем не менее в ленинской концепции были важные особенности, которые проявили себя лишь впоследствии. Ленин, рассчитывая на помощь европейского пролетариата, создал стратегию перехода к социализму, которая в большей степени, чем у Троцкого опиралась на *внутренние* российские условия, учитывала специфику крестьянского менталитета и целей России в мировой войне. Сделав ставку на концепцию переходных шагов (тех, которые получат заведомую поддержку большинства населения) Ленин, в отличие от Троцкого, исходил из возможности сохранения союза пролетариата с большинством крестьян. Не случайно он постоянно воспроизводил формулу «пролетариат и беднейшее крестьянство», видя именно в этом союзе социальную базу пролетарской революции в России. В результате ленинская стратегия развития революции была менее зависимой от внешнего фактора. Однако Ленин ни до, ни в самом 1917 г. не выдвигал тезиса о том, что российский пролетариат сможет победить и построить социализм в условиях капиталистического окружения.

Апрельские конференции. После Февраля большевики, находившиеся в России, и прежде всего руководящий центр в лице Русского бюро ЦК (А. Г. Шляпников, В. М. Молотов, П. А. Залуцкий) в Петрограде, мыслили даль-

[568] Ленин Н. О задачах пролетариата в данной революции // Правда. 1917. № 26. 7 апреля.

нейшее развитие Февральской революции в рамках стратегии, принятой III съездом партии в 1905 г. и подтвержденной всеми последующими съездами и конференциями РСДРП. Стратегия исходила из того, что Россия в начале века объективно стояла на пороге демократической революции. Свою задачу большевики видели в доведении демократической революции до полной победы, которая в политическом плане означала установление демократической республики и революционного правительства как органа революционно-демократической диктатуры, т. е. политического господства рабочих и всего крестьянства. Главной задачей Временного правительства будет созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования. Учитывая классовый состав России, большевики понимали, что большинство голосов в парламенте получат партии и организации крестьянства, и поэтому активная и руководящая роль (гегемония) пролетариата в ходе революции отнюдь не приведет партию пролетариата к власти.

Сразу после возвращения, Ленин в ночь на 4 апреля во дворце Кшесинской, где располагался штаб большевиков, огласил свои новые идеи, которые вызвали откровенное удивление у присутствовавших[569]. Днем 4 апреля он повторил их перед более широкой аудиторией: сначала перед большевиками – участниками Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, а затем перед большевиками и меньшевиками – участниками этого совещания. В докладе перед большевиками Ленин сформулировал следующую мысль: «нигде такой свободы, как у нас, нет, и на нас ложится поэтому *ответственность* перед всем международным пролетариатом»[570]. Речь шла о том, что именно русский пролетариат должен взять на себя почин в деле борьбы за общеевропейскую социалистическую революцию.

Седьмого апреля Ленин напечатал краткие тезисы своих выступлений в газете «Правда» под заглавием «О задачах пролетариата в данной революции», сделав их общедоступными.

На статью Ленина в «Правде» Л. Б. Каменев ответил статьей «Наши разногласия», где так оценил позицию Ленина: «Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на *немедленное перерождение* этой революции в революцию социа-

---

569 Суханов Н. Записки о революции. Кн. 3. Берлин–Петербург–Москва: Из-во З. И. Гржебина, 1922. С. 26–27.

570 Ленин В. И. Доклад на собрании большевиков // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 103.

листическую»[571]. Фактически Каменев обвинял Ленина в «перепрыгивании» через незаконченную буржуазно-демократическую революцию, т. е. в том, в чем Ленин ранее обвинял Троцкого.

Каменев выделил тот пункт, который наиболее смущал большевиков. Всем было очевидно, что буржуазно-демократическая революция в России не закончена, поскольку ни одна из ее главных задач не решена. Прежде всего, не решена главная политическая задача – не собрано Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права, которое и должно было решить основные вопросы революции. Именно так большевики представляли себе политическую победу демократической революции. Смущал и план перехода к социализму в стране, где явно не было зрелых экономических и социально-политических предпосылок для такого перехода, о чем Ленин сам неоднократно писал все прошлые годы. Смущала и столь явная ставка на победу революции в Европе, которую нельзя было считать гарантированной. В такой ситуации Каменев считал верной прежнюю стратегию большевиков, намеченную в решениях III съезда в 1905 г. и подтвержденную на всех последующих форумах.

Важно отметить, что Каменев написал свою статью как выражающую не только его личное мнение, но и позицию Бюро ЦК, опиравшуюся на все ранее принятые общепартийные решения. Более того, эта позиция была только что одобрена фракцией большевиков, прибывших в конце марта в Петроград со всей страны на Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов. Позиция была закреплена в виде резолюций о Временном правительстве и войне, представленных большевиками на этом совещании Советов[572]. Свидетельством того, что позиция Каменева не была позицией одиночки или верхушки Русского бюро ЦК, служат итоги заседания Петербургского комитета большевиков от 8 апреля, когда за тезисы Ленина голосовало только двое из присутствовавших, 13 голосовало против, 1 воздержался[573].

Ленин начал борьбу за принятие своих тезисов и быстро получил поддержку рядовых членов партии из числа рабочих, которые видели в революции способ немедленного достижения своих целей, формулируя их в простых формулах: «фабрики – рабочим», «земля – крестьянам», «мир – народам»,

---

[571] Каменев Ю. Наши разногласия // Правда. 1917. № 25, 8 (21) апреля.

[572] Правда. 1917. № 25, 8 (21) апреля.

[573] Первый легальный Петербургский Комитет большевиков в 1917 г. Сборник материалов и протоколов. М.–Л. 1927, С. 88.

«война – дворцам». Историк-большевик Н. А. Рожков, ссылаясь на свой личный опыт общения с рабочими в 1905-1907 гг., писал, что русский рабочий «в массе своей никогда не проводил резкой грани между программой минимум и программой максимум», которые существовали в РСДРП. Рабочие стремились к захвату фабрик и не воспринимали речи социал-демократов из числа интеллигентов о «необходимости объективной подготовки социалистической революции, достижения высокого уровня развития производительных сил». Рабочие-большевики уже в 1905 г. боролись за радикальную революцию для себя и не понимали, почему в случае своей победы они должны отдать власть буржуазии[574]. Ленин в апреле 1917 г. использовал эти настроения в рабочей среде и в районных комитетах партии большевиков.

Важную победу в борьбе за принятие нового курса Ленин одержал на *Петроградской общегородской конференции* партии большевиков 14–22 апреля. Защищая свою позицию от критики со стороны Каменева, Ленин заявил, что «буржуазная революция в России закончена, поскольку власть оказалась в руках буржуазии». Он также обратил внимание на ситуацию «двоевластия», которая сложилась в России в результате революции, и предложил такую логическую конструкцию: «Совет рабочих и солдатских депутатов есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян»; «диктатура пролетариата и крестьян *переплелась* с властью буржуазии»; «Дальнейшая ступень – диктатура пролетариата, но он еще не достаточно организован и просвещен, его надо просветить…»[575].

Эти аргументы не отвечали на все вопросы. Делегаты конференции знали, что прошедшее Всероссийское совещание Советов поддержало Временное правительство, которое обещало созвать Учредительное собрание. Результаты выборов в Учредительное собрание были предсказуемы в том, что они не могли дать большинства партии пролетариата. Как в таких условиях в ходе демократической революции могла возникнуть диктатура пролетариата, было непонятно. Делегаты не видели возможности для большевиков повести за собой крестьян и не были готовы бороться за диктатуру меньшинства.

Вот несколько позиций, высказанных делегатами конференции:

---

574 Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. Том XII. М.: Изд. «Книга», 1926. С. 287–288.

575 Петроградская общегородская конференция РСДРП (б) // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. С. 10–13.

Михаил (Шутко): «Демократическая диктатура пролетариата – вот наше основание. … Мы должны организовать власть пролетариата и крестьянства и должны ее отделить от коммуны, так как там власть только пролетариата».

Приседко: «… я считаю, что, чтобы революция дошла до конца, до полной демократической победы, нужно, чтобы власть перешла в руки демократии, и нужна агитация, но не захват власти».

Сергей (Багдатьев): «Мы должны говорить, что Совет рабочих и солдатских депутатов должен стать у власти, так как Временное правительство не может осуществить демократических требований массы»[576].

Видя скепсис целого ряда делегатов в отношении его курса, Ленин сделал акцент на борьбу за переход власти к *существующим* Советам: «Пока власть не захватили Советы, мы ее не возьмем; Советы же должна толкать к власти живая сила»[577]. Лозунг «Вся власть Советам» был понятен и популярен среди рабочих, и получил поддержку делегатов городской конференции, многие из которых понимали его как лозунг борьбы за демократическую диктатуру пролетариата и крестьян, а не социалистическую диктатуру пролетариата. При этом многие не видели разницы между старой позицией большевиков и позицией Апрельских тезисов в той трактовке, которую предложил Ленин уже в ходе конференции. Об этом прямо говорил М. И. Калинин: «Я принадлежу к старым большевикам, ленинистам, и тем не менее считаю, что старый ленинизм вовсе не оказался непригодным для настоящего своеобразного момента, и удивляюсь заявлению т. Ленина о том, что старые большевики стали помехой в настоящий момент. Наоборот. Стоит прочесть наш первый документ во время революции – манифест нашей партии, и вы убедитесь, что наша картина революции и наша тактика ничуть не расходились с тезисами т. Ленина»[578]. И действительно, лозунг борьбы за власть Советов рабочих и солдатских депутатов в той ситуации лишь конкретизировал старый большевистский лозунг борьбы за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и всего крестьянства.

В заключительном слове, после обсуждения, Ленин отметил «разноголосицу», а его ближайший помощник Г. Е. Зиновьев, видя разброс во мнениях, предложил вообще не принимать резолюцию по текущему моменту. Каменев

---

[576] Петроградская общегородская конференция РСДРП (б) // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. С. 13, 14, 17.
[577] Там же. С. 11, 12–13.
[578] Там же. С. 18.

выразил протест и потребовал четкого определения позиций. Ленин предложил создать комиссию и поручить ей разработать проект резолюции [579].

В результате появился компромиссный вариант резолюции, согласно которой городская конференция большевиков приняла курс на борьбу за власть Советов, но социальную базу этой власти четко не определила. Напомним, что в «Апрельских тезисах» Ленин дал формулу перехода власти «в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Резолюция городской конференции содержала формулу «перехода всей государственной власти в руки Советов рабочих, солдатских и др. депутатов или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа» [580]. Резолюция оставляла открытым вопрос о том, *какой* класс и *какая* партия будут доминировать в этом большинстве.

В резолюцию о войне Ленину удалось вставить фразу, которая более точно определяла классовую сущность власти, за которую он предлагал бороться. В ней говорилось, что войну «можно окончить действительно демократическим, не насильническим миром, только посредством перехода всей государственной власти в руки класса, действительно не заинтересованного в охране прибылей капиталистов, класса, действительно способного положить конец гнету капитала, именно *класса пролетариев и полупролетариев*». Отметим, что эта резолюция была принята только за основу для представления на усмотрение Всероссийской конференции большевиков[581]. Отметим и то, что ни в одной из резолюций, принятых общегородской конференцией, прямо не говорилось, что большевики ставят задачу бороться за переход от демократического этапа революции к *социалистическому*.

Сразу после окончания Петроградской общегородской конференции большевиков начала свою работу *VII Апрельская Всероссийская конференция большевиков* (24–29 апреля), на которой новая стратегия Ленина встретила сильное сопротивление. Многие видные деятели партии и целые организации сопротивлялись отходу от «старого большевизма» и критиковали тезисы Ленина за несоответствие существующим условиям.

Конференция началась с краткого вступительного слова Ленина, который объявил, что «наша конференция … собирается в условиях не только

---

[579] Петроградская общегородская конференция РСДРП (б)… С. 20, 22.

[580] Петроградская общегородская конференция РСДРП (б) // Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. С. 36–37.

[581] Там же. С. 56, 58.

российской, но и нарастающей международной революции», и что «*только под этим углом* зрения мы и можем определять наши задачи»[582]. Фактически это был призыв рассматривать задачи русской революции, исходя из уверенности в том, что международная революция начнется в скором времени.

Выступая с докладом по первому вопросу (о текущем моменте и отношении к Временному правительству) Ленин предложил взять за основу резолюцию, принятую на общегородской конференции большевиков в Петрограде. Однако делегат *А. С. Бубнов* (Иваново-Вознесенск) от имени Областной конференции Центрального промышленного района предложил формулу, которая ставила задачу борьбы за «сосредоточение всей власти в организациях революционно-демократических групп населения». Их состав раскрывался так: пролетарские, полупролетарские и революционные мелкобуржуазные слои города и деревни»[583]. Фактически это был курс на сохранение «старого большевизма».

Ленин выступил с подробной защитой своих тезисов, в основном повторив то, о чем говорил на Петроградской общегородской конференции большевиков. После его доклада Ф. Э. Дзержинский заявил, что «из частных разговоров выяснилось, что многие не согласны принципиально с тезисами докладчика», и конференция решила заслушать содоклад Каменева.

Каменев так суммировал свою позицию: «Мы против революционного оборончества и против Временного правительства, но в то же время мы против немедленного низвержения Временного правительства и против немедленного превращения буржуазно-демократической революции в социалистическую»[584]. Каменев заявил, что на его взгляд, «неправ т. Ленин, когда он говорит, что буржуазно-демократическая революция закончилась», поскольку еще не решен аграрный вопрос и не установлена демократическая республика, а значит «есть задачи, которые могут быть выполнены союзом рабочих и крестьян. Значит, буржуазная революция еще не закончилась, еще не изжила себя». Каменев оценил Советы рабочих и солдатских депутатов как «блок мелкобуржуазных и пролетарских сил, перед которыми стоят еще незаконченные буржуазно-демократические задачи»[585]. Каменев предложил делегатам четко определить позицию партии: «Я думаю, что должна быть одна из

---

582 Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. С. 63.
583 Там же. С. 65–66.
584 Там же. С. 79.
585 Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б)... С. 80–81.

двух тактик: или перед пролетариатом стоят задачи, которые могут быть осуществлены только пролетариатом, и ни одна из общественных групп ему помочь не может, – и тогда мы разрываем блок и идем на осуществление тех идей, которые должны быть выполнены пролетариатом; или мы считаем, по условиям текущего момента, блок жизненным, имеющим будущее, – и тогда мы в этом блоке *участвуем* и строим всю нашу тактику так, чтобы этот блок *не разорвать*. … Мы идем с блоком и еще можем сделать совместно с ним несколько шагов. Я хочу, чтобы пролетарская партия действительно поступила так»[586]. Каменев обвинял Ленина в том, что его курс приведет к *преждевременному* разрыву коалиции с умеренными социалистами, а значит с теми солдатами и крестьянами, которые их поддерживают. Каменев призывал конференцию четко определиться по этому вопросу. В итоге он сделал вывод: «построения т. Ленина и резолюция страдают одним: рисуя в общем и целом совершенно правильно *перспективу* русской революции, они оставляют нас, активных политиков, без программы-минимум, без того, с чем мы должны работать сейчас, вокруг чего мы должны сплотиться»[587].

В этой концовке была заложена определенная дипломатия: Каменев назвал правильной «перспективу русской революции», т. е. переход к пролетарскому этапу, хотя на самом деле он считал, что в России нет объективных условий для такого перехода, и был сторонником борьбы за создание коалиционного правительства в составе всех социалистических партий, что со временем получит название «однородного социалистического правительства». В этом и заключалась суть «старого большевизма». Позиция Каменева была обусловлена и неверием в скорую революцию на Западе.

Смидович (Москва) рассказал о негативных последствиях уже самого факта опубликования тезисов Ленина, которые были восприняты как курс на разрыв блока всех советских партий и свержение Временного правительства. Он отметил, что до тезисов Ленина московские большевики считали своей задачей «создание таких условий, при которых власть должна быть передана в руки *революционной демократии»,* и на такой платформе имели растущее влияние в Московском Совете рабочих депутатов. Но после *того как* появились ленинские тезисы «нас сразу отмежевали, как стоящих на точке зрения этих тезисов, как людей, непосредственно стремящихся к передаче власти в

586 Там же. С. 81.
587 Там же. С. 85.

руки Советов. Все остальные фракции сейчас же, в противовес нам, слились … Влияние наше было аннулировано, и у нас осталась приблизительно одна четвертая часть голосов. … В Совете солдатских депутатов та же самая картина. … при каждом нашем выступлении на нас направляется определенное пугало в виде тезисов т. Ленина». Смидович так оценил тезисы Ленина: они «выдвигают революционную программу, правильно намеченную, но изложенную … без учета тех сил, к которым мы обращаемся, и того влияния, которое эта программа должна была оказать»[588].

С. Я. Багдатьев (Петроград). «Я думаю, что т. Ленин слишком рано отказался от старой большевистской точки зрения. … Мысль моя, следовательно, такова: буржуазно-демократическая революция еще не закончилась. Проведение 8-часового рабочего дня, громадного прогрессивного налога на капитал, вооружение всего народа, все это – принципы программы-минимум, которые может Совет рабочих и солдатских депутатов провести, не становясь на нашу точку зрения. … Революция в Германии может заставить нас провести программу-максимум». Багдатьев обратил внимание и еще на один важный момент: «В тезисах об Учредительном собрании ничего нет. Совет рабочих депутатов есть временное правительство, в лучшем случае подготовляющее созыв Учредительного собрания, а затем Учредительное собрание может отдать власть в руки нашей партии, или же власть очутится в руках мелкой буржуазии – это неизвестно»[589].

Зиновьев поддержал Ленина, но провел мысль о том, что ставка делается на мировую революцию: «Мы держим курс на мировую пролетарскую революцию, и в этом весь вопрос. Кто держит такой курс, тот не согласится с многими и многими положениями речи т. Каменева. … Но в данный момент, в данной стадии русской революции, наш безусловный долг всеми силами в так называемой политической борьбе за мир держать курс на мировую пролетарскую революцию»[590].

А. И. Рыков (Москва) возразил Зиновьеву, указав на малую социальную базу в России для перехода к социалистической революции: «Россия – самая мелкобуржуазная страна в Европе. Рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно, и потому, поскольку партия будет сто-

---

[588] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. С. 89–90.
[589] Там же. С. 90–92.
[590] Там же. С. 104.

ять на точке зрения социалистической революции, постольку она будет превращаться в пропагандистский кружок. Толчок к социальной революции должен быть дан с Запада. Толчок от революционной солдатской руки идет на Запад, там он превращается в социалистическую революцию, которая будет опорой нашей революции». Рыков выступал за выполнение общедемократической программы в союзе с другими советскими партиями до тех пор, пока не начнется революция на Западе: «инициатива социалистического переворота принадлежит не нам» [591].

В своем заключительном слове Ленин не согласился с Каменевым и Рыковым, но избрал примирительный тон, не желая вызвать раскол конференции. В итоге была создана комиссия для подготовки текста резолюции. В нее вошли Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин, Бубнов, Правдин, Ногин.

Этот текст готовился на фоне докладов с мест, в которых делегаты рассказывали о работе партийных организаций большевиков и местных Советов. Постепенно складывалось понимание того, что партия видит свою непосредственную задачу в том, чтобы бороться за укрепление своего влияния в Советах и других массовых организациях. Переход от общедемократических задач к социалистическим рассматривался делегатами как цель, которая может быть достигнута при поддержке европейского пролетариата. Возможность революции в Европе не ставилась под сомнение, но ее сроки никто не брался предсказывать. На таком фоне комиссии подготовили основные резолюции, которые в том или ином виде содержали все основные положения Ленина.

Первой была принята резолюция «О войне», которая вскрывала империалистический характер войны, говорила о том, что буржуазное правительство неспособно закончить войну демократическим миром, что это можно сделать «*только* посредством перехода всей государственной власти, по крайней мере, *нескольких* воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев»[592].

Ключевая резолюции «О текущем моменте» прямо фиксировала «назревание революции в Германии» и в этом контексте говорила, что «русская революция является только первым этапом первой из *пролетарских* револю-

---

[591] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б)… С. 106–107.
[592] Там же. С. 241–243.

ций, *неизбежно* порождаемых войной»[593]. В резолюции говорилось, что «пролетариат России, действующий *в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения*, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования», но в то же время ставилась задача «*разъяснения* народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму» (национализация земли, госконтроль над банками и крупнейшими синдикатами и др.). «Такие меры, – говорилось в резолюции, – экономически вполне назрели, технически безусловно осуществимы немедленно, политически могут встретить поддержку подавляющего большинства крестьян, выигрывающего от этих преобразований во всех отношениях». Резолюция отмечала, что указанные меры «должны быть не только обсуждаемы и подготовляемы для проведения их в общегосударственном масштабе при условии перехода *всей власти к пролетариям и полупролетариям*, но и осуществляемы местными революционными органами всенародной власти, когда к этому представляется возможность»[594]. Таким образом, резолюция «О текущем моменте» воплощала в себе общепартийное решение идти к социализму «назревшими шагами».

В резолюции «О Советах рабочих и солдатских депутатов» ставилась задача «подготовки во всероссийском масштабе сил для второго этапа революции, который должен передать всю государственную власть в руки Советов или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредительное собрание и т. п.).[595] Эта формула отличалась от более четкой формулы «апрельских тезисов», где говорилось, что второй этап «должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»[596].

Важное значение имело принятие резолюции по аграрному вопросу, в центре которой стоял пункт о национализации земли. Ленин при ее обосновании выступал, с одной стороны, с традиционной трактовкой, согласно которой национализация земли является «буржуазной мерой», и «означает наибольшую возможную и мыслимую в капиталистическом обществе свободу классовой борьбы и свободу землепользования от всех небуржуазных

---

593 Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. С. 256.
594 Там же. С. 257.
595 Там же. С. 259.
596 Ленин. В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.

придатков». С другой стороны, резолюция признавала, что «национализация земли, как отмена частной собственности на землю, означала бы на практике такой могучий удар по частной собственности на все средства производства вообще, что партия пролетариата должна оказать всякое содействие подобному преобразованию»[597]. Национализация земли была одной из важнейших переходных мер к социализму.

В резолюции прямо говорилось, что судьба русской революции зависит от позиции основной массы крестьянства: «В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контрреволюции вообще, – в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции, поскольку начинающаяся пролетарская революция в Европе не окажет на нашу страну своего непосредственного, могучего влияния»[598].

Решения VII Всероссийской конференции позволяют сделать вывод о том, что главный результат Ленин получил: конференция ориентировала большевиков на борьбу за власть в рамках *текущей* революционной ситуации с целью осуществления переходных шагов к социализму. Ленин психологически подготовил партию к борьбе за эту цель, преодолев догму о том, что в России нет условий для такого перехода. Непосредственной задачей ставилась борьба за переход власти к существующим Советам, и эта борьба мыслилась только как мирная пропаганда: «*пока* нет насилия над массами, – писал Ленин, – нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством»[599]. Такая трактовка непосредственной задачи практически снимала разногласия в партии, поскольку устраивала всех.

---

[597] Ленин. В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 246.
[598] Там же.
[599] Там же. С. 147.

ГЛАВА 3. ПУТЬ К ВЛАСТИ. ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

В этой главе рассмотрена история принятия и реализации большевиками основных тактических решений на пути к власти. Особое внимание уделено курсу на вооруженное восстание, которое стало ключевым звеном Октябрьской революции. Реализация курса явилась результатом упорной борьбы Ленина с теми руководителями партии большевиков, которые в принципе считали преждевременной попытку проведения пролетарской революции в условиях России, а также с теми, кто считал его тактику борьбы за власть слишком жесткой и опасной. Однако анализ событий второй половины 1917 года показывает, что курс на вооруженное восстание был единственным способом для большевиков взять и удержать власть. В то же время необходимо отметить, что успех ленинского курса был во многом обусловлен позицией большинства членов ЦК. Они удержали партию от преждевременных выступлений, которые могли произойти из-за давления Ленина, боявшегося упустить момент для взятия власти. Эти два фактора – давление Ленина с одной стороны, и осторожная позиция ЦК с другой – позволили найти оптимальную тактику борьбы за власть: фактически октябрьское вооруженное восстание в Петрограде прошло бескровно и стало чисто политической акцией, которая продемонстрировала нежелание рабочих и солдат защищать Временное правительство. Большевики пришли к власти в результате решения II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Тем не менее необходимо подчеркнуть – роль Ленина была решающей. Октябрьская революция ярко продемонстрировала роль личности в истории.

3.1. Первый опыт: апрель–июнь

Уроки Апрельского кризиса. В дни, когда большевики вырабатывали свой новый курс, произошли события, которые подтверждали выводы Ленина, положенные в основу нового курса: 1) о нежелании правительства дать народу мир; 2) о боязни правых социалистов взять власть и их готовности заключить коалицию с кадетами.

18 апреля или 1 мая по новому стилю в Петрограде прошла многотысячная первомайская демонстрация, одним из главных лозунгов которой был «Мир без аннексий и контрибуций». Демонстрация произвела впечатление на послов стран Антанты, которые боялись одностороннего выхода России из войны. Чтобы нейтрализовать эти опасения, министр иностранных дел Временного правительства кадет П. Н. Милюков в этот же день направил прави-

тельствам Антанты ноту, в которой вместо ранее обещанных Петросовету инициатив по заключению мира подтверждал готовность России «довести мировую войну до решительной победы»[600].

Текст ноты поразил Исполком Совета. Эсеры стали обсуждать возможность составить правительство без кадетов. Их настроения отразили рассуждения В. М. Чернова, лидера эсеров: «Каждый день усиливает нашу позицию. … Мы несомненно знаем, что боремся за власть … Свергнуть-то всегда можно, но пробил ли час?» [601]. Главный аргумент: без кадетов социалисты не смогут наладить управление страной, избежать анархии, которая приведет к победе контрреволюции. Исполком решил вступить в переговоры с правительством. Тем временем 20 апреля нота была опубликована в газетах и стала известна в полках и на заводах. Тысячи солдат пришли к Мариинскому дворцу, где заседало Временное правительство, и потребовали отставки Милюкова и военного министра Гучкова. Вечером состоялось экстренное заседание Петросовета, на котором большевики предложили Совету взять власть. Лидер меньшевиков Чхеидзе уговорил депутатов подождать результатов переговоров с правительством и вернуть солдат в казармы.

На встрече с делегацией Исполкома члены правительства нарисовали мрачную картину положения дел в стране и заявили о готовности уйти: «Или поддерживайте правительство, или возьмите власть в свои руки, третьего положения нет»[602]. Лидеры Исполкома удовлетворились обещаниями правительства «разъяснить» текст ноты как стремление к миру без аннексий.

Договоренность с правительством не смогла остановить массовую *антивоенную* демонстрацию: 21 апреля на улицы столицы вышли около 100 тыс. рабочих и солдат. Демонстрация была во многом стихийной, и роль большевиков в ее организации не следует преувеличивать. ЦК большевиков накануне принял резолюцию и воззвание, написанные Лениным. Они осуждали Временное правительство, но не призывали к его свержению. В «Воззвании» говорилось, что мир может наступить «только в том случае, если государственная власть в обоих враждебных ныне государствах, например и в *России, и в Германии*, перейдет всецело и исключительно в руки революционных Советов рабочих и солдатских депутатов, способных не на словах, а

---

[600] Вестник Временного правительства. 1917. 20 апр.
[601] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. СПб. 1995. Т. 2. С. 245.
[602] Речь. 1917. 22 апреля.

на деле порвать всю сеть отношений и интересов капитала»[603]. Демонстрации прошли в Москве и других городах. Многие солдатские комитеты заявили о недоверии военному министру Гучкову.

Апрельские дни показали слабость новой государственной власти. Яркой иллюстрацией стала попытка генерала Л. Корнилова, назначенного командующим Петроградским военным округом, вызвать на Дворцовую площадь части гарнизона и артиллерию и силой подавить солдатские волнения. Однако сразу стало ясно, что столичный гарнизон для подавления волнений не пригоден. Корнилов уехал в действующую армию. Военный министр Гучков подал в отставку.

Попытка Корнилова вызвала озлобление со стороны рабочих и солдат. Появились первые решения местных Советов с требованием отставки правительства. Гельсингфорсский Совет Депутатов Армии и Флота и Рабочих, который контролировал моряков Балтфлота и войска в Финляндии, заявил, что «*настало время для ухода* империалистического Временного Правительства, не исполняющего воли народа», и что он «ждет по этому вопросу только решения Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и обещает в любой момент поддержать вооруженной силой требование об уходе Временного Правительства»[604].

Оценив ситуацию, буржуазные министры 26 апреля предложили лидерам Совета войти в состав Временного правительства. Опасность такого предложения для правых социалистов была очевидной. Исполком Совета при голосовании 28 апреля разделился пополам: 23 – против коалиции, 22 – за. Однако под давлением А. Ф. Керенского 1 мая лидеры эсеров и меньшевиков приняли предложение кадетов, которые пожертвовали Милюковым и Гучковым. В состав нового кабинета наряду с 10 министрами-либералами вошли 6 министров-социалистов. Главой правительства остался князь Г. Е. Львов, пост военного министра занял эсер А. Ф. Керенский, пост министра иностранных дел – формально беспартийный крупный банкир М. И. Терещенко, пост министра земледелия – эсер В. М. Чернов. Задачи нового кабинета были объявлены в *Декларации от 5 мая.* По вопросу о войне в ней говорилось: «Временное правительство … открыто ставит своей целью *скорейшее достижение всеобщего мира ... без аннексий, и контрибуций на началах само-*

---

[603] Ленин В. И. Воззвание к солдатам всех воюющих стран // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 295.
[604] Правда. 1917. 30 апреля, № 54. С. 7.

определения народов». По вопросу о земле правительство обещало «*регулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения*». Чернов обещал издать декрет о запрете купли-продажи земли до Учредительного собрания, поскольку помещики совершали фиктивные сделки, дробя крупные поместья. Правительство обещало бороться с хозяйственной разрухой «проведением *государственного и общественного контроля* над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов», а также обеспечить «скорейший созыв Учредительного собрания»[605].

Выполнение заявленной программы могло обеспечить мирное развитие революции и закрыть большевикам путь к власти. Однако, кадеты, приняв на словах программу коалиции, стремились продолжать свою политику. И это *определило судьбу кадетов, коалиции и революции*.

Крестьянский съезд. В мае Ленин получил самое важное подтверждение верности его стратегической концепции. Под руководством эсеров состоялся I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Из более 1 тыс. делегатов эсеров было 537, меньшевиков – 103, большевиков – 9 человек (около 20 вместе с примкнувшими). Съезд выразил доверие коалиционному правительству, но показал справедливость расчета Ленина на крестьянский общинный менталитет. Делегаты привезли десятки решений губернских и областных съездов и сотни наказов крестьянских сходов, в которых доминировали требования отмены частной собственности на землю и передела всей земли. Наказы выявили провал аграрной реформы Столыпина в ее социально-политическом звене – стремлении насадить психологию частной собственности в деревне. Съезд показал: власть в России получит та партия, которая выполнит требования крестьян. Лидеры эсеров заверили крестьян в том, что наказы будут учтены. Под давлением делегатов они вписали в резолюцию положение о том, что до Учредительного собрания «все земли без исключения должны перейти в ведение земельных комитетов» с правом последних самим определять порядок обработки и уборки полей, укоса лугов и т. п.[606]. По сути I Всероссийский съезд крестьянских Советов положил начало аграрной революции. Но кадеты не согласились с решением крестьянского съезда. Они вынудили Чернова дать такие разъяснения принятой резолюции, которые фактически ее дезавуировали, побуждая крестьян ждать соответ-

---

[605] Известия. 1917. 6 мая.

[606] Советы депутатов и другие крестьянские организации. Т.1. М. 1929. С. 146–148.

ствующих законов. Однако на местах в целом ряде случаев крестьяне, ссылаясь на решения съезда, стали передавать землю помещиков волостным комитетам. Массовый характер приняла борьба за снижение арендной планы за землю, особенно со стороны «испольщиков», которые отказывались отдавать помещику половину урожая в качестве платы за аренду земли.

Июньский съезд и мирная демонстрация. В июне Ленин столкнулся с проблемой, учет которой в дальнейшем стал для него главным при определении тактики борьбы большевиков за власть. Речь идет о разной скорости завоевания большевиками поддержки своих лозунгов в столицах и в провинции, которая создавала угрозу преждевременных выступлений в столицах, открывавших возможность их подавлений.

В июне в Петрограде почти месяц работал I Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который также поддержал программу коалиционного правительства («за» голосовали 543 делегата, «против» – 126 при 52 воздержавшихся). По вопросу о мире съезд занял противоречивую позицию. С одной стороны он поручил правительству *обеспечить быстрое заключение демократического мира*. С другой, – делегатов убедили высказаться в пользу наступления на фронте, которого требовали от Временного правительства лидеры Антанты. Отметим, что идея наступления шла в разрез с позицией солдат, которая заключалась в формуле: «фронт держать, в наступление не идти»[607].

Решения съезда о поддержке политики Временного коалиционного правительства и наступления на фронте вызвали недовольство радикальной части солдат Петрограда. Шестого июня Военная организация («Военка») при ЦК партии большевиков поставила перед ПК и ЦК вопрос о проведении антивоенной демонстрации, указав на активное желание 60 тыс. солдат Петроградского гарнизона принять в ней участие. Ленин поддержал идею такой демонстрации, но высказался за то, чтобы поднять и рабочих: «Лозунги наши. … Долой буржуазных министров. … Переход власти к Совету, и [он] немедленно предлагает условия мира. Без рабочих нельзя». Однако, как только стало ясно, что солдаты хотят выйти на демонстрацию с оружием, часть членов ЦК высказались против ее проведения, боясь провокаций и вооруженных столкновений с правыми силами.

---

[607] Пролетарская революция. 1927. № 2–3 (61–62). С. 245–246. См. также выступление делегата Юго-западного фронта Н. Крыленко: Бюллетени Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б). № 3, 1917, 18 июня.

Ногин: «Ленин предлагает революцию. Можем ли это сделать? Мы в стране в меньшинстве. Наступления в 2 дня не подготавливаются».

Зиновьев: «Ставим на карту голову партии!».

Крупская: «Не будет мирной, а потому, может быть, нельзя».

Сталин: «Нельзя форсировать, но нельзя прозевать» [608].

Решили выяснить настроение рабочих. Члены ПК и «Военки», пообщавшись с рабочими на заводах и солдатами в полках, пришли к выводу, что вне зависимости от решения большевиков демонстрация состоится, и ее возглавят анархисты, которые в эти дни резко усилили свое влияние. В ночь на 9 июня вопрос был рассмотрен на широком собрании членов ЦК, ПК, районов, «Военки», представителей ряда полков, заводов и профсоюзов. В итоге обсуждения 131 участник высказался за проведение демонстрации, 6 – против, 22 – воздержались[609]. Демонстрация «из войсковых частей и рабочих» была назначена на субботу 10 июня на 2 часа дня. ЦК особо подчеркнул мирный характер демонстрации. Ее целью была пропаганда лозунга «Вся власть Советам» и стремление показать делегатам Всероссийского съезда Советов нежелание рабочих и солдат столицы поддерживать правительство с участием кадетов. О возможности взятия власти партией большевиков не говорил никто. И это не было случайным. Большевики знали, что даже в столицах их сторонники пока еще составляют меньшинство. В мае в Петрограде прошли выборы в районные думы, на которых большевики получили 19,4, кадеты 25, правые социалисты 55 % голосов. В Москве в июне прошли выборы в городскую думу. Большевики получили 11, кадеты 17, правые социалисты 70 % голосов[610].

Эсеро-меньшевистские лидеры, узнав о готовящейся демонстрации, провели 9 июня на вечернем заседании съезда Советов решение о запрете всех демонстраций на три дня, заранее объявив «врагами революции» тех, кто не подчиниться запрету. Временное правительство выставило на улицах города военные патрули. Риск вооруженных столкновений стал весьма вероятным. ЦК большевиков в ночь на 10 июня в неполном составе (всего 5 членов) обсудил ситуацию и отменил демонстрацию[611]. За отмену высказались

---

608 Петербургский комитет РСДРП в 1917 г. Протоколы и материалы заседаний. СПб: Бельведер, 2003. С. 247–249.

609 Там же. С. 273–274.

610 Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. М.: Наука, 1977. С. 335, 336.

611 Правда. 1917. 23 июня (10 июня ст. ст.).

Каменев, Зиновьев и Ногин. Воздержались – Ленин и Свердлов. На решение ЦК повлияло известие о том, что фракция большевиков-делегатов I Всероссийского съезда Советов выступает против демонстрации[612]. 10 июня демонстрация не состоялась.

Решение ЦК отменить демонстрацию вызвало острый спор на заседании Петербургского комитета большевиков 11 июня:

А. Слуцкий: «ЦК проявил самое преступное, самое жестокое – он проявил колебание: подорвал … доверие ответственных работников».

М. Лацис: «Надо было предвидеть, что демонстрация может вылиться в восстание. Если мы к нему не готовы, то надо было отнестись к решению вопроса о демонстрации отрицательно с самого начала».

М. Калинин: «ПК судит поступок ЦК с узкой, петербургской точки зрения, в то время как это акт общегосударственной важности. … Ни один приведенный довод не говорит за то, что ЦК поступил неправильно» [613].

Ленин оправдывал решение об отмене демонстрации, но в то же время говорил об изменении ситуации и связывал ее с выступлением меньшевика И. Церетели, который 11 июня прямо обвинил большевиков в попытке свержения правительства и захвата власти и потребовал: «Большевиков надо обезоружить» [614]. В ответ Ленин, выступая 11 июня на заседании ПК, бросил такую фразу: «Сегодня революция вступила в новую фазу своего развития. … мирные манифестации – это дело прошлого». В этой связи Ленин предлагал готовиться, но не нападать первыми: «Мы не должны давать повода к нападению, пусть нападают они … жизнь за нас, и еще неизвестно, как удастся им нападение: на фронте стоят войска, дух недовольства у них очень силен, в тылу дороговизна, разруха и пр.»[615]. Через день газета «Правда» опубликовала статью Ленина «На переломе», в которой он заявил, что «империалисты пытаются – рукой вождей мелкобуржуазной демократии, Церетели, Черновых и т. д. – одним резким и решительным ударом покончить с растущей силой пролетарской партии» и предложил: «пусть грядущие Каверьяки начинают первыми. … Пролетариат Петрограда будет выжидать, копя

[612] Петербургский комитет РСДРП в 1917 г. С. 289. 291, 295.
[613] Там же. С. 297, 299, 300.
[614] Правда. 1917. 26 июня (13 июня ст. стиля).
[615] Ленин В. И. Речь на заседании ПК ПСДРП (б) // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 330, 331.

свои силы и готовясь к отпору, когда эти господа решатся перейти от слов к делу»[616].

Вскоре неожиданно для всех ситуация резко изменилась в пользу большевиков. Дело в том, что запрет демонстрации, которую готовили большевики, компрометировал Всероссийский съезд Советов, и лидеры правых социалистов назначили свою демонстрацию на 18 июня, надеясь провести ее под лозунгом поддержки коалиционного правительства. Однако в тот день в Петрограде, Москве и других городах демонстрации прошли под лозунгами «Вся власть Советам», «Долой 10 министров-капиталистов», «Долой войну». Успех лозунгов большевиков был очевидным и требовал осмысления.

По воспоминаниям большевика Н. И. Подвойского, одного из руководителей «Военки», сразу после демонстрации 18 июня Ленин сказал ему: «демонстрацией пролетариат ничего не добился. Он (пролетариат) должен с нею вместе похоронить иллюзию на мирную возможность передачи власти Советам»[617]. Ленин вполне мог сказать такую фразу, но она не объясняла всей его позиции. Эту позицию он объяснил делегатам Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП (б), которая проходила в столице с 16 по 23 июня. Делегаты представляли 26 тысяч членов партии, входивших в большевистские организации в основном Северного и Западного фронтов[618]. Делегаты участвовали в демонстрации 18 июня и были воодушевлены ее успехом. Ряд из них ставил вопрос о необходимости дальнейших действий с целью взятия власти. Ленин в своем выступлении так ответил на эти настроения: «Если и удалось бы сейчас власть взять, то наивно думать, что, взявши ее, мы сможем удержать. Мы не раз говорили, что единственно возможной формой революционного правительства являются Советы. Каков же удельный вес нашей фракции в Советах? Мы в ничтожном меньшинстве … пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов …. контрреволюционеры … всяческими средствами пытаются спровоцировать нас на преждевременное, сепаратное выступление, но мы на эту удочку не пойдем, нет, мы не доставим им такого удовольствия. … Время

---

616 Правда. 1917. № 80. 20 (13) июня.

617 Подвойский Н. И. Военная организация РСДРП (б) // Красная летопись. М.–Пг., 1923, № 6. С. 76.

618 На удаленных от столиц Юго-западном, Румынском и Кавказском фронтах о большевиках знали мало, и многие солдаты представляли Ленина германским агентом.

работает на нас» [619]. Эти слова Ленина известны только по воспоминаниям большевика М. Кедрова и не вошли в собрание ленинских работ. Однако в ходе споров на конференции делегаты ссылаются именно на такую позицию Ленина: он сдерживал «горячие головы». В итоге в принятой резолюции «О текущем моменте» говорилось о необходимости «решительно бороться против анархических настроений и попыток частичных дезорганизующих выступлений, которые, если они преждевременны, могут сыграть лишь на руку буржуазии, сознающей неизбежность нового революционного этапа и поэтому неистовствующей и желающей сорвать назревание этого этапа в сознании большинства народа»[620]. Делегаты приняли такую резолюцию, поскольку из докладов с мест ясно следовало, что позиции большевиков в действующей армии еще слабые.

В то же время важно отметить, что конференция военных организаций одобрила курс Всероссийской Апрельской конференции РСДРП (б) на переход к социалистической революции. Г. Зиновьев, перечислив переходные шаги к социализму, принятые Апрельской конференцией, специально подчеркнул, что эта программа принята в расчете на поддержку со стороны европейского пролетариата: «Конечно, все это мыслимо *укрепить* лишь в том случае, если произойдет революция в других странах»[621]. И делегаты приняли такую точку зрения. Общую позицию хорошо изложил в своем выступлении Л. М. Каганович: «Всеобщая социальная революция – вот то, что должно определять курс нашей политики». И подчеркнул, что в настоящий момент путь развития революции один – пропаганда, завоевание на свою сторону большинства пролетариата и крестьян: «Но пока этого нет, завоевание нами власти может привести только к гибельной для пролетариата авантюре. Последствием … может явиться гражданская война, не *классовая,* а именно гражданская, т. е. когда не классы пойдут друг против друга, а одна часть населения на другую»[622]. Ситуацию на фронте наиболее точно определил делегат Васильев: «На фронте настроение не большевистское, нет, там

---

[619] Кедров М. Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б) // Великая Октябрьская социалистическая революция: сб. воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве, М., 1957. С. 78–79.

[620] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. М.: Политиздат, 1983. С. 561–562.

[621] Бюллетени Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП (б). № 3, 1917, 18 июня.

[622] Там же. № 5, 1917, 24 июня.

настроение *антимилитаристское.* И этим сказано все»[623]. Иными словами: большевики еще в меньшинстве, но их лозунги поддерживает большинство.

В итоге к концу июня позиция большевиков была следующей: самим не выступать, на провокации не поддаваться, но готовиться ответить на удар контрреволюции. Определив позицию ЦК, Ленин 29 июня уехал отдохнуть несколько дней на даче большевика В. Д. Бонч-Бруевича в деревню Нейвола.

3.2. Июльские дни и новая тактика

События «июльских дней» (3–5 июля), порожденных кризисом Временного коалиционного правительства, привели к выработке новой тактики борьбы за власть. Ее суть: не ждать завоевания большевиками большинства в Советах в масштабе всей страны, брать власть, опираясь на активное и хорошо организованное меньшинство народа в расчете на последующее получение поддержки большинства. Именно Ленин предложил такую тактику, опираясь на уроки «Июльских дней». И ее принятие партией протекало в такой же острой борьбе, как и принятие Апрельских тезисов.

Правительственный кризис спровоцировали кадеты, которые 2 июля вышли из состава правительства, стремясь заставить социалистов отказаться от выполнения программы, принятой 5 мая в качестве базы для коалиции правых социалистов с кадетами. Поводом для отставки кадетов стали действия министра земледелия эсера В. М. Чернова, который 29 июня представил законопроект о передаче земель в ведение земельных комитетов и собирался запретить куплю-продажу земли до решения Учредительного собрания. Кроме того, кадеты критиковали военного министра А. Ф. Керенского за уступки, сделанные в конце июня Центральной Раде Украины. Лидеры Рады стремились к такой широкой автономии, которая фактически превращала Украину в суверенное государство. Об этом говорило их требование перевода украинских солдат из общероссийской армии в национальные украинские части. В качестве территории Украинской республики деятели Рады рассматривали все уезды Российской империи, где население говорило преимущественно на украинском языке. Десятого июня лидеры Центральной рады приняли I Универсал: «Не отделяясь ото всей России, не разрывая с российским государством, пусть украинский народ на своей земле имеет право сам управлять своей жизнью. Пусть порядок и строй на Украине определит вы-

[623] Бюллетени Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП (б). № 3, 1917, 18 июня.

бранное общим, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное Украинское Собрание (Сейм)». Керенский, приехав в Киев на переговоры, в принципе согласился и на автономию Украины, и на создание национальных частей, но заявил, что решение национального вопроса в полном объеме относится к компетенции Учредительного собрания[624].

Уход кадетов из правительства поставил в повестку дня вопрос о формировании нового кабинета, и это подстегнуло радикальную часть рабочих и солдат столицы требовать образования правительства из представителей партий, входивших в Советы, т. е. без министров-капиталистов.

Зачинщики. Начало июльским событиям положили действия самой крупной части гарнизона – Первого пулеметного полка, известного своими радикальными настроениями и недовольного решениями правительства направить на фронт 30 пулеметных команд для участия в начавшемся наступлении. Утром 3 июля солдаты полка под влиянием анархистов решили поднять солдат гарнизона на вооруженную демонстрацию против Временного правительства. Активисты Военной организации большевиков («Военки», ВО), следуя июньской установке ЦК не допускать преждевременных выступлений, попытались остановить пулеметчиков. Однако солдаты поначалу даже не пустили большевиков на полковой митинг со словами: «Знаем их: четыре месяца сюда ходят и отговаривают от выступления. Теперь будет с нас. Не поверим»[625]. Однако в итоге большевики были выслушаны, но даже попытка С. Орджоникидзе уговорить солдат отложить выступление на день, не получила поддержки. Ряд солдат – члены полковой организации большевиков – заявили, что «лучше выйдут из партии, но не пойдут против постановления полка»[626]. Прапорщик А. Я. Семашко, выборный начальник полка, большевик с 1907 г., также подчинился солдатской стихии и вместе с анархистом И. С. Блейхманом возглавил созданный в полку Временный революционный комитет. Комитет послал делегации на заводы, в части гарнизона и в Кронштадт с призывом присоединиться. Призыв имел успех на многих заводах и в полках. В Кронштадте большевики Ф. Ф. Раскольников и С. Г. Ро-

---

624 См. об этом: Солдатенко В. Ф. В горниле революций и войн. Украина в 1917–1920 гг. М.:. РОССПЭН, 2018. С. 56, 58, 68–69.

625 Стулов П. М. 1-й пулеметный полк в июльские дни 1917 года // Красная летопись. 1930. № 3 (36). С. 102.

626 Сталин И. В. Отчетный доклад ЦК об июльских событиях // Сочинения. Т. 3. С. 108.

шаль не смогли удержать моряков, решивших поддержать пулеметчиков, и присоединились к движению, уступив реальное лидерство анархистам.

Вечером 3 июля в 17 часов на заседании ВЦИК, созданного I Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов, Сталин от имени ЦК партии большевиков официально заявил, что «мы решили не выступать»[627].

Однако позже на рабочей секции Петросовета большевики провели резолюцию: «Ввиду кризиса власти рабочая секция считает необходимым настаивать на том, чтобы Всер. съезд СРС и К. Деп. взял в свои руки всю власть»[628]. Резолюция появилась потому, что большевики на заводах и фабриках оказались перед выбором: либо уйти в сторону и потерять авторитет среди своих радикальных сторонников, либо как-то присоединиться к стихийному движению и дать ему понятные требования. В той ситуации таким требованием мог быть только призыв к переходу власти Советам, т. е. к лидерам эсеров и меньшевиков, которые доминировали во ВЦИК, избранном на I Всероссийском съезде. Поздно вечером ЦК большевиков получил сообщение о том, что 30 тыс. путиловских рабочих отправились к Таврическому дворцу с лозунгом «Вся власть Советам». Затем из Кронштадта позвонил Раскольников и сообщил, что удержать моряков от выступления он не смог, и утром матросы прибудут в столицу[629].

Столкнувшись с такой ситуацией, ЦК большевиков ночью провел совещание членов ЦК, ПК, ВО и Междурайонного комитета (Троцкий) и решил возглавить движение, чтобы придать ему «мирный и организованный характер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти»[630]. Утром 4 июля ЦК опубликовал листовку, в которой говорилось: «… пусть Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возьмет всю власть в свои руки. Такова воля революционного населения Петрограда, который имеет право довести эту свою волю путем *мирной и организованной* демонстрации *до сведения* заседающих сейчас исполнительных комитетов Всероссийского Совета Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов»[631]. Иными словами, это был призыв к лидерам эсеров и меньшевиков срочно созвать *объединенный* съезд

---

627 Сталин И. В. Отчетный доклад ЦК об июльских событиях. С. 109.

628 Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Документы и материалы. Т. 4. М., 2003. С. 22–23.

629 Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М.: Политиздат, 1990. С. 126–127.

630 Сталин И. В. Отчетный доклад ЦК об июльских событиях. С. 109.

631 Пролетарская революция. 1926. № 4. С. 72.

Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для решения вопроса о власти.

Демонстрация. Днем 4 июля в Питере состоялась многотысячная демонстрация (около 500 тыс.) рабочих и вооруженных солдат и матросов. Часть из них пришла к штаб-квартире большевиков во дворце Кшесинской. Срочно вернувшийся в город Ленин, а также ряд других видных большевиков приветствовали демонстрантов, но не поддержали курс на вооруженный захват власти, что вызвало активное недовольство со стороны многих матросов и солдат[632]. Демонстранты были направлены к Таврическому дворцу *требовать* от эсеро-меньшевистских лидеров Совета взять власть. Характер действий лидеров большевиков исключает версию о том, что в период июльского правительственного кризиса они пытались захватить власть.

Отметим, что эту версию уже в июле выдвинули кадеты, а затем Милюков в качестве историка поддержал ее в более мягкой трактовке в своей книге «История второй русской революции». Он заявил, что «инициаторы восстания 3–5 июля сами смотрели на это восстание, лишь как на первую пробу»[633], признав тем самым, что задачи захвата власти большевики не ставили, а проводили лишь репетицию. Версия убедительно отвергалась советской историографией, в частности в монографии О. Н. Знаменского[634]. Он убедительно доказал стихийный характер движения. В зарубежной историографии важную роль сыграла книга американского историка А. Рабиновича, который также признал, что ЦК большевиков не планировал захвата власти, но в то же время подчеркнул наличие левацких элементов в ПК, «Военке» и в низовых организациях большевиков, которые готовы были идти дальше, чем ЦК[635].

В постсоветской историографии версию о попытке захвата власти воспроизвел Д. А. Волкогонов. Однако, не будучи историком революции, и не понимая логики развития событий, он изложил ее в примитивной форме, заявив, что «Ленин не скрывал того, что это была попытка *мирным* путем захватить власть»[636]. Волкогонов не мог объяснить, как Ленин, прибывший в

---

632 Елов Б. После июльских дней. (Экстренная июльская Конференция РСДРП(б) Питерской организации) // Красная летопись. 1923. № 7. С. 100–101.

633 Милюков П. Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 205.

634 Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 года. М.–Л.: Наука, 1964.

635 Rabinowitch A. Prelude to revolution: the Petrograd Bolsheviks and the July 1917 uprising. Indiana University Press, 1968.

636 Волкогонов Д. А. Ленин. Книга 1. М.: АСТ, 1999. С. 262.

город только 4 июля, собирался взять власть «*мирным* путем» на фоне *вооруженной* демонстрации, ни разу не заявив об этом ни своим ближайшим соратникам, которые только что опубликовали противоположное решение ЦК, ни тысячам вооруженных матросов, пришедших к дворцу Кшесинской и ждавших от вождя большевиков именно призыва свергнуть Временное правительство. Не дождавшись такого призыва, они «наградили» Ленина криками «Долой». Из серьезных историков в постсоветской историографии версию о попытке большевиков 3–5 июля захватить власть никто не поддерживает, а ряд из них ее прямо опровергают: «Ленин, – пишет А. В. Шубин, – прибывший в Петроград утром 4 июля, опасался радикальных действий без достаточной подготовки … Ни о каком восстании речь не шла»[637].

Конфронтационный характер событиям придали правые силы, которые организовали ряд провокаций, чтобы создать повод расправиться с революционным авангардом столицы при помощи войск, вызванных с фронта. Уже ночью 3 июля колонны гренадеров и павловцев были обстреляны провокаторами на Невском проспекте. Днем на Невском и в других районах города провокаторы обстреляли колонны рабочих. В газете «Известия» от 7 июля меньшевик Канторович писал: «На Садовой улице шла 60.000 толпа рабочих многих заводов. В то время, как они проходили мимо церкви, раздался звон с колокольни, и как бы по сигналу с крыш домов началась стрельба, оружейная и пулеметная. Когда толпа рабочих бросилась на другую сторону улицы, то с крыш противоположной стороны также раздались выстрелы». Газета сообщала, что и у Литейного моста, где находилось много демонстрантов, казаки были обстреляны пулеметным огнем из каменного дома, что спровоцировало перестрелку казаков с солдатами, причем казаки дали три залпа из орудий[638]. По данным прессы в эти дни погибло 56 чел.

Правые социалисты заняли коварную позицию. С одной стороны, они пообещали демонстрантам решить вопрос о власти «сегодня–завтра»[639], а с другой – поддержали просьбу правительства о вызове частей с фронта для наведения порядка. В ночь на 5 июля к Таврическому дворцу подошли отряды верных правительству войск, которым раздали листовки с фальшивыми свидетельствами, представлявшими Ленина немецким шпионом. Шестого

---

637 См., например: Шубин А. В. Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года. М.: Родина МЕДИА, 2014. С. 247.

638 Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 7 июля.

639 Там же.

июля в город вошел отряд самокатчиков, которым события в столице были представлены как бунт солдат, не желавших отправки на фронт. Пулеметный полк и ряд других частей были расформированы. Правительственные войска захватили редакцию газеты «Правда» и штаб-квартиру большевиков, арестовали десятки членов партии. Ленин перешел на нелегальное положение.

ЦИК Советов Р. и С. Д. и Исполком Советов Кр. Д. выпустили совместную прокламацию, в которой так изображали события: «Вооруженные толпы взбунтовавшихся солдат вместе с тайными черносотенцами и изменниками в течение нескольких дней расстреливали безоружных мужчин, женщин и детей. Они оскорбляли министров-социалистов, производили вооруженное нападение на заседание Совета Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов и силой оружия пытались навязать свою волю избранным вами представителям»[640].

В телеграмме от 8 июля Керенский так известил страну о событиях: «С несомненностью выяснилось, что беспорядки в Петрограде были организованы при участии германских правительственных агентов... Руководители и лица, запятнавшие себя братской кровью и преступлением против родины и революции, – арестуются»[641].

Остроту событиям прибавили сообщения о неудаче наступления на фронте, начавшегося во второй половине июня. Солдаты Юго-Западного фронта после того, как в ходе атаки на Львов и Болехов понесли тяжелые потери, оставили позиции и отошли на государственную границу России: они не хотели удерживать территорию, захваченную у Австро-Венгрии. Солдаты Западного и Северного фронтов сначала пошли в атаку, а затем вернулись в окопы. Русская армия потеряла около 150 тыс. убитыми, ранеными, попавшими в плен и пропавшими без вести. Недоверие к Временному правительству, толкнувшему армию в наступление, увеличилось.

В этой ситуации эсеро-меньшевистский ВЦИК Советов не решился пойти на полный разгром и запрет партии большевиков. Правительство формально преследовало только тех, кто принимал активное участие в организации *вооруженной* демонстрации. Главным виновником считали Ленина как автора апрельского курса на борьбу за власть. Сталин в эти дни не скрывался и не был арестован. Как член ВЦИК он вел переговоры с лидерами Совета,

---

640 Лидак О. Июльские события 1917 года // Историк- Марксист.1927. №4. С. 3–32.

641 Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 июля.

стремясь ослабить удар по партии. Был арестован Каменев, но затем отпущен. Лидеры эсеров и меньшевиков знали, что Сталин и Каменев в эти дни выступали против курса на вооруженный захват власти. Фракции большевиков продолжали работать в Советах. Газета «Правда» вскоре стала выходить под другим названием.

В свою очередь во Временном правительстве произошли перемены. После отставки кадетов социалисты доминировали в составе министров, и 7 июля пост премьера занял Керенский. Лидеры Советов объявили кабинет Керенского «правительством спасения революции» и признали за ним «неограниченные полномочия». В Декларации от 8 июля правительство обещало в августе на конференции Антанты добиться выработки новых целей войны, а также провести выборы в Учредительное собрание 17 сентября. 12 июля Чернов издал декрет, ограничивающий заключение земельных сделок.

Июльские тезисы. И в это время Ленин 10 июля направил в ЦК тезисы с новыми тактическими установками, которые были явной реакцией на уроки и итоги «июльских дней», включая Декларацию от 8 июля. Ленин заявил, что «фактически основная государственная власть в России теперь есть военная диктатура» и предложил временно снять лозунг «Вся власть Советам», назвав его «теперь неверным». Объяснил он это тем, что Советы потеряли силу, «узаконив разоружения рабочих и революционных полков», а вожди эсеров и меньшевиков «окончательно предали дело революции» и превратили свои партии и Советы «в фиговый листок контрреволюции». «Объективное положение: либо победа *военной диктатуры до конца*, – делал вывод Ленин, – либо победа *вооруженного восстания рабочих*, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны»[642]. По сути, Ленин говорил, что партии надо готовиться к вооруженному взятию власти, *не дожидаясь завоевания большинства* в Советах, как предусматривали решения Апрельской конференции.

Тезисы Ленина оказались неожиданными для ЦК. На расширенном совещании ЦК 13–14 июля большинство участников высказалось против снятия лозунга «Вся власть Советам» и не согласились с выводом о переходе власти в руки контрреволюционной буржуазии, верхов армии. В принятой резолюции участники совещания отметили «двойственный характер» вла-

642 Ленин В. И. Политическое положение // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 1–5.

сти[643]. Основания для скептического отношения к ленинским оценкам были. Самой сильной партией в стране были эсеры, они доминировали в Советах и в армейских комитетах и не олицетворяли собой контрреволюционную военную диктатуру буржуазии и верхов армии. Ее не олицетворял и Керенский, который возглавил правительство, в составе которого в тот момент доминировали министры-социалисты. Хотя Керенский играл в бонапартизм, лавируя между кадетами и социалистами, его сила заключалась в поддержке со стороны Советов. Большинство солдат в тыловых гарнизонах и действующей армии в политических вопросах по-прежнему ориентировались на Советы. Во многих городах Советы были реальной силой, и большевики занимали в них прочные позиции. В то же время после «июльских дней» угроза установления военной диктатуры в стране была реальной. По требованию генерала Л. Г. Корнилова на фронте была восстановлена смертная казнь, министры получили право закрывать газеты. От рабочих требовали сдачи оружия. Отсюда и вытекала оценка ЦК о «двойственном характере» власти. В августе оценку подтвердили как попытка Корнилова установить военную диктатуру, так и готовность Керенского, эсеров и меньшевиков сорвать эту попытку.

Значит ли сказанное, что Ленин в июле ошибся в оценке ситуации, как полагает ряд историков? Нет, поскольку его нарочито резкие оценки носили явно тактический характер и преследовали несколько целей.

С одной стороны, слишком категоричный тезис об уже состоявшейся победе контрреволюции должен был заранее подготовить партию к вполне реальной попытке правых сил установить тот или иной вариант военной диктатуры. Правых к этому толкали и процесс разложения армии, и развитие аграрного движения в деревне, и приближающиеся выборы в Учредительное собрание, назначенные на сентябрь. Было понятно, что выборы не дадут большинства буржуазным партиям, и на Учредительном собрании под давлением снизу будут приняты радикальный закон о земле и тот или иной курс на заключение мира без аннексий и контрибуций. Поэтому силы контрреволюции должны были сорвать или оттянуть эти выборы[644].

С другой стороны, отказ от лозунга «Вся власть Советам» позволял большевикам в дальнейшем избежать *ловушки* июльских дней. События 3–5 июля показали, что даже мирная пропаганды такого лозунга порождала

---

[643] Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. Протоколы и материалы». С. 85–86; Рабочий и солдат. 1917. № 1. 23 июля.
[644] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 433.

опасность возникновения преждевременных стихийных выступлений, которые давали правительству удобную возможность организовать провокации и расправиться с большевиками. События также показали, что рабочие и солдаты столицы готовы дать власть большевикам, а провинция – нет. Перспективу быстрого изменения состава Советов в масштабах всей страны Ленин в июльских условиях не видел, а в случае возможного запрета всех газет большевиков надежды на большевизацию Советов в провинции, особенно в деревне, просто исчезали. В таких условиях большевики, как и кадеты, при проведении выборов в Учредительное собрание 17 сентября не имели шансов получить большинство депутатских мандатов, а, следовательно, теряли возможность прийти к власти в России парламентским путем.

Ленин предлагал большевикам изменить ход событий при помощи новой тактики: взять власть на фоне очередного стихийного подъема масс, немедленно самим решить вопросы о земле и мире и с этим багажом идти на II Всероссийский съезд Советов, запланированный на сентябрь, и на выборы в Учредительное собрание. Такая тактика гарантировала большевикам победу на II съезде Советов и давала надежду на существенный успех на выборах в Учредительное собрание. Победа на съезде Советов и относительно сильные позиции в Учредительном собрании, позволяли большевикам распустить Собрание, если оно отвергнет власть Советов и программу большевиков. Ленин пояснил своим критикам, что ставил «не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с *данной* контрреволюцией и с предательством *данных* Советов»[645]. Новая тактика строилась на прежнем убеждении Ленина в неспособности правых социалистов разорвать блок с кадетами, а значит дать мир и землю. Эта ситуация и открывала большевикам путь к власти.

Дальнейший ход событий подтвердил правоту ленинского анализа. После некоторых колебаний Керенский встал на путь возобновления коалиции с кадетами, и 24 июля они вошли в правительство на условиях, которые перечеркнули Декларацию от 8 июля. Керенский обещал, что будут предприняты меры для «наведения порядка», обеспечено «единение с союзниками», прекращены «преступные выступления» против землевладельцев до решения Учредительного собрания, срок созыва которого будет отложен. 9 августа Керенский перенес выборы на 12 ноября.

---

[645] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 16–17.

VI съезд РСДРП(б). В конце июля – начале августа большевики обсуждали ленинские тезисы на VI съезде партии, который полулегально прошел в Петрограде без прямого участия Ленина, находившегося в Разливе. На съезде Сталин говорил о том, что «в данный момент все еще неясно, в чьих руках власть», но в целом выступал в духе ленинских тезисов[646]. И они были положены в основу резолюции «О политическом положении». Однако съезд не снял *впрямую* лозунга «Вся власть Советам», поскольку многие делегаты против этого возражали. Съезд принял гибкое решение о том, что «правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии» и в то же время подчеркнул, что «пролетариат не должен поддаваться на провокацию контрреволюции, которая очень желала бы вызвать его на преждевременный бой». Съезд призвал «направить все усилия на организацию и подготовку сил к моменту, когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для перехода бедноты города и деревни на сторону рабочих – против буржуазии». Только при этих условиях съезд ставил задачу перехода власти «в руки этих революционных классов»[647]. Формула носила расплывчатый характер, давая возможность по-разному трактовать время наступления такого момента и способы взятия власти. Никаких специальных мер по подготовке вооруженного восстания принято не было. Но точка зрения Ленина до делегатов была доведена, и психологически подготовила их к разным вариантам развития событий. Съезд уделил большое внимание подготовке к выборам в Учредительное собрание, рассматривая их как главную ближайшую задачу партии. Решения съезда представляли собой компромисс между левым и правым крыльями партии. По-иному и не могло быть в сложной и быстро меняющейся ситуации.

Корниловщина. В конце августа правоту ленинского анализа подтвердила попытка генерала Корнилова установить военную диктатуру[648]. После провала июньского наступления на фронте Керенский вместо либерального генерала А. А. Брусилова 19 июля назначил Верховным главнокомандующим Л. Г. Корнилова, выступавшего за наведение порядка на фронте и в тылу жесткими мерами. Керенский «в принципе» принял программу Корнилова,

---

646 Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М. 1958. С. 27–28.

647 Там же. С. 256–257.

648 См.: Калашников В. В. Корниловское выступление // Историк. 2017 июль–август. С. 83–89.

но тот сразу насторожил премьера, заявив, что за свои дела будет отвечать «только перед своей совестью и всем народом»[649]. Уже в начале августа прошел небеспочвенный слух о том, что Керенский готов снять Корнилова с поста Верховного главнокомандующего. В ответ Союз казачьих войск, Союз георгиевских кавалеров и Союз офицеров заявили, что они подчиняются только своему вождю-герою Корнилову. Это был прямой вызов власти Керенского. 10 августа Корнилов прибыл в Зимний дворец на встречу с Керенским в сопровождении эскадрона туркмен Текинского полка с пулеметами, которые дежурили у подъезда Зимнего дворца. Накануне встречи Корнилов приказал перебросить 3-й казачий конный корпус и Дикую дивизию на подступы к Москве и Петрограду. На встрече Керенский фактически отверг представленную Корниловым программу милитаризации тыла и свертывания деятельности комитетов на фронте. Вернувшись в Ставку, Корнилов сказал своему начштаба генералу Лукомскому, что Керенский водит его за нос[650].

Двенадцатого августа в Москве открылось *Государственное совещание*, на котором присутствовали представители партий и общественных организаций по квоте, установленной правительством. Керенский рассчитывал усилить легитимность своего кабинета, но обнаружил, что на совещании вокруг Корнилова сплотились все правые силы. Он осознал угрозу и заявил, что не отдаст власти никому: «Я и направо и налево скажу вам, непримиримым, что ошибаетесь вы, когда думаете, что … мы бессильны. … и кто бы мне ультиматумы не предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе ее»[651].

В первый день работы Государственного совещания рабочие Москвы по призыву большевиков устроили мощную забастовку. Московские большевики меньше всего пострадали от июльских дней и имели прочные позиции в Совете и в Московском гарнизоне. В дни Государственного совещания они фактически вступили в блок с эсерами и меньшевиками в момент, когда стало известно, что Корнилов двинул на Москву 7-й Оренбургский казачий полк. Московский Совет рабочих депутатов совместно с Советом солдатских депутатов создал комитет, в который на паритетных началах вошли эсеры, меньшевики и большевики. Комитет провел агитацию в гарнизоне. Командующий Московским гарнизоном полковник А. И. Верховский, понимая, что

649 Чернов В. М. Великая русская революция. М.: Центрполиграф. 2007. С. 178.
650 Лукомский А. С. Воспоминания. Берлин. 1922. Т. 1. С. 222–223, 225, 227.
651 Государственное совещание (1917; Москва). М.; Л. : Центрархив, 1930. С. 7.

солдаты гарнизона не поддержат Корнилова, выполнил приказ Керенского и блокировал выдвижение казаков к Москве[652]. Не получив поддержки, Корнилов уехал в Ставку. После этих событий Керенский, видя в Корнилове опасного врага, маневрировал и выжидал, когда Корнилов откроет карты.

Девятнадцатого августа немцы начали наступление на Ригу, которую прикрывала XII армия. Командование армии действовало бездарно. Двадцать первого августа Рига пала. Ставка распространяла ложные сведения о боях под Ригой, обвиняя большевиков, хотя именно большевизированные латышские полки оказали упорное сопротивление противнику. Левые обвинили Корнилова в намеренной сдаче Риги, чтобы создать повод для установления военной диктатуры.

Двадцать пятого августа Корнилов под предлогом усиления обороны столицы двинул на Петроград конный корпус под командованием генерала Крымова (казачьи дивизии и Дикая дивизия). Этот шаг нарушал ранее достигнутые договоренности о том, что корпус, направленный на защиту города, возглавит генерал, лояльный Керенскому, а Дикая дивизия останется на фронте[653]. Керенский «для большего успокоения» подписал указ о назначении Крымова, известного сторонника военной диктатуры, командующим XI армии ЮЗФ, думая удалить его подальше от Петрограда[654]. Однако Крымов двинул свои войска на Петроград, получив от Корнилова приказ «занять город, обезоружить части Петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы»[655]. Захват приурочили к 27–29 августа, ибо на эти дни выпадал полугодовой юбилей Февральской революции, и в Петрограде ожидались демонстрации. На таком фоне было легко спровоцировать «беспорядки», якобы организованные большевиками. Обеспечить «движение» большевиков должна была группа офицеров, собранная в Петрограде во главе с казачьим атаманом А. Дутовым. Акция была направлена не только против большевиков и Советов, но и против Керенского. О настрое офицеров войск, выдвигавшихся к Петрограду, писал казачий генерал П. Краснов: «Керенского в армии ненавидят. … Крымова обожают. Туземцам все равно, куда идти и кого резать,

652 Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 310.
653 Революционное движение в России в августе 1917 г. М. 1959. С. 421–423.
654 Дело ген. Л. Г. Корнилова. Сб. док. и материалов в 2 т. М.: МФД, 2003. Т. 2. С. 149, 153.
655 Там же. С. 200.

лишь бы их князь Багратион был с ними. Никто Керенского защищать не будет. Это – только прогулка; все подготовлено»[656].

Двадцать шестого августа Корнилов предложил Керенскому отправить правительство в отставку и прибыть в Могилев. Этим он окончательно раскрыл намерение самому взять власть. В ответ Керенский потребовал, чтобы Корнилов сдал должность Верховного главнокомандующего и прибыл в Петроград. Корнилов отказался и обвинил правительство в том, что оно «под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планами германского генерального штаба»[657].

Перед угрозой военной диктатуры все социалисты сплотились для отпора корниловцам, сформировав Комитет народной борьбы с контрреволюцией на паритетных началах. В решающий момент Керенский, не доверяя юнкерам и казакам, обратился за помощью к матросам-большевикам крейсера «Аврора», которые взяли под охрану Зимний дворец. Дальше железнодорожники стали останавливать эшелоны, агитаторы объяснили рядовым казакам и бойцам Дикой дивизии, во что их втягивают. Первым отказался от участия в походе на Петроград 1-й осетинский полк Дикой дивизии. Мятеж провалился без выстрела. На фронтах солдатские комитеты арестовали офицеров, заподозренных в поддержке Корнилова. Легкость ликвидации мятежа была обусловлена тем, что все советские партии и Керенский действовали вместе.

3.3. Октябрьский переворот

Большевики: поиск тактики. Ленин, находясь в Финляндии, весь август не имел возможности точно реагировать на события. Получив отрывочные известия о событиях в Москве в дни Государственного совещания, он 18 августа написал статью-доклад для ЦК, в котором назвал «вздорными и сфабрикованными» слухи о военном заговоре и критиковал московских большевиков за то, что они работали *в блоке* с эсерами и меньшевиками для срыва попытки Корнилова взять власть в дни совещания[658]. Ленин боялся таких блоков, ибо они закрывали путь для реализации его замысла: брать власть вопреки позиции эсеро-меньшевистских лидеров Советов. ЦК статью не напечатал. Оторванность Ленина от Питера сказалась и в том, что нака-

---

[656] Краснов П. Н. На внутреннем фронте. АРР. Т. 1. Берлин, 1921. С. 115.

[657] Browder R.P., Kerensky A.P. (eds.). The Russian Provisional Government 1917: Documents. Stanford, 1961, vol. 3, p. 1573.

[658] Ленин В. И. Слухи о заговоре // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 73–78.

нуне похода Крымова на Петроград Ленин думал не об опасности удара контрреволюции, а о необходимости готовить партию к восстанию против Временного правительства. Его воодушевили итоги выборов в городскую Думу Петрограда от 20 августа: большевики получили 67 мест, эсеры – 75, кадеты – 42, меньшевики – 8. В рабочих районах столицы победа большевиков была полной. Такие результаты побудили Ленина просить ЦК издать нелегальный листок, который кончался бы призывом: «*Долой правительство Керенского, меньшевиков и эсеров*, обманывающее народ, затягивающее войну, защищающее грабительские интересы капиталистов, оттягивающее выборы в Учредительное собрание!»[659]. Листок не был издан. Напротив, ЦК сделал заявление, что слухи о выступлении большевиков – это провокация[660], ибо корниловцы готовили захват Петрограда как раз под предлогом назревания там нового выступления большевиков.

Ведущую роль в ЦК в эти дни играл Каменев. Уже 27 августа фракция большевиков во ВЦИК Советов предложила эсерам и меньшевикам самим создать правительство на базе Советов, выдвинув общедемократическую программу[661]. Лидеры эсеров и меньшевиков взяли паузу. Линия Каменева вела к формированию социалистического правительства во главе с правыми социалистами, а не правительства во главе с большевиками. Ленина явно пугала такая перспектива, и 30 августа он написал письмо в ЦК, в котором, не упоминая о Каменеве, критиковал тех большевиков, которые, по его мнению, «скатились до блока с эсерами», и призывал ЦК быть готовым к *возможности взять власть* в ходе войны с Корниловым: «Развитие этой войны одно только может нас привести к власти <…> завтра же события могут нас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим»[662]. Однако, прочитав полученные шесть номеров газеты «Рабочий», в которых освещались события мятежа и позиция ЦК, Ленин сделал к письму приписку, заявив о «полном совпадении» взглядов. Совпадение не было полным: возможность взять власть на волне борьбы с Корниловым ЦК большевиков не рассматривал.

После разгрома корниловцев ЦК большевиков 31 августа по докладу Каменева принимает резолюцию «О власти», в которой вновь предлагает

---

659 Ленин В. И. Слухи о заговоре. С. 88.
660 См.: Рабочий. 1917 № 2. 26 августа. С. 5.; № 8. 30 августа.
661 Рабочий. 1917. № 4. 28 августа.
662 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 121.

ВЦИК Советов сформировать правительство без кадетов[663]. ВЦИК отклонил это предложение. Однако его в тот же день поддержал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, а 5 сентября – Московский Совет. Это было серьезной победой, но в своем развитии означало победу линии Каменева.

Первого сентября Ленин написал статью «О компромиссах», в которой поддержал позицию Каменева от 31 августа и назвал ее предложением компромисса со стороны большевиков, открывавшим дорогу мирному развитию революции. Однако закончил статью припиской: «дни, когда *случайно* стала возможной дорога мирного развития, *уже миновали*»[664]. Фактически он предлагал ЦК отказаться от позиции Каменева. Одновременно со статьей «О компромиссах» Ленин написал «Проект резолюции о современном политическом моменте», предназначенный только для ЦК, и в нем прямо ориентировал ЦК на завоевание власти: «критическое положение неизбежно подводит рабочий класс – и может быть с катастрофической быстротой – к тому, что он <…> *окажется вынужденным* <...> *завоевать власть»* [665].

ЦК не принял ленинский проект резолюции и вместо действий по подготовке захвата власти решил участвовать в работе *Демократического совещания* всех левых сил, созываемого ВЦИК для решения вопроса о власти. Линия ЦК на конструктивную работу в Советах принесла плоды: в первую декаду сентября большевики получили большинство в Советах Москвы и Петрограда, которые вскоре возглавили В. П. Ногин и Л. Д. Троцкий.

Ленин мгновенно отреагировал на эти события в русле своего тактического курса: 13 и 14 сентября он пишет письма в ЦК, в которых предлагает использовать большинство в Советах Питера и Москвы и взять власть при первом удобном случае, и создать правительство, которое немедленно решит вопросы о земле и мире: «большевики, – писал Ленин, – составят такое правительство, какого никто не свергнет»[666]. Ознакомившись с письмами Ленина, ЦК 15 сентября принимает решение: «Членам ЦК, ведущим работу в Военной организации и в ПК, поручается принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах»[667]. Решение про-

---

[663] Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. М., 1958, с. 37–38.
[664] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 139.
[665] Там же. С. 147.
[666] Там же. С. 239.
[667] Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 55.

диктовано сведениями о том, что Ленин доводит свою позицию до рабочих районов, где было много сторонников решительных действий.

Четырнадцатого сентября открылось Всероссийское демократическое совещание, которое правые социалисты собрали вместо того, чтобы выполнить решение I Всероссийского съезда Советов Р. и С. Д. и созвать в сентябре II съезд Советов. Правые социалисты боялись, что II съезд проголосует за переход власти к Советам. Вместо съезда Советов они созвали широкое совещание. Председатель Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов Н. А. Авксентьев писал: «<…> по мысли устроителей, представители Советов на этом совещании должны были составлять лишь меньшинство. Большинство же составлялось из представителей демократических городских и земских самоуправлений, кооперативов, профессиональных союзов, демократических представителей свободных профессий и т. д.»[668]. Часть делегатов совещания указали в анкетах свою партийную принадлежность: 532 эсера (71 левых эсеров), 172 меньшевика (56 интернационалистов), 134 большевика. Эти цифры отражали примерный расклад партийных сил в стране в целом, и именно они удерживали ЦК большевиков от принятия ленинских предложений брать власть при опоре на Советы двух столиц. Каменев, Троцкий, Сталин и большинство других членов ЦК были готовы на создание правительства из всех советских партий, не претендуя на лидерство большевиков в таком правительстве. Уже в первые дни работы совещания большевики выдвинули два возможных сценария: Лев Троцкий предложил создать правительство на базе Советов, а Лев Каменев – из представителей всех демократических организаций, участвовавших в самом совещании. Однако лидеров эсеров и меньшевиков пугала возможность разрыва коалиции с кадетами. После бурных обсуждений и противоречивых голосований делегаты передали решение этого вопроса выделенному из совещания узкому органу – Временному совету Российской республики, который стали называть Предпарламентом. Предпарламент отодвинул Советы на второй план. В этом и состояла главная цель его создания. Двадцать третьего сентября Предпарламент поддержал формирование новой коалиции с участием кадетов 109 голосами, против 84 и при 22 воздержавшихся. Временное правительство теперь формально опиралось на Предпарламент, но при этом последний по требованию кадетов терял право контролировать деятельность правительства.

---

668 Авксентьев Н. Большевистский переворот // Отечественная история. 1992. № 5. С. 145.

Возобновление коалиции с кадетами было *роковой ошибкой* лидеров правых социалистов. В глазах масс они предали революцию, возобновив коалицию с корниловцами. В ответ 7 октября большевики вышли из Предпарламента. Это был сильный ход: на Демократическом совещании они продемонстрировали свое лояльное отношение к созданию правительства из всех левых партий и демократических организаций, а теперь порвали с правыми социалистами, возобновившими блок с кадетами, и встали во главе всех сторонников перехода власти в руки Советов, число которых быстро росло.

Всю вторую половину сентября Ленин критиковал ЦК за участие в Демократическом совещании, а 29 сентября он тайно приехал в Петроград и вел скрытую работу среди своих сторонников, настаивая на необходимости подготовки восстания. Решение эсеров и меньшевиков возобновить коалицию с кадетами резко усилило позицию Ленина: 10 октября на заседании ЦК он добивается решения готовить восстание, не дожидаясь созыва II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, которое ВЦИК все же был вынужден назначить на 20 октября. Против решения голосовали только Каменев и Зиновьев, которые 11 октября направили закрытое письмо ПК, МК и ряду крупных областных комитетов РСДРП: «Мы глубочайше убеждены, что *объявлять сейчас вооруженное восстание* – значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции»[669]. Это письмо привело к необходимости собрать 16 октября новое расширенное заседание ЦК, которое проходило с участием большевиков – видных членов ПК, Военной организации, Петросовета, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, Петроградского окружного комитета и железнодорожников. Оно выявило сильное расхождение мнений по вопросу о целесообразности выступления до съезда Советов.

Крыленко от Военного бюро: «для выступления нужно, чтобы что-нибудь их (солдат – *В.К.*) решительно задело, а именно: вывод войск. Бюро полагает, что настроение падает. Большая часть бюро полагает, что не нужно заострять вопроса практически, но меньшинство думает, что можно взять на себя инициативу».

Володарский от Петросовета: «Общее впечатление, что на улицу никто не рвется, но по призыву Совета все явятся».

---

669 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). С. 90-92.

Шмидт от профсоюзов: «Настроение таково, что активных выступлений ожидать не приходится».

Шляпников: «В союзе металлистов влияние большевиков преобладает, но большевистское выступление не является популярным».

Шотман: «Мы не можем выступать, но должны готовиться».

*Милютин***:** «Низложить, арестовать в ближайшие дни власть мы не можем», но вооруженное столкновение приближается. «И к этому столкновению мы должны быть готовы. Но эта перспектива отлична от восстания».

Крыленко от бюро Военки: «В одном сходилось все бюро, именно в том, что вода достаточно вскипела; выносить резолюцию, которая брала бы эту резолюцию (от 10 октября – *В. К.*) назад, было бы величайшей ошибкой. Наша задача – поддержать восстание вооруженной силой, если бы оно где-нибудь вспыхнуло».

Сталин: «День восстания должен быть целесообразен. Только так надо понимать резолюцию».

Иоффе: «Резолюцию нельзя понимать, как приказ выступать, это есть отказ от тактики удержания от выступления и признание возможности и обязательности восстаний при первом подходящем случае».

Иными словами, преобладало настроение: для восстания нужен весомый повод. С такой трактовкой соглашался и *Зиновьев*: «Если восстание ставится как перспектива, то возражать нельзя, но если это – приказ на завтра или послезавтра, то это – авантюра». Принятая резолюция в принципе поддерживала решение от 10 октября и выражала «уверенность в том, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы *наступления*» [670]. В то же время резолюция не содержала прямого решения о необходимости провести восстание до начала работы II Всероссийского съезда Советов. Такую трактовку решения отстаивал Ленин, но многие партийные руководители склонялись к позиции Троцкого, который не спорил с Лениным, но считал, что власть надо брать в ходе работы II съезда, получив его санкцию. К этому выводу подталкивал быстрый процесс *большевизации* Советов: все большее их число принимало резолюции о необходимости перехода власти в руки Советов и избирало большевиков в руководящие органы. Большевизация Советов объективно меняла смысл ленинской тактики:

[670] Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б). С. 93–104.

теперь восстание являлось выступлением не против воли большинства Советов, а против воли старого состава ВЦИК.

Восемнадцатого октября газета «Новая жизнь» опубликовала заметку «Ю. Каменев о выступлении». В ней говорилось, что Каменев вместе с Зиновьевым обратились к крупнейшим организациям партии большевиков с письмом, в котором «решительно высказались против того, чтобы партия наша *брала на себя инициативу* каких-либо вооруженных выступлений в ближайшие дни». Каменев подчеркивал, что ему «не известны какие-либо решения нашей партии, заключающие в себе назначение на тот или другой день какого-либо выступления. Подобных решений партии *не существует*». Каменев не лукавил по той простой причине, что, как было показано, резолюции ЦК, принятые 10 и 16 октября, не содержали конкретного срока. Ленин резко критиковал Каменева и Зиновьева за эту заметку, называл их «штрейкбрехерами» и требовал исключить из партии. Однако большинство членов ЦК понимало, что никакого секрета Каменев не выдал, так как из заметки следовало только то, что было всем известно: большевики обсуждают вопрос о восстании, и в их среде нет единого мнения. Буржуазные газеты говорили о восстании как о решенном деле и описывали, как именно его проведут большевики, какие пункты они захватят, по каким маршрутам будут двигаться их силы. Лидеры мелкобуржуазных партий требовали от большевиков-членов ВЦИК прямого ответа на вопрос, будет ли восстание и когда. На эти требования 18 октября ответил Троцкий как председатель Петросовета: «революционный парламент пролетариата и революционного гарнизона не может иметь решений, которые не были бы известны рабочим и солдатам. Мы ничего не скрываем. Я заявляю от имени Совета: никаких вооруженных выступлений нами не было назначено. Но если бы по ходу вещей Совет был *принужден назначить выступление* – рабочие и солдаты, как один человек, выступили бы по его зову»[671].

Восемнадцатого октября в Смольном состоялось закрытое собрание представителей полковых и ротных комитетов Петроградского гарнизона, созванное по инициативе военного отдела Петросовета. Присутствовали представители почти всех воинских частей, расположенных в Петрограде и окрестностях. Большинство выступавших заявляли о недоверии Временному правительству, но исходили из того, что выступление должно быть ответом

[671] Троцкий Л. Д. Сочинения. Том 3. Часть 2. М.–Л.: Госиздат, 1925. С. 36.

на действия контрреволюции. Так, представитель Измайловского полка заявил, что «солдаты его части верят только Советам Р. и С. Д., по первому зову которых они немедленно выступят. Однако они пока выступать не намерены». Делегат Гренадерского полка заявил, что «полк выступит лишь по призыву *съезда* Советов Раб. и Солд. Деп.». Представители 2-го Балтийского экипажа, 3-го запасного полка, гвардейского артиллерийского дивизиона заявили, что солдаты этих частей будут подчиняться приказаниям Петросовета. Представитель 1-й Петергофской пехотной школы прапорщиков заявил, что «школа против всякого выступления». Представитель 9-го кавалерийского полка также заявил, что полк от каких бы то ни было выступлений *отказывается*». Никаких решений принято не было[672].

Двадцатого октября Сталин, который в кругах ВЦИК считался «умеренным» большевиком, в газете «Рабочий путь» (под этим именем тогда выходила «Правда») писал: «Большевики дали клич: *быть готовым*! Вызван он обострением положения и *мобилизацией сил контрреволюции*, которая хочет напасть на революцию, которая пытается обезглавить революцию, сдав столицу Вильгельму, которая намерена обескровить столицу, выводя из нее революционную армию»[673]. Иными словами, Сталин говорил о том, что большевики выступят только в ответ на выступление контрреволюции.

Итак, большинство лидеров партии исходили из того, что для проведения восстания *до открытия* II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, назначенного на 20 октября, был нужен весомый повод. К 20 октября такой повод не возник, но ВЦИК перенес начало работы съезда Советов на 25 октября. За день до открытия съезда повод появился.

Восстание. Важным шагом в подготовке восстания стало создание на многопартийной основе Военно-революционного комитета (ВРК) при Петросовете. ВРК был создан в ответ на заявление правительства об угрозе захвата Петрограда германскими войсками и плане переехать в Москву. ВРК взял на себя организацию обороны города и разослал комиссаров в полки и на заводы, фактически поставив их под свой контроль. Керенский понимал, что реальная власть в городе переходит в руки Петросовета, где доминировали большевики. Он не сомневался и в том, что II съезд Советов примет решение о переходе власти к Советам, что означало конец его кабинета. Утром 24 ок-

672 Рабочий путь 1917. № 41, 20 октября. С. 8–9.
673 Там же. С. 2.

тября Керенский отдал приказ об аресте комиссаров ВРК и закрытии типографии, где большевики печатали свои газеты. Затем он выступил в Предпарламенте и заявил, что без колебаний прибегнет к военной силе против большевиков. Это означало, что Керенский съезду Советов власти не отдаст. Он направил в Ставку требование прислать надежные части с фронта. Ставка отдала приказы об отправке в Петроград 44-й пехотной дивизии с двумя батареями, 5-й Кавказской казачьей дивизии с артиллерией, 43-го, 13-го и 15-го Донских полков с артиллерией, и несколько самокатных батальонов. Днем юнкера захватили ряд мостов, ведущих в центр города.

Шаги Керенского побудили большевиков привести в боеготовность верные воинские части и Красную гвардию, блокировать мосты со стороны рабочих кварталов. Вечером 24 октября состоялось экстренное заседание Петросовета, на котором Троцкий так обрисовал ситуацию: «Вся власть Советам – это наш лозунг. В ближайшую эпоху, эпоху заседаний Всероссийского Съезда Советов, лозунг этот должен получить осуществление. Приведет ли это к восстанию или выступлению, это зависит не только и не столько от Советов, сколько от тех, которые вопреки единодушной воле народа держат в своих руках государственную власть. ВРК возник не как орган восстания, а на почве самозащиты революции. Когда правительство Керенского решило обезоружить Петроград и вывести отсюда войска, – мы сказали, что в интересах защиты революции этого не допустим. Когда <…> правительство закрыло две газеты, имеющие огромное влияние на петроградский пролетариат и гарнизон, – мы сказали, что не можем потерпеть удушения свободного слова, и выпуск газет решили возобновить, возложив почетную обязанность охранения типографий революционных газет на доблестных солдат Литовского полка и 6-го зап. саперного батальона»[674]. Газета «Известия» передает и такие слова Троцкого, сказанные на этом заседании: «<…> вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы – у порога Всероссийского Съезда Советов. Мы считаем, что Всероссийский Съезд Советов проведет наш лозунг с большей силой и авторитетом. Но если правительство захочет использовать тот срок, который остается ему жить – 24, 48, 72 часа, и выступить против нас, то мы ответим контрнаступлением, ударом на удар, сталью на железо»[675]. Слова Троцкого, связывавшего вопрос о власти с ре-

[674] Рабочий путь. 1917. 26 октября.
[675] Известия. 1917. 25 октября.

шением съезда Советов, не были просто дипломатическим маневром: весь день ЦК большевиков придерживался оборонительной тактики, несмотря на письма и записки Ленина с требованием немедленно взять власть.

Последнее письмо Ленина гласило: «Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно. Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс. <…> Нельзя ждать! Можно потерять все!». Эти строки были адресованы уже низовому активу партии, и прежде всего Выборгскому райкому с тем, чтобы они оказали давление на колеблющийся ЦК[676]. Не дождавшись ответа, Ленин в ночь на 25 октября (7 ноября) пришел в Смольный и потребовал от ЦК решительных действий. Утром 25 октября отряды ВРК уже контролировали город. Ленин от имени ВРК написал воззвание «К гражданам России», в котором говорилось, что «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона»[677].

Керенский ожидал помощь с фронта, но получил телеграмму из Ставки от начштаба главковерха генерала Н. Н. Духонина, что вызванные с ближайшего к столице Северного фронта 13-й и 15-й Донские казачьи полки из Ревеля «не могли быть отправлены к Петрограду, так как большевики угрозой воспретили подачу подвижного состава. Полки же эти по неизвестным мне причинам не проявили решимости добиться выхода хотя бы до ближайшей станции для погрузки вне района Ревеля». Командир 5-й Кавказской дивизии доложил Керенскому более кратко: «По сложившимся обстоятельствам отправка Кавказской дивизии в Петроград не может быть выполнена». Керенский направился в штаб Северного фронта, чтобы самому привести войска.

К вечеру отряды ВРК окружили Зимний дворец. В 21.40 прогремел холостой выстрел с крейсера «Аврора». Он не стал сигналом к штурму. И до и после выстрела В. А. Антонов-Овсеенко и другие руководители ВРК вели переговоры с отрядами войск, стянутых на охрану Зимнего дворца, побуждая

676 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435–436.

677 Там же. Т. 35. С. 1; Рабочий и Солдат. 1917. 25 октября (7 ноября).

их не защищать Временное правительство. Никто не хотел убивать и умирать. Переговоры имели успех. Удалось уговорить покинуть свои позиции женский ударный батальон, юнкеров Михайловского артиллерийского училища, добиться заявления о нейтралитете со стороны казаков, расположенных в здании Эрмитажа, и т. п. Только тогда, когда число защитников дворца сократилось с нескольких тысяч до двух-трех сотен, отряды ВРК заняли дворец и арестовали министров Временного правительства. Ни один из защитников Зимнего не был убит. Войска ВРК потеряли 6 человек убитыми. Около 50 человек были ранены в ночной перестрелке на Дворцовой площади. Взятую власть ВРК передал II съезду Советов, который начал работу в Смольном в момент штурма Зимнего.

Почему Ленин настаивал на взятии власти до начала работы II съезда? Он говорил об этом в своем письме: «Было бы гибелью или формальностью ждать *колеблющегося* голосования 25 октября». И действительно, одно дело убеждать делегатов взять власть перед лицом существующего Временного правительства, которое грозит карами за решение передать власть Советам, и другое дело предлагать съезду взять власть после успешного и бескровного штурма Зимнего и ареста членов правительства, которое никто не захотел защищать. В этом плане именно тактика Ленина, а не Троцкого, имела преимущество. Однако и она не гарантировала успех большевиков на съезде. Все зависело от поведения лидеров правых социалистов.

Второй Всероссийский съезд Советов. Съезд открылся в 22 часа 50 минут 25 октября. По поручению старого состава ВЦИК его открыл Ф. Дан, который, указав «на трудность положения», отказался делать отчетный доклад о работе ВЦИК и предложил избрать президиум съезда пропорционально численности делегатов. По предварительному подсчету в зале находилось 513 полномочных делегатов, заявивших о своей партийной принадлежности. Исходя из этого числа, съезд на основе пропорционального представительства партий избрал президиум: 14 большевиков, 3 меньшевика-оборонца, 1 интернационалист, 7 эсеров[678]. Эсеры и меньшевики отказались от участия в работе президиума. Председателем президиума был избран Л. Каменев. Съезд утвердил порядок дня, предложенный старым ВЦИК: 1) вопрос о власти, 2) о войне, 3) об Учредительном Собрании.

[678] Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. М.–Л.: Госиздат. 1928. С. 3.

Меньшевики-интернационалисты внесли предложение «разрешить мирным путем создавшийся кризис», которое принимается единогласно. Однако после этого правые эсеры и меньшевики выступают с рядом нападок на большевиков. Получив известия о начале штурма Зимнего дворца, противники большевиков обвиняли их в восстании до решения съезда. На обвинения ответил Троцкий: «Открыто, перед лицом всего народа подняли мы знамя восстания. Политическая формула этого восстания – вся власть Советам *через Съезд Советов*. Нам говорят: вы не подождали Съезда. Нет, мы-то стали бы его ждать, но Керенский не хотел ждать: контрреволюционеры не дремали. Мы, как партия, своей задачей считали создание реальной возможности для Съезда Советов взять власть в свои руки. Если бы Съезд оказался окруженным юнкерами, каким путем он мог бы взять власть в свои руки?»[679].

К этому моменту по данным бюро партийных фракций в работе съезда участвовали 649 делегатов, заявивших о своей партийной принадлежности: из них 390 большевиков, 160 эсеров (левых, центра и правых), 72 меньшевика, 14 объединённых социал-демократов (интернационалистов), 6 меньшевиков-интернационалистов, 7 украинских социалистов[680]. Вожди умеренных социалистов, убедившись в том, что большинство депутатов их не поддерживают, демонстративно покинули Съезд. Своим уходом лидеры эсеров и меньшевиков стремились подорвать легитимность съезда, понимая, что при таком раскладе сил создание советского правительства становилось неминуемым, и большевики будут играть в нем важную, если не главную роль. Однако большинство рядовых эсеров и меньшевиков остались в зале. Ушли со съезда не более 50 человек, многие из которых вернулись, выступали, голосовали, вновь заявляли об уходе и оставались в зале. В ходе работы съезда его состав пополнялся новыми делегатами. Фракция большевиков возросла до 472 чел. вместе с сочувствующими. Из фракции эсеров выделилась левоэсеровская фракция, к которой примкнула большая часть эсеров центра (всего 179 чел.), группа объединённых социал-демократов–интернационалистов возросла до 35 чел., а украинских социалистов – до 21 делегата.

Успех бескровного восстания воодушевил большинство делегатов съезда, приехавших с фронта и из провинции, и показал роль большевиков как

---

679 Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 28.

680 Великая Октябрьская революция. Энциклопедия М. 1987. С. 109.

подлинных руководителей рабочих и солдат Петрограда. После перерыва, на вечернем заседании 26 октября, съезд принял оглашенные Лениным декреты о мире (единогласно) и земле (1 – против, 8 – воздержались).

Декрет о мире предлагал воюющим сторонам немедленно заключить перемирие и начать переговоры об установлении мира без аннексий и контрибуций. Важно отметить, что за декрет о мире голосовали и левые эсеры и объединенные социал-демократы-интернационалисты, а также представители социал-демократии Украины, Польши, Латвии и Литвы. Декрет о земле повторял Сводный наказ, составленный эсерами на основе 242 крестьянских наказов, присланных на I съезд Советов крестьянских депутатов. Он предусматривал отмену частной собственности на землю, безвозмездную передачу всей земли в распоряжение крестьянских комитетов для распределения между теми, кто ее обрабатывает своим трудом.

Съезд сформировал правительство – Совет Народных комиссаров, которое возглавил Ленин. СНК был однопартийным, поскольку левые эсеры отклонили предложение большевиков занять посты наркомов (земледелия и продовольствия и др.) Один из лидеров левых эсеров В. А. Карелин объяснил это так: «В оглашенном здесь списке членов нового правительства могло бы быть и несколько левых с.-р. Но если бы мы пошли на такую комбинацию, то мы этим углубили бы существующие в рядах революционной демократии разногласия. Но наша задача заключается в том, чтобы примирить все части демократии. <…> В этом посредничестве, в использовании всех средств для сближения большевиков с покинувшими Съезд партиями, левые с.-р. в настоящий момент видят свою главную задачу»[681].

Новый состав ВЦИК, избранный на съезде, был многопартийным: 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 социал-демократов-интернационалистов, 3 украинских социалиста, 1 максималист. Съезд постановил, что «состав Ц. И. К. может быть пополнен представителями крестьянских Советов, армейских организаций, а также представителями тех групп, которые ушли со Съезда[682]. СНК объявил о готовности расширить свой состав за счет партий, ушедших со съезда, пропорционально численности их фракций, при условии согласия с основными решениями, принятыми на съезде (декреты о земле и мире, о переходе власти в руки Советов, о формировании правительства, от-

[681] Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 26, 83.
[682] Там же. С. 92.

ветственного перед ВЦИК Советов). Формирование Советского правительства открыло новую эпоху в истории России.

3.4. Историография

3.4.1. Советская историография

Советскую историографию Октября можно разделить на сталинский и постсталинский периоды. В сталинский период доминировала концепция «двух вождей» партии большевиков – Ленина и Сталина, закрепленная в 1938 г. в книге «История ВКП (б). Краткий курс», редактором которой был сам Сталин. По надуманному утверждению авторов «Краткого курса» 16 октября 1917 года на заседании ЦК партии был «избран *Партийный центр* по руководству восстанием *во главе* с тов. Сталиным. Этот Партийный центр … руководил практически всем восстанием»[683]. Концепция «двух вождей» искажала историю борьбы большевиков за власть, поскольку решающую роль в победе большевиков сыграл Ленин, настоявший на принятии ключевых политических решений. Второй по важности фигурой был Л. Д. Троцкий, который занимал пост главы Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Именно Петросовету подчинялись рабочие коллективы и солдаты гарнизона, именно Военно-революционный комитет, орган Петросовета, обеспечил успех октябрьского вооруженного восстания. Сталин принимал прямое участие в фальсификации истории Октября. В подтверждение достаточно сравнить две оценки, данные им в разные годы. В первую годовщину Октябрьской революции в «Правде» Сталин так писал о Троцком: «Вся работа по практической организации восстания происходила под непосредственным руководством председателя Петроградского совета Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного Комитета *партия обязана прежде всего и главным образом т. Троцкому*»[684]. В период борьбы с Троцким в ноябре 1924 г. Сталин утверждал прямо противоположное: «Должен сказать, что никакой особой роли в октябрьском восстании тов. Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета,

683 История ВКП (б). Краткий курс. С. 197.
684 Правда. 1918, 6 ноября.

он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководивших каждым шагом т. Троцкого»[685].

В постсталинский период историки убедительно показали решающую роль Ленина в обеспечении победы Октября. Большая работа по преодолению сталинской концепции была проделана на Всесоюзной научной сессии, которая в ноябре 1962 г. прошла в Ленинграде. На сессии были откровенно рассмотрены и серьезные разногласия, которые существовали в ЦК по вопросу о восстании. Ряд историков признали, что до прихода Ленина в Смольный поздно ночью с 24 на 25 октября члены ЦК партии большевиков, находившиеся в Смольном, придерживались *оборонительной* тактики и были готовы ждать открытия II съезда Советов, чтобы на съезде решать вопрос о свержении Временного правительства. В этом контексте прямо подчеркивалась решающая роль Ленина, а, следовательно, роль личности в истории. Молодой ленинградский историк В. И. Старцев смело говорил, что «*только огромная воля и энергия Ленина …* позволили преодолеть вредные влияния тактики ожидания съезда Советов» и обеспечить успех Октябрьской революции. С такой точкой зрения не согласился академик И. И. Минц, который в заключительном слове, высоко оценив ход и результаты откровенной дискуссии, состоявшейся на сессии, тем не менее заявил: «Я не могу присоединиться к мнению, что ЦК и ВРК будто бы вели оборонительную тактику вплоть до ночи 24 октября». Так Минц деликатно замаскировал вопрос о решающем значении прихода Ленина в Смольный в судьбе восстания, а значит вопрос о решающей роли субъективного фактора[686]. Этот сложный и довольно щекотливый вопрос решался в научной литературе в форме спора о времени начала вооруженного восстания. Минц и его сторонники считали, что восстание началось в первой половине 24 октября, т. е. задолго до прихода Ленина в Смольный. В 1967 г. вышел третий том «Истории Коммунистической партии Советского Союза», который закрепил точку зрения Минца[687]. Однако в 1966 г. в Ленинграде вышла монография проф. Е. Ф. Ерыкалова – первая специальная монография по истории вооруженного восстания в Петрограде, в которой доказывалось, что оно началось только после получения грозного письма Ленина и его прихода в Смольный[688].

---

685 Сталин И. В. Троцкизм или ленинизм // Правда 1924, 26 ноября.

686 Ленин и Октябрьское вооруж. восстание в Петрограде. М.: Наука, 1964. С. 62, 81, 464.

687 История Ком. партии Советского Союза. М., 1967. Т. 3, кн. 1. С. 317–321.

688 Ерыкалов Е. Ф. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966. С. 336.

Спор о сроках начала восстания отразил различия в позициях двух разных школ в историографии Октября. Минц представлял собой официальную доминирующую и своего рода «московскую школу» историков революции, а ей противостояла «ленинградская школа», представленная сотрудниками Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (Р. Ш. Ганелин, В. С. Дякин, О. Н. Знаменский, Г. Л. Соболев, В. И. Старцев, Ю. С. Токарев, А. Л. Фрайман и др.). К этой группе с определенными оговорками можно отнести и историков Ленинградского университета и ряда других ленинградских вузов, которые подчеркивали решающую роль Ленина, но в других вопросах не всегда были согласны с сотрудниками ЛОИИ СССР. Среди вузовских историков выделялся блестящий знаток истории Октября и Гражданской войны проф. Н. А. Корнатовский. Отсидев в лагерях с конца 1940-х гг. на фоне «Ленинградского дела», он мало писал, но успешно преподавал на истфаке ЛГУ, готовя молодых историков, которые были посвящены во все подспудные дебаты, проходившие в советской историографии революции.

Разные подходы двух упомянутых школ проявили себя в юбилейном 1967 г. в двух главных трудах постсталинского периода: в трехтомном труде «История Великого Октября», написанном академиком И. И. Минцем, и в двухтомной коллективной монографии «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», которую опубликовали ленинградские историки. Страницы второго тома по истории восстания написал В. И. Старцев, выразив свою позицию в ключевой фразе: «С момента прибытия Ленина в Смольный *в восстании* произошел *решительный перелом*. Началось генеральное наступление революционных сил»[689]. Более подробной оценки роли Ленина в ночь на 25 октября в тексте не было. Но и эта фраза противоречила позиции Минца, который в своей работе не подчеркивал раскола в ЦК по вопросу о восстании и делал акцент не на субъективном факторе, а на «объективной неизбежности» Октябрьской революции, трактуя термин «неизбежность» как синоним терминов «закономерность» и «необходимость». Эту позицию Минц отстаивал до конца жизни[690].

---

[689] Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: В 2 кн. Л.: Наука, 1967. Кн. 2. С. 317.

[690] Минц И. И. История Великого Октября. В 3 т. 2-е изд. Т. 1. 1977. С. 7. См. также выступление И. И. Минца, напечатанное в сборнике: Россия 1917 год. Выбор исторического пути. М.: Наука, 1989. С. 31.

Н. А. Корнатовский. В юбилейном 1967 г. Н. А. Корнатовский решился выступить на конференции исторического факультета ЛГУ с более откровенными тезисами по истории Октября, чем позволил себе Старцев в академическом издании. Ключевой тезис Корнатовского гласил: «Октябрьский триумф стал возможен в результате *удачного* сочетания объективных и субъективных факторов. … Октябрьская революция придала в конечном итоге *решающее значение* субъективному фактору … стала возможной *только* потому, что во главе российского пролетариата и его политической партии стоял В. И. Ленин»[691]. За оценкой Корнатовского не стояло стремление возвеличить Ленина из конъюнктурных соображений, как это раньше делалось в отношении Сталина. Речь шла о выявлении решающей роли субъективного фактора на фоне объективных конкретно-исторических процессов.

Споры о роли Ленина говорили о том, что советские историки, единые в признании закономерности Октябрьской революций, отнюдь не считали «предопределенной» победу большевиков, в чем обвинял их Пайпс. Еще раз напомним, что в теории исторического материализма, которая выступала для советских историков в качестве общей теории истории, нет понятия «предопределенность». Порой в работах советских историков появлялся термин «неизбежность» применительно к Февральской и Октябрьской революциям, но он всегда трактовался в особом контексте: либо как аналог терминов «закономерность» и «необходимость», либо как результат оценки конкретной ситуации, в которой свержение самодержавия и победа большевиков выступали как наиболее вероятные события[692].

Отметим, что Ленин не считал неизбежной победу большевиков ни накануне, ни после революции, хотя порой использовал термин «неизбежность», вкладывая в него разный смысл. Наиболее часто историки цитируют знаменитую резолюцию ЦК партии большевиков от 10 октября, где Ленин написал, что восстание против Временного правительства «*неизбежно* и вполне назрело»[693]. Однако речь шла о «неизбежности» *восстания,* и этим термином Ленин явно стремился закрепить решение о его *необходимости*.

---

[691] Корнатовский Н. А. В. И. Ленин в Октябрьской революции // 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 3–5.

[692] Калашников В. В. Об альтернативах в развитии Русской революции 1917 года // Русская революция 1917 года. Проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ, 2013. С. 59–74.

[693] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34 . С. 393.

Действительный смысл резолюции раскрывали строки, написанные Лениным незадолго до заседания ЦК и предназначенные активу партии: «…в верхах партии есть течение или мнение за *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. … Ждать съезда Советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить *недели,* а недели и даже дни решают теперь *все.* Это значит трусливо *отречься* от взятия власти»[694]. Иными словами, восстание *необходимо*, но *не неизбежно* – вопрос должен быть решен на заседании ЦК. Отметим и еще более яркий факт. Все советские историки революции знали и цитировали драматические слова из записки, написанной Лениным вечером 24 октября: «Нельзя ждать! Можно потерять все!» [695]. После цитирования таких слов трудно сделать вывод о том, что Ленин считал победу большевиков *неизбежным* результатом той борьбы, которая шла в октябрьские дни. Позиция Ленина ясна: успех зависел от выбора правильного момента для удара, и промедление с выступлением в решающие дни – «смерти подобно».

Сталин занимал такую же позицию, как и Ленин. «Краткий курс» не содержал тезиса о «неизбежности» победы большевиков в октябре 1917 г. Второй том пятитомной «Истории гражданской войны в СССР» (1943), в котором излагалась история Октябрьской революции, также не содержал такого тезиса. Говоря об уроках восстания, авторы в качестве первого сформулировали тезис о том, что «победа никогда не приходит “самотеком”, она достается только после тяжелой, упорной организованной борьбы»[696].

В постсталинский период трактовка проблемы закономерности революции приняла еще более зрелую форму. Это показали не только упомянутая сессия по истории Октябрьского вооруженного восстания, которая прошла в Ленинграде в 1962 г., но и ряд других научных конференций. В мае 1977 г. в год очередного юбилея Октября в Ленинграде состоялся Всесоюзный научный симпозиум «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», на котором продолжалось откровенное и компетентное обсуждение ключевых проблем истории революции. Симпозиум вновь показал, с одной стороны, единство советских историков в признании закономерности Октября, а с другой – различие в трактовке конкретной истории вооруженного восстания «школой Минца» и «ленинградской школой». Минц свою позицию выразил

---

694 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34... С. 280–281.

695 Там же. С. 435–436.

696 История Гражданской войны в СССР. Т. 2. М.: ОГИЗ. 1943. С. 280.

жестким тезисом о «неизбежности» победы большевиков в конкретных условиях осени 1917 г., сославшись на подходящее высказывание Ленина[697]. Старцев и Ерыкалов трактовали события с акцентом на решающую роль субъективного фактора, но не подчеркивали своих разногласий с позицией Минца. Опубликованный сборник их практически не отразил.

В. И. Старцев в 1970–1980-е гг. был, пожалуй, самым крупным специалистом по вопросам тактики борьбы большевиков за власть. В этот период он излагал свои взгляды в более сдержанной форме, чем в 1960-е. Отмечая разногласия между Лениным и большинством членов ЦК в вопросе о проведении восстания, Старцев писал, что пик разногласий приходился на конец сентября 1917 г., когда Ленин угрожал отставкой и готовностью апеллировать к партии. Затем, по мнению Старцева, большинство членов ЦК признали необходимость проведения восстания до начала работы II съезда Советов. В октябре шли только споры о выборе удачного момента. Описывая события позднего вечера 24 октября, Старцев уже не делал акцента на том, что именно приход Ленина *принципиально* изменил ситуацию и побудил большевиков перейти от *обороны к наступлению*. Ленин, в изложении Старцева, только ускорил процесс уже начавшегося восстания, придал ему большую динамику[698]. В статье 1988 г., в период «перестройки», он был более откровенен и завершил статью выводом о решающей роли субъективного фактора в победе Октября: «*К счастью для нашей партии*, ее возглавлял человек, имевший не только выдающиеся способности для теоретического анализа, но и достаточно смелости, чтобы взять на себя ответственность за исторические судьбы страны. ... Он заразил своей смелостью и решимостью большинство членов ЦК РСДРП(б). И они воспользовались историческим шансом, который вообще-то существовал *краткий исторический миг. Всего, может быть, несколько недель*, в ходе которых изменчивая равнодействующая сумма политических условий в стране могла бесповоротно сдвинуться в пользу контрреволюционного правого лагеря»[699].

На наш взгляд, основной опасностью для большевиков была не «вторая корниловщина», а образование «однородного социалистического правительства», которое лишило бы большевиков возможности от своего имени дать

---

[697] Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде М.: Наука, 1980. С. 5.
[698] Старцев В. И. От Разлива до Смольного. М.: Политиздат, 1977. С. 174–175.
[699] Старцев В. И. История Октября в новейшей литературе // Коммунист. 1988. № 15. С. 119-120.

декреты о земле и мире, но тезис Старцева о «шансе», который существовал «краткий исторический миг» нельзя признать ошибочным. Отказ большевиков от взятия власти на II съезде Советов делал дальнейший ход событий непредсказуемым. Ленин был прав: «промедление смерти подобно».

В следующем 1989 г. Старцев опубликовал статью, в которой специально рассматривал проблему альтернатив в России 1917 г. и доказывал, что «победа большевиков в октябре 1917 года не была случайностью или искусственным нарушением естественного хода событий»[700].

В 1990 г. в статье «Политик и человек», Старцев защищал Ленина от той вульгарной критики, которая началась в российских СМИ. Он отверг трактовки, содержавшиеся в статьях В. Солоухина, А. Солженицына, А. Ципко и других авторов, но впервые публично говорил об ошибках Ленина. Особое внимание историк уделил вопросу о надежде Ленина на скорую победу мировой революцию. «Но ошибка ли это?» – задав такой вопрос, Старцев отмечал: «события конца 1918 года – поражение Германии и Австро-Венгрии в первой мировой войне, революции в Германии, Венгрии – давали основания для таких прогнозов. … и никто не мог предсказать поражение европейской революции в 1919 году, а вот успех ее предсказывали многие». В цитированной статье, мимоходом, в придаточном предложении Старцев высказал свою общую мировоззренческую позицию, определив себя как сторонника демократического социализма[701].

Энциклопедия «***Великая Октябрьская социалистическая революция» (1987***) в общем вводном очерке и статьях отразила своего рода итоговую трактовку истории революции, принятую большинством советских историков. Авторы подчеркнули закономерность и историческую необходимость победы большевиков в России в конкретных условиях XX века. При этом они преувеличили зрелость социально-экономических предпосылок для революции, сделав излишне категоричный вывод о том, что «материальные предпосылки соц. революции в России созрели». Впрочем, этот вывод тут же уточнялся указанием на то, что «наряду с монополистическими формами капитализма на больших территориях ещё только складывались капиталистические отношения, высокоразвитые формы капитализма переплетались с домонополистическими, а капиталистические отношения – с сильнейшими пе-

---

[700] Цит. по тексту, перепечатанному в журнале: Свободная мысль. 2007. № 10. С 106.

[701] Старцев В. Политик и человек // Нева. 1991. № 3. С. 148–159.

режитками крепостничества»[702]. Далее авторы приводили слова Ленина о том, что «отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков»[703]. Отмечали тот факт, что Россия стала узловым пунктом противоречий мирового империализма, наиболее слабым его звеном.

Октябрьская революция рассматривалась как итог революционного процесса, начатого первой русской революцией, которая оценивалась как «пролог и генеральная репетиция» Октября. Отмечалось, что «созревание новой революции резко ускорила 1-я мировая война». Эта война оценивалась как фактор, обусловивший историческую необходимость общеевропейской революции: «человечество оказалось перед выбором: или погибнуть или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства»[704].

Авторы высоко оценивали роль Февральской революции как «*важнейшего этапа* на пути к соц. революции» и четко определяли ее классовую сущность как буржуазно-демократической. Отмечали, что в ходе Февральской революции и после неё в результате «*рев. творчества широких масс»* по всей стране были созданы Советы, фабзавкомы, профсоюзы и другие организации рабочих и крестьян. Основные причины Октября авторы выводили из того факта, что «Февр. революция не решила жизненно важных вопросов: прекращения империалистич. войны и заключения мира, ликвидации помещ. землевладения, рабочего вопроса, уничтожения нац. гнёта»[705]. В очерке и статьях в целом точно оценивалась стратегия и тактика большевиков на основных этапах борьбы за власть.

Если говорить о недостатках предложенной авторами трактовки истории Октября, то они в основном заключались в доминировании точки зрения академика И. И. Минца, не стремившегося подчеркивать разногласия в ЦК партии большевиков. Это вело к упрощению реальной драматической истории революции. Отметим и то, что авторы не решились признать в Троцком вторую по важности фигуру в истории Октября. Его деятельность по-прежнему подавалась в негативном свете. Можно считать упрощенной и трактовку ро-

---

[702] Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 10.
[703] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 306
[704] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С 197–198.
[705] Великая Октябрьская социалистическая революция... С. 12.

ли Каменева и Зиновьева как «штрейкбрехеров» революции[706]. Та реальная роль, которую они сыграли в истории революции, была противоречивой. Споря с Лениным, эти два видных большевика способствовали тому, что партия не осуществила преждевременной попытки захвата власти в ходе борьбы с корниловцами в сентябре, и с Керенским в октябре: восстание началось тогда, когда Керенский дал для него очевидный и весомый повод. Восстание стало не столько военной акцией, сколько политической демонстрацией отсутствия сил, готовых защищать Керенского. При этом речь шла не о захвате власти большевиками, а о передаче власти II съезду Советов, которую осуществил Военно-революционный комитет – межпартийный орган Петросовета. Троцкий сыграл в этом большую роль.

Рабинович А. Е. Из числа зарубежных историков наиболее близкую позицию к советской трактовке истории Октября занимал американский историк А. Е. Рабинович, чья книга «Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде» в 1989 г. была переведена и издана в СССР с комментарием известного советского историка Г. З. Иоффе. Автор признавал как возможность альтернативного развития событий в 1917 г., так и закономерность победы большевиков на фоне действий их политических противников. При этом историк подчеркнул роль Ленина в победе Октября и представил ее как общепризнанный факт: «Мне, как и почти всем моим предшественникам, писавшим о революции, трудно представить победу большевиков без Ленина». В то же время автор отверг версию об октябрьском восстании как верхушечном «путче» и признал, что большевики выражали интересы рабочих Петрограда. Иоффе в своем послесловии особо подчеркнул, что в книге Рабиновича отражено признание «народности» и «демократизма» Октября[707].

3.4.2. Постсоветская историография

В постсоветский период вопросы стратегии и тактики борьбы большевиков за победу Октябрьской революции перестали быть в центре внимания историков. Принципиально новых научных разработок этих вопросов не появилось. Тем не менее ряд историков писали о стратегии и тактике борьбы большевиков в 1917 г. в русле концепций, сложившихся в советской исто-

---

[706] Великая Октябрьская социалистическая революция... С. 18, 180, 219, 355–358, 530.

[707] Рабинович А. Е. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде / Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. Г. З. Иоффе. М.: Прогресс, 1989. С. 17, 336.

риографии. При этом они более раскованно излагали те острые сюжеты, которые в советский период историки трактовали с большой осторожностью.

Среди таких работ последнего времени выделим книгу известного историка В. Т. Логинова ***«Ленин в 1917 году. На грани возможного»*** (2016). Автор показал решающую роль Ленина в обеспечении победы Октября и те серьезные трудности, которые ему пришлось преодолевать в условиях, когда большинство членов ЦК считало возможным решать вопрос о власти на II съезде Советов. Анализируя итоги заседания ЦК большевиков 21 октября, Логинов показал, что принятые решения исходили «из того, что к моменту открытия Съезда победа еще не будет достигнута», т.е. речь шла о фактическом отказе от решения ЦК о восстании от 10 октября[708]. Такая откровенная оценка позиции ЦК была невозможна в советской историографии.

В марксистском ключе была написана и проинтерпретирована предыстория и история Октября в коллективном труде «***Вершина Великой революции***» (2017), где главы по истории 1917 г. принадлежат автору этих строк и В. Т. Логинову. Отличительная черта книги – признание исторической необходимости победы большевиков и всемирно-исторического значения Октябрьской революции[709].

Среди историков левого направления следует выделить А. В. Шубина, автора книги «***Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю***» (2018). Его трактовку отличает своеобразное понимание стратегической концепции большевиков. Автор выдвинул тезис о том, что Октябрь имел два лица: коммунистическое и советское. Первое «лицо» представляло собой некий коммунистический проект с акцентом на «экономическую централизацию», чреватую «тоталитаризмом». Второе «лицо» представляло «общесоциалистические идеалы самоорганизации и народовластия»[710].

На наш взгляд, анализ апрельской стратегии Ленина показывает, что большевики шли к власти, опираясь на концепцию, которая исключала противопоставление коммунистического и советского проектов. И не только потому, что Советы рассматривались Лениным как единственно возможная форма диктатуры пролетариата – союза городского пролетариата с крестьянской беднотой. Главное заключалось в том, что Ленин создал стратегию дол-

---

[708] Логинов В. Т. Ленин в 1917 году. На грани возможного. М.: Алгоритм, 2016. С. 475.
[709] Вершина Великой революции. К 100-летию Октября. М.: Алгоритм. 2017.
[710] Шубин А. В. Революционный 1917 год. От Февраля к Октябрю. М.: Академ. проект, 2018. С. 329.

гих переходных шагов к социализму в условиях крестьянской России с присущей ей многоукладной экономикой. В апреле 1918 г., Ленин, формулируя очередные задачи Советской власти в работе программного характера, делал ставку на госкапитализм и выступал против продолжения «красногвардейской атаки на капитал», которая началась снизу рабочими вопреки установке Совнаркома на ведение «контроля и учета» – подготовительной стадии для перехода к национализации. Несмотря на разногласия с левыми эсерами, в апреле 1918 г. Ленин не ставил задачи превратить Советы в органы однопартийной диктатуры[711]. Концепция переходных шагов превратилась в чрезвычайную политику «военного коммунизма» только в период гражданской войны и интервенции. Реальной альтернативы ей в тех условиях не было.

Важно отметить, что Шубин оценивает Октябрь как реальное «творчество масс», которые получили возможность «писать нашу историю. Пусть неумело, с ошибками. Но спасибо им за это» – заключает автор[712].

Такие позитивные оценки Октября не доминируют в постсоветской историографии Русской революции. Атака представителей правого крыла западной историографии и позиция новых правящих кругов в России, выраженная уже фактом отмены праздника 7 ноября, оказали существенное воздействие на историографию. В этой связи вернемся к Пайпсу и покажем, какие претензии он предъявил советским и западным историкам-«ревизионистам» в начале 1990-х годов: «Центральным полем, – писал Пайпс, – на котором школа ревизионистов бросила вызов историкам, придерживающимся ортодоксальной версии, являются события октября 1917. Вопрос (на время начала спора) стоял так: был ли захват власти, осуществленный большевиками, народной революцией или заурядным переворотом; вынесла ли большевиков на гребень власти волна широкой поддержки со стороны масс или же они украли власть, как тать в нощи. Западные историки – особенно представители младшего поколения – все сильнее и сильнее склоняются к советскому взгляду на вещи, согласно которому в октябре 1917 и впрямь произошла *народная* революция, в ходе которой действия большевиков определялись давлением широких масс. Мой тезис полностью противоположен тому, который выдвинули и пропагандируют ревизионисты, и который к настоящему времени стал в университетах западного мира в бук-

711 Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 165–208.
712 Шубин А. В. Революционный 1917 год. С. 5.

вальном смысле слова обязательным. Я постулирую и подкреплю доказательствами тот тезис, согласно которому ни в падении царизма, ни в захвате власти большевиками не было ничего заранее предопределенного. Строго говоря, мне кажется, что захват власти большевиками был своего рода аномалией»[713]. Усилиями Пайпса и ему подобных «крамола» ревизионистов уже в середине 1990-х гг. была «вычищена» из университетов США и Британии и ослаблена в университетах других стран, включая Россию.

В России в год 100-летия революции представители своего рода «официальной» исторической науки выразили отношение к Октябрю в монографии «***Российская революция 1917 года: власть, общество, культура***», изданной под эгидой РИО и ИРИ РАН. Рассматривая Февраль и Октябрь в рамках единой Великой революции, авторы предлагают читателю серию сквозных очерков по отдельным темам: социальная, экономическая, внешнеполитическая, внутриполитическая история революции. Целый ряд очерков написан на высоком уровне. Однако в глаза бросается отсутствие сводных, целостных очерков, как по истории Февраля, так и по истории Октября. Иными словами, отсутствуют трактовки и четкие оценки ключевых этапов и всей Великой революции в целом.

Элементы трактовки причин и ключевых событий Октябрьской революции разбросаны по разным главам двух томов, которые были написаны разными авторами и с разных позиций.

В первом томе стратегия и тактика большевиков рассмотрены в главе «Российские социал-демократы», посвященной деятельности большевиков и меньшевиков на протяжении всего 1917 г. В рамках поставленной задачи историк П. Ю. Савельев в фактологическом ключе очень кратко пишет о восстании, работе II съезда Советов, роспуске Учредительного собрания, заключении Брестского мира[714]. Эти события интересуют автора с точки зрения отношения к ним разных течений некогда единой партии. Интерпретация сведена к одному–двум предложениям без какой-либо развернутой аргументации. В последних строчках главы автор дал общую оценку революции и написал: «Революция 1917 г. со всей очевидностью показала, что ни консерватизм, ни либерализм (как идеология и политическая практика) так и не смогли укорениться на российской почве, стать структурной компонентой

---

[713] Пайпс Р. Три «почему» русской революции. С. 11–12.

[714] Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. В 2 т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2017. С. 720–721, 731–732.

менталитета большинства народа»[715]. Строго говоря, эта верная оценка не вытекала из текста главы по истории социал-демократии. Тем не менее она оказалась единственной общей оценкой исторического процесса 1917 г. Оценка, данная Савельевым, означает косвенное признание закономерности победы большевиков. Именно косвенное, поскольку она не содержит прямого признания народного, демократического характера Октября, который так активно отрицал Пайпс, и о котором говорили зарубежные «ревизионисты» и, конечно же, советские историки.

Во втором томе читатель вновь сталкивается с рассказом о вооруженном восстании с акцентом на штурм Зимнего, о работе II съезда Советов и роспуске Учредительного собрания. Эти события рассмотрены В. П. Булдаковым в особом контексте: как акции, в основе которых лежали «разрушительные инстинкты и утопические вожделения вооруженных толп». В качестве одной из главных причин революции называются «психопатологические настроения масс». В результате революции, по мнению В. П. Булдакова, «у власти оказались люди, менее всего склонные строить новую государственность. Их целью была мировая революция»[716].

Такая трактовка порождает вопросы: что же тогда сделало Российскую революцию «Великой», если у нее были такие движущие силы и социальная база, и если у власти оказались такие люди? И как они могли сохранить власть в ходе тяжелой гражданской войны и иностранной военной интервенции? И как они могли построить великую страну, потенциал которой позволяет существовать постсоветской России?

Отметим, что в советской историографии было много сделано в плане изучения общественного сознания масс в эпоху революции. Особую роль сыграли монографии Г. Л. Соболева «Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.», «Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября». Отметим и более позднюю работу историка, написанную в постсоветский период: «Пролетарский авангард в 1917 году. Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда»[717]. Материал, приведенный

---

[715] Российская революция 1917 года... 743.

[716] Там же. Т. 2. С. 297–298, 551.

[717] Соболев Г. Л.: 1) Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л.: Наука, 1973; 2) Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л.: Наука, 1985; 3) Пролетарский авангард в 1917 году. Революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб.: СПБГУ. 1993.

Соболевым, опровергает тезис о «разрушительных инстинктах и утопических вожделениях вооруженных толп», которые якобы обеспечили победу большевиков в Октябре. Как уже отмечалось, зарубежные историки из числа «ревизионистов» провели аналогичные исследования и пришли к выводу о рациональном характере действий рабочих, солдат и крестьян в 1917 г.

Возникает вопрос: все ли авторы монографии разделяют трактовку причин и результатов победы большевиков, предложенную Булдаковым? Ведь труд представлен как коллективная *монография*, что предполагает наличие согласованной концепции. Однако тезис П. Ю. Савельева о том, что Ленин в отличие от Троцкого делал ставку на союз с крестьянством, плохо совместим с тезисом В. П. Булдакова о мировой революции как главной цели тех, кто пришел к власти. Получалось, что цель главы Совнаркома и самого авторитетного лидера партии большевиков была все-таки другой. Отметим и тот факт, что ряд других авторов монографии явно трактуют действия рабочих и крестьян как отвечающие их реальным интересам[718].

Читатель, прочитав два тома объемом в 1300 с лишним страниц, не получит четкого и аргументированного ответа на ключевые вопросы: прав ли был Ленин, выдвигая в апреле задачу перехода к социалистической революции или он ошибался? Опиралась ли его концепция переходных шагов на объективные предпосылки социально-экономического и политического характера? Чем была обусловлена та поддержка, которую получили большевики: рациональными классовыми интересами рабочих и крестьян или «психопатологическими настроениями масс»? Была ли открыта для России в тех условиях более оптимальная альтернатива с точки зрения коренных интересов народов России? Как в целом определить характер и историческое значение Октябрьской революции?

Отсутствие четкой постановки и ответов на эти вопросы – не случайность. Постсоветские идеологические доминанты исключали признание правильности политики большевиков и оценку Октября как Великой социалистической революции, но впрямую отрицать закономерность и огромное значение Октябрьской революции для России и всего мира невозможно. Отсюда и происходит то отношение к ней, которое можно выразить известной формулой. Ее смысл определяет не поставленная авторами запятая: *«казнить нельзя помиловать».*

---

[718] См. очерки, написанные А. П. Корелиным и В. В. Кондрашиным: Там же. Т. 1. С. 268–279, 318–355.

ГЛАВА 4. РОСПУСК УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Роспуск Учредительного собрания (Конституанты) был заключительным решением Ленина из серии ключевых решений, принятых в ходе борьбы за победу пролетарской революции. Отказ от роспуска Собрания был равнозначен отказу от курса на переход к социализму, поскольку победа на выборах социалистической партии эсеров не влекла за собой такого перехода. Лидеры эсеров к осени 1917 г. окончательно приняли точку зрения меньшевиков о необходимости сохранить буржуазный характер революции. В ноябре 1917 г., т. е. уже после Октября, В. М. Чернов, выступая на IV-м съезде партии социалистов-революционеров, прямо ставил задачу «работать и существовать в рамках господствующей хоз. системы, в рамках капитализма»[719]. Именно этот курс эсеры готовились осуществлять в результате своей победы на выборах в Учредительное собрание, в которой они не сомневались.

Следует отметить, что Ленин не исключал возможности роспуска Конституанты задолго до 1917 г. Этот вопрос был поставлен на II съезде РСДРП в 1903 г. Г. В. Плехановым, который говорил: «Успех революции – высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. <…> Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент, то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом, а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели»[720]. Ленин был согласен с Плехановым, поскольку всегда понимал, что партии пролетариата будет трудно обеспечить большинство мандатов в крестьянской полуграмотной стране, где только в городах возможна какая-то сознательная политическая работа. Тот факт, что в 1917 г. в апрельских тезисах Ленин не упомянул об Учредительном собрании и сделал акцент на Советах как органах государственной власти, говорил о многом. На следующий день после приезда в Петроград, выступая на собрании большевиков, он сказал: «Настоящее пра-

[719] Краткий отчёт о работе 4-го съезда ПСР. Пг., 1918. С. 23.
[720] Протоколы II съезда РСДРП. М.: Партиздат, 1932. С. 182.

вительство – Совет рабочих депутатов. … Жизнь и революция отводят Учредительное собрание на задний план»[721].

Однако прямо против созыва Конституанты Ленин не выступал. Требование созыва «законодательного собрания» на основе всеобщих, равных, прямых и тайных выборов входило в политическую программу РСДРП с момента ее принятия в 1903 г. Большевики не пересматривали этот вопрос в своих программных документах. На VII Всероссийской конференции в апреле 1917 г. была принята резолюция о необходимости пересмотра партийной программы, в которой говорилось о замене требования «буржуазно-парламентарной республики» на требование «демократической пролетарски-крестьянской республики (т. е. типа государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества)»[722], но эта резолюция не трактовалась как отказ от борьбы за созыв Учредительного собрания. Напротив, на конференции выдвигалась задача борьбы за переход государственной власти «в руки Советов или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредительное собрание и т. п.)»[723]. На VI съезде РСДРП (б), состоявшемся в конце июля – начале августа 1917 г., большевики считали подготовку к выборам в Учредительное собрание своей главной практической задачей.

Следует учесть и тот факт, что на протяжении всего 1917 г. в верхах партии апрельский курс на борьбу за власть Советов понимался по-разному: 1) как борьба за установление власти партии большевиков (Ленин и его сторонники); 2) как борьба за социалистическое правительство, в котором большевики не обязательно были бы главными (Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и их сторонники). В партийных документах РСДРП (б) никогда не ставился прямо вопрос о захвате власти большевиками. Речь шла об установлении диктатуры «пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством». Партийный состав этой диктатуры мог быть разным.

Разное понимание стратегической цели привело к тому, что сразу после окончания работы II съезда Советов в ЦК большевиков произошел раскол, вызванный требованием исполкома профсоюза железнодорожников

---

721 Ленин В. И. Доклад на собрании большевиков // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 108, 110.

722 Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. С. 258.

723 Там же. С. 259.

(Викжель) создать однородное социалистическое правительство под угрозой всеобщей забастовки на транспорте. Правое крыло ЦК (Каменев, Зиновьев, Милютин, Ногин, Рыков) считало необходимым принять «ультиматум Викжеля» и создать правительство из всех советских партий, а также ряда других организаций. Они были готовы к отказу от лидерства Ленина и Троцкого в новом составе Совнаркома, на чем настаивали правые социалисты в дни, когда Керенский вел казаков Краснова на Питер. Ленин с большим трудом преодолел этот кризис в верхах партии благодаря тому, что поход Краснова потерпел полный крах, а затем большевики победили юнкеров в Москве. Однако было ясно, что принятие решения об отношении к Учредительному собранию будет трудным. Вопрос решался в ЦК, СНК и во ВЦИКе. Основные вехи принятия решения выглядели так:

– 26 ноября Ленин подписал декрет «К открытию Учредительного собрания», согласно которому для открытия требовалось наличие кворума в 400 депутатов (половина запланированных к избранию)[724];

– 29 ноября ЦК подтвердил, что Собрание должно быть созвано. Бухарин считал, что надо изгнать кадетов, а без них у большевиков и левых эсеров будет «колоссальное преобладание»[725]. Совнарком объявил лидеров кадетов «врагами народа» за попытку группы депутатов начать работу в Таврическом дворце 28 ноября, пригрозил арестом. Затем подтвердил, что слухи, «будто Учредительное собрание вовсе не будет созвано в нынешнем своем составе ... совершенно ложны»[726];

– 13 декабря Ленин опубликовал «Тезисы об Учредительном собрании», в которых говорилось: «Для всего народа стало вполне ясным, что Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть»[727]. Фактически здесь формулировалась тактика: Собрание созвать, потребовать признание декретов II съезда Советов и распустить в случае отказа;

– 22 декабря ВЦИК назначил открытие Собрания на 5 января 1918 г.;

---

[724] Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. М.: РОССПЭН, 2010. С. 172. Более точной является цифра 820 запланированных мандатов.
[725] Протоколы Центрального Комитета РСДРП. М.–Л., 1929. С. 182.
[726] Правда. 1917. 19 (6) декабря.
[727] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 162, 165.

– 3 января ВЦИК издал постановление, в котором категорично говорилось: «вся власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям. Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было … присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема, как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться … вплоть до применения вооруженной силы»[728].

4.1. Историография: две позиции

Из всего круга проблем, связанных с решением Ленина о роспуске Учредительного собрания, наиболее острой является оценка роли этого шага в истории зарождения масштабной Гражданской войны в России. Существуют две основные историографические позиции. Согласно первой, именно роспуск Конституанты был «*точкой невозврата*», после которой Гражданская война в России стала неизбежной. Эту позицию активно отстаивал крупный деятель партии эсеров М. В. Вишняк, избранный 5 января 1918 г. секретарем Учредительного собрания. В 1932 г. в Париже он издал книгу под названием «Всероссийское Учредительное собрание», которая была переиздана в издательстве «РОССПЭН» в 2010 г. Факт разгона Учредительного собрания, писал автор, «имел решающее значение»[729]. В постсоветской историографии эту позицию защищал Л. Г. Протасов в книге «Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели» (М., 1997). По его мнению, этой акцией большевиков «была фактически спровоцирована Гражданская война, для которой это был более чем весомый casus belli», роспуск придал Гражданской войне «особо затяжной и ожесточенный характер»[730].

Согласно второй историографической позиции, роспуск Учредительного собрания не стал «точкой невозврата» в истории развязывания масштабной Гражданской войны в России. Такая война началась только летом 1918 г. под воздействием *факторов, созданных иностранной интервенцией*. Вторая позиция доминировала в советской историографии и опиралась на высказывание Ленина о том, что именно «всемирный империализм … вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в ее затягивании»[731]. Не

---

[728] Известия ЦИК. 1918. 4 января.
[729] Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 347.
[730] Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. М.: РОССПЭН, 1997. С. 323–324.
[731] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 343.

следует понимать эту позицию как отрицание внутренних причин для гражданской войны в России того времени. Речь шла о том, что именно интервенция изменила соотношение сил внутри страны и позволила внутренней контрреволюции начать масштабную вооруженную борьбу против большевиков. Такой взгляд лежал в основе авторитетного труда «Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия», вышедшего двумя изданиями в 1983 и 1987 гг. Название труда фиксирует неразрывную связь Гражданской войны и военной интервенции в Россию[732]. Автор этих строк также считает иностранную интервенцию главным фактором, который сделал широкомасштабную гражданскую войну в России возможной.

В историографии существует масса переходных трактовок, сторонники которых ориентируются в большей или меньшей степени на первую или вторую позиции. Эту ситуацию отразили материалы Санкт-Петербургской международной конференции, проведенной в 2018 г. в столетнюю годовщину начала Гражданской войны. Организаторы конференции провели опрос, в ходе которого группа отечественных и зарубежных историков ответили на ряд ключевых вопросов. Первым был вопрос: «*Каким временем (событием) Вы датируете начало Гражданской войны?».* Три участника опроса (А. Рабинович, Р. Уэйд, В. Шелохаев) выбрали вариант ответа: «разгон Учредительного собрания». Восемь историков (Д. Бажанов, Р. Гагкуев, А. Ганин, В. Голдин, А. Давыдов, В. Калашников, Д. Чураков, В. Шишкин) выбрали ответ: «выступление Чехословацкого корпуса (май 1918)», имея в виду начало именно крупномасштабной Гражданской войны. Остальные (А. Захаров, П. Кенез, Б. Колоницкий, С. Полторак, А. Посадский, А. Пученков, Д. Рэйли, Дж. Санборн, Дж. Суэйн, В. Цветков, М. Ходяков) заняли иные позиции, связанные с различным пониманием термина «Гражданская война»[733].

В советской историографии это понятие употреблялось в узком и широком смыслах. В *узком* смысле – это период, когда военный вопрос был главным, определяющим. Именно этому периоду посвящена упомянутая энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР»[734]. В *широком* смысле – это период, когда в обществе шла открытая борьба за власть, в ко-

---

732 Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987.

733 Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии. СПб.: СПбГЭТУ, 2018. С. 187–189, 193–197.

734 Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия…

торую были втянуты массы людей, но боевые действия были только *одной из форм этой борьбы.* На одних этапах они носили локальный и кратковременный характер, а на других перерастали в настоящую фронтовую войну. Такой подход отразила «История Гражданской войны в СССР» (1935), первый том которой начинался с предыстории и истории Февральской революции[735].

Разная трактовка понятия «гражданская война» ведет к разной оценке роли роспуска большевиками Учредительного собрания как фактора в истории этой войны.

Pro et contra. Те историки, которые видят в роспуске Собрания главную или одну из главных причин гражданской войны, обычно аргументируют свою позицию тезисом о том, что роспуск Конституанты был нелегитимной акцией. Она нарушала волю, высказанную на выборах большинством избирателей, и давала всем оппонентам большевиков моральные и политические основания для выступления против них с оружием в руках. Марк Вишняк так сформулировал этот тезис: роспуск «давал полное морально-политическое оправдание переходу к военным действиям, возлагал неоспоримую ответственность за пролитую кровь на большевиков»[736]. В постсоветский период тезис Вишняка развил А. Н. Медушевский, написавший вступительную статью к переизданной книге Вишняка: «Роспуск Учредительного собрания, следовательно, означал полную внутреннюю и внешнюю изоляцию режима; разрушение всех инструментов социального примирения (от партийных компромиссов до роли церкви); Гражданскую войну и интервенцию, многомиллионную эмиграцию; отчуждение большевистской власти от общества и возможность ее сохранения лишь с помощью террора и репрессий по отношению к инакомыслящим»[737].

Однако дальнейшие события не подтверждают эту трактовку. После роспуска правые социалисты, выдвинув лозунг борьбы в защиту прав Учредительного собрания, не нашли поддержки ни у рабочих и крестьян, ни у кадетов, ни у элиты национальных окраин бывшей Российской империи. О настроении крестьян говорят анкеты волостных Советов Центральной России, заполненные в апреле – июне 1918 г. Из 1002 анкет в 81,6 % выражено позитивное отношение к Советской власти и только 1,5 % поддержали лозунг

---

[735] История Гражданской войны в СССР. В 5 т. Т. 1. М., 1935.
[736] Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 347.
[737] Медушевский А. Н. Предисловие // Там же. С. 72.

с требованием созыва Учредительного собрания[738]. ЦК партии кадетов заявил, что Учредительное собрание «не было в состоянии осуществить предлежащих ему функций и тем выполнить задачу восстановления в России порядка, и потому *возобновление* его деятельности должно быть сочтено *нецелесообразным и ненужным*»[739]. Эсеры, победившие на выборах, оказались в изоляции. Роспуск Собрания не вызвал Гражданскую войну.

Эпизоды такой войны возникли на юге России и не были борьбой в защиту прав Учредительного собрания. Речь идет о январских боях на Дону, которые вели атаман А. Каледин, не признавший Советскую власть, и отряд под командованием генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова (3 тыс. офицеров, юнкеров и студентов, назвавших себя «Добровольческой армией»). Не получив поддержки крестьян, казаков, большинства офицеров царской армии, заполнивших города юга России, корниловцы уже в конце января оставили Дон и отправились на Кубань, где были разбиты. Атаман Каледин, узнав об уходе корниловцев и обнаружив, что защищать его правительство готовы только 147 казаков, 29 января застрелился.

После победы на Дону Ленин считал, что гражданская война в России закончилась. Однако она вновь началась летом 1918 г. на фоне иностранной интервенции, и на всех ее этапах лозунг защиты прав Учредительного собрания присутствовал эпизодически и не играл заметной роли. Почему события пошли таким путем?

4.2. Советы или «буржуазный парламентаризм»

Итоги выборов. Исходным фактором, создавшим возможность роспуска Конституанты, стали политические итоги выборов. Их можно свести к следующим положениям: 1) формальную победу одержала партия эсеров, получившая голоса крестьянской провинции; 2) политическую победу одержали большевики, получившие голоса рабочих и большинства солдат, т. е. той части народа, которая в условиях революции реально определяла исход борьбы за власть; 3) полное поражение понесли буржуазные партии; 4) в национальных районах победили национальные партии социалистической и несоциалистической ориентации, сепаратистские по своим подлинным целям.

По свидетельству Вишняка, положение о выборах предусматривало их проведение в «73 неравных гражданских округах и 9 специальных – от армии

---

[738] Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 97.

[739] Цит. по кн.: Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России. М., 1976. С. 383.

и флота». Всего предстояло избрать «808 человек – один депутат примерно на 219 тысяч жителей в гражданских округах и 100 тысяч избирателей – военнообязанных на фронте»[740].

Полных данных о том, где состоялись выборы, и кто был избран, нет. Наиболее полные подсчеты сделал историк Л. Г. Протасов. Ему удалось установить с той или иной степенью достоверности *голоса* 48,4 миллиона избирателей из примерно 90 миллионов граждан, имевших право голоса, по 75 избирательным округам. Однако его подсчеты принципиально не отличались от тех, что были известны в январе 1918 г., а затем уточнены в работах советских историков[741]. Цифры Протасова гласят: по *общероссийским партийным* спискам эсеры получили 39,5 % голосов; большевики – 22,5, меньшевики – 3,2, кадеты 4,5 %. Кроме этого еще 14,5 % набрали «разнородные социалистические списки, принадлежавшие главным образом *национальным* партиям» (из них примерно 11 % эсеры украинские, татарские, молдавские, чувашские и др.) и 9,6 % получили *несоциалистические* списки, в основном национальных партий. Остальные 5 % голосов, по словам историка, «достались конфессиям, кооперативам, казакам, областникам, праволиберальным и консервативным спискам, Советам и пр.». В результате в состав Учредительного собрания от общероссийских партий были избраны: 347 эсеров (из них 36 левых эсеров), 180 большевиков, 16 меньшевиков, 15 кадетов, 4 народных социалиста. От региональных партий: 81 украинский эсер, 11 украинских социал-демократов, 18 национальных социалистов, 62 мусульманина, 16 казаков, 16 депутатов от иных национальных списков, 1 – от РПЦ[742].

Выборы показали: там, где народ имел возможность оценить действия всех партий в период революции, и там, где большевики могли объяснять свои цели, они набрали много голосов, а там, где о них люди знали мало, или имели искаженную информацию («Ленин – немецкий шпион»), они проиграли эсерам. Эсеры выиграли в деревне, где вели агитацию по простой, но действенной схеме: «мы – партия крестьян, а большевики – партия рабочих».

---

740 Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное собрание. С. 172.

741 Святицкий Н. В. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание. М.: Земля и Воля, 1918; Всероссийское учредительное собрание. М.- Л.: Госиздат, 1930; Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное Собрание. История созыва и политического крушения. Л.: Наука, 1976; Спирин Л. М. Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987.

742 Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели… С. 162, 164, 299.

Наиболее демократично выборы прошли в *столицах*, где голоса подсчитывались максимально точно. В Петрограде большевики получили 45%, кадеты – 26, эсеры – 17, причем большинство получили левые эсеры –16,2 %. В Москве большевики получили 48,2, кадеты – 34,3, эсеры – 8,1, меньшевики – 2,8 %. Проигрыш правых социалистов в двух столицах был несомненным. Они проиграли и в целом по *городскому* населению: большевики получили 34,3, кадеты – 19, эсеры – 16,2 %[743].

Итоги выборов в армии и деревне напрямую зависели от их близости к двум столицам и крупным промышленным центрам. По *армии* в целом большевики собрали 42,1 % голосов, тогда как эсеры – 37,2, меньшевики – 3,4, кадеты – 2,3 %. На Западном фронте большевики получили 67, на Северном – 56,1, на Балтфлоте – 57,4 % голосов. Однако на более удаленных от столиц фронтах большевикам было трудно вести пропаганду, что отразили результаты выборов: Юго-Западный фронт дал 31 % голосов большевикам и 41 эсерам, Румынский – 15 % большевикам и 60 эсерам. Черноморский флот – около 20 % большевикам и две трети русским и украинским эсерам.

Самый удаленный Кавказский фронт дал эсерам почти 70 % голосов[744].

В *деревне* по общепартийным спискам эсеры получили 44% голосов, большевики 18,6, меньшевики 2,5, кадеты 2,2 %. Большевикам больше всего голосов дали прифронтовые Минская и Витебская губернии – 59 % голосов крестьян. Затем шли губернии промышленного Центра (9 губерний вокруг Москвы) – 50 %, губернии Северо-Запада – 42 %. Эсеры доминировали в более удаленных от столиц губерниях (Сибирь – 79 %, земледельческий Центр – 73 %, Среднее и Нижнее Поволжье – 39 мандатов из 65)[745]. Важно отметить, что в большинстве случаев в уездах эсеры блокировались с местными крестьянскими организациями, включая их активистов в свой список. Как признает Протасов, «почти три сотни депутатов были избраны по совместным спискам партии с крестьянскими организациями. Хотя депутаты-крестьяне тоже были эсерами, они были менее связаны узами партийной и фракционной дисциплины и даже тяготились ею». Историк признает и тот известный факт, что «голосование в селах, формально тайное, на самом деле было достаточно “прозрачным”, и лишь немногие избиратели отваживались

---

[743] Там же. С. 208, 212–213, 216.

[744] Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели... С. 242–245, 249.

[745] Там же. С. 174–175, 228–229.

голосовать по-своему, вопреки большинству. “Мы люди темные, – сплошь и рядом говорили крестьяне членам избирательных комиссий, – дайте, за который все бросали”»[746]. Раскол партии эсеров на левых и правых, оформившийся уже после составления общих избирательных списков, также затрудняет реальную оценку итогов выборов для эсеров. Тем не менее Протасов сделал категоричный вывод о том, что «с арифметической, и с политической точки зрения победа эсеров на выборах неоспорима» [747].

С нашей точки зрения это не так. Победа в обеих столицах, в промышленных центрах, по городскому населению и по армии, а также в губерниях, расположенных вблизи столиц, делала большевиков реальными победителями – политической силой, способной распустить Конституанту. В то же время итоги выборов не давали гарантии мирного роспуска: половина армии не голосовала за большевиков. Однако лидеры большевиков избрали тактику, которая позволила нейтрализовать опасность начала Гражданской войны.

Вся власть Советам. Важнейшую роль в судьбе Конституанты сыграл тот факт, что большевики сумели выявить позицию большинства депутатов Собрания *как противников Советской власти* – той власти, которая на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов приняла декреты о земле и мире, т. е. сделала то, что восемь месяцев не делали правые социалисты в блоке с кадетами.

Важно отметить, что решения II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов поддержали большинство делегатов II Всероссийского съезда крестьянских Советов, проходившего 26 ноября – 10 декабря 1917 г. Они высказались за созыв Конституанты, но объявили, что будут решительно бороться за утверждение власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Огромную роль в обеспечении такого результата сыграли левые эсеры. Один из их лидеров А. Л. Колегаев открыто заявил: «Если Учредительное собрание выступит против народа, мы вступим с ним в борьбу»[748].

Решение Всероссийского крестьянского съезда поддержали более половины волостных Советов (данные по 415 волостям): 53,5 % волостей высказались за власть Советов, 30 настаивали на передаче власти Учредительному собранию, в 16,5 % волостей население колебалось[749]. Отметим, что в 1917 г.

---

[746] Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание... С. 235–236.
[747] Там же. С. 164, 165.
[748] Голос трудового крестьянства. 1917. 10 декабря.
[749] Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. С. 65.

крестьянство по всей России выступило против создания *всесословных* органов власти, заменяя земства *крестьянскими* советами и комитетами.

Сразу после открытия Учредительного собрания 5 января 1918 г. большевики предъявили депутатам декларацию ВЦИК, первый пункт которой гласил: «Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам»[750]. Правоэсеровское большинство делегатов отказалось рассматривать Декларацию и вскоре объявило Россию демократической республикой без упоминания о Советах как органах власти. Тем самым Ленин получил возможность обвинить правых социалистов в отказе признать Советы органами государственной власти. Этот отказ и стал главным оправданием решения большевиков уйти из зала заседания. Шестого января в декрете ВЦИК о роспуске Учредительного собрания оно было названо «венцом *буржуазно-парламентарной* республики», которое «не могло не встать поперек пути … *Советской* власти»[751].

Такая причина роспуска Конституанты сразу встретила понимание не только городского пролетариата, но и 11 губернских съездов крестьян (Вятский, Московский, Олонецкий, Орловский, Пензенский, Пермский, Тамбовский, Тверской, Самарский, Саратовский и Симбирский), которые прошли в январе и одобрили акцию большевиков[752].

Следующий шаг большевиков и левых эсеров – созыв заранее запланированных III Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов и III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Тринадцатого января два съезда объединились и 18 января приняли основные статьи Закона о социализации земли в точном соответствии с желаниями крестьян. Объединенный съезд одобрил политику СНК по всем ключевым вопросам. Особо отметим согласие съезда на продолжение *сепаратных* переговоров о мире (единственной реальной возможности прекратить войну), а также подтверждение права наций на самоопределение, «понимаемого в духе самоопределения *трудовых масс* всех народностей России»[753]. Объединенный III съезд представлял большинство рабочих, солдат ключевых фронтов, а также кре-

---

[750] Всероссийское Учредительное собрание. С. 4.

[751] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 335–336.

[752] Осипова Т. В. Указ. соч. С. 65.

[753] Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пб., 1918. С. 91–94.

стьянство губерний, связанных с промышленными центрами. Это были наиболее грамотные и организованные слои простого народа. У крестьянской «глубинки» не было причин подниматься на борьбу с властью, созданной III объединенным съездом[754]. Особенно, с учетом того, что его решения выигрывали на фоне решений Учредительного собрания.

Решения Конституанты. После ухода большевиков депутаты приняли: 1) первые 10 статей Закона о земле; 2) обращение к Антанте с предложением приступить к определению условий демократического мира, приемлемых для всех воюющих народов; 3) постановление о государственном устройстве России, которое провозглашало ее «Федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные»[755].

Статьи *Закона о земле* предусматривали ликвидацию частной собственности на землю без выкупа. После октябрьского декрета о земле январское решение Конституанты выглядело как запоздалое и вынужденное. Об этом свидетельствовали все законопроекты, которые эсеры вносили во Временное правительство в поисках компромисса с кадетами. Последний пример такого рода – аграрный законопроект министра земледелия эсера С. Л. Маслова, опубликованный 18 октября, т.е. накануне Октябрьской революции. Проект предлагал передать крестьянам только часть земли помещиков и за арендную плату. Во время выборов в Учредительное собрание эсеры ни словом не вспоминали о законопроекте Маслова, т. е. обманывали крестьян в вопросе о том, как они хотели решить земельный вопрос. После большевистского Декрета о земле эсеры уже не могли предлагать иной аграрный закон. В итоге они и приняли закон, который повторял положения Декрета о земле.

Этот шаг правых эсеров имел важные последствия для судьбы Учредительного собрания. Запрет частной собственности на землю был неприемлем для помещиков и буржуазии. Такой шаг правых социалистов исключил возможность образования единого антибольшевистского фронта с кадетами в защиту прав распущенного Собрания. Именно поэтому кадеты сочли возобновление его работы нецелесообразным.

Обращение к союзным державам с предложением приступить к определению условий демократического мира также не могло стать инструментом

---

754 О ходе работы III съезда Советов см.: Смирнов Н. Н. Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа. Л.: Наука, 1988.

755 Всероссийское Учредительное собрание. С. 112–113.

мобилизации народа в защиту Конституанты. «Обращение» показало, что эсеры не готовы заключить сепаратный мир, а он был единственной возможностью для России безотлагательно выйти из мировой войны и перестать быть «пушечным мясом» на ее самом кровопролитном завершающем этапе.

Предложенная эсерами *формула федерализации* также не поднимала авторитета Конституанты, поскольку формула не устраивала элиты национальных регионов бывшей Российской империи. Об этом ясно говорила позиция Центральной Рады Украины. К 5 января 1918 г. из почти сотни украинских социалистов, избранных депутатами, в Петроград приехали только 1 еврейский социалист и 11 украинских эсеров, которые получили наказ не участвовать в голосовании и не брать на себя ответственность за решения, принятые в Таврическом дворце. Украинские депутаты предложили Собранию иной план действий: «созыв краевых учредительных собраний и *конгресса* народов России, долженствующего объединить и завершить работы краевых собраний и в окончательной форме установить условия *союза* российских республик»[756]. Понятно, что *Конгресс народов России* – это конгресс равноправных народов, а *союз* республик – необязательно федеративное государство. В ночь на 9 января Центральная Рада приняла IV Универсал, которым УНР провозглашалась «суверенным государством украинского народа». 27 января делегация УНР подписала сепаратный договор в Бресте, нарушавший интересы России.

Сепаратизм был сильным и в других районах бывшей империи. В Тифлисе уже 11 ноября 1917 г. было принято решение о создании «Независимого правительства Закавказья». В декабре независимость от России провозгласила Литва, заключившая союз с Германией, 5 января латышский и эстонский депутаты, выступая в Таврическом дворце, ясно дали понять, что Латвия и Эстония ждут от России признания их прав на полное самоопределение[757]. В январе Латвия, а в феврале Эстония провозгласили независимость. Сепаратистские силы не собирались защищать права Всероссийского Учредительного собрания. Впрочем, и те, кто на словах поддерживал идею федерации, по-своему трактовали это понятие. Так, 5 января фракция мусульманских социалистов потребовала «санкционирования Учредительным собранием как образовавшихся штатов, так и находящихся в процессе образования, в

---

[756] Всероссийское Учредительное собрание... С. 85–86.

[757] Там же. С. 102–104.

частности штата “Поволжье”, “Южный Урал”, “Туркестанского” штата и др.». Штаты должны были немедленно получить права на «формирование и выделение (из общероссийской армии – *В. К.*) национальных частей»[758].

Отмеченные факты говорили о том, что власть, созданная на базе Конституанты, не имела шансов собрать распадающуюся Империю. Такую задачу могла решить власть Советов, которая действовала на иной основе – классовой солидарности всех эксплуатируемых против всех эксплуататоров. Только такая идеология могла противостоять идеологии буржуазного национал-сепаратизма. Неслучайно III съезд Советов трактовал право народов на самоопределение как *право трудящихся*, а не буржуазии.

Легитимность роспуска. У большевиков был вполне законный повод к роспуску Конституанты – отсутствие кворума. В Учредительное собрание из запланированных 820 *были избраны* не более 767 депутатов. В начале заседания 5 января в зале Таврического дворца, по самым оптимистическим оценкам, присутствовало 410 депутатов[759]. Ранее уже было упомянуто об отказе участвовать в работе Собрания большинства украинских депутатов. Бросалось в глаза отсутствие большинства мусульманских делегатов, получивших 62 мандата. Практически не было депутатов от правых партий и организаций (64 мандата). Кадеты заранее решили не принимать участие в первом дне заседания, требуя освобождение четверых своих депутатов, арестованных большевиками. В такой ситуации вопрос о кворуме стоял остро уже с момента открытия собрания. По признанию секретаря собрания М. Вишняка, при открытии Конституанты у него не было списка депутатов[760]. В первом ключевом голосовании по выборам председателя Конституанты участвовало только 397 депутатов (за Виктора Чернова подано 244 голоса, а за Марию Спиридонову – 153)[761]. Поздно ночью в ключевом голосовании, решавшем судьбу декларации ВЦИК, участвовало 383 депутата: большинством в 237 голосов против 146 было решено не рассматривать декларацию[762]. После этого более сотни большевиков покинули Таврический дворец. Под утро за большевиками ушли три десятка левых эсеров, которые также требовали одобрить декларацию ВЦИК. В зале осталось немногим более 200 депутатов,

---

[758] Всероссийское Учредительное собрание... С. 58.
[759] Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. С. 309.
[760] Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 367.
[761] Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 9.
[762] Там же. С. 64.

которые заведомо не имели права решать вопросы будущего страны. Опыт первого дня говорил, что собрать новое заседание, которое обладало бы даже простым большинством избранных депутатов, было нереальным.

Все эти обстоятельства объясняют тот факт, что в сложившейся ситуации роспуск Учредительного собрания не вызвал массового протеста и не стал причиной Гражданской войны. Показателен и тот факт, что на III Всероссийский съезд Советов прибыла делегация от 46 донских казачьих полков, которая признала власть Советов «настоящей верховной властью»[763].

Комуч. Однако летом 1918 г. гражданская война началась, и ее первый этап получил название «Демократическая контрреволюция», а центром стал Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), образовавшийся в Самаре. Закономерен вопрос: не является ли факт создания Комуча свидетельством отложенного протеста широких масс против роспуска Учредительного собрания и борьбой за восстановления прав Конституанты?

Для ответа на этот вопрос отметим два обстоятельства.

Первое. Комуч возник только на фоне восстания Чехословацкого легиона, части которого в конце мая – начале июня захватили города Поволжья, Урала и Сибири вдоль Транссибирской магистрали. Сразу после начала восстания легионеры приняли решение пробиваться к Владивостоку, но вскоре остановились, а часть из них развернулась и заняла волжский рубеж. Нет сомнений в том, что этот маневр был проведен по приказу Антанты. Чехословаки оказали поддержку всем антибольшевистским силам в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. ВЦИК, получив известие о выступлении легионеров, принял 29 мая 1918 г. декрет «О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную Армию» и объявил мобилизацию пяти возрастов рабочих и крестьян в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, т. е. в зоне действия мятежного корпуса[764]. СНК принимает 13 июня решение о создании Восточного фронта. Первый фронт создали там и тогда, где и когда началась большая война. Следовательно, именно интервенция положила начало гражданской войны.

Второе. О значении интервенции как фактора гражданской войны, говорит расстановка политических сил в Поволжье накануне выступления чехословаков. Он ней ясно рассказал один из лидеров самарских эсеров Прокопий

---

763 Третий Всеросс. съезд Советов рабочих, солдатских и крест. депутатов. С. 82–83.
764 Декреты Советской власти. С. 428–429.

Климушкин: «Никто не верил в возможность свержения большевистской власти, все были убеждены, что она будет царствовать долго. <…> Мы видели, что если в ближайшее время не будет толчка извне, то на переворот надеяться нельзя». Итак, необходимый толчок дали легионеры. И это был не просто толчок. Климушкин честно признает, что после прихода чехов в Самару созданный там КОМУЧ не получил поддержки со стороны населения: «реальная поддержка была ничтожна. … Рабочие нас совершенно не поддержали. И когда мы ехали в Городскую думу для открытия комитета под охраной, к сожалению, не своих штыков, а штыков чехословаков, граждане считали нас чуть ли не безумцами», – говорил Климушкин[765]. Эсеровский КОМУЧ не получил весомой поддержки и со стороны крестьян: в свою «Народную армию» он смог *мобилизовать* только около 23 тыс. крестьян, которые не хотели воевать[766]. Реальной силой КОМУЧа оставались легионеры, а также созданные офицерские дружины, которые рассматривали эсеров как временных союзников и сразу стали оказывать поддержку помещикам Поволжья. Историк В. В. Кондрашин так оценил сложившуюся ситуацию: «За демократическим фасадом Комуча, красивыми словами о свободе крестьяне увидели помещика, жаждавшего вернуть свою землю и жестоко покарать их за самоуправство в 1917 г.»[767].

В свою очередь большевики, несмотря на нежелание крестьян воевать, провели в целом успешную мобилизацию в Красную армию: в 1918 г. только 16,3 % призванных крестьян уклонилось от призыва[768]. Созданной армии было достаточно, чтобы одержать первые победы на Восточном фронте. Уже в сентябре 1918 г. красные отбросили войска КОМУЧа, освободив Казань и Симбирск. В освобожденных районах Поволжья тысячи крестьян вступали в Красную армию добровольцами. Только Самарская губерния в сентябре–октябре дала 10 тыс. добровольцев[769]. Важно отметить и то, что первоначальный состав КОМУЧа насчитывал всего 5 депутатов, максимальный состав был доведен до 53 депутатов.

---

765 См.: Пионтковский С. Гражданская война в России, 1918–1921. М., 1925. С. 214–215.

766 Медведев В. Г. Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998. С. 53, 60.

767 Кондрашин В. В. Самарский Комуч и крестьянство // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000. С. 127.

768 Осипова Т. В. Указ. Соч. С. 282.

769 Там же. С. 258.

Слабость правых социалистов в Поволжье, а также на Урале и в Сибири привела к тому, что уже осенью 1918 г. адмирал А. В. Колчак, опираясь на помощь англичан, совершил переворот. С «демократической контрреволюцией» и лозунгом борьбы в защиту прав Учредительного собрания было покончено. Однако у Колчака было еще меньше шансов повести за собой крестьян. По сути, идеологически большевики войну уже выиграли.

«Антоновщина». В литературе встречается тезис о том, что идея защиты прав Учредительного собрания играла заметную роль в крестьянских восстаниях 1920–1921 гг. Речь идет, прежде всего, о восстании в Тамбовской губернии, где видную роль играли правые эсеры, выдвигавшие этот лозунг. Однако важно отметить, что они сумели поднять на восстание крестьян только трех из 12 уездов Тамбовской губернии. Эти три уезда были обложены наиболее тяжелой продразверсткой за то, что укрывали дезертиров из Красной армии. Дезертиры и составили основную ударную силу антоновских отрядов. Попытка распространить восстание еще на два уезда дала частичные результаты. Большинство крестьянских обществ Тамбовской губернии не пустили повстанцев на свою территорию. На пике восстания в феврале 1921 г. в нем участвовало около 40 тыс. повстанцев, что составляло менее 5 % взрослого мужского населения губернии. Большое число крестьян было втянуто в восстание насильно[770]. Тамбовское и все другие крестьянские восстания носили локальный характер и всегда были связаны с просчетами местной власти, что резко обостряло общую сложную, но терпимую ситуацию.

Принципиальное значение имеет тот факт, что восставшие крестьяне во всех локальных восстаниях не выступали против Советской власти. Они выдвигали лозунг «Советы без коммунистов», отражавший недовольство крестьян продразверсткой. Переход к нэпу устранил эту причину и восстановил союз пролетариата и крестьянства, который лежал в основе власти Советов.

---

[770] «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 11, 13, 494, 653.

ГЛАВА 5. БРЕСТСКИЙ МИР

Заключение Брестского мирного договора между Советской Россией и кайзеровской Германией от 3 марта 1918 г. можно считать ключевым внешнеполитическим решением, принятым Лениным в целях *закрепления* победы пролетарской революции в России. Сам Ленин называл договор «похабным». Однако он спас жизни сотням тысяч русских солдат, прекратив практику их использования Антантой как «пушечного мяса» на полях мировой войны. Весной 1918 г. Германия начала сражение на Западном фронте, в ходе которого обе стороны понесли огромные потери (1,2 млн. убитыми). Договор позволил большевикам удержать власть и приступить к реализации программы перехода к социализму. Через полгода договор был аннулирован.

Историография. В *советской историографии* доминировал взгляд на Брестский мир как на временный компромисс, обусловленный военной слабостью большевиков перед лицом германской военной машины. Эту точку зрения отстаивал Ленин на VII съезде РКП (б)[771] и IV Чрезвычайном съезде Советов, созванном для ратификации договора[772]. Сталин закрепил ее в «Кратком курсе»: «Заключение брестского мира дало партии возможность выиграть время для укрепления Советской власти, … использовать столкновения в лагере империализма … организовать советское хозяйство, создать Красную армию. Заключение мира дало возможность пролетариату сохранить за собой крестьянство и накопить силу для разгрома белогвардейских генералов»[773].

В постсталинский период советские историки воспроизводили эту трактовку в таких авторитетных изданиях, как «Всемирная история»[774], «Советская историческая энциклопедия» и др.[775]. Специальную работу по истории Брестского мира написал А. О. Чубарьян[776]. Слабой стороной всех работ была необъективная оценка действий Троцкого, который якобы нарушил полученные директивы, не подписав мирный договор. Такая оценка сохранялась и

---

771 Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918 г. Стен. отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 12–14.

772 Стен. отчет 4-го чрезвычайного съезда Советов. М.: Госиздат, 1920. С. 20–22.

773 История ВКП (б). Краткий курс. М.: Изд-во ЦК ВКП (б) «Правда», 1938. С. 209.

774 Брестский мир // Всемирная история. Т. 8. М.: Наука, 1961. С. 63–70.

775 Брестский мир // Советская историческая энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 718–722.

776 Чубарьян А. О. Брестский мир. М.: Госполитиздат, 1963.

в книге И. Н. Ксенофонтова, которая подвела черту в развитии советской историографии Брестского мира[777]. На самом деле Троцкий выполнил директиву, принятую ЦК большевиков 11(24) января, одобренную левыми эсерами, хотя и не последовал указанию, а точнее *мнению* Ленина *подписать* мир: Ленин не мог единолично изменить решение ЦК и ВЦИК[778].

В постсоветский период в монархической и в части либеральной историографии стало модным представлять Брестский мир как плату, которую Ленин заплатил за помощь в захвате власти. Однако ни один серьезный ученый эту версию не поддержал. Тем не менее упрощенные оценки договора преобладают даже в солидных изданиях и включают утверждение, что 3 марта большевики подписали договор, в котором якобы соглашались выплатить Германии 6 млрд марок репараций[779]. Согласие Советской России признать независимость Польши, Финляндии, Прибалтики, Украины односторонне оценивается как принятие «грабительских и унизительных» условий[780]. Авторы забывают, что весной 1918 г. желания большинства поляков, финнов и прибалтов быть независимыми от России не подлежали сомнению, а Центральная Рада, победив на выборах в Учредительное собрание, имела право говорить от имени украинского народа. В договоре от 3 марта было одно унизительное условие – требование односторонней демобилизации русской армии. Впрочем, ряд современных авторов разделяют трактовку советских историков, лишенную такой односторонности в оценке Брестского мира[781]. Отметим верность своей позиции, проявленную академиком А. О. Чубарьяном: «армия была абсолютно не готова вести войну и, самое главное, не хотела это делать. <…> единственная реальная альтернатива состояла в прекращении войны»[782].

Важнейший фактор. Академик Чубарьян справедливо выделил тот важнейший фактор, о котором нельзя забывать при трактовке Брестского мира: русский солдат не хотел продолжать войну. После свержения самодержавия он получил возможность поразмышлять по поводу целей войны и не

---

[777] Ксенофонтов И. Н. Мир, которого хотели и который ненавидели. М.: Политиздат, 1991. С. 257–259, 268.

[778] Ленин В. И. Седьмой экстренный съезд РКП (б) // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 30.

[779] Революция и гражданская война в России. Энциклопедия в 4 томах. Т.1. М.: Терра, 2008. С. 202; Россия в годы Первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2014. С. 949.

[780] Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012. С. 52.

[781] Бутаков Я. А. Брестский мир. М.: Вече, 2012.

[782] Чубарьян А. О. «Похабный мир» // Историк. 2018. № 3. С. 54–58.

нашел в них своего интереса. Характерно донесение от 29 марта 1917 г. генерала А. М. Драгомирова, командующего 5-й армией Северного фронта: «Общее настроение в армии делается с каждым днем все напряженнее, ... солдаты крайне неохотно отзываются на каждый приказ идти в окопы, а на какие-либо боевые предприятия ... нет никакой возможности заставить кого-либо выйти из окопов»[783]. Отражая антивоенные настроения рабочих и солдат эсеро-меньшевистские лидеры Петросовета 14 марта, т. е. задолго до приезда Ленина, приняли Манифест «К народам всего мира» с призывом «начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран»[784]. Призыв превратился в лозунг «*мир без аннексий и контрибуции*». В революционной России любое правительство, которое не хотело такого мира, было обречено на свержение.

Вернувшийся в апреле Ленин отнюдь не хотел сепаратного мира. Он хотел революционной войны, рассчитывая подтолкнуть революцию в Германии, которая проигрывала мировую войну, находясь в условиях «гениально организованного голода»[785]. Технический потенциал Германии, помноженный на людские и природные ресурсы России, позволял русским и германским рабочим строить социализм, который, как писал Ленин в 1916 г., «победит первоначально в одной или нескольких странах»[786]. Вся «прогерманская» ориентация Ленина состояла только в этом.

Нежелание воевать русские солдаты продемонстрировали массовым отказом идти в наступление в июне 1917 г. На заседании фронтовой комиссии ЦИК 12 июля представитель XII армии Н. Н. Накоряков докладывал, что в окопах преобладала «жажда какого угодно мира», а «наступление воспринималось, как массовое убийство, затеянное в угоду Англии»[787]. И в этом была своя правда: французские и английские войска весной 1917 г. лишь продемонстрировали попытку наступления на Западном фронте и остановились, предоставляя русским в очередной раз взять все тяготы на себя. На этот раз не получилось. Августовская попытка генерала Корнилова установить военную диктатуру и под страхом смертной казни заставить солдат продолжать войну провалилась. Корниловский мятеж окончательно отделил солдат от

---

783 Революционное движение в русской армии в 1917 г.: сб. докл. М.: Наука, 1968 С. 44.
784 Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 марта.
785 Ленин В. И. Письма из далека // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 21.
786 Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции // Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133.
787 Пролетарская революция. 1926. № 6. С. 53.

офицеров-сторонников войны. Требование мира сопровождалось массовым дезертирством[788], а главное – отказом от ведения боевых действий.

Продолжать войну было сложно и по экономическим причинам. Держатели товарного хлеба не желали поставлять его за обесценившиеся деньги, а коллапс транспорта не позволял перевезти даже то, что было заготовлено. Эти проблемы не смогли решить ни царское правительство, ни Временное. Вот оценка ситуации, которую дал министр А. И. Шингарев в мае 1917 г.: «Никаких хлебных запасов в распоряжении государства не осталось. Жутко сказать и страшно вспомнить, что в начале марта были минуты, когда оставалось хлеба на несколько дней в Петрограде и Москве, и были участки фронта с сотнями тысяч солдат, где запасы хлеба оставались лишь на полдня»[789]. Весной 1917 г. хлеба было мало в столицах и на фронте, хотя формально в 1916/17 сельскохозяйственном году (с 1 августа 1916 г. по 1 августа 1917 г.) по всей империи государством было заготовлено примерно 8,3 млн т хлеба, а в великорусских губерниях около 5,2 млн т.[790]. Этот хлеб лишь частично доходил до потребителей. С 1 августа 1917 г. Временное правительство, подняв в 2 раза закупочные цены, смогло заготовить часть хлеба нового урожая. К концу года галопирующая инфляция устранила эффект повышения закупочных цен, и крестьянин перестал продавать хлеб за бумажные деньги. Большевики пришли к власти в ситуации, когда кормить армию было нечем. Нечем было кормить и промышленные центры. При захвате Зимнего на столе у Керенского была найдена записка: «Хлеба на 1/2 суток!?»[791]. После Октябрьской революции перед большевиками не стоял вопрос «можно ли продолжать войну?». Им предстояло найти ответ на другой – как выйти из нее с наименьшими потерями?

Стратегическая ситуация. К лету 1918 г. на Западном фронте должны были появиться около полумиллиона солдат США, вступивших в войну на стороне Антанты. Германия стояла перед выбором:

1) срочно заключить мир на восточном фронте и перебросить войска на запад так, чтобы успеть до лета нанести сокрушительный удар Франции;

---

[788] Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. Париж, 1939. С. 192.

[789] Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 205.

[790] Статистический справочник за 1928 год. М., 1928. С. 702.

[791] Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. М., 1963. Т. 3. С. 184.

2) пойти на соглашение с Антантой и компенсировать уступки на западе приобретениями территорий развалившейся Российской империи.

Мир с Россией для Германии был более привлекательным по ряду причин. Во-первых, немцы верили в возможность быстрой победы на западном фронте, ибо в 1914 г. только действия русских войск спасли Париж. Во-вторых, сепаратный мир с Россией не исключал возможности получить что-то из ее бывших имперских владений (кайзер хотел получить западные районы Царства Польского, а также Литву и Курляндию в качестве зависимых государств).

В-третьих, соглашение с Антантой упиралось в проблему Эльзаса и Лотарингии. Франция начала войну, чтобы вернуть эти земли, а Берлин был не согласен на это в ситуации, когда германские войска стояли на французской территории, а не наоборот. Отметим, что кайзер не раз предлагал царю заключить сепаратный мир, но никогда не предлагал этого Франции.

В свою очередь Ленин боялся сговора Запада против Советской России и стремился к соглашению с Германией. Декрет о мире, принятый 26 октября 1917 г., был направлен на решение двух задач: 1) активизировать революционное движение в Европе; 2) показать Германии готовность начать переговоры. Как и ожидалось, Антанта проигнорировала предложение СНК от 8 ноября начать всеобщие переговоры о мире, а Германия 14 ноября согласилась. И уже 15 ноября Ленин заявил Западу о возможности сепаратного мира. В обращении СНК к правительствам и народам воющихся стран говорилось: «Если буржуазия союзных стран вынудит нас заключить сепаратный мир, ответственность падет целиком на нее»[792]. Второго декабря в Брест-Литовске было заключено перемирие, а 9-го начались переговоры о мире.

Первые условия мира. В ответ на декларацию советской делегации представители Четверного союза 12 (25) декабря заявили, что «согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и без контрибуций». Более того – согласны следовать этим принципам и в сепаратных переговорах с Россией[793]. Берлин считал, что такое согласие не помешает получить искомые призы. Первая статья германского проекта договора, представленного 15 (28) декабря, гласила, что немцы готовы *после* заключения мира и демобилизации русской армии «очистить теперешние по-

---

[792] Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1959. С. 30.

[793] Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22 (9) декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Т. 1. М.: НКИД, 1920. С. 9–10.

зиции и занятые русские области, поскольку это не будет противоречить ст. 2-й». Вторая статья требовала от Петрограда «принять к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстляндии и Лифляндии, об их стремлении к полной государственной самостоятельности и к выделению из Российской Федерации»[794]. Иными словами, Берлин решил использовать «Декларацию прав народов России», провозглашенную СНК 2 (15) ноября и признававшую право на самоопределение для всех народов Российской империи[795]. При этом Германия хотела получить право остаться на оккупированных ею территориях в Польше и Прибалтике либо путем договоренности с созданными там прогерманскими правительствами, либо под предлогом необходимости «поддерживать порядок» до референдумов о самоопределении, проведения которых в Прибалтике требовала советская делегация.

Германские условия предполагали отказ Советской России от тех частей бывшей империи, большинство населения которых (прежде всего Польши и Литвы) действительно стремилось к выходу из нее. Отметим, что по этим условиям Украина рассматривалась как территория России, и немцы были готовы вернуть России оккупированную ими часть Волыни и Брест-Литовск, признавая их русской территорией. Берлин требовал демобилизации русской армии, но этот шаг большевики должны были сделать в любом случае, поскольку не могли удержать солдат в окопах. Демобилизация старших возрастов уже шла. Такой мир позволял большевикам сохранить все вооружение и военное имущество, сосредоточенное в прифронтовой зоне.

Ленин был готов принять эти условия[796], считая приоритетными интересы русской революции: «Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач нашей Советской власти»[797]. Успех революции в России, по мнению Ленина, играл важнейшую роль в развитии революции в Европе.

Однако нарком иностранных дел Троцкий и левое крыло в ЦК (Бухарин) полагали, что сепаратный мир затормозит революцию в Германии. Позицию

---

[794] Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. М.: Политиздат, 1968. С. 157–158.

[795] Декреты Советской власти. Т. I. С. 39–41.

[796] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243–252; Седьмой съезд [РКП(б)]. Март 1918 г. М.–Л., 1928, С. 261.

[797] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243.

Ленина видный большевик М. С. Урицкий оценил как отход от интернационализма: «У Ленина точка зрения … *национальная*, у нас – интернациональная»[798]. Восьмого (21) января 1918 г. на собрании руководителей партии за подписание мира (Ленин) голосовали 15 чел., за прекращение войны без заключения мира (Троцкий) – 16 чел., за ведение революционной войны (Бухарин) – 32 чел. На ключевом заседании ЦК 11(24) января Бухарин говорил: «Пусть немцы нас побьют, пусть продвинутся еще на сто верст, мы заинтересованы в том, как это отразится на международном движении». Оппоков [Ломов] откровенно объяснил, как именно это отразится: «Наше задушение может поднять революцию на Западе». Ленин признал *принципиальный* приоритет германской революции, но сделал акцент на *конкретной* ситуации: «Если мы верим в то, что германское движение может развиться немедленно в случае перерыва мирных переговоров, то мы должны *пожертвовать* собою, ибо германская революция по силе будет гораздо выше нашей. Но суть в том, что там движение еще не началось, а у нас оно уже имеет новорожденного и громкокричащего ребенка и, если мы в настоящий момент не скажем ясно, что мы согласны на мир, то мы погибнем». Ленина поддержал Сталин: «Революционного движения на Западе нет, … а есть только потенция»[799].

Ленин указал и на настроение крестьянства: «Сейчас мы опираемся не только на пролетариат, но и на беднейшее крестьянство, которое отойдет от нас при продолжении войны». Он имел основание так говорить: 378 из 422 делегатов III съезда Советов крестьянских депутатов на вопрос о мире высказались за его заключение. За продолжение войны высказались только 5 делегатов[800]. После долгих споров ЦК решил затягивать переговоры, но при предъявлении немцами ультиматума использовать формулу Троцкого: «Мы войну прекращаем, мира не заключаем, армию демобилизуем» (за – 9, против – 7)[801]. Троцкий так пояснял смысл своей позиции: довести переговоры до разрыва, чтобы капитулировать, «если вообще придется, уже перед очевидным применением силы»[802]. Троцкого поддержал ЦК левых эсеров: «Мы, левые эсеры, – говорил М. А. Натансон, – вместе с частью большевиков,

---

[798] В. И. Ленин. Неизвестные документы (1891–1922). М.: РОССРЭН, 2000. С. 223.
[799] Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 – февраль 1918. М.: Госиздат, 1929. С. 200–205.
[800] Триумфальное шествие Советской власти: в 2 ч. М.: АН СССР, 1963. Ч. 2. С. 371.
[801] Протоколы ЦК РСДРП(б). С. 207.
[802] Троцкий Л. Моя жизнь, Ч. II, Берлин, 1930. С. 110–111.

Троцким и другими дали мандат нашим представителям в Бресте: тяните и в крайнем случае *не подписывайте*, но не объявляйте войны»[803].

III Всероссийский съезд Советов одобрил действия правительства и дал ему полномочия на ведение переговоров о мире на «основах программы Русской революции»[804]. Попытки сорвать переговоры на съезде провалились: резолюция меньшевиков получила 15 голосов, а резолюция эсеров – 10[805].

Фактор Украины. Отказ Петрограда сразу заключить мир создал для Берлина возможность использовать фактор, который вначале германскими дипломатами исключался. В Брест приехала делегация Центральной Рады, которая 11(24) января объявила о независимости Украины. Утром 9 февраля[806] она подписала сепаратный мир с Германией. Троцкий не мог отрицать законности договора, подписанного Радой, и не мог его признать, зная, что авторитет Рады в народе упал, и в эти дни войска правительства Советской Украины, наступавшие из Харькова, вели успешные бои за Киев. Однако Берлин требовал признания договора с Радой и ужесточил свою позицию.

В день подписания договора с Радой кайзер Вильгельм II прислал в Брест срочную телеграмму: «Троцкий должен до 8 час. вечера завтрашнего дня, 10-го ... подписать без проволочек мир на наших условиях с немедленным отказом от Прибалтики до линии Нарва – Псков – Двинск без права на самоопределение и т. д., с признанием возмещения ущерба всем пострадавшим в Прибалтике. В случае отказа или попыток затяжки ... в 8 час. вечера 10-го прерываются переговоры, прекращается перемирие; войска Восточного фронта выдвигаются в этом случае на предписанную линию. Вильгельм, император и король»[807]. Глава германской делегации фон Кюльман на переговорах в этот день дал Троцкому понять, что пора подводить итоги. Вечером 9 февраля Троцкий сообщил в Смольный: «Сегодня Кюльман и Чернин подвели итоги всем происходившим до сего времени прениям и предложили завтра окончательно решить основной вопрос»[808]. Троцкий явно считал, что 9 фев-

---

[803] Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 217.

[804] Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С. 92–93.

[805] Дело народное. 1918. 17 янв.

[806] Здесь и далее даты даны по новому стилю, введенному СНК с 1 февраля.

[807] Советско-германские отношения, Т. 1. С. 312.

[808] Чубарьян А. О. Брестский мир. М.: Наука, 1964. С. 141.

раля ему был предъявлен неформальный ультиматум, который завтра превратится в формальный[809]. Однако события пошли по-иному сценарию.

Утром 10 февраля глава германской делегация фон Кюльман, угрожая отставкой, просил кайзера отменить указание, содержавшее новые жесткие условия мира (захват всей Прибалтики), и получил согласие «подождать исхода сегодняшних переговоров»[810]. Не зная об этом, Троцкий решил опередить предъявление формального ультиматума эффектным жестом. За час до 8 часов вечера Троцкий сделал заявление и передал Кюльману заранее заготовленный и подписанный всей советской делегацией текст заявление: «отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту»[811]. На следующий день фон Гинденбург так оценил мотивы решения: «Троцкий не признал правомерность мирного договора с Украиной»[812]. Так оно и было: признание договора Центральной Рады с Германией означало признание потери Украины.

Договор от 3 марта. Троцкий покинул Брест, полагая, что немцы не будут наступать. Он ошибся. 18 февраля германские войска начали наступление. Русские войска без боя уходили с нерусских территорий Российской империи, а дальше сопротивление нарастало: Псков три раза переходил из рук в руки. К 24 февраля немцы вышли на линию Псков – Нарва и остановились, боясь продвижением к Петрограду спровоцировать войну, но продолжали продвигаться в Белоруссии вплоть до 5 марта, захватив Могилев.

В этой ситуации Ленин с большим трудом под угрозой ухода из ЦК и СНК добился согласия ЦК на заключение мира. «Левые коммунисты» говорили о готовности пожертвовать революцией в России ради революции в Германии. Ленин назвал такую позицию «странной и чудовищной» и заявил, что «интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, помогала этой революции, *но форму помо-*

---

809 Протоколы ЦК РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. С. 235.
810 Советско-германские отношения», Т. 1. С. 313–316.
811 Мирные переговоры в Брест-Литовске. С. 207–208.
812 Там же. С. 318.

щи избирала соответственно своим силам»[813]. Вечером 18-го ЦК семью голосами против шести высказался за немедленное заключение мира[814].

19 февраля СНК радиограммой известил Берлин о готовности принять условия мира. 21 февраля Берлин прислал новые условия, и 23 февраля на заседании ЦК за принятие германских условий голосовали 7 (Ленин, Стасова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга); против – 4 (Бубнов, Урицкий, Бухарин, Ломов); воздержались – 4 (Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Иоффе)[815]. После этого условия мира принял ВЦИК.

Формально договор отвечал принципам «мир без аннексий и контрибуций». Германия юридически не присоединила ни пяди земли бывшей Российской империи, и обе стороны «взаимно отказывались от возмещения своих военных расходов» и «военных убытков». Россия отказывалась от «верховной власти» и всяких прав на Польшу, Литву, Курляндию, должна была признать суверенитет Украины под властью Рады, вывести войска из Украины и Финляндии, а также из Ардагана, Карса и Батума. После демобилизации русской армии и заключения общего мира Германия обязывалась вывести войска из захваченной части Белоруссии, а также Лифляндии и Эстляндии – после того как там будет «установлен государственный порядок». Предусматривались торговые льготы, выплаты по довоенным обязательствам, а также права граждан на компенсацию невоенных убытков[816].

Третьего марта большевики подписали мир. Пятого марта СНК обратился к правительству США с запросом, какую реальную помощь может оказать Антанта в случае отказа России от ратификации договора. Президент Вильсон 13 марта ответил, что в настоящий момент не может оказать «непосредственную и деятельную поддержку»[817]. Шестого марта Ленин получил итоги опросов местных Советов и земельных комитетов: за мир – 262; за войну – 233[818]. Седьмого марта в ходе острых дебатов на VII экстренном съезде РКП(б) Ленин так выразил свою позицию: «Я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть, и только

---

[813] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 400, 403.
[814] Протоколы ЦК РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. С. 238.
[815] Там же. С. 252.
[816] Документы внешней политики СССР. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1959. С. 119–135, 173.
[817] Там же. С. 208–209, 212.
[818] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М.: Политиздат, 1974. С. 298.

в этом. Все остальное – только разговоры»[819]. Съезд поддержал позицию вождя. За его резолюцию голосовало 30, против – 12, воздержалось – 4 делегата[820]. Договор был ратифицирован IV Чрезвычайным съездом Советов. Из 1198 делегатов, участвовавших в голосовании, 704 высказались за ратификацию, против – 285, воздержалось – 115, не приняли участия – 94[821].

СНК с первого дня нарушал условия мира, помогая советским войскам на Украине сражаться с 21 германской и 18 австрийскими дивизиями. Силы были неравными, и советские войска и 200 тыс. рабочих Донбасса с семьями отступили в Россию. Последним 30 апреля вышел луганский отряд К. Ворошилова, отправившийся защищать Царицын.

Летом 1918 г. Германия не препятствовала созданию Красной Армии для борьбы с интервенцией Антанты и оказывала помощь. Она была предусмотрена августовскими соглашениями. Их важно рассмотреть, чтобы опровергнуть миф о «контрибуции», якобы выплаченной Лениным по Брестскому мирному договору от 3 марта.

«Контрибуция». Декретом от 28 июня 1918 г. Ленин национализировал все акционерные предприятия России с участием иностранного капитала, включая германский. Ранее были аннулированы все внешние долги. Берлин потребовал компенсации: *компенсации,* а не *контрибуции*. Ситуация обострилась в связи с убийством левыми эсерами 6 июля германского посла графа Мирбаха. Военная партия в Берлине требовала похода на Петроград и Москву. В начале августа британские интервенты захватили Архангельск и Баку, белочехи и отряды Комуча захватили Казань, донские казаки Краснова вышли к Волге севернее Царицына.

В такой обстановке 27 августа в Берлине были подписаны «Добавочный договор», финансовое и частно-правовое соглашения. Россия обязывалась выплатить Германии 6 млрд марок (из них 1 млрд должны были выплатить Украина и Финляндия). Цифра представляла собой «компенсацию по всем долгам с учетом взаимных требований», включая национализированную промышленность и т.п.[822]. Выплаты должны были производиться облигациями нового займа (на 2,5 млрд), товарами (на 1 млрд), банкнотами царского и

---

819 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 27.

820 Седьмой экстренный съезд РКП (б). Март 1918 г.: стен. отчет. С. 175.

821 Правда. 1918. 17 марта.

822 Петров Ю. А. Финансовый итог войны: Берлинское соглашение августа 1918 г. // Россия в годы Первой мировой войны М.: РОССПЭН, 2014. С. 949–953.

Временного правительств (0,545 млрд – предназначались в основном для оплаты Германией поставок с Украины), золотом (245,5 тонн или 0,9 млрд марок)[823]. Москва представила эту акцию как контрибуцию, чтобы не создавать прецедента, на основе которого другие государства могли требовать свою долю компенсации за национализированную собственность и долги.

В ответ на согласие СНК «отступиться от верховной власти» в Эстляндии и Курляндии Берлин гарантировал право России на «свободные гавани» в Ревеле, Риге, Виндаве, очищение территории Белоруссии, которая рассматривалась как часть России, отказывался от поддержки всех антибольшевистских правительств, включая донского атамана Краснова и руководителя Добровольческой армии генерала М. В. Алексеева. В обмен на поставки бакинской нефти Германия гарантировала поставки угля из Украины и Германии, марганцевой руды из Грузии[824]. Секретные ноты предусматривали возможность использования германских войск для изгнания англичан из Мурманска и Баку, гарантировали безопасность Петрограда, защиту Баку от турок, предоставление России части Донецкого бассейна, «соответствующей ее экономическим потребностям» и др.[825]. Отслеживая ситуацию на Западном фронте, Москва тянула с выполнением этих соглашений. Тем не менее в сентябре СНК передал Берлину двумя партиями 93,5 т золота и банкноты на 203 млн, что позволило получить от немцев уголь и часть оружия, захваченного весной в прифронтовой зоне. Это помогло отбросить армию Комуча и белочехов за Урал. В конце октября Москва заявила о приостановке всех выплат из-за нарушений условий договора со стороны Германии[826], и 31 октября третья партия золота не была доставлена в Оршу.

После начала ноябрьской революция 1918 г. СНК аннулировал весь комплекс соглашений с Германией. В апреле 1922 г. Берлин признал сентябрьские платежи (несмотря на их конфискацию у побежденной Германии Францией) достаточными, чтобы подписать Рапалльский договор с РСФСР о полном признании, отказе от всех претензий и начале взаимовыгодного со-

---

823 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 445–447, 464–465.

824 Там же. С. 437–445.

825 См. тексты секретных нот в публикации: Ватлин А. Ю., Ланник Л. В. Тайные ноты к Добавочному советско-германскому договору 27 августа 1918 года // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 220–230.

826 Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 543–544.

трудничества[827]. В период индустриализации большую часть оборудования СССР получал из Германии, в том числе и в кредит. Рапалльский договор стал прецедентом для соглашений с Англией и Францией. Советская Россия скинула с себя удавку внешнего долга, который ставил ее в зависимость от Запада. Так Ленин превратил «похабный» Брестский мир в инструмент промышленного возрождения России.

Подводя итоги сказанному, особо отметим следующие моменты:

1. Борьба Ленина с «левыми коммунистами» ясно показывает, что Октябрьская революция была для него прежде всего инструментом для решения национальных задач России, а не развязывания мировой революции.

2. Ленин исключил возможность сговора Антанты и Германии за счет России и лишил Запад возможности организовать серьезную интервенцию.

3. Позиции Ленина в период переговоров в Бресте определялись не только военной слабостью России, но и провозглашенным большевиками правом наций на самоопределение и трезвым взглядом на вопрос о том, какие народы захотят быть вместе с русским народом после распада империи.

Обычно критики Брестского мира обвиняют большевиков в том, что они отдали немцам огромные территории «исторически сложившегося» Российского государства. Предлагаем проделать такие умственные операции: 1) вычленить из этих территорий все, что приходится на долю Польши, Финляндии, Прибалтики и даже Украины, хотя о ней разговор особый, памятуя о том, что народы и правящие круги этих стран хотели быть независимыми от России; 2) сравнить территорию, отданную Лениным в условиях весны 1918 г., с территорией, которую в декабре 1991 г. Б. Н. Ельцин, президент ядерной сверхдержавы с огромным научным и промышленным потенциалом, отдал Западу, исходя из того же принципа признания права каждой нации на суверенитет. Ленин, находясь в тяжелейших условиях, отдал в три раза меньше, чем Ельцин, если очень грубо оценивать совокупные потери территории, населения, экономического и природного потенциала. О том, насколько были исторически оправданы решения Ленина и Ельцина, позволяет судить опыт истории, кратно суммированный в небольшом материале, приведенном ниже.

[827] Советско-германские отношения. Т. 2. С. 479–481.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИСТОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ОКТЯБРЯ

В истории Русской революции самым важным является ответ на вопрос об *исторической необходимости* Октября, т. е. необходимости стратегического курса на борьбу за переход к социализму в отсталой крестьянской России, который был принят и осуществлен большевиками под руководством Ленина. Иными словами, это вопрос о том, надо или не надо было делать Октябрьскую революцию, и были ли другие, более оптимальные, пути развития России в условиях XX века. Масштаб проблемы настолько велик, что она требует специального рассмотрения. Однако любую книгу по истории Русской революции нельзя закончить без хотя бы краткого анализа проблемы исторической необходимости Октября.

И этот анализ нельзя делать без учета той геополитической ситуации, которая сложилась для России в XX в. Отметим, что большевики пришли к власти в условиях, когда Россия проигрывала мировую войну Германии не только в военно-техническом, но и в социально-политическом отношениях, не сумев сохранить социальную стабильность российского общества. Причины поражения крылись в неспособности царского правительства сократить опасное отставание от других держав и, прежде всего, от Германии в предвоенные годы. Германия также проиграла эту войну, оказавшись перед лицом более мощного блока, включившего США. Итоги первой мировой войны неизбежно вели ко второй. В 1919 г. французский маршал Ф. Фош, прочитав Версальский мирный договор, назвал срок ее начала: через 20 лет. Эти 20 лет и были временем, отпущенным России для сокращения опасного отставания.

Из всех политиков России эпохи Русской революции именно Ленин, опираясь на анализ особенностей эпохи империализма, наиболее остро осознавал *сверхзадачу* этой революции и четко сформулировал ее в знаменитой сентябрьской формуле: «либо *погибнуть*, либо *догнать* передовые страны и перегнать их также и экономически»[828]. Отметим, что эта формула подразумевала, что большевики будут строить социализм в условиях капиталистического окружения. Такая постановка вопроса еще раз показывает реальное отношение Ленина к проблеме мировой революции. Мировую революцию Ленин рассматривал как фактор, который может проявить себя как в максимальной форме (победа общеевропейской революции), так и в минимальной, которая позволяла советской России выжить в условиях враждебного окру-

[828] Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198.

жения. На практике реализовалась минимальная форма: революции в Германии и Австро-Венгрии и революционная ситуация в других странах Европы не позволили Западу задавить революцию в России и дали большевикам возможность строить социализм.

В социализме Ленин видел инструмент ускорения: строй, который позволял сконцентрировать в руках государства основные средства производства и развивать их по плану на основе социального единства общества, свободного от эксплуататоров. Конкретный опыт истории доказал правоту Ленина: в отличие от российского капитализма российский социализм позволил обеспечить социально-политическую стабильность общества, а также энтузиазм большой части населения в эпоху индустриального рывка. Советский строй оказался способным решить еще одну важнейшую задачу – сохранить единое экономическое пространство Российской империи, все части которого в начале XX в. не были взаимозаменяемы. Более 90 % угля и 70 % металла давал юг Украины (Донбасс – Кривой Рог), почти вся нефть добывалась в Баку, хлопок – в Средней Азии и т. п. Империя начала распадаться сразу после падения самодержавия, что наглядно показали Финляндия и Украина. Попытка российской буржуазии собрать империю под лозунгом «Единая и неделимая» потерпела крах в ходе гражданской войны. Большевики решили эту задачу в рамках идеологии классовой солидарности всех трудящихся в борьбе против всех эксплуататоров. За две с половиной предвоенные пятилетки народы бывшей империи, объединенные в союз равноправных республик, своим самоотверженным трудом полностью обновили и кратно увеличили промышленную базу страны. Историческая Россия в форме СССР впервые в своей многовековой истории резко, в 3–4 раза сократила отставание от ведущих стран Запада по основным социально-экономическим показателям. Так была создана база для победы над фашизмом в годы Второй мировой войны.

Эта победа раскрыла историческое значение Октября как революции против отсталости, обеспечившей независимость и само существование России в XX в. Следует отметить, что целый ряд авторитетных западных историков и историков-эмигрантов, осознав причины победы СССР во второй мировой войне, признали это значение Октября.

Так, в 1944 г. историк-эмигрант Дж. Вернадский издал в США новую редакцию своей «Истории России», в которой писал: «Когда первое издание этой книги появилось в 1929 г., можно было лишь едва различить начало новой эры в России, но никто в то время не мог правильно оценить ее новые

тенденции. Никто не предвидел полного значения перемены ... Только сейчас, после того, как Россия выдержала почти трехлетнее ужасное испытание огнем и кровью, мы подошли к какому-то пониманию ее реальной силы»[829].

Известный британский историк Э. Х. Карр, автор фундаментального труда «Большевистская революция», сделал вывод о том, что «политика Ленина была единственно практически возможной в конкретных условиях России того времени»[830].

Американский историк Т. фон Лауэ в 1963 г. издал принципиальную книгу «Почему Ленин? Почему Сталин? Переоценка русской революции», в которой подробно обосновал тезис об Октябре как единственно возможном способе обеспечить коренные национальные интересы России в геополитической ситуации XX века[831].

Все эти оценки явились той или иной формой принятия их авторами тезиса об исторической необходимости Октябрьской революции. Отметим, что аргументы, приведенные Карром и Лауэ, не смог опровергнуть ни один из западных историков. В условиях «холодной войны» их работы были просто отодвинуты на второй план. И сегодня на них ссылаются, но суть позиции и систему аргументов оставляют в стороне, не рискуя вступать в прямой спор.

Победа над фашизмом выявила роль СССР как носителя социального прогресса на мировой арене, а превращение СССР в послевоенном мире в одну из двух сверхдержав обеспечило крах мировой системы колониализма. Успехи СССР привели к реформированию капитализма в странах Запада: чтобы избежать социалистической революции, буржуазия пошла по пути создания «социальных государств», которые перераспределяли часть капиталистической прибыли в интересах простого народа. В условиях XX века именно Октябрь обеспечил общественный прогресс в мировом масштабе.

Сказанное не означает отрицания огромной цены, заплаченной советским народом за достигнутые результаты. Основные причины трудностей лежали в низком исходном уровне, с которого началось социалистическое строительство. Однако цена не должна заслонять результаты. Наиболее представительным показателем, который объективно характеризует степень социально-экономического развития любой страны, является индекс развития че-

---

829 Vernadsky G. A History of Russia. New Haven, 1944. P. V.

830 Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917-1923. New York, Vol. I. P. 100.

831 Laue T. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian revolution. 1900-1950. New York, 1964.

ловеческого потенциала, вычисляемый экспертами ООН в рамках специальной Программы развития (ПРООН). Этот индекс ежегодно составляется как совокупный результат учета трех факторов: душевой ВВП, уровень образования, продолжительность жизни. За период 1913–1990 гг. этот индекс вырос в России в 4,5 раза, в Великобритании – в 2 раза, в США – в 2,3. В 1980-е гг. по индексу человеческого потенциала СССР уверенно входил в третью десятку стран мира (26–29 места).

В середине 1980-х гг. СССР подошел к необходимости реформирования прежней модели социализма. Однако избранные стратегия и тактика реформ привели к утрате социалистического пути развития и распаду единого союзного государства в 1991 г. Отказ от социализма привел к таким результатам. По индексу развития человеческого потенциала Россия в эпоху Ельцина переместилась с 27 места на 71 (по докладу ПРООН 1999 г.). Затем на фоне высоких мировых цен на энергоносители РФ улучшила свои позиции: в 2013 г. наша страна занимала 57-е место, в 2015 г. – 49-е, что стало лучшим показателем постсоветских лет[832]. В доковидном 2019 г. РФ заняла 52 место (по докладу ПРООН 2020 г.)[833].

За тридцать лет постсоветского развития по реальному объему промышленного и сельскохозяйственного производства Россия все еще не превзошла показатели РСФСР 1990 г. Все эти годы страна жила за счет советского научного и экономического потенциала, а в геополитическом плане существует как независимое государство только благодаря ракетно-ядерному щиту, созданному в СССР.

Сегодня историки могут сравнить результаты развития России в рамках трех социально-экономических моделей, которые составляли суть царской, советской и постсоветской эпох отечественной истории. Эти результаты дают ответ на вопрос об исторической необходимости и потенциале Октября.

---

[832] Human Development Report. Overview 2016. UNDP. New York, 2016. P. 22.

[833] Human Development Report. Overview 2020. UNDP. New York, 2020. P. 23.

Научное издание

Калашников Владимир Валерьянович

Русская революция: ключевые решения.
История и историография.

Редактор О. Р. Крумина

Компьютерная верстка Е. С. Николаевой

Подписано в печать 27.12.21. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman». Печ. л. 20,0.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–50 экз.) Заказ 206.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5